

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(Горбачев-фонд)

**XX съезд и доклад Н. С. Хрущева
«О культе личности» в российской истории:
к 50-летию XX съезда КПСС**

**От Фултона до Мальты:
как началась и закончилась холодная война**

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МОСКВА 2006

**Международный фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)**

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**XX съезд и доклад Н.С. Хрущева
«О культе личности» в российской истории:
к 50-летию XX съезда КПСС**

**От Фултона до Мальты:
как началась и закончилась холодная война**

Москва, 2006

УДК 94(47+57)

Г 67

Горбачевские чтения. Вып. 4.: XX съезд и доклад Н.С. Хрущева «о культе личности» в российской истории: к 50-летию XX съезда КПСС. От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война / Междунар. фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачев — Фонд). — М.: Горбачев-Фонд, 2006. — С. 336.

*Под редакцией О.М. Здравомысловой
Компьютерный набор И.Г. Вагина, О.Е. Котова
Перевод с английского Т.М. Жуковой
Перевод с немецкого С.Л. Виноградова*

ISBN 5-86493-138-1

© Горбачев-Фонд, 2006.

© Оформление. Эслан, 2006.

Сдано в набор 27.10.2006. Подписано к печати 15.11.2006.

Формат 60х90/16. Объем 21 п.л. Тираж 700 экз.

Международный фонд социально-экономических и политических исследований (Горбачев-Фонд)

Отпечатано в ООО «Связь-Принт»

От редактора

В четвертом выпуске «Горбачевских чтений» опубликованы материалы двух конференций, которые прошли в Горбачев-Фонде в 2006 г.

Конференция «XX съезд и доклад Н.С. Хрущева «о культуре личности» в российской истории: к 50-летию XX съезда КПСС» состоялась 15 февраля, когда отмечался юбилей съезда, публиковались новые архивные материалы, воспоминания, звучали порой полярно противоположные оценки поступка Н.С. Хрущева — его доклада съезду. Об уроках XX съезда, о личности и политике Н.С. Хрущева, его ошибках и прозрениях, о сталинизме — родовой травме нашей истории в XX веке и мучительном процессе ее изживания, о феномене неосталинизма и поколении шестидесятников спорили на конференции, организованной Горбачев-Фондом совместно с журналом «Знамя», историки, политологи, социологи, литераторы.

Международная конференция «От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война» состоялась 1 марта. Открывая конференцию, М.С. Горбачев определил ее жанр как историческое исследование и размышление по поводу одной из самых драматичных и противоречивых эпох в истории XX столетия. Победа над фашизмом дала человечеству надежду на установление свободных от войн и насилия отношений между странами и гражданами, на развитие демократии во внутренней жизни государств. Однако уже в марте 1946 г. в знаменитой Фултонской речи У. Черчилль предупредил об опасности новой мировой войны и обосновал необходимость превосходства западных стран в военной силе. Вскоре началась холодная война, в результате которой народы и государства, воевавшие против общего врага, оказались по разные стороны баррикады, а перед человечеством возникла реальная угроза уничтожения. За годы исследовательской работы были выявлены и проанализированы многие аспекты холодной войны. Новое понимание ее причин и следствий было достигнуто, когда началось изучение процессов конца 80-ых годов, благодаря которым стало возможным мирное окончание холодной войны. Сегодня, когда человечество столкнулось с угрозой глобальных конфликтов, вновь возникла потребность осмыслить уроки недавнего прошлого.

На конференции, состоявшейся накануне 75-летия М.С. Горбачева, выступили широко известные в мире исследователи и политики.

Содержание

XX съезд и доклад Н.С. Хрущева «о культе личности» в русской истории: к 50-летию XX съезда КПСС

Понять уроки нашей истории	
<i>М.С. Горбачев</i>	8
Доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях»: мифы и факты	
<i>Ю.В. Аксютин</i>	13
Место XX съезда в процессе десталинизации	
<i>Н.А. Симония</i>	30
XX съезд КПСС и перестройка: две попытки преобразования советского общества	
<i>В.Л. Шейнис</i>	35
Демократическая традиция в тоталитарной системе	
<i>Б.Ф. Славин</i>	48
XX съезд: надежды и иллюзии	
<i>Г.Г. Водолазов</i>	55
Незавершенность десталинизации	
<i>В.А. Рыжков</i>	61
XX съезд и судьба советской системы	
<i>А. Берелович</i>	64
XX съезд и современное общественное мнение	
<i>Б.В. Дубин</i>	68
XX съезд и его последствия: движение литературы к «оттепели» и после	
<i>М.О. Чудакова</i>	74
Шестидесятники: судьба и роль	
<i>Н.Б. Иванова</i>	81
«Дети XX съезда»	
<i>С.И. Чупринин</i>	83
Исторические итоги 60ых	
<i>И.И. Виноградов</i>	86
Пять вопросов Сфинксу	
<i>В.Б. Кувалдин</i>	93

Доклады, присланные на конференцию

Вехи XX съезда	
<i>З.Л. Серебрякова</i>	94
XX съезд КПСС как символ и исследовательская проблема	
<i>М.Р. Зезина</i>	99
XX съезд КПСС и Восточная Европа	
<i>А.С. Стыкалин</i>	106
Разоблачение культа личности, советская армия и несостоявшийся пленум ЦК КПСС 1956г.	
<i>Ю.А. Абрамова</i>	113
Н.С. Хрущев и «десталинизация» в решении жилищного вопроса	
<i>В.Н. Горлов</i>	119
Как на закрытый доклад Хрущев а реагировали люди на местах	
<i>Т.С. Плотникова</i>	125
Историческая наука и общественно-политическая мысль о месте XX съезда КПСС в истории России	
<i>Д.В. Маслов</i>	129
Н.С.Хрущев: реформа и утопия	
<i>А.Ю. Даниэль</i>	139
Как это было: доклад, выигравший в холодной войне	
<i>У. Таубман</i>	156

**От Фултона до Мальты: как началась и закончилась
холодная война**

Вступительное слово на открытии конференции	
<i>М.С. Горбачев</i>	159
I. Истоки и причины холодной войны	
Происхождение холодной войны	
<i>М.М. Наринский</i>	161

Североатлантический альянс: от холодной войны к разрядке (1949-1969 гг.)	
<i>П.А. Гудев</i>	172
Исследования холодной войны: новые источники	
<i>К. Остерманн</i>	180

Выступления

<i>Н.П. Шмелев</i>	185
<i>В.О. Печатнов</i>	188
<i>Н.И. Егорова</i>	193
<i>Б.А. Ширяев</i>	195
<i>Н.В. Загладин</i>	199

II. Как закончилась холодная война

Когда закончилась холодная война?	
<i>А.С. Черняев</i>	206
Итоги холодной войны: вопросы и версии	
<i>А.С. Грачев</i>	208
Конец холодной войны: причины и последствия	
<i>С.М. Рогов</i>	218
Динамика советско-американских отношений и изменения в Европе в период окончания холодной войны	
<i>Мари-Пьер Рэ</i>	223

Выступления

<i>Г.Д. Геншер</i>	238
<i>Л. де Мезьер</i>	243
<i>А.Л. Адамишин</i>	246
<i>А. Браун</i>	248
<i>У. Таубман</i>	252
<i>Ф.М. Бурлацкий</i>	253
<i>С.Савранская</i>	255

III. Холодная война и современный мир

Уроки холодной войны для современного мира	
<i>Д. Най</i>	257

О позитивном наследии холодной войны	
<i>А.Д. Богатуров</i>	262

Правда ли, что холодная война закончилась?	
<i>С. Коэн</i>	267

Выступления

<i>Ф.А. Лукьянов</i>	274
<i>В.А. Никонов</i>	278
<i>Л.Ф. Шевцова</i>	281
<i>П.Р. Палажченко</i>	287
<i>В.И. Супрун</i>	288
<i>В.Г. Барановский</i>	291
<i>М.С. Горбачев</i>	296

Доклады, присланные на конференцию

Конец холодной войны	
<i>В. Ярузельский</i>	298

Оценивая внешнюю политику Горбачева	
<i>Г. Баррасс</i>	305

Концепции «взаимозависимости» в идеологии и практике единства Запада в годы холодной войны	
<i>Ф.Г. Войтоловский</i>	308

Холодная война: мировые амбиции, ответственность и потери	
<i>В.Л. Шейнис</i>	325

XX СЪЕЗД И ДОКЛАД Н.С. ХРУЩЕВА «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ» В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: К 50-ЛЕТИЮ XX СЪЕЗДА КПСС

Понять уроки нашей истории

М.С. Горбачев

Президент Международного фонда социально-экономических и политических исследований (Горбачев-Фонд)

Десять лет назад в нашем Фонде состоялась конференция, посвященная 40-летию XX съезда КПСС. Это была серьезная дискуссия. Ее итоговая мысль прозвучала в выступлении Вадима Андреевича Медведева: нам надо сделать все, чтобы мы твердо шли по пути становления демократии и освобождения от сталинизма.

Прошло десять лет: что мы наблюдаем сегодня? С одной стороны, много говорится о XX съезде как об акте предательства. Это, я думаю, свидетельствует о том, что в нашем обществе далеко не все благополучно.

С другой стороны, мы наблюдаем ренессанс образа вождя — Иосифа Виссарионовича Сталина. В литературе, в кино он мощно выглядит. Можно сказать: раз так было, что же, описывают факты. И тем самым создается образ совсем другого человека, который на самом деле оставил глубокий след, может быть, даже неизлечимые раны. Самое главное: мы никак не можем освободиться от этой болезни — сталинизма.

Сегодняшнее время мне напоминает времена Брежнева. Это были времена, которые привели к неосталинизму, то есть сталинизму без репрессий типа 37-го года, но с известными репрессиями, преследованием инакомыслия и, конечно, абсолютным контролем за всем и вся. Встает вопрос: в чем здесь дело? Каковы причины? Мне думается, корни — в слож-

ной социальной ситуации. Людям живется тяжело — в бедности, по меньшей мере, половина населения.

Люди говорят: цены при Сталине снижались, жилось лучше. Я прожил это время в деревне и знаю, как жилось крестьянам. Тогда реализовывалась сталинская политика, стратегия, которую он раскрыл в одной фразе после завершения XIX съезда, на встрече с членами ЦК. Он сказал, что Микоян — новоявленный Фрумкин — печется о крестьянстве и т.д. И тут же такая фраза: «Крестьянину мы дали землю на вечное пользование. Мужик — наш вечный должник». Вот вся философия Сталина.

Апогей этой политики — закон Зверева, министра финансов СССР: каждое дерево в саду — плодоносит оно или не плодоносит — облагается налогом. Позволяют силы или нет (а после войны многие женщины остались вдовами) держать колхозный двор, но ты должен сдать 20 килограммов мяса и 120 литров молока. Паспортов нет, никуда выехать нельзя — только по оргнабору и туда, куда нужно власти.

Меня очень волнует то, что происходит сейчас. Я прихожу к выводу, что кому-то это выгодно — наверное, тем, кто хотел бы вернуться к прошлым временам. Уверен, что это уже не удастся, но может привести к откатам, тяжелым зигзагам. За них мы всегда очень дорого расплачиваемся. Все это мы уже пережили и переговорили не раз.

Пожалуй, самое важное: Россия — перед выбором. Потому что окончательно мы еще не сделали выбор. Нужно понять уроки нашей собственной истории — в ней все очень сильно связано. Большевики после революции узурпировали власть. Почему я говорю: узурпировали? Потому что в Учредительном собрании, которое было избрано и должно было решить вопрос о власти, большевики оказались в меньшинстве. Они поступили по-большевистски — разогнали Учредительное собрание. А ведь Владимир Ленин говорил, что пролетариат борется за власть через демократию, и будет управлять страной через демократию. От главного принципа, который был провозглашен, отказались — это произошло до начала гражданской войны.

Что последовало за этим — еще до НЭПа? С союзниками (некоторые из них входили в правительство) распрощались,

затем и от левых эсеров избавились. Очистили правительство и подведомственные ему организации от меньшевиков, коммунистов-интернационалистов. Одним махом были прикрыты газеты. Пошли путем натиска, решительной ломки всего жизненного уклада.

Все это, особенно последнее — ломка всего уклада, всей страны, крестьянской страны, через колено, — привело к гражданскому расколу и гражданской войне. Этим сразу же воспользовались другие страны.

Через четыре года Ленин заявил (так мог сделать только Ленин, я отношусь к нему с уважением), что мы пошли неправильным путем. Сказать такое — хотя в его окружении делались заявления, что это предательство — мог только он. Очень близкие Ленину люди, верившие в него, как в Бога, покончили жизнь самоубийством. Но от заявления, что надо коренным образом пересмотреть точку зрения на социализм, Ленин не отступил.

НЭП уже к 1926-му году решил проблему восстановления народного хозяйства на уровне 1913 года — самого высокого в истории дореволюционной России. Наряду с революционным энтузиазмом появились материальный интерес, материальные стимулы, личный интерес. Возникли кооперативы, концессии, частная торговля — человек был включен в жизнь, и мог быстро решать проблемы. Это стало величайшей находкой, которая, между прочим, используется сейчас другими странами, особенно в Азии.

Появились поздние работы Ленина. Мы назвали их «завещанием». Все их знают. В них была изложена новая стратегия, смена курса, который проводился в годы военного коммунизма.

Я думаю, если бы Ленин дольше находился у руководства, был бы другой сценарий развития страны. Ибо ему было по силам решение стратегических задач. Он обладал волей, что крайне необходимо в годы перемен.

После смерти Ленина, при первом обострении в связи с хлебозаготовками и поездкой Сталина в Сибирь (1927 год), выводы были скорыми и суд скорым. В ближайшие годы НЭП похоронили. Последние работы Ленина были за семью печатями. Перечитываешь заново (сколько раз читали!) «Основы ленинизма»: на щит поднимаются методы и подходы военного

коммунизма. Вот что там главное. Это упаковано соответствующим образом. Не останавливаясь ни перед чем, Сталин и его сообщники вернули страну к диктатуре, диктаторским методам. В конце концов, мы получили тоталитарное общество, в котором и жили на протяжении нескольких десятилетий.

Десять лет назад, на конференции в Фонде профессор В. Т. Логинов высказал очень интересную мысль: административно-командная система уже в конце 30-х годов стала исчерпывать свои возможности. Годы войны и восстановления разрушенного хозяйства дали ей второе дыхание, оправдался возврат к ней. А затем снова стали проявляться симптомы упадка.

С приходом к власти Хрущева эти кардинальные вопросы остро встали перед обществом: Пленум 1953 года, когда крестьянам дали кислород — и сразу все быстро начало меняться; XX съезд — вопрос о режиме, о культе личности; Пленум 1957 года, на котором рассматривались вопросы децентрализации управления, образования совнархозов и борьбы с отраслевым управлением страной. Это была попытка заставить систему работать.

Надо сказать, что каждый — не только шаг, а каждый сантиметр в усилиях Никиты Сергеевича Хрущева встречал сопротивление, сопровождался огромной борьбой. Ибо, в конце концов, нельзя все свести к Сталину. Я читал документы и резолюции по расстрелу целых групп, сотен людей. В них всегда стояли четыре подписи: Сталина, Молотова, Ворошилова и, наконец, Кагановича — а потом уже всех остальных. Я видел эти решения. Эти люди совершили преступления, встав на путь массовых репрессий.

Политическая оценка культа личности Сталина в докладе Хрущева на XX съезде партии поднимала вопрос об участии в репрессиях сталинского окружения. Объяснения, что нельзя было ничего сделать, говорили об атмосфере страха. Такое оправдание нельзя принять. Сейчас, говоря о мужестве Хрущева, мы высказываем сомнения по поводу того, как это было сделано. Возникает вопрос: можно ли было сделать по-другому?

В дальнейшем по инициативе Хрущева были предприняты серьезные шаги по совершенствованию управления. Но во

всем было много спешки, волюнтаризма. В конце концов, на этом сыграли противники Хрущева, и его просто свергли. Причем если в 57-м году его защищали секретари обкомов и даже некоторые члены ЦК, то в 64-м году против него уже выступала группа секретарей обкомов партии.

О брежневских временах я хочу сказать только одно: это период неосталинизма. Нас приучили вставать и аплодировать, но если бы только этим ограничилось! Игнорировать роль Сталина в годы Великой Отечественной войны — антиисторично. Я думаю, при всех его просчетах (их было немало) этого делать нельзя. Но то, что мы получили неосталинизм, было откатом и колоссальным торможением процесса развития в стране.

Потом вокруг нас начались события в других странах — и особенно 1968 год. То, как поступили с Пражской весной, сопровождалось колоссальной политической реакцией в стране. Идеологическая ситуация стала острой. Борьба с диссидентством, борьба с инакомыслием сковала все общество. Это приходится на годы, когда остальной мир, реагируя на научно-техническую революцию, искал новые подходы и через тяжелейшие структурные реформы выходил на новые технологии. А мы продолжали оставаться в прошлом, оказались в застое, который охватил и экономику, и политику, и духовную сферу.

То, что произошло в 1985 году (я имею в виду перестройку, смену руководства и приход нового поколения на высший уровень власти), — было восстановлением связи времен. Мы опирались на точку зрения Ленина. Мы понимали, что нельзя в такой стране применить НЭП, — это искусственно, но мы отталкивались от принципов, которые в нем закладывались и которые встречали поддержку людей.

Что произошло с перестройкой, — вы знаете. Она оборвалась. Оборвалась искусственно. Но я считаю: мы дошли до такого пункта, когда возврата в прошлое не будет несмотря на то, что мы наблюдаем откаты, рецидивы авторитаризма.

Наверное, без этого не обойтись. Демократический транзит на нашем пространстве, в России — сложное дело, поэтому с наивными мыслями нельзя руководить страной. И меня обвиняли в наивности. Я говорю: «Ничего себе — наивный! Пятьдесят лет в политике — сейчас, а тогда был тридцать лет

в политике. Прошел все партийные «конторы» и изнутри знал, где идет гниение, откуда можно ждать тяжелого удара. Особенно Громыко был «наивный», Лигачев — «наивный», Рыжков — «наивный». Скажу так: в такие времена много болтунов. Если их слушать — надо сразу уходить.

Я вижу просчеты, которые есть у президента Путина. Но я его защищаю. Курс президента нуждается в эффективной исполнительной власти — это главное. Я на его стороне, ибо он вытащил страну из хаоса. Уже этого достаточно, чтобы он навсегда остался в истории. Мы же находились в состоянии полураспада всех сфер жизни общества! Мы как бы испробовали коммунистическую модель. Сделали ставку на радикальный, либеральный курс, но это другая крайность — те же большевики, только с другим знаком. Никак не расстанемся с большевиками: раньше они были в кожаных куртках, сейчас переоделись — носят галстуки.

Стране нужно сделать выбор, который интегрировал бы все современное, позитивное. Ведь уже наработано много форм, методов, подходов. Я вижу будущее в том, чтобы выйти на интегрированную систему, в которой соединились бы ценности свободы, социальной справедливости, демократии, рыночной экономики, открытости.

Мне думается, мы выберемся.

Доклад Н.С. Хрущева о «культе личности»: мифы и факты

Ю.В. Аксютин, д.и.н.

История составления и оглашения разоблачительного доклада Хрущева, несмотря на то, что немало было сделано для ее прояснения, все еще малодостоверна. Но появляются на свет божий новые воспоминания, открываются архивные тайны, опубликованы черновые протокольные записи заседаний Президиума Центрального Комитета КПСС. Они, а также рассекреченные материалы XX съезда, хранящиеся в Российском

Государственном архиве новейшей истории, заставляют историков изменить свои многие представления, базировавшиеся на воспоминаниях одного кого-либо лица.

Первое, от чего приходится отказываться, — миф, будто ожесточенные споры из-за того, читать или не читать доклад о культе личности, велись, чуть ли не в ходе всего съезда и протекали в комнате отдыха, где собирались члены Президиума ЦК в перерывах между его заседаниями. Авторство этого мифа принадлежит самому Хрущеву. Такого рода утверждение можно обнаружить и в мемуарах Микояна. Теперь нельзя сомневаться в том, что принципиально этот вопрос был решен еще до съезда. 5 ноября 55-го года в Президиуме ЦК обсуждался вопрос о мероприятиях в связи с очередным днем рождения Сталина. Хрущев высказался за то, чтобы эту дату отмечать только в печати и обойтись без собраний в производственных коллективах. Ему возразил Л.М.Каганович, ссылаясь на существующее уже решение ЦК. Он настаивал на том, чтобы проводить собрания и на предприятиях. Отмечать сталинский день соответствующим образом предложил и К.Е.Ворошилов. «Народом будет воспринято нехорошо, если не будем проводить собрания», — аргументировал он свою позицию.

Хрущева поддержали Н.А.Булганин и А.И.Микоян. Последний при этом сослался на то, что приходится устраивать и так много торжественных заседаний: годовщина Октября, годовщина Конституции. Можно ограничиться присуждением международной Сталинской премии. Да и то следует подумать: стоит ли? Ведь сталинские — есть, а ленинских — нет. Почему никто не ставит об этом вопрос? А торжественное собрание в честь Сталина есть отрывка культа личности. «Меня атаковать с этих позиций нет оснований, — возмутился Каганович. — Я поддерживаю линию ЦК против культа личности. Я не мыслил, что Сталин выше Ленина. Расхождений у меня с тобой, товарищ Хрущев, нет. Я не намерен вести против тебя борьбу. Но есть оттенок». Хрущев недовольно бурчал: «Кадры перебили, военные в том числе». Присутствовавший на заседании Г.М.Маленков своего мнения не высказал. А В.М.Молотова не было: он участвовал на совещании министров иностранных дел «большой четверки» в Женеве. В конце концов, решили в день рождения Сталина осветить его жизнедеятель-

ность опубликованием статей в печати и в передачах по радио, приурочив к этой дате присуждение Международной сталинской премии. И только.

Вопросы, связанные с массовой реабилитацией, Хрущев поднял на заседании Президиума ЦК 31 декабря 55-го года. Судя по протокольной записи, никаких прений не было. Посмотреть все материалы о массовых репрессиях в 37-40-е годы поручили Комиссии в составе секретарей ЦК П.Н. Поспелова (в качестве председателя) и А.Б.Аристова, а также главы Комиссии партийного контроля Н.М. Шверника и его заместителя П.Т. Комарова. По долгу службы вошли в нее и генеральный прокурор Р.А.Руденко с председателем КГБ И.А.Серовым.

Комиссия принялась за поручение очень энергично. И по мере того, как в Президиум ЦК шла информация о собранных ею фактах. Все чаще вставал вопрос, что с нею делать. Принятое, в конце концов, решение доложить об этом съезду далось нелегко. В субботу 21 января Хрущев выступил в Большом Кремлевском дворце перед юношами и девушками, отличившимися на целине. Фотокорреспонденты зафиксировали присутствовавших в ложах на авансцене других членов Президиума ЦК и Секретарей ЦК. В понедельник 23 января все они плюс еще Шверник присутствовали там же на открытии очередной сессии Верховного Совета РСФСР. И то и другое мероприятия были довольно рутинными. Как часто в таких случаях бывало, первые лица страны предпочитали коротать время, причем не только в перерывах между заседаниями, но и во время них, в комнате отдыха за авансценой. За чашкой чая обсуждали более насущные и злободневные вопросы. Вот там-то, судя по всему, и разгорелись споры, вызванные предложением Хрущева использовать материалы комиссии Поспелова в отчетном докладе ЦК съезду. Споры, которые сам Хрущев в своих воспоминаниях неверно относит к более позднему времени, когда уже шел съезд.

1 февраля на заседание Президиума ЦК из тюрьмы доставили бывшего заместителя начальника следственной части по особым делам НКВД / МГБ Б.В.Родоса. После его допроса ни у кого уже не могло оставаться сомнений, если таковы и были, что репрессии и пытки — это не результат злой воли

плохих чекистов, а заранее спланированное самим Сталиным и им же руководимое истребление не угодных ему людей.

«Виноваты повыше, — подавал то и дело реплики Хрущев. — Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел. Виноват Сталин».

«Товарищ Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?» — спросил Аристов. «Лимиты на аресты утверждались им», — напомнил Поспелов и подтвердил Серов. «Но Сталина как великого руководителя надо признать», — поспешил оговориться Молотов.

Не преминул съязвить по этому поводу Микоян: «А ты, товарищ Молотов, поддерживал!»

«Нельзя в такой обстановке решать вопрос, — возмутился Каганович. — Нельзя так ставить. Многие пересмотреть можно, но тридцать лет Сталин стоял во главе».

Молотов продолжал настаивать на своем: «Нельзя в докладе не сказать, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина».

С ним опять не согласился Микоян: «Возьмите историю. С ума можно сойти». «Если верный факт, то разве это коммунизм?! — поддержал его М.З.Сабуров.

— За это простить нельзя». «Сказать надо партии», — предложил Маленков.

— Его поддержал М.Г.Первухин: «Партия обязана объяснить, сказать и на пленуме и на съезде. Знали ли мы? Знали. Но был террор. Тогда не могли что-либо сделать».

Что партия должна знать правду — согласен бы вроде и Ворошилов:

«Доля Сталина была? Была. Мерзостей много. Правильно говорится, товарищ Хрущев, не можем пройти. Но надо продумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное».

К нему присоединился Молотов: «Правду надо восстановить. Позорные дела — тоже факт. Но, правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. Да и неправильности надо соразмерить. Так что вряд ли успеем перед съездом сказать».

Подводя итоги прениям, Хрущев сказал: «Сталин — преданный делу социализма. Но всё варварскими способами! Он партию уничтожил. Не марксист он. Всё святое стёр, что есть

в человеке. Всё своим капризам подчинял». И всё же с мнением Ворошилова и Молотова не говорить на съезде о терроре согласился, хотя и с немаловажной оговоркой: «Надо наметить линию — отвести Сталину своё место, почистить плакаты, литературу. Взять Маркса — Ленина. Усилить обстрел культа личности».

Однако в последовавшие за этим дни вопрос о оглашении на съезде данных комиссии Поспелова был решён всё же в положительном смысле. Договорённость об этом была официально оформлена на заседании Президиума ЦК 9 февраля после заслушивания очередного сообщения комиссии, в коем говорилось, что за годы массовых репрессий (1935 — 1940) «было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1.920.635 человек, из них расстреляно 688.503 человека».

Хрущёв стал убеждать своих коллег в необходимости рассказать всё делегатам съезда. И не только о репрессиях, но гораздо шире — о роли Сталина в их развязывании: «Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает? Надо проявить мужество, сказать правду... Если не сказать, то проявим нечестность по отношению к съезду». Признав, что следует продумать, как это сделать, он высказал мнение, что может быть поручить Поспелову составить доклад и выступить с ним на съезде, на заключительном его заседании, особое внимание при этом обратив на причинах культа личности — концентрации власти в одних руках, причём «в нечестных руках».

«На съезде надо сказать, — согласился вроде бы и Молотов. — Но не только это... 30 лет жили под руководством Сталина, индустриализацию провели, после Сталина вышли великой партией». Правильным назвал предложение заслушать доклад и Каганович: «Историю обманывать нельзя, факты не выкинешь... Мы несём ответственность... Но мы были бы нечестны, если бы сказали, что вся борьба с троцкизмом была не оправдана. Да, наряду с борьбой идейной шло истребление кадров. Но я согласен с товарищем Молотовым, чтобы провести с холодным умом, чтобы нам не развязать стихии. Редакцию доклада преподнести политически, чтобы 30-летний период не смазать».

Булганин, чтобы быть «ближе к правде», предложил разделить в докладе роль Сталина на два этапа: «На втором этапе Сталин перестал быть марксистом». Как сказать об этом? Опираясь на неприятие марксизмом культа личности. И особо подчеркнуть, что нельзя приписывать Сталину все наши успехи.

Более основательно подготовить доклад призывал Ворошилов. Напомнив о многочисленных врагах (например, кронштадцы во время X съезда в 1921 году или «новая оппозиция» на XIV съезде в 1925 году), он сказал: «Сталин осатанел в борьбе с врагами. Появились у него и звериные замашки. И, тем не менее у него много было человеческого».

О том, как относиться к прошлому, говорил и Микоян. Развивая мысль Булганина о двух этапах, он уточнил их границу: «До 34-го года вёл себя героически, после показал ужасные вещи, узурпировал власть».

«В 36-м и 37-м годах сколько перебито кадров! — сетовал Сулов и указывал на отрицательное последствие этого. — Кривая с 36-го по 39-й даёт минимальные темпы... Надо делегатам рассказать всё. О коллективности руководства говорим, а со съездом будем темнить?»

Говоря об испытываемых им чувствах радости при оправдании ранее осуждённых товарищей, Маленков признал, что нельзя дать этому оправданию верного объяснения, не объясняя роли Сталина: «Никакой борьбой с врагами не объясним, что перебили кадры. «Вождь» действительно был «дорогой»».

«Хотели сделать бога, а получился чёрт», — развил эту тему Аристов.

«Кошмар — три раза косили людей, — солидаризировался с ним Шверник. — Сейчас ЦК не может молчать, иначе — предоставить улице говорить».

«Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят, — возражал Сабуров против их попыток найти в деятельности вождя что-то положительное. — Это не недостатки, как говорит Каганович, а преступления». Что же касается указания Молотова на необходимость признать, что страна 30 лет жила и стала великой под руководством именно Сталина, то Сабуров обратил внимание на его известную роль в войне (вернее, в её катастрофическом начале) и в обостре-

нии международного положения: «Мы потеряли многое из-за глупой политики, испортили отношения со всеми народами». И сослался при этом на вооружённый конфликт с Финляндией, выступление по поводу Черноморских проливов, осаду западного Берлина, войну в Корее.

Завершая дискуссию, Хрущёв констатировал: «Нет расхождений, что съезду надо сказать». Что же касается выявленных по этому поводу оттенков, то он высказался за то, чтобы их учитывать. К составлению доклада он считал нужным подключить всех секретарей ЦК, а вопрос о том, кто этот доклад будет делать на съезде, предложил обдумать.

Итак, возник вопрос, кто же сделает такой доклад? Хрущёв назвал Пospelова: ведь он председательствовал в комиссии, составил записку, которая и стала предметом обсуждения, пусть переделает ее в доклад и зачтёт на съезде. Ему стали возражать: по такому важному вопросу должен выступить не один из секретарей, а именно первый секретарь. Так как в отчетном докладе об этом нет ни слова, то не будет ли выступление Пospelова воспринято как свидетельство разногласий в руководстве? Как видим, пребывая в твердом убеждении, что не дело верховного органа партии знать (а, значит, и судить) о единстве мнений среди членов Президиума ЦК по отдельным вопросам, и, мало того, опасаясь любой утечки информации об этом, сами они, порою, оказывались из-за этого в настолько уязвимом положении, что принуждены были давать своё согласие на шаги, против которых решительно и категорически возражали. Вполне возможно, что сказывался и дефицит времени, о котором упоминает Каганович: в Москве уже собирались делегаты съезда, а на последний свой пленум съезжались члены и кандидаты в члены ЦК КПСС. И на заседании Президиума ЦК 13 февраля докладчиком по вопросу о культе личности решено было сделать самого Хрущёва. На этом же заседании ему было поручено открыть пленум ЦК КПСС и внести на нём «предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности».

После чего все направились в зал, где собрались участники пленума. Его открыл и председательствовал на нем Хрущёв. Он же один и говорил. Правда, весьма коротко: «Нам

нужно договориться насчет доклада. Президиум рассмотрел этот доклад и одобрил. Как члены пленума? Доклад идёт не от Президиума, а от пленума Центрального Комитета. Как, будет ли пленум заслушивать доклад?» Речь пока что шла об отчетном докладе, который, по идее, вроде бы должен был быть обсужден и одобрен Центральным Комитетом. Но намек был понят. И тут же раздались голоса: «Одобрить! Завтра услышим!» Хрущёв словно ждал эти реплики и сделал следующий вывод: «Тогда будем считать, что доклад принимается пленумом Центрального Комитета и поручается его сделать на съезде». Микоян подхватил: «Пленум доверяет рассмотрение доклада Президиуму ЦК».

Хрущёв же продолжил своё выступление: «Есть еще один вопрос, о котором здесь нужно сказать. Президиум Центрального Комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина чувствует и считает необходимым поставить на XX съезде партии, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет обсуждение кандидатов в руководящие органы Центрального Комитета: членов ЦК, кандидатов и членов Ревизионной комиссии, когда гостей никого не будет) доклад от ЦК о культе личности. На Президиуме мы условились, что доклад поручается сделать мне, первому секретарю ЦК. Не будет возражений?»

Возражений не последовало, после чего Хрущёв, объявив, что «все вопросы, которые следовало на нашем Пленуме решить, мы решили», объявил заседание закрытым.

Итак, вопрос, оглашать или нет доклад о культе личности, был к тому времени решен положительно. Решено также было, что сделает это сам Хрущёв, но непременно на закрытом заседании, когда будут обсуждаться кандидатуры в ЦК следующего созыва. Это не значит вовсе, что на самом съезде, за его кулисами не было уже споров по другим, то же очень важным вопросам, связанным с конкретным содержанием доклада. Но, повторяем, самое главное уже было predetermined. Дать генеральный бой теперь можно было, разве что развернув открытую полемику против всей новой «генеральной линии» на самом съезде.

Между тем два из трех противников постановки вопроса о культе личности (Ворошилов и Каганович) никакой слабину в этой линии тогда не усматривали. Молотов же, по его собственному признанию, очень долго и с разных сторон обдумывал такую возможность, но не решился: «Не готова была партия к этому. Нас бы просто вышибли... Если бы мы встали, никто не поддержал бы. Нет, никто». Под словами «не готова была партия» Молотов подразумевал незыблемость ленинско-сталинского «демократического централизма», безоглядную ориентацию на авторитет руководителя, вернее сакрализацию его поста, наконец, безоглядный страх перед расколом в партии. «В лучшем случае мог произойти раскол. Я этого тоже боялся».

14 февраля 1956 года в Большом Кремлевском дворце открылся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. К удивлению некоторых членов Президиума, в зачитанном Хрущевым отчетном докладе ЦК не оказалось слов о роли Сталина («под руководством которого партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы»). Две недели назад, когда Президиум рассматривал и утверждал отчет, эти слова были, а теперь исчезли. «Началась новая линия — только осуждать Сталина», — констатировал позже Молотов.

Во втором разделе отчетного доклада, посвященном внутреннему положению, Хрущев затронул вопрос о культе личности. «ЦК, — сказал он, — решительно выступил против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, который превращает того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс... Распространение культа личности принижало роль коллективного руководства в партии и приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе.

Тем, кто внимательно читал тогда партийную прессу, фразы эти были не в новинку. Однако на сей раз они были произнесены с трибуны съезда, что придавало им дополнительный вес. И хотя имя этой личности названо не было, вряд ли делегаты сомневались, кто подразумевался под «героєм-чудотворцем». Помимо осуждения культа личности в отчетном докладе ЦК содержались важные поправки во внешнеполитиче-

скую и идеологическую доктрины. Во-первых, было заявлено, что имеется реальная возможность избежать новой мировой войны. Во-вторых, было сказано, что на современном этапе революционный переход к социализму не обязательно связан с гражданской войной и что при определённых условиях коренные политические и экономические преобразования могут проводиться мирным путём. Наконец, сам приход рабочего класса к власти может быть осуществлён без вооружённого насилия, в конституционных рамках, используя парламент.

Эти теоретические новшества открывали некоторые дополнительные возможности для борьбы за разрядку международной напряжённости. Хотя в недалёком прошлом они были бы заклеены как откровенный ревизионизм. Однако на сей раз о готовящейся сенсации знало уже немалое число делегатов. Их к этому исподволь готовили.

Уже на утреннем заседании съезда 16 февраля член Президиума ЦК и секретарь ЦК М.А.Суслов говорил о значительном ущербе, который наносили партийной работе теория и практика культа личности, получившие распространение до XIX съезда. Они не только «умоляли роль партии, принижали коллективное руководство», но и «приводили к бесконтрольности и даже произволу в работе отдельных лиц» и «порождали односторонние, а подчас и ошибочные решения вопросов». О том, что у партии в течение примерно 20 лет не было коллективного руководства, говорил в тот же день на вечернем заседании еще один член Президиума ЦК А.И.Микоян. Он же первым произнес имя Сталина в весьма критическом плане: известное высказывание автора «Экономических проблем социализма в СССР» о расколе мирового капиталистического рынка после войны и о том, что объем производства в США, Англии и Франции «будет сокращаться», по мнению Микояна, «вряд ли может нам помочь и вряд ли является правильным». Открыто поставив под сомнение саму принадлежность этой, считавшейся «выдающейся», работы к классическим трудам марксистской политэкономии, Микоян призвал и историков по-новому осветить многие факты и события, изложенные в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он высмеял тех из них, кто те или иные повороты в революции и гражданской войне объяснял «якобы вредительской деятельностью отдельных

тогдашних руководителей, много лет спустя после описываемых событий неправильно объявленных врагами народа». И пораженный этими словами зал услышал имена В.А.Антонова-Овсеенко и С.В.Косиора, причем названных «товарищами», что на партийном новоязе означало, что теперь их следует считать неправильно объявленными врагами народа.

В той или иной степени тему культа личности затронули Г.М.Маленков, С.Д.Игнатьев, бывший в 1951–1953 годах министром государственной безопасности СССР, О.В.Куусинен и даже Каганович с Молотовым. Последний в конце своей обширной речи, сказав, что ЦК «твердо выступил против чуждого марксизму-ленинизму культа личности, сыгравшего в определенный период такую отрицательную роль», под аплодисменты делегатов выразил уверенность в том, что «настоящий съезд полностью одобрит эту принципиальную установку». И лишь один председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов избежал упоминания и осуждения культа личности, ограничившись указанием на необходимость и впредь укреплять ленинский принцип коллективности в работе.

Между тем, 18 февраля Хрущеву представили первый вариант доклада о культе личности, завизированный секретарями ЦК Пospelовым и Аристовым. Взяв его за основу, он 19 февраля диктует стенографисткам свой вариант и рассылает его членам и кандидатам в члены президиума ЦК. 22 февраля состоялось еще одно заседание Президиума ЦК. Вообще-то оно не могло считаться правомочным, ибо ЦК, его президиум и секретариат с началом работы съезда как бы складывали свои полномочия до новых выборов, а все вопросы, которые могли возникнуть в это время, подлежали решению или самого съезда, или его президиума. Но что было, то было. Не Хрущев вводил подобные порядки.

В описи № 10 (протоколы заседаний президиума ЦК КПСС 19-го созыва) фонда № 3 Российского государственного архива новейшей истории под № 226 значится протокол № 189 заседания президиума ЦК от 22 февраля 1956 года. Именно на этом заседании, вероятнее всего, и решались окончательно последние вопросы, связанные с предстоящим оглашением доклада о культе личности. И именно на нём, судя по

всему, было решено зачитать этот доклад не во время обсуждения кандидатур в новый состав ЦК, а уже после выборов, перед закрытием съезда. Вполне возможно, что тогда же Хрущев сделал ещё одну уступку, обещав не ворошить дел, слушавшихся на открытых судебных процессах 1936-1938 годов. И тогда же было принято решение, о котором Молотов вспоминал на июньском пленуме ЦК 1957 года: члены Президиума ЦК выступать по этому вопросу не будут.

В свете всего вышеизложенного можно попытаться объяснить содержащиеся в воспоминаниях Хрущева, Кагановича, Микояна и Шепилова утверждения, будто вопрос об оглашении доклада о культе личности решался на самом съезде, о чём уже мною говорилось в начале. По-видимому, сказалась абберация памяти мемуаристов. Причем, двойная. Ведь споры начались 21 или 23 января и закончились 22 февраля в одном и том же помещении — комнате отдыха за авансценой зала заседаний Большого Кремлевского дворца. К тому же, между заседаниями Президиума ЦК 9 и 22 февраля не прошло и двух недель, на первом из них решали, оглашать доклад на съезде или нет, на втором — о чем конкретно говорить и когда именно. И там, и там спорили ожесточенно и при остром дефиците времени: в одном случае — перед приближавшемся съездом, в другом — в перерыве между его заседаниями. Разве не трудно было много лет спустя перепутать оба эти события, помнить о них, как об одном и том же?

Сохранилась в материалах съезда и записка, направленная Хрущеву 22 февраля, то есть в конце работы съезда, бывшим в 1949–1953 гг первым секретарём Ленинградского обкома партии В.М.Андриановым: «Никита Сергеевич! Убедительно прошу вас посоветовать, можно ли мне выступить на закрытом заседании съезда по вашему докладу о культе личности и при этом... рассказать о Ленинградских делах в том виде, как я изложил на ваше имя в записке и в нескольких словах сказал, будучи у вас на приеме».

Стал доступным для исследователей и тот текст проекта доклада «О культе личности и его последствиях», который Хрущев разослал членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а также секретарям ЦК 23 февраля, то есть на следующий день после упомянутого заседания Президиума ЦК КПСС. Подроб-

ный анализ этого документа еще впереди, мы же сейчас ограничимся лишь несколькими замечаниями, связанными с внесенной в него правкой. Она довольно обширна и разнообразна, но сказать, кем именно она сделана, пока что затруднительно. Например, в экземпляре, посланном Сулову, имеются подчеркивания и поправки, сделанные разными карандашами — красным, синим, фиолетовым и простым. В этом экземпляре, помимо сугубо редакционной правки, есть и довольно любопытные пометы. Например, синим, красным и фиолетовым подчеркнуты места, где рассказывалось об Эйхе, а тремя страницами ниже красным на полях начертано: «Вот и «отец родной»». Там, где говорилось о начале войны, синим отмечено: «Уроки на будущее». Синим же перед разделом о Ленинградском деле сделана надпись: «Поправление нац.прав народностей 1943–1944 гг. Карачаевцы, калмыки, ингуши и чеченцы». И синим же на полях заключительной части, где содержалось предупреждение о том, что «этот вопрос мы не можем вынести даже за пределы съезда, а тем более в печать», добавлено: «Не обнажать язвы перед обывателем».

В экземпляре, посланном Шепилову, содержатся предложения: К упоминанию о сидевших в тюрьмах Рокоссовском и Горбатове добавить имя Мерецкова, сказать, «что англичане (Черчилль) заранее нас предупреждали + советское посольство (Деканозов) в Германии тоже предупреждало о готовящейся войне», дополнить фразу о том, что не Сталин, а партия в целом обеспечила победу в войне, словами «о роли рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, женщин, молодежи — советского народа, тыла».

И в том, и в другом экземплярах перечеркнуто следующее воспоминание Хрущева об одной из его встреч со Сталиным: «Каждый из членов Политбюро может многое рассказать о бесцеремонном обращении Сталина с членами Политбюро. Приведу вам такой, например, случай. Однажды незадолго до смерти Сталин вызвал к себе нескольких членов Политбюро. Мы явились к нему на дачу, начали обсуждать некоторые вопросы. Получилось так, что на столе против меня находилась большая кипа бумаг, которая закрывала меня от Сталина. Сталин с раздражением закричал: «Что Вы там сели, боитесь, что

я Вас расстреляю? Не бойтесь, не расстреляю. Пересаживайтесь ближе». Вот вам отношение к членам Политбюро!»

А пока высшее партийное руководство изучало проект доклада, некоторые из делегатов, проведавшие, что скрывает эвфемизм «культ личности», поспешили предложить свои услуги. 24 февраля маршал А.И.Еременко посылает Хрущеву записку: «Если Вы будете в своем докладе по особому вопросу касаться военных дел и если найдете нужным в той или иной степени коснуться Сталинградской битвы, то по этому вопросу докладываю настоящую справку». Суть ее заключалась в утверждениях, что решения Сталина по оперативно-организационным вопросам обороны города «чуть ли не привели к падению Сталинграда» и что «если бы был принят план Сталина по разгрому войск Майнштейна, .. то Майнштейн, безусловно, выполнил бы свою задачу и освободил бы окруженных».

В одной из папок, содержащей текст и заготовки выступлений председательствующих на заседаниях съезда, имеется такой документ: «Объявить в конце утреннего заседания. Сегодня в этом зале состоится заседание совета представителей делегаций. В 6 часов состоится закрытое вечернее заседание съезда. На этом заседании присутствуют делегаты с решающим и делегаты с совещательным голосом»». Документ этот не датирован, но, без всякого сомнения, относится к 24 февраля, когда состоялись выборы руководящих партийных органов. Согласно стенограмме этого заседания, открывший его Хрущев предоставил слово Суслову, а тот, «по поручению совета делегаций», внес предложение увеличить количественный состав Центрального комитета и Центральной ревизионной комиссии для того, «чтобы усилить представительство союзных республик, а также целого ряда новых областей, созданных у нас в Российской Федерации в последнее время». Предложение это было одобрено. После этого Суслов зачитал списки кандидатур, выдвигаемых в члены ЦК (133 на 133 места), в кандидаты в члены ЦК (122 на 122 места) и в члены ЦРК (63 на 63 места). «Вот список названных товарищей, — подводит промежуточный итог Хрущев под аплодисменты присутствующих. — Будут ли отводы товарищам, названным в состав Центрального комитета? У кого?» Из зала раздалось: «Нет!» И снова бурные аплодисменты. «Отводов никто никому

не дает, — констатировал Хрущев. — Будут ли дополнительно названы кандидатуры для голосования?» И опять голоса из зала: «Нет!» Хрущев для проформы спрашивает еще раз: «Никто не назовет других кандидатов?» И в который раз слышит дружное «нет», после чего объявляет (разумеется, под «бурные, продолжительные аплодисменты»): «Тогда принимаются названные, выставленные кандидаты для голосования в состав Центрального комитета».

В тот же вечер, но уже после голосования, собралась счетная комиссия. Избрав своим председателем заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Громова, она принялась считать бюллетени по выборам членов ЦК. Их было роздано 1.341, все они были опущены в урны и признаны действительными. Но только в 11 из них кандидаты оказались вычеркнутыми. По 1 голосу против получили секретари ЦК Хрущев и Аристов, первые секретари Московского горкома и Челябинского обкома Е.А.Фурцева и Н.В.Лаптев, а также маршалы И.С.Конев и Р.Я.Малиновский. Министр обороны маршал Г.К.Жуков получил 2 голоса против. А Маленков «схлопотал» 3.

Шпаргалка для председательствующего на следующем и тоже закрытом заседании съезда очень лапидарна: «25 февраля, утро. Председательствует тов. Булганин. Доклад т. Хрущева». Стенограмма этого заседания тоже довольно краткая и включает в себя вступительное слово Булганина, зачитанный им проект постановления съезда «О культе личности и его последствиях», а также следующее пояснение: «Имеется в виду, что доклад тов. Хрущева Н.С. и принятое съездом постановление «О культе личности и его последствиях» не публикуются в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям».

Стенограмму предваряет текст самого доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях». С достаточной долей вероятности можно считать его первым экземпляром. Он без правки и пометок, если не считать трех вставок, касающихся предупреждений 1941 года из Лондона и Берлина о готовящейся войне, депортации кавказских народов в 1944 году и так называемого «Ленинградского дела». Текст этот идентичен тому, что был опубликован в 1989 году. Возникает вопрос: как

строго придерживался его Хрущёв? не отвлекался ли от него? не давал ли волю эмоциям? и что говорил, если его “заносило”? На этот вопрос могла бы ответить магнитофонная запись. Но, как утверждают архивисты, у них её нет.

Направляя 1 марта 1956 года членам и кандидатам в члены Президиума ЦК отредактированный текст своего доклада, Хрущев сообщал, что, «если не будет замечаний по нему, он будет разослан партийным организациям». Замечания были. В текст вклеены машинописные вставки на отдельных листочках. Например, в разделе о методах работы НКВД с арестованными появляется фраза: «Вот какие подлые дела творились в то время! (Движение в зале)». Появились и вставки об отношении Сталина к Жукову, об одном приватном разговоре Хрущева с Булганиным: «Вот иной раз ... сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут, или домой, или в тюрьму». Имеются и дополнения, внесенные аккуратным почерком чернилами или карандашом. Так, например, вставлено “прославившее” Хрущева утверждение, что Сталин планировал фронтные операции по глобусу: «Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта». Правда, не вся правка носила столь обличительный характер. Имелись вставки и иного плана, прямо скажем, — охранительного. Вот одна из них: «Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать пред ними наших язв». Но подобная оговорка скорее всего была уступкой первого секретаря ЦК его более осторожным и более осмотрительным коллегам, она ни в коем случае не отражала его тогдашних настроений: если бы это было не так, ему пришлось бы вычеркнуть значительную часть своего доклада.

Что касается развернувшейся дискуссии о значении доклада Хрущёва о культе личности и его последствиях, произнесённого на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года, то я поддерживаю мнение тех, кто считает это событие поворотным в истории СССР, хотя и не очень-то склонен расставлять оценки, плюсы или минусы. Любая революция, если она не является простым политическим переворотом, а носит массовый характер глубоко переворачивает со-

циально-экономические основы общества, заканчивается контрреволюцией, которую я бы не стал смешивать с реакцией, с возвращением к прошлому.

Да, Хрущёв был коммунистом и верил в скорое наступление общества всеобщего благоденствия. Он отнюдь не был миротворцем ни в смысле борьбы с мировым капитализмом, ни в смысле борьбы с противниками нового строя внутри страны. Но он никак не мог взять в толк, зачем вождю понадобилось уничтожать революционную гвардию и не мог этого ему простить. Мало того, он искренне полагал, что разоблачение сталинских преступлений не только гарантирует от повторения нечто подобного в будущем, но и способствует очищению самой системы от всего наносного, от всего, что ему казалось чуждым, противным этой системе. В этом и заключалась его основная ошибка. Система, основанная на насилии и культе вождя, теряет свою динамичность и действенность, лишаясь этих опор. Вот почему Хрущёв, сам того не желая, совершил страшный, с точки зрения правоверного коммуниста, грех, сняв первые печати с книги, которую, говоря языком «Откровения», никто до него не мог ни раскрыть, ни посмотреть в неё. И вот появился «конь бледный с всадником, имя коему «Смерть», и возопили души убиенных громким голосом: «Доколе, владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» Этот вопль свидетельствовал о кризисе веры в справедливость и о расколе прежде монолитного единства.

Когда Михаил Сергеевич Горбачев, чтобы придать социализму человеческое лицо, снял с этой книги последние печати, то семь ангелов, имеющих семь труб, востурбили о близящемся конце света: отворился кладязь бездны и оттуда в дыму, помрачившем солнце и воздух, вышла саранча, «и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы». Система оказалась не реформируемой и рухнула. Так что до появления седьмого ангела, долженствовавшего возгласить, «что времени уже не будет», дело не дошло. Внешним проявлением катастрофы 1991 года было противостояние центра и регионов, Горбачёва и Ельцина. В этом противостоянии лично я, находясь во власти многих иллюзий, был на стороне Горбачева и партийный билет не сдавал и не выкидывал. Но сейчас, как

мне кажется, я способен более трезво смотреть, если не на наше будущее, то на наши последние пятьдесят лет. И в этом взгляде в прошлое нет ни слепой ненависти к Сталину, ни всепрощающей любви к Хрущёву, ни брезгливой пренебрежительности к Брежневу. Да и в отношении к Ленину, я, продолжая считать его самым великим политическим деятелем столетия, склонен согласиться с мнением одного древнего китайского мудреца о том, что великий человек является бедствием для этноса и цивилизации.

Место XX съезда в процессе десталинизации

Н.А. Симония,
академик РАН, директор ИМЭМО РАН

При анализе хрущевской эпохи очень важно различать два аспекта. Первый — «оттепель» — очень важен сам по себе, под него я подвожу все то доброе, что сделал Хрущев, в особенности в отношении репрессированных и их семей. Тысячи, тысячи и тысячи семей, воссоединились, или, по крайней мере, людям стало ясно, что случилось с их близкими и т.д. Для того времени это была революционная мера — прежде всего в сфере нравственности и морали. Но есть другой аспект — вопрос о том, что представляла хрущевская эра, особенно начиная с XX съезда, как момент исторического процесса.

Почему я хочу подчеркнуть важность разделения этих двух аспектов? Потому что если акцентировать лишь один из них, то можно слишком переоценить Хрущева. А мы (ученые) должны все-таки постараться для будущего очень объективно осветить все аспекты, тем более сейчас, когда уже начали открываться дополнительные архивы, в том числе касающиеся XX съезда. В «Известиях» уже появились первые кусочки документов и выступлений того времени, и если посмотреть на проблему в целом, то перед нами, видимо, откроются еще какие-то новые грани. Если же рассматривать только второй аспект, то мы можем недооценить то, что сделал Хрущев для де-

сятков и десятков тысяч наших людей, в том числе еще живущих.

Поэтому необходим очень серьезный, аккуратный, тонкий анализ, включающий все аспекты этого явления.

Меня сегодня, конечно, больше всего будет интересовать Хрущев и его выступление на съезде как момент исторического процесса в нашей стране. Я считаю: самое главное, что сделал этот доклад — то, что было положено начало разрушению мифа и самого культа личности. Это особенно важно для всего последующего нашего развития, вплоть до сегодняшнего дня.

Была жесткая бюрократическая, иерархическая пирамида власти во главе с вождем. Культ был скрепляющим моментом, связывающим намертво всю пирамиду. И Хрущев нанес удар по вершине пирамиды — это вызвало неизбежное движение внутри пирамиды. Может быть, он даже не рассчитывал на те результаты, которые были получены в результате его выступления, может быть, он даже до конца не понимал, что делает — так бывает в истории очень часто. Тем не менее, объективно эта заслуга принадлежит ему. У него в то время хватило смелости сделать этот шаг.

После этого восстановить культ было уже невозможно. Я являюсь свидетелем постсталинского развития нашего общества, поэтому могу свидетельствовать, что тоталитарный вариант культа личности в нашей стране уже не удалось повторить. Но недавно, работая с небольшим коллективом над историографией сталинизма, я удивился, обнаружив, что некоторые мифы существуют до сих пор. В нынешних газетах можно прочитать: Хрущев разрушил культ Сталина для того, чтобы создать новый культ. Но даже если он и желал этого, у него ничего не получилось. Можно сохранить чисто формальное, внешнее оформление, похожее на культ — но культ уже было невозможно восстановить.

Мы прекрасно знаем, что с эпохой Хрущева было связано появление тысяч анекдотов про Хрущева. Можно ли представить себе, чтобы при жизни Сталина было такое количество анекдотов? Анекдоты о Хрущеве рассказывали открыто — а не на кухне в узком кругу друзей. В отличие от эпохи Брежнева для эпохи Хрущева был характерен «массовый анекдотизм»,

причем с оттенком добродушия, даже доброжелательности. Смеялись, но смеялись по-хорошему, не зло. Когда наступила эра Брежнева, анекдотов стало еще больше, но они сделались желчными, ядовитыми и т.д. Это очень показательно, и если смотреть с этой точки зрения, то нельзя было не заметить большой разницы между эпохами Хрущева и Брежнева.

Что еще сделал Хрущев для того, чтобы наша страна развивалась по-другому? — Он, правда, не открыл, но все же открыл страну. Это тоже было сделано непроизвольно, но это был объективный результат новой ориентации во внешней политике. Почему? — Хрущев пересмотрел господствующую при Сталине точку зрения на национально-освободительные движения и их лидеров. Если посмотреть тома Большой Советской Энциклопедии, изданные в начале 50-х годов, то можно увидеть в них характеристики таких деятелей, как Сукарно, Неру, Насер, как предателей и даже фашиствующих прихвостней империализма. Хрущев пересмотрел все это, он начал налаживать контакты, ездить в развивающиеся страны, подписывать Договоры о дружбе и сотрудничестве. Благодаря этому десятки тысяч советских специалистов с семьями, никогда не мечтавших увидеть ничего заграничного, вдруг хлынули в страны Азии, Африки и Латинской Америки и увидели совсем другой мир.

Говорю об этом уверенно, потому что сам был среди такого рода людей. В качестве переводчика я поехал в 60-м году в Индонезию с нашими проектировщиками и строителями. Потом ездил еще много раз. Я увидел совсем другой мир, понял, что этот мир ничего общего не имеет с тем, что утверждала наша пропаганда, о чем писалось в официальных изданиях и говорилось в официальных речах.

Хрущев сделал еще одну, казалось бы, маленькую вещь, которая, однако, сыграла роль переворота в моих представлениях о марксизме. Он инициировал постановление ЦК, разрешающее издание Полного собрания сочинений Ленина. Я допускаю, что где-то в сейфах еще есть какие-то очень важные записочки Ленина, но, во всяком случае, это было его наиболее полное собрание сочинений с восстановлением купюр и текстов, вырезанных по личному указанию Сталина. Я тут же подписался на это издание. И по мере поступления томов чи-

тал все, не пропуская ни одной страницы, ни одного примечания. Для меня это был переворот. Получив последний, 55-й том, я заново восемь месяцев перечитывал, абсолютно всё. Вот тогда-то я и понял, что марксизм — это одно, а тот «социализм», который строился в нашей стране, — абсолютно другая вещь.

Более того, я решил, что теперь уже не смогу писать так, как раньше и решил написать книгу (это был моя докторская диссертация, а в 75-м году опубликовал ее как книгу), где четко было сказано: если ты марксист, ты должен признать, что социализм не только не был построен, но он и не мог быть построен в отсталой крестьянской России.

Почему я не согласен с Михаилом Сергеевичем по поводу его характеристики брежневского режима как неосталинистского? Потому что Брежнев был слишком мелкотравчатой личностью, чтобы серьезно осуществить реставрацию сталинизма. Он максимум мог сказать экспертам, пишущим для него очередной доклад на сталинской даче: «Что вы мне тут пишете какие-то заумные вещи, не делайте из меня философа. Посталински, попроще пишите». Возьмите хотя бы пример с моей книгой, о которой я уже упоминал. Судьба этой книги и моя судьба весьма показательны в плане характеристики «глубины» брежневской «реставрации» сталинизма. В 75-м году — в период брежневщины — выходит книга, где говорится, что в СССР нет никакого социализма. И что? Меня сослали в Сибирь? (Хотя я уже сидел на кухне с женой, готовился ко всякому повороту событий и обсуждал с ней вопрос о том, что будем делать, если меня выгонят с работы.) Меня выгнали с работы? Была опубликована хотя бы одна серьезная статья, опровергающая то, что я написал в этой книге (около 500 страниц)?! — У них не было уже пороха для этого.

Когда иностранцы, которые знают об этой книге, спрашивают, почему со мной так мягко обошлись (выгнали из редколлегии востоковедного журнала, пять лет не выпускали даже в ГДР или Болгарию), я им рассказываю анекдот: «Приезжает в гости свояк из другого города. Естественно, пошел сразу в магазин, купил пол-литра водки, потом пошел в другой магазин — пытался купить селедку. Селедки не было. Он выходит на улицу и кричит: «До чего довели страну?! Нет даже селедки,

нечем закусить». Пошли в овощной магазин — нет ни лука, ни зелени. Он опять кричит то же самое. Тогда к нему подходят двое джентльменов, отводят его в подворотню и кричат: «Ты что позволяешь себе?!» И начали его всячески распекать, а потом и говорят: «Если ты в следующий раз еще так сделаешь, то пеняй на себя». И отпустили его. Он вернулся к свояку, тот спрашивает: «В чем дело?» Тот говорит: «Да у них и патронов уже нет». Действительно, «патронов» не было. Два раза мой «добрый покровитель из ЦК» направлял мою книгу в журнал «Коммунист», чтобы они опубликовали разгромную статью. Два раза никто не захотел браться за это дело. Хотя по указанию ЦК все же организовали «обсуждение» моей книги в ряде институтов Академии наук СССР.

Вот поэтому для меня брежневщина — это очередной этап разложения тоталитарного режима, а не восстановление сталинского режима.

Почему все-таки Хрущев потерпел поражение? — Для него было абсолютно невозможно отказаться от идеи социализма. Даже не в открытой форме, а в косвенной. Даже возвратиться к Ленину он не смог.

НЭП — единственный путь. Простая, казалось бы, мысль. Для социализма мы не готовы, значит, единственное, что мы можем делать, — построить «мостки» к нему (Ленин). А что такое мостки? — Госкапитализм. Все очень просто. Сталин ни разу при жизни Ленина и даже через год после его смерти ни в одной речи, ни в одной статье не упомянул слово НЭП. Он не принимал НЭП с самого начала, еще при жизни Ленина. А когда Ленин умер, у него руки развязались, и он приступил к последовательному свертыванию НЭПа.

Самое интересное, что даже в горбачевскую перестройку, когда поднялась волна дискуссий и обсуждений, их участники разбились на два лагеря — на правый и левый, но все (и правые и левые) сошлись на том, что НЭП нам не нужен, и мы фактически сорвали реализацию идеи госкапитализма, мы ушли от этого. Резоны были разные: у левых — потому что они хотели возвращения к сталинскому социализму, у правых — потому что они были против регулирующей роли государства и хотели сразу перескочить в американский капитализм, швед-

ский капитализм и т.п. Поэтому НЭП никому из них не был не нужен.

Через двенадцать лет разрухи, когда ополовинили экономику, разрушили нравственность в стране, погрязли в коррупции — пройдя через все эти бедствия и унижения, некоторые теперь снова возвращаются к идее НЭПа. Я вдруг обнаружил, что слово НЭП стало снова модным. Его употребил даже доктор наук Мау, который, как известно, слыл и слывет абсолютным либералом. В журнале «Эксперт» опубликована большая статья, которая обсуждает проблему НЭПа в сфере инноваций.

Как бы мы ни пытались убежать от НЭПа, мы все равно вынуждены вернуться к этой идее — в исковерканном, искаженном виде и т.д., но другого пути нет. Конечно, теперь развитый капиталистический мир уже начал потихонечку формировать информационно-технологический уклад и переходить от индустриальной к постиндустриальной эре. С учетом этого мы, конечно, должны строить другие «мостки» (не те, которые имел в виду Ленин) в рамках своего «догоняющего развития».

Думаю, что жизнь заставит нас сделать это. Потому что иначе мы не выползем из того исторического тупика, в который начали вползать в конце 20-х годов.

XX съезд КПСС и перестройка: две попытки преобразования советского общества

В.Л. Шейнис,
д.и.н., ИМЭМО РАН

Отмечая юбилейные даты, мы не просто хотим удовлетворить собственную любознательность или передать память о делах давно минувших дней следующим поколениям. Распалась или сохранилась связь времен — вглядываясь в события полувековой давности, мы стремимся осмыслить также и то, что происходило с нами в недавнем прошлом, а если удастся, и заглянуть в будущее.

I

XX съезд был и остается важнейшим событием отечественной истории. Содержательно и даже хронологически он делит ее советско-большевистскую эпоху пополам. Конечно, крупные исторические события редко свершаются в один или несколько дней. XX съезд стал кульминационной точкой переломного этапа, который начался 5 марта 1953 г., в день смерти диктатора и продолжался еще в течение какого-то времени.

Из почти трех десятков съездов партии, единовластно распорядившейся страной три четверти века, этот съезд поделился не жаркими дискуссиями, как это было на первых съездах, и не чуть по-новому расставленными акцентами в некоторых выступлениях среди скучно-торжественного словоговорения, занявшего почти две недели. Главным был доклад Хрущева на закрытом заседании 25 февраля 1956 г., когда все постановления уже были приняты и центральные органы партии избраны.

Доклад Хрущева, скомпонованный из материалов, которые готовили разные люди, «надиктовок» и импровизаций уже на трибуне самого оратора, — не только повествование о Сталине, отличавшееся небывалой до того степенью откровенности, но и документ своего времени. Вчитываясь в позабытый, хотя и ставший после публикации 1989 г. легко доступным текст, теперь можно по достоинству оценить, чем был этот доклад с его прорывами, разоблачениями, истолкованиями и умолчаниями и на какие рубежи вывел нашу страну самый «оттепелый» 1956 г.

Докладу было дано название «О культе личности и его последствиях». В нем было показано, как Сталин с присущей ему настойчивостью, не ведая стыда, направлял кампанию восхвалений, переписывая историю и беспардонно выпячивая свою роль. Уже одно это для людей, десятилетиями воспитывавшихся в духе беспредельной любви и преданности великому вождю, было потрясением. На деле, конечно, сам культ был одним из побочных (и не самым важным) следствий самодержавной политической системы, которая так и не названа была своим собственным именем, хотя в докладе тому содержалось множество примеров. Этому эвфемизму — «культ лично-

сти» — была уготована долгая жизнь для обозначения совсем других явлений. И в таком качестве он сыграл исключительно вредную роль, предписывая границу, за которой не допускались ни научное исследование, ни политическая дискуссия.

Была сброшена с идеолого-пропагандистского пьедестала и версия о «великой дружбе» Ленина и Сталина. То была не просто грубая историческая фальсификация, но и один из краеугольных камней официальной идеологии. Но разоблачения эти были четко канализованы, а в идеологическую нишу, которую занимал Сталин, был помещен еще более мудрый и непогрешимый Ленин, в верности которому клялся каждый оратор на съезде.

Политическим и эмоциональным ядром хрущевского доклада был рассказ о терроре. Приводилось множество леденящих кровь фактов о лживых обвинениях, пытках, бессудных казнях. Именно этим доклад восприняли и запомнили. Из сказанного нетрудно было сделать вывод (хотя он и не был сформулирован), что террор приобрел такие масштабы, а машина физических и моральных истязаний невинных людей была отлажена до такого совершенства, которые и присниться не могли ни царской охранке, ни диктаторским режимам в других странах. С высокой трибуны партийное руководство обещало: никогда более! И это было главным, с чем вошел в историю XX съезд. К каким бы бесчинствам ни прибегали наследники, перехватившие позднее штурвал у Хрущева, как бы впоследствии ни оступался в сталинизм сам Хрущев, на XX съезде была задекларирована нечетко очерченная граница произволу, перейти которую никто уже не решился.

Вместе с тем были повторены все сталинские штампы об оппозиционерах как «реставраторах капитализма», «капитулянтах перед мировой буржуазией» и т.д., и тому была противопоставлена «положительная роль» Сталина в борьбе с ними. Между тем подавление внутривнутрипартийной оппозиции как раз и открыло путь к установлению единовластия в партии и в стране. Характерно, что оправдательная версия эта дожила до перестройки и была в последний раз воспроизведена в юбилейном докладе Горбачева к 70-летию Октября. В докладе за исходную точку террора была взята середина 30-х годов. Авторы доклада и помыслить не могли о том, чтобы сказать не только

о жестоких бессудных расправах, в которых были повинны в годы гражданской войны обе стороны, о Кронштадте и Тамбове, но и о последующих преступлениях режима: о разгроме деревни в ходе коллективизации, об истреблении самой рабочей и перспективной части крестьянства, о спланированном голоде 1932-1933 гг., погубившем миллионы крестьян Украины, Северного Кавказа и Поволжья, о регулярных прочистках «буржуазной интеллигенции», «спецов» и т.д.

Хрущев включил в свой доклад некоторые факты о деяниях Сталина во время войны и в послевоенные годы. Хотя в этой части изложение страдало некоторыми перехлестами, легенде о великом полководце и искусном дипломате был нанесен тяжелый удар. Однако и на этом направлении расчет с прошлым был остановлен на полпути. Не было сказано ни слова о провале предвоенной внешней политики Сталина, о фактическом соучастии СССР в начале второй мировой войны на стороне Гитлера, о секретных протоколах по территориальному разделу в Восточной Европе, которые удалось извлечь из потаенных архивов лишь полвека спустя, о позорной войне с Финляндией, о Катыни и многом другом. А главное — был обойден вопрос о цене победы. Вне критики, естественно, остались цели и средства послевоенной советской политики в Восточной Европе. Этот нарыв, однако, прорвется в самые ближайшие месяцы и остановит нетвердые шаги на пути десталинизации.

Критике была подвергнута и национальная политика Сталина. Реабилитация репрессированных народов имела ничуть не меньшее значение и последствия, чем восстановление в правах политзаключенных. Сотням тысяч людей были возвращены гражданские права (хотя не всем и не полностью). Но смягчение режима для «спецпоселенцев» осуществлялось дозированно, и возврат в родные места был разрешен не всем. Упомянуто было «дело врачей», но в его изложении был обойден главный компонент — политика государственного антисемитизма, в которой это провокационное дело стало лишь кульминационной точкой.

Самым больным для Хрущева и его коллег по президиуму был вопрос об ответственности членов высшего руководства.. Понимая, что уйти от разговора об этом не удастся, Хрущев

сам поставил этот вопрос. Его ответ выглядел следующим образом. Первое — Сталину верили, с ним были связаны наши победы.. Второе — мы многого не знали (пройдет 5 лет, и на XXII съезде будет рассказано о расстрельных списках, визировавшихся членами политбюро — разумеется, теми из них, кто к тому времени окажется в опале). Третье — все вопросы Сталин решал сам, произвольно и выборочно привлекая или отстраняя членов политбюро. Четвертое — все мы жили под угрозой ареста, и проживи Сталин еще несколько месяцев», коекого из нас в этом зале не было бы.

Беспомощность этих плохо согласованных друг с другом объяснений бросается в глаза. Что, однако, из них непреложно вытекало — никакого политбюро как органа, реально возглавлявшего партию и государство, не существовало. Избранные на съезде (фактически назначенные Сталиным) его члены в лучшем для них случае были доверенными собеседниками и порученцами диктатора. Более того, это была идеальная и естественная модель организации большевистской власти. И хотя к законченной сталинской модели партия так и не вернулась, она неумолимо шла и теперь на смену «коллективному руководству» межвременья.

Таков был этот противоречивый, обошедший немало острых углов, но, вероятно, содержащий максимум того, что можно было сказать при существовавшем раскладе сил в партийном руководстве, и для своего времени несомненно выдающийся доклад.

Исторические решения были приняты после недолгих споров в предельно узком кругу высшего партийного руководства. Пленум ЦК и сам съезд выполнили в этом спектакле роль даже не древнегреческого хора — к ним больше подходит злое выражение Троцкого: «голосующая баранта». Невозможно представить съезд какой-либо живой, не выстроенной по армейскому ранжиру партии, на котором прозвучали бы столь сенсационные разоблачения и который после этого согласился бы их даже не обсуждать, предоставив своим руководителям определять дальнейшие действия по собственному усмотрению, без какого-либо контроля и догляда.

И все же историческое значение XX съезда и того, что произошло сразу после него, едва ли можно переоценить.

Резкое ускорение приобрел процесс освобождений и реабилитаций. Сотни тысяч людей вышли на свободу, миллионам было возвращено доброе имя. Если бы процесс этот, начатый еще до съезда, шел, как настаивали оппоненты Хрущева, дозированно, не был заявлен громогласно, его влияние на нравственное оздоровление общества было бы куда меньше. Как сказала в марте 1956 г. Анна Ахматова: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха». Заслуга Хрущева в том, что этот обмен взглядами не прошел потаенно.

Намного большее значение, чем собственно оглашение доклада на съезде, приобрел следующий шаг. Выступая перед делегатами, Хрущев заявил, что все сказанное должно остаться секретом партии: нельзя обнажать ее язвы перед врагами. Но уже 5 марта на брошюре, содержащей текст доклада и рассылаемой в райкомы партии, гриф «совершенно секретно» был заменен другим: «не для печати». Одновременно с докладом было рекомендовано ознакомить коммунистов (свыше 6 млн. чел.), комсомольцев (еще 18 млн.), а также «беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» (т.е. практически всех, кто хотел и мог придти на собрания, где зачитывался доклад). Поразительно, но современными публикаторами протокол заседания президиума ЦК 5 марта не обнаружен. Скорее всего, решение было принято путем индивидуального опроса его членов, при котором каждый из них оказывался с Хрущевым как бы один на один. В результате сообщенная делегатам съезда информация стала достоянием всей страны и крупнейшим событием ее общественно-политической жизни середины XX века. Процесс пошел и дальше. Текст доклада Хрущева был роздан руководителям «братских партий» и там размножен. В зарубежной печати информация о «секретном» докладе появилась уже в марте, а его полный текст — в июне 1956 г.

II

Дважды в XX веке перед страной как будто бы открывалась возможность вырваться из исторически накатанной ко-

леи и встать на путь демократического, европейского развития. Первая, очень нерешительная, плохо осознаваемая попытка мирного демонтажа тоталитарной системы была обозначена на XX съезде. Вторая, продвинувшая общество неизмеримо дальше, сломавшую самую злую и продолжительную диктатуру XX века — в годы перестройки. Развитие событий и в первом, и во втором случае в решающей степени зависело, во-первых, от того, как складываются отношения в узком кругу высших партийных иерархов и как далеко они готовы пойти по пути десталинизации. Во-вторых., как на эти действия отреагирует актив многомиллионной партии. И, в-третьих, как поведет себя общество. Небезынтересно хотя бы эскизно сопоставить две попытки исторического поворота в нашей стране, их, следуя Плутарху, «параллельные жизнеописания» — не только лиц, но и процессов.

Опыт и 50-60-х, и 80-х годов показал, что попытки выхода из тоталитарного режима, который не подпирается штыками извне и не потерпел военного поражения, могут быть изначально предприняты только сверху, из ядра системы. Дальнейшее развитие — продолжение реформ или откат от них — зависит от множества обстоятельств, но первые импульсы должны придти с верхушки властной пирамиды, точнее — учитывая величайшую концентрацию власти в этой системе — от лидера. Хрущев был если не единственной, то безусловно главной моторной силой начавшихся перемен. Многие узнав и поняв в последние годы жизни Сталина и в особенности после его смерти, Хрущев, хотя он и прошел школу коммунистической догматики в ее самом упрощенном, примитивном виде, что наложило неизгладимый отпечаток на его воззрения, оказался смелее и решительнее более образованных коллег в преодолении параноидальных проявлений сталинского режима. Его мотивы нередко объясняют тем, что, раскрывая преступления недавнего прошлого, Хрущев подготавливал отстранение от власти своих соперников, более него повинных в репрессиях. Если это и так, то нельзя упускать, что он и без того многого добившись в позиционной борьбе первых после-сталинских лет, серьезно ослабив политические позиции Молотова, Маленкова, Кагановича — главных своих оппонентов, шел теперь на колоссальный риск. Будь его противники более

решительны, прозорливы и сплочены, они попытались бы до съезда сместить Хрущева, в чем почти преуспели 15 месяцев спустя. Я думаю, что мотивы Хрущева были более сложными. В них присутствовала не только прагматика, но и нравственность, чувство исторической ответственности. Сама выстроенная при Сталине система таких лидеров не вырабатывает или, во всяком случае, не допускает их на верхние ступени пирамиды. Они появлялись вопреки действующему в ней естественному и противоестественному отбору претендентов на лидерство.

Разумеется, Хрущев не осознавал масштаб и содержание вырисовывавшихся перед страной проблем, как не предвидел результатов своих действий. В этом еще не было беды. То же самое можно сказать о Горбачеве, провозгласившем перестройку. Беда была в том, что Хрущев остановился, как только стали разворачиваться неконтролируемые процессы. В отличие от Горбачева он не сумел развиваться вместе с событиями. На первые признаки пробуждения общества он стал отвечать по-сталински, хотя и без сталинской свирепости. Многие в начавшееся «подмораживание» вносили и его коллеги по президиуму, и огромный партийно-государственный аппарат, сохранявший дух уходящей эпохи. Уже в апреле 1956 г. палица партийных репрессий обрушилась на головы тех, кто стал задавать вопросы, которые сознательно и бессознательно были обойдены в знаменитом докладе, а в конце года возобновились политические аресты. На события в ближайшей периферии он тоже реагировал по-сталински: в Польше — грубыми угрозами, в Венгрии — интервенцией. Весь хрущевский период только в свете последующего этапа представляется оттепелью. Более пристальный взгляд позволяет увидеть, как кратковременные оттепели сменялись морозами, и вся государственная политика варьировалась в ритме: иди-стоп-назад.

И все же полной реставрации сталинского режима не произошло. Сталинская машина подавления и террора была не демонтирована, а лишь отведена на запасный путь. Еще при Хрущеве и в особенности после его смещения не раз возникало искушение запустить ее вновь — на том настаивали влиятельные лица в высшем политическом руководстве. И в

том, что это не было сделано и преследование теперь уже не мнимых, а как правило, действительных противников режима осуществлялось выборочно, более тонкими (хотя подчас не менее изуверскими) средствами, немалая роль принадлежит разоблачениям, прозвучавшим на съезде, а затем на сотнях тысяч «читок доклада». После всего этого вернуть время, когда органы государства в массовом масштабе истребляли граждан, оказалось невозможно.

Прошло три десятилетия, советская система вступила в полосу общего кризиса, и партийная верхушка, в которой только и решались кадровые вопросы, вновь выдвинула неорганичного для нее лидера. Значительно более культурного и образованного, а потому и более адаптивного к ходу событий. Лично не запятнанного кровавыми репрессиями. А главное — способного извлекать уроки, которые преподносила жизнь. Не все и не всегда. Но все-таки задавшего импульсы, которые продвинули наше развитие, приобщение страны к демократическим и европейским критериям и ценностям неизмеримо дальше.

Если не оправданием, то некоторым объяснением сконванности Хрущева на пути десталинизации могут служить не только его личные качества, благоприобретенные в школе партийного воспитания и счастливо складывавшейся карьеры. К движению по этому пути была абсолютно не готова партия, прежде всего властвующая и задающая каноны поведения ее часть. Более того, когда зашаталась привычные устои, политика Хрущева вообще, XX съезд в особенности в представлениях этих людей стали выглядеть источником всех бед и напастей. Раздражение, а затем и ненависть к «волонтаристу» шли рука об руку с реанимацией сталинского мифа.

Горбачеву досталась партия, прошедшая глубокую трансформацию. В ней сформировались и заявили о себе различные, подчас враждебные друг другу идеологические платформы. Как только были обозначены новые цели и отключены репрессивные механизмы, некоторые из этих платформ обрели политические очертания и организующие центры, а сама партия по сути стала многопартийным образованием. В отличие от Хрущева, который в президиуме имел лишь одного убежденного союзника (то был Микоян), вокруг Горбачева сложи-

лась команда и в высшем политическом руководстве, и в особенности — в лице привлеченных им помощников и влиятельных лидеров общественного мнения. Некоторые из них готовы были идти дальше Горбачева.

Замысел Горбачева заключался в том, чтобы использовать партию — одну из несущих конструкций тоталитарной системы — для эволюционного, мирного демонтажа той же системы. Это не было иллюзией. Поскольку власть и влияние Генерального секретаря, доставшиеся Горбачеву по факту его избрания, были колоссальны, проперестроечные течения в партии быстро набирали силу, а невнятно заявленные поначалу цели перестройки отвечали устремлениям значительной, возможно, преобладающей части партийного руководства и актива, Горбачеву удалось, опираясь на партийные механизмы, существенно продвинуть вперед процессы демократизации и высвобождения независимых общественных сил. От попыток провести дозированные, прежде всего экономические реформы он перешел к реформам политическим, которые взорвали партию и породили независимых субъектов политического процесса. Горбачев, однако, упустил момент, когда и в партийном аппарате, контролировавшем значительную часть организаций, и в высшем партийно-государственном руководстве сложилась мощная оппозиция дальнейшему продвижению реформы и лично генеральному секретарю. Партия как таковая перестала быть инструментом преобразования общества. На мой взгляд, капитальная ошибка Горбачева заключалась в том, что он в ответ не расколол партию, не организовал на платформе современной социал-демократии и не повел за собой ее реформаторскую часть, уступил лидерство в демократических преобразованиях иным силам. Даже осознав необходимость такого шага, он его слишком долго откладывал. Партия не разъединилась, а рухнула, и это повлекло за собой немало трагических последствий.

Наконец, общество. При Хрущеве оно было незрелым, далеко не преодолевшим наследие самой зверской фазы сталинизма — страха, нерассуждающей веры, деморализации, пассивности. Шок от прозвучавших разоблачений был сильным, но кратковременным. Хрущев и его преемники вскоре убедились, что управляемость общества можно сохранять, со-

блюдая его информационную изоляцию и прибегая лишь к выборочным и ограниченным репрессиям.

Реформаторской команде Горбачева довелось действовать в ином обществе. Оно, конечно, подверглось серьезному разложению, порожденному временем позднего брежневизма (широко распространились безверие, потеря каких бы то ни было идеалов, утрата трудовой морали, цинизм, коррупция, фарисейство и т.д.) Все это, конечно, не могло не сказаться в наступивших переменах.

Но в обществе формировались и конструктивные силы. Оценив поступившие сверху сигналы, они вскоре заявили о себе как самостоятельном факторе преобразований. Под их давлением или участии развитие зашло так далеко, как невозможно было и помыслить в 50-60-х годах. Обрушилась идеократическая модель «партия-государство». В России чуть позднее была принята Конституция, не лишенная серьезных дефектов, но все же зафиксировавшая права и свободы человека и гражданина на уровне передовых демократических стандартов, идеологический плюрализм, многопартийность, федерализм и разделение властей. Стал формироваться рынок, основанный на автономии хозяйствующих субъектов. Возникли независимые от государства СМИ, общественные организации и т.д. Казалось, переход на демократический путь развития стал необратим.

Можно только поражаться тому, как круто и быстро вслед за тем развернулась реставрация авторитарного строя в России и большинстве бывших республик СССР.

Многие достижения перестроечных и первых постперестроечных лет оказались утрачены, демократическое законодательство подправлено или обращено в фикцию, на месте парламента, суда, общественных институтов возникли муляжи, а бизнес и главные СМИ поставлены под контроль государства. Под флагом борьбы с сепаратизмом вытесняется так и не вставший на ноги российский федерализм. Изменена избирательная система: при неопределенности постоянно варьирующихся и выборочно применяемых правил голосование (или, точнее, подсчет результатов) почти во всех случаях дает определенный, желательный для властей результат. Разными способами, в том числе напоминающими методы работы спец-

служб прошедшего времени, открыто подавляется активность независимых общественных организаций. Политика снова перестала быть публичной. Завершается построение номенклатурного капитализма с главенствующей ролью чиновника и воссоздание авторитарного режима.

Итак, две попытки выхода за пределы исторического стереотипа существования нашего общества в XX веке не удались. В первом случае — воля и действия реформаторов оказались ограниченными, а общество не сумело выдвинуть силы, способные перехватить инициативу и власть. Во втором — такие силы возникли, но их способ реформирования экономики и общества оказался во многом деструктивным. Так был не только перекрыт путь дальнейшим демократическим преобразованиям, но и многое из того, что как будто бы уже вошло в жизнь, оказалось обратимым, а власть плавно и даже без сильных потрясений перешла к силам реставрации.

Нынешнее состояние трех акторов перемен (лидер, политическая элита, общество), которые последовательно приходили в движение, изменяли ситуацию и сами менялись под ее воздействием, не внушает оптимизма. На глазах прорастает до боли знакомая социально-политическая модель. Наверху пирамиды — лидер, выведенный из зоны критики. В его руках сосредоточена и продолжает сосредотачиваться колоссальная власть. Прямо или косвенно ему подчинены все значимые государственные институты. На нисходящих ступенях — вероятно разросшаяся армия чиновников, не контролируемых ни парламентом, ни общественными институтами и демонстративно выказывающих лояльность назначившему их суверену. Они-то и образуют каркас миллионной «партии при власти», которая была с потрясающей быстротой сформирована на основе административной мобилизации и нажима с использованием персональных данных, извлеченных из компьютеров. Партия, которая не имеет внятной идеологии (кроме как «мы за президента и его курс») и все установки получает из Кремля, представляет не что иное как большую политическую клиентелу, руководствующуюся, как правило, достаточно ци-

ничными поведенческими нормами. Она доминирует сейчас на выборах в центре и регионах, но по сути воспроизводит КПСС на заключительном этапе существования: в ином идеологическом оформлении, но все тот же «приводной ремень».

Если даже допустить, что власть стремится доступными ее пониманию методами преодолеть хаос и анархическое своеволие предшествующего периода, ответить на вызовы, которые не остерегались бросать Кремлю региональные элиты, «олигархи», оппозиционные политики, журналисты, то очевидно, что средства, к которым она прибегает, не соответствуют цели. Средства, которые мобилизуются как будто бы для модернизации страны, уводят от достижения цели. Они по сути антимодернизационны. Сосредоточение государственной власти в одном центре, постановка под его жесткий контроль важнейших общественных процессов, вырождение федерализма, вытеснение с политической арены всех самостоятельных акторов, превращение парламента и судебной системы в инструментарий власти исполнительной, ликвидация независимых СМИ — то есть уничтожение или умаление неперенных атрибутов современного общества, делают систему ригидной, неспособной адекватно реагировать на внешние и внутренние возмущения, которые неизбежно заявят о себе.

Наконец, общество. Оно впадает в состояние анабиоза, послушно голосует или игнорирует выборы и позволяет власти манипулировать собой даже тогда, когда явным образом нарушаются его интересы. С отдельными же выступлениями пенсионеров, льготников, обманутых вкладчиков и т.д., протестующих против реформ, режущих, как и прежде, по живому, власть научилась небезуспешно справляться. Демократические партии теряют свой электорат. Возрождается даже сталинский миф, который начал рушиться при Хрущеве и, как казалось, был добит при Горбачеве. На вопрос: существуют ли такие действительные или мнимые достижения и ценности, во имя которых можно оправдать (или забыть) террор и уничтожение генофонда нации, значительная часть наших сограждан (многие из которых на рубеже 80-90-х годов шли на выборы и демонстрации, сокрушившие коммунистический тоталитаризм) теперь, не задумываясь, отвечает: да!

Если российская история движется, как это не раз отмечалось, по причудливой синусоиде, циклами, то сейчас мы переживаем контрреформу, нисходящую фазу цикла. Сколь продолжительной может оказаться понижающая фаза наступившего исторического цикла? Будет ли выход из нее происходить по уже известному алгоритму? Едва ли кто-либо может уверенно ответить на эти вопросы. По видимости выстраиваемая система достаточно прочна, но на деле она крайне уязвима, мало приспособлена к сохранению балансов в ситуации, заведомо подверженной быстрым и неожиданным изменениям. И когда наступит новый подъем, демократическая интеллигенция должна встретить его более подготовленной, с лучшим пониманием своей страны и своей истории, чем 50 и 20 лет тому назад. Чтобы наше общество не было застигнуто врасплох в третий раз.

Демократическая традиция в тоталитарной системе

Б. Ф. Славин,

д. ф. н., профессор Горбачев-Фонд

Нельзя понять место XX съезда в нашей истории, не поняв саму советскую историю. Сейчас ее трактуют по-разному. Некоторые радикалы справа считают, что, начиная с 1917-го года, образовалась «черная дыра» в истории. И только с конца 1991-го года она начинает заполняться действительным общецивилизационным содержанием, расцветивается какими-то жизненными красками. Я не сторонник такой односторонней и явно ангажированной точки зрения. Считаю, что в нашей истории, как и в любой другой, всегда боролись различные тенденции.

Для советской страны с Октября 1917 года можно наметить две характерные тенденции: народническую или демократическую и тенденцию бюрократическую, рождающую авторитарные и тоталитарные режимы политической власти.

Вся советская история — своеобразная череда, или смена этих тенденций. Так, подлинный демократизм первых месяцев Октябрьской революции, сменился политикой «военного коммунизма» и закрытием оппозиционных журналов, газет и партий, затем демократические преобразования нэповского времени, позволили в считанные годы преодолеть разруху военного времени и выйти на показатели 1913 года. Именно в это время возникают и множатся различные художественные школы и журналы, идет бурный рост народного творчества. Затем страну буквально сковывает сталинский тоталитарный режим власти, породивший ГУЛАГ и трагедию сотен миллионов людей. Первую брешь в этом режиме пробивает XX съезд КПСС, породивший «оттепель», сминившуюся затем заморозками брежневского авторитаризма с неосталинистским привкусом. Наконец горбачевская перестройка полностью хоронит брежневский авторитаризм и остатки сталинской тоталитарной системы власти.

Конечно, бывало и так, что один и тот же лидер был как провозвестником демократии, так и человеком с авторитарными замашками, допускавшими антидемократические и пятые шаги в политике. Подобная двойственность была свойственна и Хрущеву. Так, спустя год после своего антисталинского доклада на XX-ом съезде партии, он заговорил о Сталине как о стойком революционере, верным марксизму-ленинизму. Отсюда же и его непростые отношения с интеллигенцией: с одной стороны, разрешение печатать Солженицына, с другой, разносы, устраиваемые отдельным художникам и поэтам за отход от традиционных идейно-эстетических позиций. Однако в главном демократизм Хрущева всегда одерживал вверх. Именно Хрущеву принадлежит последовательное осуществление реабилитации невинно осужденных узников ГУЛАГа, возвращение гражданских и политических прав крестьянам и т.д., и т.п.

На «круглых столах», посвященных юбилею XX съезда, организованных в Думе — партией Жириновского, в Московской мэрии — Фондом Плеханова, руководимым Г.Х. Поповым, высказывались разные точки зрения. Так, Жириновский прямо заявил, что XX съезд КПСС был «исторической ошибкой», приведший к разрушению государственной власти, что в опреде-

ленной степени нам сегодня нужен «бескровный сталинизм» и т.д. Что касается «круглого стола», организованного Фондом Плеханова, то на нем известный телекомментатор Попцов убеждал присутствующих в том, что не Ельцин со-товарищи развалили Советский Союз, а отмена шестой статьи Конституции в годы перестройки, которая, в свою очередь, была продолжением линии XX съезда партии. Здесь все смешено: время деятельности Ельцина, Горбачева Хрущева. На самом деле, это были разные времена и разные руководители.

Конечно, есть прямая логическая и политическая связь между XX съездом партии и горбачевской перестройкой, осуществившей на практике глубокую демократизацию советского общества, стремившейся придать реальному социализму человеческое лицо. В то же время ошибочно искать нечто общее между процессами, реформирующими и демократизирующими советский социализм, и политикой Ельцина, отказавшегося от социалистического выбора и вставшего на разрушительный путь неолиберального фундаментализма с его «шоковой терапией» и грабительской приватизацией государственной собственности. Именно Б.Ельцин покончил с СССР и советской историей в 1991 - 1993 годах и потому ничего общего с ней не имеет. Борис Ельцин — это другая история и другое общество, в котором миллионы людей сегодня не столько живут, сколько выживают.

Однако вернемся к XX съезду КПСС. Он был поворотным событием в советской истории. Октябрьская революция, НЭП, XX съезд и перестройка — исторические события поворотного значения, которые двигали нашу страну к демократии, к выражению подлинных интересов большинства людей, прежде всего, трудящихся. Это нельзя не замечать и нельзя путать с современностью, в которой реализуется совершенно иная историческая и социальная парадигма.

Социальной почвой тоталитарного режима, сложившегося при Сталине и по его инициативе, была бюрократия и поддерживающие ее различные мелкобуржуазные слои общества, уставшие от революции. Как известно, бюрократия не является самостоятельным классом: она всегда обслуживает тот или иной господствующий класс, не забывая, конечно, и о себе. Сталин это прекрасно понимал, поощряя номенклатуру де-

нежными «пакетами», спецпайками, спецсанаториями и т.д. Все это было фактическим предательством по отношению к идеалам революции, и не могло не вызывать сопротивления не только в низах общества, но и среди руководства правящей партии. Отсюда борьба со сталинизмом сначала «левой», а затем и «правой» оппозиции, протесты Крупской, Рютина и других членов партии. Отсюда соответствующие итоги голосования на XVII съезде партии.

Конечно, Сталин использовал оппозиционные настроения в обществе как предлог для установления самовластия или собственной тотальной диктатуры в стране. В итоге ГУЛАГ и сотни тысяч невинно загубленных жизней. По данным доклада специальной комиссии ЦК КПСС президиуму ЦК, за 1935–1940 годы за антисоветскую деятельность было арестовано 1980635 человек, из них расстреляно 688503. Соответственно, за 1937–1938 годы арестовано 1548366 и расстреляно 681692. В итоге был уничтожен весь тонкий слой революционеров, о которых в свое время так хорошо говорил Ленин, отмечая, что для них правдивость и честность были естественными человеческими качествами. Следует подчеркнуть, что этот слой революционной интеллигенции был Сталиным фактически почти полностью уничтожен. Были ликвидированы, за исключением его самого, и все те руководители партии и государства, о ком писал Ленин в своем письме к XI съезду. Одни погибли от пули в отечественных тюремных застенках, как Каменев, Зиновьев, Бухарин, другие, как Троцкий, были загублены за границей.

Вопреки марксистским традициям (вспомним негативную позицию Маркса и Ленина по отношению к культу личности), Сталин всячески поощрял культ собственной личности во многом имевший религиозный характер. Я, будучи мальчишкой, помню, как на праздновании 800-летия Москвы был поднят портрет Сталина в форме светящегося куба и видимый со всех сторон. Это была гигантская объемная икона человека-бога. Для многих он был даже больше, чем Бог. Ни одна религия не додумалась превратить в своеобразный храм всю Москву, включая ее небо — а сталинисты додумались.

Марксизм и социализм были превращены Сталиным в «религию», согласно которой не социализм — для человека, а

человек — для социализма. Именно XX съезд разрушил святость подобной религии и ее догм. С XX съезда партии началось своеобразное идейное возвращение к аутентичному Марксу и Ленину. Было опубликовано скрываемое от масс письмо Ленина к XII съезду партии, где указывалось на нелояльность Сталина, и выдвигалось предложение убрать его с поста Генсека партии. Вышли в свет ранние гуманистические работы Маркса, начали переводиться на русский язык и издаваться научные и литературные произведения многих ранее не издаваемых западных авторов и т.д. Н.С. Хрущев впервые в публичных выступлениях начал подчеркивать принципиальное различие между Лениным и Сталиным, — различие, которое сегодня не хотят замечать многие ангажированные властью идеологи. (Некоторые отечественные радикалы типа Игоря Чубайса доказывают сегодня, что Ленин был в сотни раз более тиран, чем Сталин, хотя нет ни одной подписи Ленина под смертным приговором своих политических оппонентов, в то время как подпись Сталина стоит под смертными приговорами сотен людей — см.: недавно опубликованные так называемые Расстрельные списки).

Итак, XX съезд КПСС осуществил радикальную десталинизацию страны, отменил культ вождя, возродил многие ленинские принципы управления партией и страной. В этом колоссальная историческая заслуга XX съезда партии. Велика роль Хрущева в создании подлинной демократической атмосферы общества. На мой взгляд, как политического деятеля Хрущева надо оценивать не по тому, что он не дал обществу, а по тому, что он ему дал, оставив свой след в истории. Нельзя забывать, что Хрущев, развенчав сталинизм и реабилитировав сотни тысяч людей, создал новую атмосферу в советском обществе. Помню, как выходили в прокат фильмы «Чистое небо», «Летят журавли», «Девять дней одного года», как лирики спорили о смысле жизни с физиками, как поэты в Политехническом музее собирали сотни слушателей, как, наконец, честность, отношение к человеку, его труду, вновь становилось критерием нравственности. Именно тогда, во времена Хрущева родились народные дружины, стало бурно развиваться народное творчество, возникло много самоуправленческих организаций и клубов, и т.д. А движение знаменитых «шестиде-

сятников»? Оно целиком вышло из XX съезда КПСС и его решений. Вместе с ним реальному социализму возвращалось его гуманистические черты: был поднят вопрос о правах человека, законности судебных решений, развивалась свобода творчества и конкуренция художественных школ.

Гуманистические начала общественной жизни были стимулированы Хрущевым — человеком не очень культурно развитым, но демократом по своей сути, крестьянским мужиком, который знал, что нужно народу. А что было нужно народу в то время, после войны? Нужно было жилье. И он пошел на то, чтобы сделать революцию в жилищном строительстве, в результате чего простые люди получали отдельные квартиры, переезжая в них из коммуналок, бараков и подвалов. Сегодня мы называем эти дома «хрущобами», но тогда — это был мощный демократический акт, который дал миллионам людей не только крышу над головой, но и возможность пользоваться отдельными квартирами.

Конечно, Хрущев не мог сделать всего для развития демократии в стране. Он во многом оставался человеком своего, в основном, сталинского времени. Отсюда и его конфликт с творческой интеллигенцией, и приказ о расстреле рабочих демонстрантов в Новочеркасске и т.д. Тем не менее, он все же сумел преодолеть сталинизм и добиться решения XXII съезда КПСС о выносе тела Сталина из Мавзолея.

Сегодня пытаются сделать то же самое с телом Ленина. Но это совершенно другая история: с именем Ленина и его захоронением в Мавзолее связана жизнь многих поколений советских людей, и этого нельзя игнорировать. Следует так же видеть принципиальную разницу в исторической роли Ленина и Сталина. Это были во многом политические антиподы, разошедшиеся к концу жизни Ленина и лично. Тот, кто изучал исторические документы последних лет жизни Ленина, например, материалы так называемого «грузинского дела», тот знает, что Сталин во многом был палачом Ленина. Он был настоящим узурпатором политической власти, и первый кто это понял, был Ленин. Что касается жестокости и мстительности Сталина, то ни рабовладельческий мир, ни средневековье не знало тиранов, превосходивших его в репрессиях против своих бывших соратников и сотен тысяч простых граждан. Об извращен-

но жестокой натуре Сталина говорят его рисунки. В свое время «Российская газета» опубликовала характерный сталинский рисунок, на котором была изображена Красная площадь, где на виселицах были подвешены за половые органы его политические противники. На мой взгляд, образное мышление «вождя всех народов» дает многое для понимания духовного мира и психики этого человека.

Конечно, разоблачив культ личности Сталина на XX съезде партии, Хрущев не сломал, но существенно надломил хребет тоталитарной системы. Лишь в годы перестройки этот хребет было ликвидирован полностью. В этом смысле XX съезд был своеобразной предтечей перестройки. То, что недоделал XX съезд, доделала перестройка. Например, если при Хрущеве низы начали обсуждать кандидатуры на выборные должности, то Горбачев впервые вводит альтернативные выборы. Если Хрущев не понимал значение идеи политического плюрализма, до которой, между прочим, в свое время поднялся Ленин в конце своей жизни, призвавший легализовать меньшевиков, то Горбачев допустил сначала существование различных платформ в КПСС, а затем и многопартийность. Напомню, что ЛДПР, социал-демократы и др. политические организации зародились в годы перестройки.

Аналогичные процессы можно отметить и в сфере внешней политики. Так, с именем Хрущева связана разрядка международной напряженности, а с именем Горбачева — фактическая окончание холодной войны. И в этом смысле XX съезд и перестройка — два исторических события, которые оказали решающее влияние на международные отношения.

В заключение повторю: я решительный противник тех, кто пытается сегодня выводить политику Ельцина из деятельности Хрущева и результатов политики перестройки. Это не сводимые друг к другу исторические явления. Постперестройка — уже другая история и другой социальный выбор.

XX съезд: надежды и иллюзии

Г.Г. Водолазов,

д.ф.н., МГИМО — университет МИД России

Художественный образ XX съезда и Никиты Сергеевича Хрущева был создан Эрнстом Неизвестным. Это — сочетание черных и белых тонов. Я не подсчитывал их пропорцию у Неизвестного, не знаю, какие тона преобладают в памятнике Хрущеву. Но думаю, это не так важно. Важна сама идея — сочетание черного и белого. Политико-философский эквивалент этому образу, на мой взгляд, — это качающиеся чаши весов: черная и белая. И я кладу на черную и белую чаши те или иные материалы и смотрю, куда и почему, клонятся на весах чаши.

Что же на «черной чаше»? Прежде всего, на ней — не сломленная и даже не надломленная, а сохраненная бюрократическая система — социальная и политическая (правда, освобожденная от крайностей сталинистской формы).

Не случайно Никита Сергеевич сказал в канун XX съезда: «Сталин предан делу социализма, но всё — варварскими методами». Следовательно, задача — отказаться от варварских методов, преодолеть кризисные явления, к которым привело систему сталинское руководство. Ведь, к 1953 году сталинский вариант системы трещал по всем швам — и в экономической, и политической, и культурной сферах.

Так, в экономике перестало эффективно работать директивное планирование. Ибо шедшие в центр с мест сообщения об успешном выполнении и перевыполнении планов оказывались на деле ложью («очковтирательством», как это стали называть впоследствии). И понятно почему: успешные рапорты чиновников всех уровней были условием их движения вверх по бюрократической вертикали. И приходилось планировать, исходя из совершенно нереальной ситуации, ставя всё более высокие и всё более невыполнимые задачи. В итоге, разрыв между реальным положением дел и их отражением в статистике с каждым годом нарастал в геометрической прогрессии. К 1953 году он достиг катастрофических размеров, что вскоре

после смерти Сталина было зафиксировано сентябрьским Пленумом ЦК 1953 года: реальные данные по сельскому хозяйству были в разы меньше приводимых в официальных документах. Так же обстояло дело и с «уровнем жизни». Официально представляемый мир — это мир «Кубанских казаков», мир изобилия и довольства, в котором, согласно знаменитой сталинской формуле, «жить стало лучше, жить стало веселее». А реальность — в сказанных накануне XX съезда словах Хрущева: «Я при царизме, будучи шахтером, пил молока, сколько хотел. А сейчас достать кружку молока — проблема».

Политическое руководство сталинской эпохи жило в иллюзорном, ложном мире и поэтому принимало, совершенно не соответствующие реальным возможностям решения. Хрущев рассказывал, как они с Микояном, исходя из реального положения дел, предлагали Сталину (в последние годы его жизни) ограничить налог на крестьянство 6-7 миллиардами рублей — большой налог губителен для крестьянских хозяйств. А Сталин, размахивая ложными рапортами, определял: «40 миллиардов! А вы — псевдогуманисты, сродни народникам и эсерам», в общем — враги. «Когда мы от Сталина вышли, — вспоминал Хрущев, — я сказал Микояну: «Нас спасет только, если крестьянство не восстанет». Если бы Сталин не умер, не знаю, чем бы всё это кончилось».

От экономического краха страну спасла смерть Сталина. На сентябрьском Пленуме Хрущев видит выход в том, чтобы сказать правду о положении дел в экономике, привести в соответствие статистику и реальность — и начать реальное планирование.

Разрастался кризис и в кадровой политике. Я помню, как в начале 60-х годов в «Известиях» (где я тогда — при Аджубее — работал) один высокопоставленный чиновник делился с нами, журналистами: «В начале 50-х годов стало невозможно находить кандидатов на руководящие должности: у подавляющего большинства возможных кандидатов оказывались «подмоченными» анкетные данные — у них родственники находились то ли в лагерях, то ли в ссылках, то ли в оккупации побывали. С такими анкетами на высокие посты назначать было не принято. Возникла необходимость списать этот анкетный компромат, перестать обращать на него внимание». После смерти

Сталина «анкетные проблемы» были устранены — появилась возможность подбирать кадры не на основе анкет, разработанных в ведомстве Берии, а в соответствии с компетенцией и профессионализмом кандидатов.

Систему, сложившуюся при Сталине, губила ее негибкость, жесткая бюрократическая иерархия, ломающая всякую инициативу, идущую снизу. Всё — только сверху вниз. При Хрущеве решалась задача избавить систему от разрушающих ее крайностей, от варварских форм и найти новые формы деятельности, которые способны придать системе большую подвижность и гибкость, больший динамизм, и тем самым продлить ее жизнь. Отсюда — рождение новых, более гибких форм: система совнархозов (передвигающая акцент в хозяйственной деятельности от центральных министерств в регионы — ближе к жизни, ближе к реальности); разделение партийных органов на сельскохозяйственные и промышленные — с той же целью; расширение сферы и форм «общественного контроля», повышение роли общественных депутатских комиссий, создание народных дружин. Была заметна большая открытость политических лидеров. Иные сетовали: вот-де Хрущев «много болтает», чуть ли не каждый день выходят целые простыни газет с его бесконечными речами. Да, и слава богу! После сурового немногословия Сталина и Молотова, после закулисья Берии открытость лидеров демократизировала общественную жизнь, придавала ей человеческий облик.

Однако нововведения шли в русле и рамках прежней системы. Они лишь смягчали ее кризисные черты, придавали ей большую гибкость и жизнестойкость. Скажу больше и резче: Хрущев не ломал систему, он спасал ее. А в основе своей система оставалась прежней: партийно-государственная номенклатура заведовала всеми участками общественной жизни — это была её диктатура, поскольку отсутствовал действенный, реальный контроль народа за деятельностью партийных чиновников. Как и раньше, чиновничий аппарат полностью соответствовал образу, который когда-то нарисовал Михайловский: «Русская бюрократическая лестница, если смотреть на нее снизу вверх — восходящая лестница бар, если смотреть на нее сверху вниз — нисходящая лестница лакеев».

Эта система уже во второй половине 50-х годов стала сводить на нет элементы демократии, которые были инициированы Хрущевым и XX съездом. Она отторгала их, активно и быстро возвращалась к прежней своей сути.

Восстанавливался прежний механизм движения вверх по чиновной лестнице — успешные рапорты. Начинался этап новой лжи и очковтирательства. Рязанский партийный вождь Ларионов рапортует о выполнении за год трех (!) планов по животноводству, тульский секретарь обкома Хворостухин — о выполнении двух планов... Снова — растущий разрыв между придуманным и реальным миром, снова план теряет свой конструктивный характер, снова запутываются связи на всем пространстве экономической жизни. И снова кризис экономики и потребления. Снова — огромные очереди за хлебом, снова — быстро пустеющие полки магазинов.

Воспроизводятся командно-бюрократические методы политического руководства во всех сферах общественной жизни — в том числе в науке, где к ученым относятся как к «челяди», обслуживающей политиков. Партийные руководители «влезают» в пространство научных дискуссий, в которых мало что смыслят, и ретиво поддерживают тех, кто особенно лоялен. Снова, как и при Сталине, на коне авантюрист Лысенко, в общественной науке царят сталинские соколы — Федосеев и Константинов.

Возрождаются ждановские методы по отношению к искусству — шельмование и преследование неугодных партийным верхам писателей, художников, композиторов. Дудинцева — «стереть в порошок» за его роман «Не хлебом единым», Вознесенскому публично предлагается взять иностранный паспорт и «катиться из страны на все четыре стороны», по выставкам неугодных художников — бульдозером, Пастернака за «Доктора Живаго» травят похлеще, чем Ахматову и Зощенко в 40-е годы.

Быстро формируется новый культ — уже культ самого «нашего дорогого Никиты Сергеевича» — и одновременно, жесткие меры по отношению к инакомыслящим. Апофеоз — расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске.

В общем, тяжелый груз на этой «черной чаше». Он давит — и тянет она с большой силой вниз. Что же лежит на другой чаше — на «белой»?

Первое и главное: Хрущев и XX съезд распахнули двери лагерей и тюрем, вернули родителей к детям и детей к родителям, восстановили честь и достоинство оболганных и униженных людей.

Даже если бы было сделано только это, белая чаша перевесила бы всё, что лежит на черной. XX съезд был единственным из всех партийных (после ленинских) съездов, где зримо присутствовала гуманистическая тенденция. Это была не обычная для съездов КПСС лицемерная болтовня о том, что у нас — «всё для человека, всё для его блага». XX съезд не просто провозгласил, он сделал «для человека», «для блага людей» нечто очень осязаемое и реальное. Потому его можно называть съездом реального гуманизма.

Тысячи и тысячи (а с членами семей — миллионы) возвращенных к нормальной жизни людей не могут не быть благодарны Никите Хрущеву. Да, Хрущев в сталинские времена и сам принимал участие (и весьма активное) в жестоких репрессиях. Он сильно виноват. Но это — проблема его судьбы и его совести. Для тех же, кто вышел на свободу из-за колючей проволоки, не так важна прошлая жизнь освободившего их человека. Доклад Хрущева можно назвать его личным покаянием, покаянием не словом, а ДЕЛОМ.

Отдадим должное его мужеству. Он — единственный из высшего руководства партии, кто решился на такой доклад и, между прочим — против воли абсолютного большинства Президиума ЦК. Это был поистине революционный шаг.

Последующие критики Хрущева в брежневскую (да и нынешнюю) эпоху осуждают его отнюдь не за то, что он был недостаточно демократичен, что пытался авторитарно-административными мерами осуществлять демократизацию, что на его совести участие в репрессиях, а как раз за лучшее в нем — за критику сталинизма, за милосердие к раздавленным сталинизмом людям.

Но не только это на «белой чаше» весов. Хрущев имел мужество назвать одного из величайших политических злодеев в истории злодеем и разрушить широко распространенную ле-

генду о величии и безгрешности «вождя народов». Он так ударил об пол «хрустальную вазу» с именем «Сталин», что, сколько потом не пытались собрать, склеить ее разлетевшиеся осколки, — уже ничего не получалось. Это — навсегда!

Доклад Хрущева способствовал пониманию того, что есть разные «социализмы»: сталинский, казарменный, тоталитарный — и социализм с тенденциями гуманизма и демократии, социализм нэповского типа. Был поставлен вопрос о сути социализма, о его возможных формах и их противостоянии. Идея «демократического социализма» («рыночного», «социализма с человеческим лицом») станет затем центральной идеей того интеллектуального движения, которое получило название «шестидесятничества» в России и «пражской весны» в Чехословакии.

XX съезд не только распахнул ворота лагерей и тюрем, но и ворота «лагерей» духовных. Хотя пространство свободы мыслить при Хрущеве оказалось не слишком широким, дух свободомыслия вырвался наружу. Вновь загнать людей в духовный концлагерь стало уже невозможно.

В общем, на моих весах «белая чаша» явно перетягивает «черную».

Но я отдаю себе отчет в том, что XX съезд и доклад о культуре личности были высшей точкой деятельности Хрущева. Дальше пошло движение по нисходящей. Сохранившаяся бюрократическая система отторгала и перемалывала тенденции народности и демократизма, существовавшие в деятельности Хрущева. И хотя был еще резко антисталинский XXII съезд, был одобренный Хрущевым «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, был «Теркин на том свете» Твардовского и т.п., но в целом, система работала на сохранение административно-бюрократического типа деятельности.

Она, система, победила. Произошел Октябрьский Пленум 1964 года, сбросивший Хрущева. Потом подошел и август 1968 года, когда советскими танками был раздавлен гуманистический, демократический социализм чехословацких коммунистов. Новая генерация политиков с Брежневым во главе выбросила почти всё, что было на «белой чаше», и «черная чаша» начала стремительно опускаться вниз.

И всё же стимулированное XX съездом движение шестидесятников продолжало жить, исподволь готовя новый демократический, гуманистический сдвиг, получивший название «перестройка» (сдвиг, который, впрочем, имел не менее печальный конец, чем хрущевские реформы; но это — предмет особого разговора).

Итак, на моих весах «белая чаша» XX съезда перетягивает груз, лежащий на «черной чаше». И потому я обязательно пойду на Ново-девичье кладбище и положу цветы к памятнику Никиты Сергеевича. Мысленно я кладу их сейчас.

Незавершенность десталинизации

В.А. Рыжков,

депутат Государственной Думы РФ

Пятидесятилетие XX съезда КПСС остро воспринимается всеми нами именно потому, что политическая проблематика съезда еще не исчерпана.

Главная мысль, которую я хочу высказать, заключается в том, что, на мой взгляд, **десталинизация России не завершена**. В этом смысле первая незавершенная задача XX съезда — это восстановление имен всех репрессированных. Это открытие архивов НКВД, КГБ, ФСБ. Это установление всех имен виновных. Эта задача до сих пор не решена. И в этом смысле, мне кажется, что главное значение XX съезда и этой годовщины в том, что мы вновь и вновь должны повторять: полная десталинизация России еще не произошла.

Когда я выступал на «Эхе Москвы», где обсуждался юбилей XX съезда, моим оппонентом был секретарь ЦК КПРФ Куваев, который утверждал, что хрущевский доклад нанес смертельный удар по партии, по социализму и по великой стране. Потом началось интерактивное голосование среди слушателей. Вопрос был сформулирован так: «чего больше дал Сталин России — хорошего или плохого?» Очень интересный получился результат: позвонило большое число людей (5 600 чело-

век), несмотря на то, что была суббота с 6 до 7 вечера. 71 процент позвонивших ответили, что Сталин принес больше плохого. Тем не менее, 29 процентов позвонивших ответили, что Сталин принес больше хорошего.

Именно в этом смысле так важно сегодня еще раз проговоривать и напоминать людям, кто такой был Сталин, что такое был сталинский террор, сталинский режим, потому что 29 процентов аудитории «Эха Москвы», которые считают, что Сталин принес больше хорошего, чем плохого, — это очень тревожная цифра.

Я убежден, что XX съезд — переломная дата, переломное событие. Сейчас есть люди, которые это отрицают, говорят, что суть системы осталась прежней, что та же партия осталась у власти, что были нападки на интеллигенцию и т.д. Но все же произошел кардинальный поворот. Во-первых, миллионы людей были реабилитированы, сотни тысяч вышли на свободу.

Во-вторых, окончательно прекратились массовые репрессии. С того момента это уже было абсолютно невозможно и никогда не повторялось. Обожествление лидеров также прекратилось.

Наконец, появилось поколение, шестидесятников, сформировалось его мировоззрение. Без этого поколения была бы невозможна перестройка и десталинизация Восточной Европы и всего мира.

Я не считаю, что мы преодолели сталинизм до конца. Мне кажется, что три фундаментальные характеристики этого режима, к сожалению, существуют сегодня, и даже укрепляются с каждым днем.

Первая характеристика сталинской системы, как я это понимаю, — концепция власти как неодолимой, никому не подотчетной, беспощадной силы, которая сминает все на своем пути. Если мы посмотрим на то, что происходит сейчас, какая концепция власти сегодня выстраивается и какая идеология под нее подводится, мы будем вынуждены признать, что происходит ренессанс именно «сталинской» концепции власти.

Вторая характеристика — концепция народа как массы, которая безропотно идет за властью, не может контролировать власть, распределена по профессиональным и иным группам, но послушна монолитной, неодолимой силе власти.

Сегодня любое выступление народа воспринимается как подрыв, как «оранжевая революция», как покушение на самые святыни.

Третья составляющая сталинской системы — репрессивные органы. Горбачев пытался поставить их под контроль, реформировать. Разве сегодня можно сказать, что Прокуратура или ФСБ — наследницы КГБ, НКВД — находятся под, общественным контролем и действуют строго в рамках законности, не вторгаясь в экономическую жизнь, не вторгаясь в политическую жизнь, не вторгаясь даже в интеллектуальную и общественную жизнь? Я думаю, что это был бы слишком смелый вывод, и, к сожалению, репрессивные органы действуют сегодня в своей прежней логике.

Три ключевых элемента сталинской системы — неодолимая власть, которая не приемлет плюрализма, политической конкуренции, открытого участия в политической борьбе всех приемлемых политических сил; народ, который безропотно должен исполнять команды начальства; репрессивная система, которая вмешивается во все и обеспечивает неприкосновенность власти, — к сожалению, не только живы сегодня, но с каждым днем набирают все больший и больший вес.

Сегодня, когда мы вспоминаем дату выдающегося доклада Никиты Сергеевича Хрущева, выдающегося события в нашей истории — XX съезда, мы должны все время напоминать: десталинизация не завершена. Пока мы не решим эту задачу до конца (архивы закрыты, работа по реабилитации практически остановилась; Катынь и Медное начали опять отрицать; выходят тысячи книг и фильмов, где реабилитируется Сталин; опять идет пропаганда сталинизма, страшного культа и т.д.), мы не можем об этом не говорить. Это факт, это реальность, с которой мы сталкиваемся.

Михаил Сергеевичу Горбачеву было в 1956 году 25 лет. Мне и моим сверстникам было 19 лет, когда началась перестройка. Мое поколение — по крайней мере, я могу говорить за себя — целиком сформировано перестройкой. Так я всегда, даже в интервью, везде говорю, что я — «дитя» Горбачева в смысле политическом и духовном, и идейно мое поколение принадлежит перестройке.

Хочу закончить на оптимистической ноте. Поколение, связанное с XX съездом, осуществило перестройку. Я надеюсь, то, что было сделано в 80-е годы, — это семена, которые дадут всходы, и вместе мы обязательно завершим то дело, которое начал XX съезд. Дело полной и окончательной **десталинизации России.**

XX съезд и судьба советской системы

А. Берелович,

директор Франко-российского центра

XX съезд КПСС, 1956 год — это не только советская история. Это, по крайней мере, европейская история. Я прекрасно помню расколы, дискуссии, запрет чтения доклада Хрущева для членов компартии в 1956 г. во Франции. Хотя доклад был опубликован в газете «Монд», честные члены компартии не читали этот доклад, потому что им сказали, что это фальшивка. И, конечно, венгерские события, уличные баталии вокруг газеты «Юманите» и т.д. То есть XX съезд был в первую очередь событием для Советского Союза, но это было также событие для стран Восточной Европы и для всего коммунистического движения. И в связи с этим — мировое событие.

Конечно, 1956-й год — это только момент, кульминационный, но момент в достаточно длительном процессе. Уже в 1953 году мы замечаем не только в литературе (вспомним известные статьи в «Новом мире»), но и в общественной жизни первые признаки сдвига в общественном сознании, в умонастроениях. Мы видим по опубликованным сейчас докладным запискам тогдашнего КГБ, что сразу же после смерти Сталина были некоторые движения (например, среди студентов), которые потом продолжались некоторое время.

Маленькое замечание насчет «оттепели»: конечно, название, найденное Эренбургом, гениально. Признак гениальности этого названия — в том, что оно настолько прижилось. Но я боюсь, что оно не помогает определить то время, а наоборот

запутывает, т.е. эвристическая сила названия «оттепель» минимальна. «Климатическая» метафора, благодаря которой мы говорим об «оттепели, морозе, заморозках, отмораживании» и т.д., — в общем, скрывает суть того, что происходило. Если «оттепель», значит, до этого была «зима»? Значит — всё было «заморожено»? Но были все-таки социальные явления, я не хочу сказать — движения, в то время. Если это была «весна», тогда потом снова «зима» — следовательно, у нас появляется желание назвать ее неосталинизмом. Таким образом, мы ставим знак равенства между сталинской и брежневской эпохами. Это, в сущности, неправильно, потому что нельзя поставить знак равенства между тоталитарным и «только» авторитарным режимами.

Понятие «неосталинизм», как будто снимает с настоящего времени печать настоящего и говорит об «остатках сталинизма» в настоящее время. Это, на мой взгляд, облегчает проблему нашего понимания того, что происходит. Вероятно, это связано с еще не найденным словом для определения сталинского времени. Сталинизм — это тавтология. Слово «тоталитаризм», я думаю, мало что объясняет, и надо еще найти обозначение, которое позволит нам реально определить то время.

Что произошло, благодаря всему предшествующему моменту: 1954 год — второй Съезд писателей; 1956 год — XX съезд? Мне кажется, речь идет о появлении в квази публичном пространстве разных мнений. Этот раскол создал некоторое пространство, некоторый зазор, благодаря которому можно было вести свою собственную игру. Можно было отождествлять себя с одним или другим направлением. Это происходило, конечно, внутри социалистических установок, но все-таки позволило выбраться из тоталитарной однородности общественного мнения (хоть понятие «общественное мнение» мало подходит к сталинскому времени). Мнение, конечно, было не общественное, потому что для этого нужны некоторые условия, которых тогда не существовало. Все-таки создается некоторый плюрализм мнений в обществе и, что очень важно (это стало больше, конечно, при Брежневе, чем при Хрущеве), власть больше не старается контролировать частные мнения.

Она продолжает максимально контролировать общественное мнение, общественное пространство, но не частное.

Это создало условия, которые позже дадут возможность перейти к перестройке. К слову, разные, очень любопытные мнения по поводу Сталина, были опубликованы не так давно в сборнике документов, связанных с XX съездом¹. Там, среди разных докладов, сводок и отчетов есть отчет, например, украинского ЦК о вопросах, которые ставили на собраниях, где читали доклад Н.С. Хрущева. Перечень этих вопросов занимает девять страниц. Я хочу выделить некоторые из них.

«Магические» вопросы типа «надо ли убрать Сталина из Мавзолея?» — Как будто нечистое тело Сталина может заразить чистоту Ленина.

Практические вопросы (некоторые из них просто замечательны). Учитель четвертого класса спрашивает: нужно ли проходить тему «Клятва товарища Сталина Ленину»? Действителен ли лозунг «Под знаменем Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина вперед к победе коммунизма!»? Что делать с портретами Сталина? То есть, явно, спрашивают люди практичные, которые понимают, что культ закончился, и просят установку: а что теперь нам делать конкретно?

Добавлю, что вышел еще один сборник документов, касающийся нашей темы². Согласно ему, всех тех, кого арестовали сразу после 1953 года, после смерти Сталина за изречения типа «подох, туда ему и дорога» (были и более грубые), освобождают в 1956, 1957 годах. Даже на улице высказанное частное мнение уже не является преступлением. Я имею в виду именно это, когда говорю о меньшем контроле за частным и даже, в некоторой мере, публичным словом.

Вопросы третьего типа перечисленные в документе украинского ЦК, более глубокие. Например, такой вопрос: «по-

¹ Доклад Н.С.Хрущева о культе личности И.В.Сталина на XX съезде КПСС, документы. Сост. В.Ю.Афиани и З.К.Водопьянов, Москва, 2005.

² 58–10, надзорное производство прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганды, март 1953-1991, Москва, 1999.

чему члены Политбюро молчали и не требовали созыва пленумов, ведь товарищи Хрущев, Булганин и другие были тогда у руководства?» То есть сразу же после чтения доклада Н.С. Хрущева ставится вопрос о коллективной ответственности, и критика того, чтобы все сводить только к Сталину.

Все это имело место уже в самом начале новой послесталинской эпохи. Но, конечно, очень важно подчеркнуть, что нужно было найти свою личную стратегию, свою личную линию поведения. Говоря кратко, эти линии можно свести к следующим: (1) Активная приверженность режиму, с желанием получить вознаграждение за эту приверженность (продвижение по работе, ордена, квартира и т.д.) (2) Пассивная приверженность, или лояльность: «я терплю этот порядок, режим, я делаю то, что надо, но я не особенно в этом активен». (3) Пассивное сопротивление. (4) Активное сопротивление (диссидентство) — крайний случай, очень редкий.

Возможность существования этих *разных* стратегий поведения и создает, как мне кажется, то, что привело к концу системы.

Последний вопрос, который я оставляю открытым: была ли возможна эта система *без террора*? Как показывает нам то, что произошло в дальнейшем, система умерла после того, как террор отменили. То есть можно рассматривать весь процесс с 1956 г. до 1986 г. как *постепенный распад* этой системы. Система была выстроена таким образом, что центром ее был террор. Когда его убрали — вынули тот цемент, ту железную арматуру, которая держала систему, она распалась. Это, тем не менее, не означает, что другие варианты существования системы не были бы, в принципе, возможны.

XX съезд и современное общественное мнение

Б.В. Дубин,

социолог, публицист, Левада-центр

Я не историк, а социолог, и моя тема — не сам XX съезд, а его значение, место, образ, роль в общественном сознании — российском, постсоветском, включая нынешний день. Хронологические рамки — это примерно последние 20 лет, с 1988 года, когда Левада-Центр (тогдашний ВЦИОМ) начал проводить регулярные замеры общественного мнения.

Хочу отметить одну смысловую точку, к которой постоянно возвращаются в связи с XX съездом: это двойственность ситуации вокруг съезда, двойственность шагов самого Хрущева и людей, которые были с ним связаны, которые вместе с ним решились на перемены в системе. Все рассказы о съезде и его последствиях развиваются по модели «с одной стороны и с другой стороны». С одной стороны — то-то и так-то, но с другой стороны — что-то другое. Я хотел бы зафиксировать этот момент, потому что социологически он чрезвычайно важен.

Я думаю, что здесь мы имеем дело с очень характерной социально-политической ситуацией, когда борьба фракций внутри правящей верхушки при отсутствии в стране, в обществе самостоятельных политических движений, сил, институтов не может дать окончательного результата, привести к определенному выбору. Не удастся сделать решающий шаг. Намеренно усиливая ситуацию, я бы сказал, что не удастся ни по-настоящему завершить, ни по-настоящему начать. Такая ситуация («уже не, но еще не») становится в некотором смысле модельной. Это синдром советской и постсоветской политической жизни. Я к нему еще вернусь.

В этом смысле для меня, как для социолога истории, российской жизни, съезд — это симптом и символ возможного поворота к другому пути страны. К «другому», но не «особому». Сильно упрощая ситуацию, я сказал бы, что в этом смысле можно построить обобщенную политическую историю, ис-

торию политической культуры в России второй половины XX века и начала XXI века как систему, которая колеблется между идеей общего пути и особого пути России. Опять-таки, система, ее деятели оказываются всякий раз не в состоянии сделать *окончательный* выбор.

Чтобы понять, что я имею в виду под словом «окончательный», укажу просто на один исторический прецедент. После 1945 года в Германии стали невозможны слова об «особом пути». Этот период для Германии закончился и, кажется, навсегда, настолько тяжелую цену пришлось заплатить за отказ от этого. К сожалению, в России такой степени окончательности процесса не удалось достигнуть ни тогда, ни, как мы убеждаемся, сегодня.

Обратимся теперь к данным. Именно потому, что съезд — это симптом, символ, образ иного возможного пути для страны, он становится значимым в ситуации поворотов, когда вновь поднимается вопрос о пути такого рода и возникают разные точки зрения на будущее.

Замер общественного мнения 1989 года, тогда к самым значительным событиям XX века съезд причислили 10 процентов опрошенных взрослых людей в России. Почему это стало возможно? Важна смысловая констелляция, в которую образ съезда тогда входил. Что с ним было связано? Приблизительно каждый третий тогда (30 процентов опрошенных) относил к самым значительным событиям XX века сталинские репрессии тридцатых годов. Каждый четвертый считал самым значительным событием века перестройку. То есть, в образ съезда тогда входило отталкивание от античеловеческого сталинского режима и надежды первой перестроечной поры на другой, гуманистический строй жизни.

Прошло десять лет. По замеру 1999 года, к самым значительным событиям XX съезд отнесли меньше четырех процентов россиян, репрессии как важнейшее событие отметили 11 процентов; перестройку — 16 процентов.

Иначе говоря, в начале наших замеров в 1988-1989 годах мы имели примерно такую композицию оценок: максимум положительных оценок Запада, минимум высоких оценок «особого» советского пути. Напротив, скорее, тогда проявилась склонность к символическому самоуничтожению: «СССР —

черная дыра»; «наш опыт никому не нужен кроме тараканов» и т.п. Это из писем, которые тогда нам присылали вместе с заполненными анкетами.

Итак, в начале — отказ от мифологии и риторики особого пути; пробужденная память о репрессиях, угрожавших каждому человеку и всему социальному целому; негативная оценка советского и негативная оценка фигуры Сталина. Через 10 лет композиция перевернулась. Противостоящий *общему* пути — это теперь вновь *особый* путь России.

Говоря совсем коротко, чтобы не входить в длинные идеологические дискуссии: в довольно пустом понятии особого пути, которое никто — ни массы, ни элиты — не в силах конкретизировать, есть, пожалуй, только один остаточный смысл — это путь великодержавный, имперский. Причем в условиях, когда «империи» больше нет и возвращение к ней (большинство россиян это сегодня признают) невозможно. Невозможно, но, тем не менее, безальтернативный образ единого «мы» в коллективном сознании — великодержавный образ, и обозначен он фигурой Сталина. Других представлений об обществе, власти, человеке в его отношении к себе, к другим и к власти большинство россиян не знает. Не только не знает, но отстраняется от всякого возможного знания, иначе пришлось бы слишком многое менять и меняться самим, — а этого сегодня люди в массе своей не хотят. Россия снова *колеблется между* имперским особым путем и общим, на который она так и не может выйти окончательно.

Если в 1989 году Сталина причисляли к самым выдающимся людям всех времен и народов 12 процентов опрошенных, то в 1999 году — 35 процентов. В 2000 году Сталина называли самым выдающимся политиком среди всех возглавлявших страну в XX веке — так считал каждый пятый из опрошенных. Хрущева в этом контексте называли три процента.

В 2001 году 40 процентов указали, что относятся к Сталину с положительными чувствами, симпатией, уважением и т.д. 43 процента — с отрицательными. А еще в 1994 году соотношение было другое: каждый четвертый относился скорее с положительными чувствами; порядка половины, т.е. вдвое больше — с отрицательными.

Вот уже данные 2003–2004 года. Вопрос: «если бы Сталин был сегодня жив и избирался на пост президента страны, вы бы за него проголосовали?» 26–27 процентов проголосовали бы за Сталина. Другой вопрос, 2003 года: «какую, вы считаете, роль сыграл Сталин в жизни нашей страны?» В целом положительную роль, ответили 53 процента россиян.

Почему я сосредоточился именно на сталинской фигуре, можно, я думаю, не объяснять. Мы говорим о XX съезде, а значит — о возможности поворота и возможности другого, не особого пути России. Особый путь — это сталинский путь. Это то, что попытались построить в стране в течение первой половины XX века.

Вопросы, которые остались после смерти Сталина и после XX съезда, фактически, уже во второй половине века, — Юрий Левада назвал их в статье конца восьмидесятых «сталинскими альтернативами» — для России в целом, для разных ее социальных групп, для политической сферы оказались не решенными. Они и сегодня не решены, а во многом даже не поставлены или их постановка все больше и больше вытесняется из общественного поля. Какие это вопросы? Может ли страна быть открытой миру — не только через нефтяную трубу, как оно было при Брежневе или складывается сегодня, а открытой как политическое целое, как социальное целое? Может ли страна жить в мире, положив конец бессменным в XX веке гражданским войнам и, в том числе, двенадцатилетней бессмысленной и братоубийственной войне, — жить нормальной жизнью, не чрезвычайной, а стабильной, предсказуемой, нормальной? Может ли страна идти не по особому пути, а по общему. Под «общим» я вовсе не имею в виду (это важный пункт, который я хочу подчеркнуть) такой, как у других. Общий — не значит такой, как и у всех или у кого-то другого, у кого я могу его позаимствовать. Общий — это значит ориентированный на *множество разных* других и учитывающий их.

Дефицит в сегодняшней, как и во вчерашней России, — дефицит активных и самостоятельных социальных множеств. Именно то, что они не возникают и не создается устойчивых политических, социальных, экономических институтов, с которыми могла бы взаимодействовать власть, если она задумает осуществлять реформы, — заставляет в случаях подобного

реформаторского курса (возьмем действия Хрущева, действия Горбачева, потом действия раннего Ельцина) более или менее резко выходить за пределы политического поля. В частности, обращаться к социально-неопределенному, аморфному и во многом зависимому от власти слою интеллигенции. Или к народу, а популизм, среди прочего, может означать просачивание «наверх» самых низовых настроений и стереотипов массы. В сегодняшней российской власти, в официальной риторике нынешнего дня заметно, что многое здесь «подтянуто» из самых низов.

В этом смысле я бы теперь переформулировал пункт об общем пути. Если хотите, вопрос стоит об *универсальном человеке*. Не таком как «у других» или «как везде», но и не такому, как «только у нас». О человеке, который позитивно ориентирован на многих других, считает их важными для себя, проверяет свои шаги, соотнося их с интересами, пониманием и ответными действиями этих значимых для него других. Универсальному человеку в России всегда противостоит, говоря словами Андрея Платонова, государственный житель. В этом смысле выбор, который стоял на съезде в 1956 году, выбор, который был в 1985 году, выбор, который сделала Россия в 1995–1996 году и т.д., — это был выбор между государственным жителем и универсальным человеком.

Государственный житель — это человек атомизированной массы, временной слепленной давлением или приказом сверху. Это не человек коллективный — никакого особого коллективизма особого в России не было, а было ощущение что только в массе можно спастись, ускользнуть, «сачкануть». Только в массе можно скрыться так, что тебя не заметят. В этом смысле поведение массы заведомо пассивно. Оно производно, реактивно — и в этом смысле пассивно.

К чему в результате всего перечисленного мы пришли сегодня? По-прежнему композиция власти и композиция политической риторики, которая транслируется через первый и второй каналы государственного телевидения — именно они сегодня воссоздают образ мира для массы российского населения, — это все та же композиция: «мы» — особые, «они» — чужие, и «он», который над нами и ними, символизирует даже не власть. Россияне не видят в нынешнем президенте выбра-

ного на определенных условиях и на определенный срок человека, осуществляющего реальную инструментальную политическую власть. Наши опрашиваемые видят в нем острастку и управу для любой власти: «Вот придет барин — барин нас рассудит». В этом смысле, президент — сверхфигура. Но ведь со сверхфигурой не имеют реального дела, на нее можно только смотреть.

Поэтому отношение к президенту, я бы сказал, телевизионное. Это телевизионное отношение — как бы я смотрю, и в то же время я не там — становится, в некотором смысле, образом существования и самопонимания человека в сегодняшней России.

Возвращение — по крайней мере, в целом ряде политических заявлений — и самого президента, и близких к нему людей на «особый путь», на путь изоляции, свидетельствует о трех кризисах, которые прошли на протяжении 90-х годов. Ни один из которых не был по-настоящему опознан, назван, проанализирован так, что можно было бы сделать какие-то шаги по их преодолению. Это кризис идентичности: по-прежнему не понятно, кто мы. Непонятно, если «нам» не противопоставят каких-то «чужаков», и такими чужаками сегодня становятся все (кроме разве что воображаемой Белоруссии, которую тоже по телеэкранам представляют). Это кризис партнерства: с кем мы, во имя чего, на какое время, на каких основаниях?

И третий кризис — кризис альтернативы: можно ли по-другому? Все это вместе образует коллапс развития, который становится все более очевидным, когда уже самые бесправные, самые огосударствленные люди, как было в январе-феврале 2005 года, стали массово выходить на улицы.

Последний момент. Для такой системы, которую я здесь описал (понятно, что не я один ее так описываю), критически ми точками становятся моменты перехода власти. Кроме всего прочего, советское общество не пришло к такой степени нормализации политической и общественной жизни, чтобы власть была передана нормальным путем от одного к другому: ее или захватывали, или получали после смерти правителя. Поэтому приближение такой критической точки всегда приводит в крайнее возбуждение сами структуры власти, прилегаю-

щие к ним продвинутые группы, официальные и официозные средства массовой информации и т.д.

Говоря о подобной модели, можно сказать, что она принципиально неустойчива. Или устойчива в своей постоянной неустойчивости. В этом смысле, на каждом переходе власти, в каждой критической точке возможен как срыв и частичное «возвращение» к старому, к исходному образцу, так и шаг к выходу из заколдованного круга. Предсказать, что именно произойдет, каждый раз невозможно, еще и поэтому так возрастает роль отдельного лица, принимающего решение.

Когда этот выбор на какое-то время делается, контрмодель как бы переходит в спорадическое состояние до следующего возможного перелома, до нового возвращения. Я имею в виду, что всякий раз на развилке между «особым» и «общим» путем возвращается весь перечень вопросов, о которых шла речь выше. Страна опять оказывается перед полным списком тех же проблем, поставленных, но не решенных и XX съездом, и после него.

XX съезд и его последствия:

движение литературы к «оттепели» и после

М.О. Чудакова,

член Европейской академии, историк русской литературы XX века

Что дал 1956 год? В чем он изменил ситуацию? А изменил он ее очень резко. Но основа этих изменений была, я полагаю, простой, почти элементарной.

Все началось, конечно, раньше 1956 года. Хорошо помню свои школьные годы: сразу же после смерти Сталина — через две-три недели — в воздухе было нечто другое. Объяснить, ухватить это новое было тогда трудно (да и сейчас это трудно). Три года спустя ощущение быстро идущих изменений самой общественной атмосферы подтвердилось — тогда нам, студентам, читали доклад Хрущева.

Секретарь партбюро филологического факультета Волков (он потерял на фронте ногу, и, чтобы отличить от других факультетских Волковых, мы называли его «одноногий Волков») объявил битком набитой (человек четыреста) Коммунистической аудитории (тогда — Коммунистической, сейчас вновь — Богословской) в университетском аудиторном корпусе на Моховой: «Сейчас будет оглашен документ ЦК КПСС. Обсуждению не подлежит!». И после этих внушительным голосом сказанных последних слов по всей студенческо-преподавательской аудитории (в основном — студенческой, это был так называемый *партийно-комсомольский актив*) прошел недозвольный шумок — «у-у-у!» Такого до смерти Сталина в подобной ситуации представить себе было нельзя: такие слова до марта 1953-го, несомненно, были бы выслушаны в гробовом молчании. Вот это и был знак изменений.

А подоплека этих изменений была простая: исчез пистолет у виска. Последствия этого были огромны, потому что, как говорит один из персонажей в пьесе Михаила Михайловича Зощенко, — «Высшую меру я, действительно, с трудом переношу. Остальное как-нибудь с Божьей помощью». Остальное человек и впрямь перенести может. В сущности, может перенести даже и высшую меру — по-настоящему непереносима угроза для детей и близких.

Отмену этой, главной угрозы советские люди сначала почувствовали в двух знаковых событиях: арест Берии и освобождение «врачей-убийц». Затем хрущевский доклад это полностью подтвердил: хотя прямо не было сказано, но — подразумевалось. Вслед за тем совершенно изменилась роль личности в общественной жизни страны.

Эта роль в России XX века, на мой взгляд, резко изменилась в первые же годы советской власти — она стала гораздо выше и значимей, чем до этого в истории разных стран. Вы скажу крамольную мысль: роль личности выше в недемократических странах, потому что в демократической стране, в общем-то, все равно, кто именно подписал некое обращение какой-то партии, какого-то клуба, какой-то организации. Там, где гражданское общество структурировано, важно не кто именно, а сколько человек выступили за то, чтобы собак не вы-

гуливать там-то или за то, чтобы изменить избирательный закон.

У нас в отсутствие гражданского общества в течение всего XX века важны были имена, личности. Конкретные люди создавали вокруг себя атмосферу — в лагерях, камерах (где прежде, чем их уводили на расстрел, они успевали порой оказать на окружающих воздействие, которое сказывалось потом в течение всей жизни выживших, — таких примеров немало), в районных городках, куда их ссылали. И не обязательно ссыльные — многие незаурядные люди ухитрялись создавать вокруг себя эту ауру и воздействовать на окружающих.

Но смерть Сталина и доклад Хрущева на XX съезде дали возможность проявляться свойствам личности с гораздо более полной силой. Первой проявилась свобода выбора, свобода воли — то, что нам дано с рождения, но дулом пистолета у виска или на затылке парализуется.

Не обязательно быть христианкой для того, чтобы быть уверенной, что свобода воли дана нам изначально, хотя это один из христианских постулатов. Эта свобода проявилась, прежде всего, в самой поступке Хрущева. По всем документам совершенно ясно, что, как бы он ни колебался, — это все-таки был его личный выбор, поскольку в тогдашнем Президиуме ЦК КПСС (суеверно заменившем название сталинского Политбюро), готовившем съезд, были по этому поводу разные и по большей части, иные, чем у него, мнения. Хотела бы это подчеркнуть.

И точно так же — всегда настаиваю на этом, возражая огромному количеству детерминистов, появившихся у нас за последнее полтора десятилетия и все увеличивающемуся, — начало перестройки было *личным выбором* Михаила Сергеевича Горбачева. Что бы ни говорили про нефть, которая подешевела, про то, что все и так прогнило и что, мол, это и вызвало перестройку — независимо от чьей-то личной воли. Мы все достаточно ясно понимали, что все прогнило. Но прекрасным образом могло гнить еще 10-15 лет, а Горбачев оставался бы все эти годы генеральным секретарем с безграничной властью, каким были до него другие. Повести себя совсем по-другому — это был личный выбор человека, который вырос и воспитывался именно в то время, под знаком новых явлений 1956

года. Не забуду один момент, который Михаил Сергеевич, я уверена, помнит. Как он сказал (помню дословно): «Мне вот тут говорят, что надо стукнуть кулаком». Помолчал и добавил: «Вообще, можно. Но — не хочется». И вот эта неподдельно искренняя интонация при слове «не хочется» говорила убедительно о человеке, у которого в послехрущевской советской жизни возник рвотный рефлекс против насилия. Это была свобода воли и свобода выбора. Одни ее проявляли, а другие, даже в годы перестройки, — нет. В этом разница.

Переходя к литературе, нужно иметь в виду, что существует несколько закономерностей, управляющих взаимоотношениями литературы с *ослабленной* тоталитарной властью, а именно такой была советская власть с марта 1956 года и в какой-то степени, как я упоминала, уже с первых недель после смерти Сталина (я считаю, что Михаил Сергеевич довольно метко называет эту власть, эту эпоху в своей книге «Жизнь и реформы» *постсталинизмом*).

Перечислю некоторые из этих закономерностей.

Первая — далеко не всегда литературные изменения параллельны политическим и даже социальным. Внутренние литературные процессы идут собственными дорогами, диктуемые литературной эволюцией. Но тектоническим толчком в том периоде, о котором мы говорим, была смерть Сталина. «Оттепель» создала реальную возможность выхода внутренних процессов на поверхность печатной жизни литературы. То, что копилось, во всяком случае, с начала 40-х годов вне печатной формы, стало клубиться, готовясь вырваться на поверхность.

Вторая — политическая жизнь в тоталитарном обществе, снимая ряд ограничений и условий, не *предлагает* литературе те или иные варианты. Она не конкретизирует открывшиеся возможности, а только снимает запреты — даже не оглашая при этом, какие именно запреты она снимает. Власть не объявляет — *теперь можно писать об этом так, а не этак*. Процесс был иным — сугубо экспериментальным. Только на своем опыте, напором нового качества могла проверить литература, что по-прежнему нельзя, а с чем можно прорваться. Непонимание этой именно закономерности очень характерно для нашей общественности — от оттепели до перестройки. (О трифонов-

ском «Доме на набережной» говорили «значит, ему *позволили* это написать!»).

И третья — политика виляет, а литература вовсе не следует ей в этом вилянии (о приспособленцах не говорю — говорю о литературе). Тектонический толчок преобразуется в литературе в свои последовательно (в отличие от «генеральной линии партии») идущие процессы. Литература, получив «первоначальный толчок», продолжает свой собственный путь. Подлинный писатель — а у нас таких было немало — идет своим путем.

Перед литературой стояли огромные задачи. Первая — отменить, если можно так выразиться риторически, советский язык. Конечно, доклад Хрущева сделал уже то огромное для культуры страны, для гуманитарной мысли (которая к моменту смерти Сталина давно полностью заглохла) дело, что вывел из обихода сталинские труды, которые без конца нужно было цитировать. Они забивали уши и забивали глаза, деформировали наш язык, нашу письменную речь — публичную, не домашнюю, конечно. Это воздействовало на литературу. У меня собран листов на 25 печатных словарь советизмов, который я делала много лет, начиная с конца 60-х. Из него становится ясно, в каком речевом контексте жила литература.

Предполагаю, что история литературы советского времени состоит из двух циклов. Первый цикл заканчивался в начале 40-х годов — вне политических событий, даже вне воздействия начавшейся войны, а по внутренним законам. Тогда литература рвалась к новой совершенно жизни: перед русской литературой советского времени стоял выбор. Она к тому времени *расстроилась, расплелась* на три плети — на зарубежную, печатную отечественную и непечатную (рукописную) отечественную. Но долго так продолжаться не может. В этом случае литература, создающаяся на одном языке, но в разных условиях, в конце концов, должна или разделиться на разные литературы (как англоязычная — на английскую, американскую, австралийскую, новозеландскую, южноафриканскую), или слиться. И существовал внутренний напор, который по законам литературной эволюции понуждал литературу к тому, чтобы слиться, наконец, в единую русскую литературу; это было, повторю, внутреннее ее тяготение. (Были две попытки «отте-

пели» до 1954–56 гг., когда выходили на поверхность такие вещи, как «Перед восходом солнца» Михаила Зощенко. В сущности, эта повесть не могла быть напечатана в советских условиях 1943 г., а между тем ее первая часть попала в печать. Повесть принадлежала всем трем литературам сразу...)

Закончу цитатой из Пастернака. Летом 1958 года Пастернак в одном из писем отчетливо зафиксировал *пустое поле* — на том месте, где до начала 40-х были ценности первого цикла (по предложенному нами структурированию) литературного процесса советского времени, где затем была наспех оборудована военная площадка, где с 1946-го до 1953 года было стоячее болото — непроходимое для «живого следа», но казавшееся вечным. Эти семь лет — единственный в течение советской эпохи период, когда литературная эволюция была остановлена. Романы печатались, их читали, но они писались по одной и той же схеме; с полной предсказуемостью развития фабулы; это можно легко показать, да многие еще и помнят по детскому и юношескому чтению.

“Я думаю, — писал поэт, — несмотря на привычность всего того, что продолжает стоять перед нашими глазами и что мы продолжаем слышать и читать, ничего этого больше нет, это прошло и состоялось, **огромный, неслыханных сил стивший период закончился и миновал**. Освободилось безмерно большое, покамест пустое и не занятое место для нового и еще небывалого ...” (выделено нами. — М.Ч.).

Теперь у него, написавшего роман (завершенный два с половиной года назад), итожащий прошедшее и закончившееся, было ощущение именно пустоты — пустой площадки, приготовленной для новой, но все никак не начинающейся стройки. Никаких следов начала чего-то нового на этой площадке он не видит. Но ясно сознает, что и старого — уже нет. За поэтическим слогом его формулировок — высокая эвристичность. Он описывает опустошенность тех понятий, которые в прошедшем периоде придавали так или иначе движение литературе. Теперь от них остались пустые оболочки:

Самое главное, что новый период, в отличие от периода, предшествовавшего смерти Сталина, — необыкновенно сложный для восприятия западными наблюдателями и сегодняшними новыми поколениями, — очень труден для изуче-

ния. Почти сразу после XX съезда начались — и, разумеется, продолжались, — попятные ходы в политике, Именно с эпохи *оттепели* началось новое лицемерие, плоды которого отравили отечественную жизнь на полвека и продолжают отравлять сегодня: «...Имеются еще коммунисты, которые не понимают или не хотят понять, что культ личности нельзя рассматривать как явление, присущее природе советского общества, что ошибки и недостатки, связанные с его распространением, не изменили и не могли изменить социалистического характера советского строя, генеральной линии нашей партии, ее непоколебимой верности принципам марксизма-ленинизма» (Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда». 16 июля 1956. Строго секретно).

Именно потому, что власть не могла сама предложить ничего конкретного, но хорошо чувствовала своим номенклатурным инстинктом, чего делать нельзя, она все время делала массу ходов и действий, которые не видны тем, кто не погружается в это полностью. Необходимо понять, как велика была роль в этой ситуации самых разных литераторов, публицистов, гуманитариев, технарей ... Этот период по сложности бесконечно превосходит сталинскую эпоху. Этот период закончился, конечно, уже с приходом Горбачева, хотя советская власть, как известно, при нем не кончилась — потом уже было довершено дело. Но самым главным было это *начало*.

Феномен «оттепели», все время подмораживавшейся властью (название оказалось очень точным), оказал огромное влияние на восприятие последующих процессов — он помешал, например, увидеть в перестройке предвестие и начало новой эпохи — в ней видели все время только еще одну «оттепель» — или временно открывшуюся «щелку». Помню, как в тогдашней очень либеральной «Литературке» встретили меня свежей речевкой: — *Куй железо, пока Горбачев!..*

Я закончу такими словами. Да, у меня, конечно, Михаил Сергеевич, с Вами есть расхождения — в отношении Ленина (полностью) и вообще в отношении возможностей социализ-

ма. Но я глубоко благодарна Вам за то, что своим рывком, прорывом Вы дали необычайно много нашему поколению. Приходилось и приходится слышать от очень многих: «Он хотел другого. Если бы он думал, что в результате рухнет социализм, то никогда бы не взялся за перестройку».

Мое мнение (что думает сам Михаил Сергеевич — не знаю) таково: М. С. Горбачев, как, может быть, никто другой изучивший свою партию, ее отлаженную систему самосохранения ради самодержавия, твердо знал, что в этой системе нельзя тронуть камешка без риска, что она обрушится вся. И он это сделал. Это не значит, что он хотел, чтобы она рухнула. Но он пошел на это, вступил в ситуацию с открытым концом, твердо зная, что этот конец — открыт, что финал — неизвестен. Он сделал это именно потому, что был человеком 56-го года — уже совсем другим, чем его предшественники.

Шестидесятники: судьба и роль

Н.Б. Иванова,

заместитель главного редактора журнала «Знамя»

В 1956 году Лидия Корнеевна Чуковская записала в своих «Записках» слова Ахматовой о России и о XX съезде. Ахматова сказала: сейчас одна Россия вернется — та, которая сидела, но другая Россия ее встретит — та, которая сажала. И этим обозначила тот внутренний конфликт, который не исчерпан до сих пор. Ахматова говорила (и это тоже зафиксировано Лидией Корнеевной Чуковской): «я — хрущевка». Несмотря ни на какие соображения по поводу того, что и почему не нравилось в действиях Хрущева интеллигенции той поры.

О черно-белом в Хрущеве — говорят сейчас многие. Но не только Илья Эренбург сформулировал хрущевское время в слове «оттепель» — прежде него ту же формулу нашел и Николай Заболоцкий в своем известном стихотворении. Сформулировал и Борис Леонидович Пастернак в названии последней книги, — «Когда разгуляется». Ее составили стихи 1956-

1959 годов. Кончается эта книга словами «И дольше века длится день» — это предпоследняя строчка книги и предпоследняя строчка всей поэзии Пастернака.

Вот уже дольше полувека длится разговор о том, что же на самом деле дал 1956 год? Сейчас памятливые отмечают не только 50летие XX съезда и доклада Хрущева, но и 20-летие перестройки. Недаром эти цифры так рифмуются. Но рифмуются не только цифры, обозначающие даты — рифмуются, конечно же, и сами обозначенные этими датами периоды модернизации страны. Оба они, в конце концов, не скажу, что потерпели неудачу, но не были осуществлены до конца. Но историческое значение этих двух попыток нельзя не считать колоссально важным в жизни России XX века.

Было время, которое готовило XX съезд и готовило на самом деле речь Хрущева. Я думаю, что его доклад написан отчасти самим временем. Именно поэтому речь совпала со временем, и именно поэтому не последовало восстания после этого шокового, казалось бы, выступления. Это время «создало» выступление на XX съезде и атмосферу XX съезда, создало новый тип человека, который позже был окрещен шестидесятником. Это тип нового человека, во многом отличавшегося от того, что можно назвать «человеком советским». Ни для кого не секрет, что это тип необыкновенно разнообразный и необыкновенно творческий.

Так называемые 60-е годы начались сразу после смерти Сталина. 60-е годы как эпоха закончились отнюдь не в конце календарных 60-х, а 14 октября 1964 года. Для шестидесятника было очень важно успеть начать. Те, кто успел тогда начать, продолжают и до сих пор. Настолько сильным был заряд, который был в эти годы дан не только Михаилу Сергеевичу Горбачеву, но и всей творческой интеллигенции. Самому обществу был дан колоссальный заряд. Общество ответило еще и тем особой силы залпом, который произошел в конце 80-х годов (начиная с 1986 года и до 1990 года) — когда поднималось общественное сознание, когда тиражи журналов зашкаливали. Тираж журнал «Знамя» дошел до одного миллиона экземпляров, тираж «Нового мира» — до двух с половиной миллионов, тираж «Дружбы народов» — до одного миллиона 800 тысяч экземпляров. Я думаю, что это случилось потому, что мы стара-

лись договорить то, что не удалось договорить тогда, когда (в середине 60-х), были насильственно прерваны 60-е годы. Журналы допечатали, распечатали и познакомили миллионы читателей с тем, что было тогда уже невозможно остановить.

Когда мы говорим о черно-белом в том времени и в самом Хрущеве, в том, что сделано потом, в попытке модернизации, которую предпринял Михаил Сергеевич Горбачев, мы иногда забываем, что очень многое негативное сделано самой интеллигенцией. Роль творческой интеллигенции часто бывала провокационной. Многие пользовались возможностью задавить, стравить, уничтожить своего оппонента.

Андрей Донатович Синявский говорил: «у меня расхождения с советской властью чисто эстетические». Сближения с «большим сталинским стилем» в нашей стране опять начались в 1993 г. — во время перестройки их не было. Эти сближения начала наша творческая интеллигенция, которая запела «старые песни о главном», потом стала снимать ностальгические фильмы, потом погрузила страну, благодаря телевидению, в те самые времена. Берусь составить программу из передач современных телевизионных каналов и показать, что это происходит и сегодня. Процесс заканчивается ползучей реабилитацией Сталина, о которой свидетельствуют опросы общественного мнения, и ренессансом сталинизма в самых разных сферах, в том числе, и эмоционально-эстетической.

«Дети XX съезда»

С.И. Чупринин,
главный редактор журнала «Знамя»

Одним из важнейших итогов XX съезда является то, что он породил совершенно особую породу людей, ни ранее, ни позднее в столь химически чистом виде не встречавшуюся. Станных, прямо скажем, людей. Вроде бы они появились раньше февраля 1956 г., а сошли, казалось бы, с исторической сцены задолго до мутных 70-х.

Выпуская в самом начале перестройки трехтомную антологию «Оттепель: Страницы русской советской литературы», я обнаружил, что первой ласточкой была статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Это «Новый мир», № 12 за 1953 год. Да и повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», давшая название историческому периоду, пробилась в печать еще в 1954 году (в журнале «Знамя»). А конец эпохи... Одни связывают его с отставкой Хрущева, другие — с арестом и ссылкой Иосифа Бродского, с судебным процессом по делу Даниэля-Синявского. Третьи оттягивают еще дальше — до советских танков в Праге, т.е. до августа 1968-го. В любом случае эпоха оборвалась раньше своего календарного срока. А шестидесятники остались, и по сей день многие из них социально и культурно активны: их не вычеркнуть, не вынуть из исторического процесса. Выяснилось, что важнейшая характеристика этого поколения в том, что они дважды получили и дважды реализовали свой исторический шанс. Впервые — в шестидесятые годы.

Замечу лишь попутно, что принадлежность к этому поколению определяет отнюдь не возраст. Шестидесятники — это и, как сказано у Роберта Рождественского, «романтики, ум у книг занявшие, кроме математики, трудностей не знавшие», и Булат Окуджава, фронтовик, Николай Панченко, фронтовик, Виктор Платонов, фронтовик, или Константин Георгиевич Паустовский, и вовсе к тому времени изрядно поживший. Окуджава и Паустовский видятся нам шестидесятниками, а скажем, Александр Солженицын, очевидно нет. Возраст, словом, играет роль, но второстепенную. А первостепенную — что-то иное, позволившее людям этой формации пережить то, что в печати, особенно в эмигрантской, а затем, как ни парадоксально, в коммуно-патриотической так часто называлось крахом шестидесятничества, гибелью шестидесятников, позорной сдачей шестидесятников. И то, что позволило им спустя двадцать лет не пропустить свой второй — и решающий! — исторический шанс.

М.С.Горбачев, А.Н. Яковлев — шестидесятники. Те литераторы, публицисты, первые политические мыслители, которые дали интеллектуальный окрас перестройки — из поздней шестидесятнической плеяды. Это они смыли со страны позор и клеймо сталинщины. Это они дали российскому народу пер-

вый глоток свободы. Так можно ли, позволительно ли говорить о крахе, гибели или позорной сдаче этого поколения ?

Хочется спросить: а кто же, собственно, природные враги шестидесятников, кто адресует им (и нам) все эти обвинения? Ну конечно, скажете вы, прежде всего неосталинисты или те, кто хотел бы подморозить Россию — и если можно, то на века.

Но есть и второй разряд людей, которые терпеть не могут шестидесятников — как в версии Хрущева и Твардовского, так и в версии, условно говоря, горбачевской. Это прирожденные революционеры и, значит, тоже антиреформаторы, радикалы, люди быстрой мысли и еще более быстрого действия. Им вечно кажется, что история движется слишком медленно, что ее нужно разогреть, взбодрить, заставить пуститься вскачь.

Шестидесятники — люди реформ, а не революций. Они идут вперед, но хотят быть еще и осмотрительными. Они не склонны к силовому разрешению исторических конфликтов. Они боятся навредить — и самим себе, и истории, и своему народу.

Первую шестидесятническую попытку оборвали, конечно, неосталинисты. А вот со второй, перестроечной, — сложнее. Здесь, на рубеже 1980-1990-х, понадобились уже сдвоенные, парадоксально совпавшие усилия и антиреформаторов-неосталинистов и антиреформаторов — революционеров и радикалов. Одни хотели остановить эволюцию, другие, напротив, ускорить ее, придать ей взрывной характер, и шестидесятники, Горбачев мешали как вторым, так и первым. Перестройка в итоге была в очередной раз оборвана, а история — в девяностые годы — пошла рывками, и все мы тому свидетели. Рывок — пауза, пауза — рывок, вместо того, чтобы двигаться поступательно, оглядчиво, осваивая рубежи, уже отвоеванные.

Процесс десталинизации не завершен потому, что исторический урок не усвоен. Ему не дали времени быть усвоенным, так же как историческому опыту не дали шанса устояться, стать прочной и надежной почвой для дальнейшего поступательного продвижения вперед.

С точки зрения радикалов, шестидесятники, конечно, слишком наивны. У них слишком много внутренних ограничений. Мог бы, конечно, Горбачев, как китайцы на площади Тяньаньмынь, произвести одно силовое действие, положить не-

сколько тысяч людей, и все стало бы прекрасно (как в нынешнем Китае). Мог бы — но очень уж ему не хотелось. И никому из шестидесятников никогда не захочется.

За это их ненавидят. И за это же я сегодня говорю им огромное спасибо.

Исторические итоги 60-ых

И.И. Виноградов,

главный редактор журнала «Континент»

Позволю высказать свою точку зрения по трем вопросам, связанным с эпохой XX съезда КПСС.

Во-первых, пора, наконец, разобраться с весьма распродраненной ныне оценкой культуры 60-х гг., согласно которой она заслуживает больше минусов, чем плюсов. Но это — как считать. На мой взгляд общий баланс здесь все-таки таков, что просто обязывает нас отнести 60-е годы к эпохам, позволяющим намного отчетливее видеть границы истинности многих привычных историософских формул, чаще всего толкуемых нами слишком прямолинейно, а потому превратно. Например, — границы знаменитой гегелевской формулы, которая гласит: «Сова Минервы вылетает в сумерки». У нас в годы так называемого «застоя» было очень модно развивать эту тему, и небезызвестный Вадим Кожин написал в связи с этим специальную статью, где (в пику «оттепельным» временам) доказывал, что именно времена реакции как раз и способствуют расцвету культуры.

Нелепо было бы отрицать, что есть немало исторических примеров, которые подтверждают такую точку зрения — но не дают никаких оснований для ее абсолютизации. Хотя бы потому, что не надо забывать: сумерки наступают всегда вслед за днем. И если день был пустой, в сумерках, его сменяющих, сова Минервы делать, как правило, нечего.

Без 60-х годов XIX века не было бы ни Толстого, ни Тургенева, ни Достоевского, которые, кстати, и сами прошли через

горнило той эпохи. И точно так же без наших 60-х годов. не было бы ни наших 70-х, ни наших 80-х с их действительно немалыми взлетами и в мысли, и в искусстве. На мой взгляд, эпоха нашей «оттепели» лишний раз подтверждает тот факт, что первоначальный толчок всякому действительно большому движению в культуре всегда дается каким-то крутым поворотом истории, знаменующим переход к новым, открывающим более широкий и свободный простор развитию человеческого общества формам его исторического существования. Это ситуация, когда в жизни той или иной страны или эпохи возникает новая исторически масштабная духовная, социальная, политическая, культурная и т.д. проблематика, требующая своего разрешения. И вот тогда-то, именно в этот период начинающегося нового исторического дня, дающего надежду на обновление, возникают первые ростки той новой культуры, которая может потом развиваться уже и в сумерках — и даже именно в сумерках приносить наиболее ценные, самые зрелые свои плоды.

Посмотрите с этой точки зрения на нашу литературу 60–90-х гг. прошлого века. Какие имена — как наиболее яркие и показательные для этого периода — вспоминаются прежде всего? — Солженицын, Искандер, Трифонов, Битов, Аксенов, Бродский. А ведь это все писатели, вышедшие, несомненно, из 60-х годов, именно тогда начинавшие, тогда формировавшиеся и тогда же впервые обнаружившие свой писательский масштаб. А теперь поставьте рядом хоть кого-нибудь из нынешних — действительно равного им по значимости и крупности своего творчества. Да, за последние двадцать лет у нас немало появилось новых имен, и даже очень талантливых. Но все-таки не того масштаба — с этим вряд ли все-таки можно поспорить. Значит, не только в сумерки, но и на заре, и даже пусть при свете не очень еще приветливого, все более затягиваемого мрачными тучами дня, появляются какие-то новые, значительные возможности для развития культуры, и возможен ее расцвет.

Правда, многие не согласятся, с тем, что Бродский или даже Солженицын — шестидесятники. Но здесь я подхожу ко второй своей теме, на которой тоже хотел бы коротко остановиться.

Понятие шестидесятничества превратилось в отрицательный ярлык благодаря усилиям тех, кто позиционирует себя по отношению к той эпохе в качестве представителей новых поколений, шестидесятникам оппонирующим. Но это очень понятная и очень банальная вещь. Этот закон психологической антитезы сформулировал в свое время отнюдь не такой уж плохой мыслитель-марксист Георгий Валентинович Плеханов. В своих «Письмах без адреса» и в других работах по истории искусства он блистательно продемонстрировал, насколько закономерно, почти неизбежно возникает психологическое противодействие своим предшественникам у каждого следующего поколения, претендующего сказать какое-то новое слово. Но поскольку мы находимся все-таки именно в области культуры, где никакое плодотворное новаторство просто невозможно иначе, чем на почве преемственности, не стоит придавать слишком уж большое значение такого рода массовым, — в известном смысле, стадным явлениям и реакциям. Куда важнее попытаться понять самую природу обсуждаемого явления, обращаясь к целостному анализу его реального генезиса, а не отталкиваясь от привычных, пусть даже и массовых представлений, продуцируемых той или иной оппонентной ему средой.

Если следовать этому принципу, то, мне кажется, вряд ли все-таки можно считать оправданной уже самую акцентированную политизацию понятия «шестидесятничества», опираясь на которую оппонирующие шестидесятникам поколения и пытаются с ними спорить: шестидесятники — это-де именно и только те, кто веровал в социализм — хоть и с человеческим лицом, но все-таки в социализм. А я думаю, что шестидесятничеством правильнее называть все то очень широкое духовное явление в истории нашей страны, которое возникло тогда, когда страна явно оказалась перед необходимостью кардинальных реформ в самом своем устройстве, когда потребовалось переосмысление истории, когда люди встали перед целым рядом сложнейших социальных, политических, нравственных, культурных проблем и вопросов, связанных с дальнейшим существованием страны и потребовавших от них ответа. И люди пытались найти эти ответы, и ответы эти были очень разные. Одни действительно искали их в реформировании социализма, но другие видели выход из кризиса эпохи в

иных социально-политических решениях, вплоть до возвращения к монархии, третьи вообще склонялись к общественному скепсису, перенося свои упования на нравственное самостояние личности, четвертые — уже тогда — осознавали всю важность религиозного возрождения. И т.д. и т.п. Но все это были люди одного и того же поколения, отвечавшие на одни и те же вопросы, поставленные эпохой, — Аксенов и Аверинцев, Егор Яковлев и отец Александр Мень, Кожин и Трифонов, Бродский и Распутин. И т.д. и т.п. Все они — в широком и более, на мой взгляд, правильном смысле слова — были именно шестидесятниками, все они вышли из этой эпохи, хотя впоследствии и развивались по-разному. В широкой среде этого шестидесятничества было, разумеется, немало тех, чье миро-созерцание вполне может быть уложено в рамки идеологии «социализма с человеческим лицом». Но характерно, что и здесь акцент был не столько на «социализме», сколько на «человеческом лице» — социализм для большинства тогдашних его защитников был, прежде всего, той реальной данностью, в которой жило поколение. Которую предстояло реформировать и которая казалось вполне пригодной к реформированию. Новое слово, которое шестидесятники, принадлежавшие к этой достаточно широкой группе, объединенной некоей общей социалистической ориентацией, действительно принесли с собою — это именно идея реформирования страны в направлении большей ее человечности. Этот пафос человечности, жажда сделать страну более свободной, более открытой, более пригодной для человеческой жизни как раз и есть то самое главное общее, что роднит уже действительно всех шестидесятников — независимо от того, как веровали и веровали ли они вообще в социализм. Поэтому когда говорят, что шестидесятники проиграли свою историческую игру, то это может относиться только к тем шестидесятникам, кто действительно держался всеми силами за социализм, — такие тоже были. Они во времена Перестройки, действительно, проиграли свою *политическую* игру, не успев понять, что социализма с человеческим лицом вообще быть не может. Но разве проиграли свою жизненную игру, начатую в 60-е годы Солженицын и Бродский, Искандер и Трифонов, Мень и Астафьев — как и де-

сятки других выдающихся представителей нашей культуры, вышедших из «оттепели»?..

Чтобы научиться правильно разбираться во всех подобного рода явлениях, нам нужно решительно отказаться и от такой малоперспективной исторической методологии, как привычка оценивать то или иное явление, исходя из того, чего в нем больше — черного или белого. Подобный подход тоже, конечно, необходим. Но для него нужны, во-первых, надежные критерии, а их не определишь, не разобравшись в том, какого рода критерии соответствуют самой природе оцениваемого явления. Поэтому куда важнее понять, прежде всего, именно природу явления. Такого рода анализ до сих пор — слабое место в нашей рефлексии, исторической, литературной, литературоведческой, культурной.

Приведу один пример. К культуре 60-х годов я отношусь с должным признанием ее значительности, полагая, что это большое явление, большой период в нашей культурной истории. Но дала ли литература 60-х годов художественно адекватный, убедительный образ Сталина? Уж кому, казалось бы, как не шестидесятникам, попытаться разобраться в этой фигуре, из отвержения культа которой 60-е годы как будто бы и выросли! Ведь известно, что литература, искусство часто предваряют в постижении сути многих общественных явлений интеллектуальную рефлексию философии, социологии, психологии и историософии. Предваряют, потому что интуитивно схватывают именно суть явления. Но наша литература 60-х гг., даже великая литература, скажем, Солженицын, Искандер, не сумели этого сделать. Сталин выглядит у них этаким психологическим монстром, патологическим ублюдком-злодеем, в изображении которого акцент ставится именно на личных его качествах, на личном его злодействе. Это, прежде всего, ужасный «пахан», как и называл его когда-то Солженицын в своих фронтовых письмах к другу, за что и попал в лагерь. Такой «пахан» и сейчас перед нами — в фильме по роману Солженицына «В круге первом», где Сталина играет Игорь Кваша. Кваша играет отлично, но играет то, что предлагает ему роман. Он просто идет по следу романа. Это образ, который своей гротескностью уже не убеждает. На уровне самого непо-

средственного, живого восприятия становится ясно, что здесь что-то явно не найдено.

Что же не найдено? И почему? Я думаю, именно потому, что литература 60-х годов устремленная по преимуществу к нравственному измерению общественного бытия (социализм с *человеческим лицом*), и должна была увидеть в Сталине прежде всего жуткого злодея, жуткого «пахана», бандита и т.д.

Что ж, Сталин — действительно злодей. И действительно страшный злодей. Но он гораздо более страшный злодей, чем тот, какого мы видим у Солженицына, у Рыбакова, у Панфилова. Потому что Сталин — это прежде всего *идейный* тиран, *идейный* злодей, а личные его качества — лишь индивидуальное дополнение к этой сути. Не надо забывать о том, что Сталин — это руководитель огромного, как сейчас любят говорить, социально-политического проекта. Можно по-разному видеть коммунизм, но он строил его, и ради этого, прежде всего, и была нужна ему власть. Это не просто патологическая личность — это человек, который выразил собой самую суть той античеловеческой, самой природой своей обращенной к насилию исторической эпохи, во главе которой он стоял. Потому что безбожный атеистический социализм, коммунизм и, если хотите, атеистический гуманизм (хотя это нонсенс, это понятия не совместимые) не содержат в себе никаких безусловных табу, запрещающих делать то, что делал Сталин. Напротив, — логически не только вполне допускают, но способны даже и требовать «во имя свое» самого ужасного деспотизма.

Приведу здесь пример, который, может быть, многих шокирует. Но факт есть факт, и он крайне показателен. Абсолютно гуманный, тишайший Виссарион Белинский, который и мухи никогда не обидел, в годы, когда он перешел от так называемого «примирения с действительностью» к революционному атеистическому социализму, ставшему его богом, альфой и омегой его мировоззрения, не раз писал в своих знаменитых исповедальных письмах к Боткину, что готов уничтожить миллионы, даже большинство человечества ради того, чтобы будущие миллионы миллионов были счастливы в социалистическом раю. Конечно, от теории до практики — дистанция огромного размера, и сам Белинский, подвернись ему такая возможность, вряд ли способен был воплотить свой радика-

лизм в реальность. Но была бы идея — исполнитель, способный воплотить ее в жизнь, всегда найдется. Идея — начало и основа всего, а ее-то и сформулировал со всем свойственным ему бесстрашием мысли Белинский — сформулировал не потому, что был злодей, а потому что идея это вытекала из самой сути того мировидения, которое он исповедывал. Это, в сущности, центральная жизненно-практическая парадигма самой историософии этого мировидения, все же остальное, «личное», относящееся к индивидуальным особенностям ее носителей, — только приложение.

Культура 60-х годов — ни в ее художественной, ни в интеллектуально-аналитической ипостаси — не сумела распознать эту глубинную суть сталинизма — а тем самым и самой фигуры Сталина. Не сумела, потому что сама была достаточно далека от того видения бытия, которое могло открыть ей глаза на духовную суть коммунизма. И Солженицын с его христианством, укорененном лишь в нравственной, но не в историософски-аналитической сфере, здесь не исключение. Именно в этом, кстати, и состоит главная историческая слабость подавляющего большинства шестидесятников, главный духовный изъян всей этой эпохи.

Если мы не будем отдавать себе отчет в глубинной духовной сути сталинизма, то сколько бы мы ни говорили о десталинизации, мы никогда ее не добьемся. И никогда не поймем того важного различия, которое существует между сталинской эпохой и нашей современностью, тоже как будто бы все более поглядывающей в те времена. Между тем это различие делает сегодня любую апелляцию к авторитету, которым Сталин как строитель великого государства все еще пользуется у миллионов людей, так и не понявших сути сталинизма, в чем-то еще более опасной для страны. Ведь что такое наше современное государство? По определению Андрея Илларионова, с которым я согласен, корпоративный государственно-бюрократический капитализм, вся суть которого — спецоперация по захиванию страны в свой бездонный бандитский карман. Сталин занимался не этим. И если мы не будем понимать этой разницы, мы никогда не поймем, почему применение сталинских методов, освящаемых авторитетом Сталина, может привести сейчас, когда кардинально изменилось их целевое на-

значение, к результатам в чем-то более даже катастрофическим, чем это было при Сталине. В сущности — к распаду России на удельные княжества, хозяевам которых куда выгоднее будет быть у себя полновластными самодержцами, чем дрожать от страха перед центральной секирой, как дрожал когда-то Хрущев. Который при первой возможности попытался избавиться от ее угрозы, прибрав ее к своим рукам. Что из этого, в конце концов, получилось — известно всем.

Пять вопросов Сфинксу

В.Б. Кувалдин

д.и.н., Горбачев-Фонд

1956 год (в него я включаю всё — и «секретный доклад», и борьбу в партийном руководстве, и брожение, начавшееся в социалистическом лагере, и события в Познани, и кровавое подавление венгерского восстания) мне представился в образе сфинкса, который задает свои убийственные вопросы загадки не проходим, а различным периодам российской истории. Получилось пять вопросов и пять коротких ответов.

Первый вопрос адресован к хрущевскому времени. «Возможен ли социализм с человеческим лицом?»: Ответ: «Кто знает, пока что получается только реальный социализм».

Второй вопрос горбачевской перестройке: «Возможен ли демократический социализм?» Ответ (перефраз известного афоризма Ларошфуко о настоящей любви): «О нем много говорят, но его никто не видел. Возможно, и не увидит».

Третий вопрос обращен к России 90-х годов прошлого века. Звучит он так: «Возможен ли в России не тоталитарный режим, по своим разрушительным последствиям сопоставимый с сталинизмом?»: Ответ: «Увы, и такое не исключено».

Четвертый вопрос задается ключевым вехам российской политической истории — это 1917, 1987, 2007 годы: «Возможна ли демократия в России?» Ответ: «Возможна, но прежде Россия должна стать другой».

Наконец, пятый вопрос, адресованный будущему: «А можно ли Сохранить Россию без демократии?» Ответ: «Наверное, можно, но недолго».

Доклады участников «Горбачевских чтений»

Вехи XX съезда

З.Л. Серебрякова, д.и.н.

После смерти Сталина в 1953 году бериевская амнистия освобождала из заключения почти исключительно уголовных, а по 58 статье — только тех, кто был заключен на срок не более 5 лет. Тем самым амнистия не распространялась на 500 тысяч заключенных находившихся в спец. лагерях и сотни тысяч других категорий политических.

Все разительно переменилось после прихода к руководству в стране Никиты Сергеевича Хрущева.

Летом 1955 года я уже была освобождена и смогла навещать своих близких, все еще находящихся в лагерях. Сейчас трудно представить какое тогда царило там праздничное оживление — из широко раскрываемых ворот выходили «на волю» те, кто совсем недавно существовали с клеймом «врага народа».

Однако то были лишь десятки, сотни, тысячи людей — реабилитированных было и того меньше. Поэтому-то так важно, так значительно стало то, что вскоре произошло на XX съезде КПСС. Сколько бы ни минуло лет, я не могу забыть то радостное потрясение, которое испытала от известия о докладе Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 года на закрытом заседании съезда.

Назван был Сталин — главный виновник кровавых преступлений его тоталитарного режима. В.И. Ленин и ленинские принципы были четко и убедительно отделены от сталинизма.¹

Стало очевидным, что отныне освобождение из сталинских застенков станет всеобщим.

Так и произошло, — для примера — моя мама и муж сразу же после XX съезда были реабилитированы и смогли вернуться в Москву. Подобное чудо происходило тогда повсюду в нашей стране. Кстати, реабилитированным не только вручалась официальная справка, подтверждающая невинность подчас в чудовищных преступлениях, но и давалась возможность начать новую жизнь, получив бесплатное жилье и работу по специальности.

Казалось — невозможно не приветствовать подобное возвращение к истокам демократии и гуманизма и, однако, не только бывшие приспешники Сталина и явные сталинисты, но и некоторые порой совершенно неожиданные люди, не поддержали решения XX съезда.

На партийном собрании теплотехнической лаборатории Академии Наук СССР младший научный сотрудник Ю.Ф. Орлов с явной издевкой говорил о том, что доклад о культе личности не обсуждался, мол, на съезде, и далее «У нас ... власть принадлежит какой-то кучке проходимцев».²

Ни одного доброго слова благодарности за правду, сказанную о страданиях, гибели сотен тысяч, миллионов людей, ни единого слова порицания тирана сказано не было.

Останавливаюсь на этом выступлении потому, что, очевидно, тот самый Юрий Орлов ныне уже из Америки высказывает в том же духе. Якобы в 1956-1958 годах происходило не массовое освобождение, не наносился удар по ГУЛАГу, а кого-то арестовывали и к людям вновь возвращался страх.

Не все помнят и знают, но я утверждаю — для оттепели особенно характерно было именно исчезновение страха.

Прошли многие годы после доклада Хрущева, но до сих пор не потеряла актуальность ни общая оценка Сталина и сталинщины, ни отдельные положения доклада. Слова о том, что «Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву кто-то помогал из людей обязанных охранять Кирова»³ подкреплены сейчас весомыми документальными данными. Тщетны попытки некоторых использовать иные версии, чтобы только обелить тирана.

Н.С. Хрущеву приходилось преодолевать сопротивление политике XX съезда и в самом Президиуме ЦК. Группа, возглавляемая Молотовым, в комиссии по изучению материалов так называемых московских открытых процессов, в декабре 1956 года доложила руководству, что осужденные на этих процессах хотя и не совершали уголовных преступлений и их обвинения были сфальсифицированы, однако, 16 наиболее видных деятелей партии: Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и среди них — Л.П. Серебряков и Г.Я. Сокольников не подлежат реабилитации.⁴

Вскоре Хрущев пережил и организованную попытку сместить его с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Неоднократно возникали у Никиты Сергеевича сложности во взаимоотношениях с интеллигенцией. Однако, несмотря на отдельные отступления, общая линия на ослабление тоталитаризма продолжалась.

Особым событием явился XXII съезд КПСС, вынос Сталина из мавзолея. Делегаты приветствовали решения съезда, но продолжающаяся десталинизация напугала бывших приближенных Сталина. Они опасались раскрытия исторической правды, знали, что в сталинских преступлениях вновь разбирается специальная комиссия, что к пересмотру дел погибших лидеров партии подключена комиссия Партийного Контроля.

Думается, что именно после XXII съезда начал зреть заговор против Хрущева. 19 июля 1963 года на приеме в честь Венгерской делегации Н.С. Хрущев вновь говорил о зле совершенным Сталиным, о роли XX съезда⁵. Очевидно, Хрущев настолько верил в свою правоту что, не предпринимая никаких специальных мер, в канун осени 1964 года он уехал отдыхать в Пицунду.

Заговорщики, воспользовавшись его отъездом, подготовили снятие Н.С. Хрущева со всех постов на октябрьском пленуме ЦК. Выступая с обвинениями в волюнтаризме и прочих подобных «грехах» и проступках, они не упоминали истинной причины своих противоправных действий — стремления не допустить дальнейшего движения страны по пути XX съезда.

Прошли десятилетия... С весны 1985 года Михаил Сергеевич Горбачев продолжил и завершил дело, начатое в феврале 1956 года.

Безусловно не правы те, кто говорит и пишет, что первые годы перестройки были репрессивные. При этом указываются какие-то аресты и особенно антиалкогольная компания. Во внимание не принимается мнение ученых, доказавших, что тогда был спасен миллион человеческих жизней, а средняя ее продолжительность заметно увеличилась.

То была пора надежд и оптимизма, и не под чьим-то давлением М.С. Горбачевым было восстановлено магистральное направление XX съезда. С 1986 года Михаилом Сергеевичем была продолжена реабилитация ближайших соратников В.И. Ленина и других невинно осужденных.

Вопреки фактам, существует миф о том, что основная заслуга в пересмотре дел репрессированных будто бы принадлежит А. Н. Яковлеву. Кстати, в таком ключе составлен недавно опубликованный, охватывающий весь период перестройки третий том в целом содержательной и интересной документальной серии «Реабилитация: Как это было.»⁶

Вот один из примеров: о реабилитации 1986 года, т.е. того времени, когда М.С. Горбачевым, было, положено начало восстановления добрых имен лидеров антисталинских оппозиций, вообще не упоминается, — тем самым исходные данные произвольно отодвигаются на более поздний срок.

Вместе с тем в третьем томе есть красноречивый завершающий всю книгу документ — Письмо Президента СССР о реабилитации лиц, репрессированных в 30-е — 50-е годы, т.е. во времена сталинского террора. «Ранее вся эта большая и важная работа координировалась Комиссией Политбюро ЦК КПСС. Сейчас ее деятельность прекращена, — писал М.С. Горбачев.» Далее он указывал, что считает целесообразным продолжить эту работу.⁷ Мы видим один из последних документов, подписанных Президентом СССР Михаилом Горбачевым. Дата — конец декабря 1991 года — говорит сама за себя.

Весь опыт оттепели и особенно перестройки опровергает рассуждения о якобы безнравственности политики. Как бы ни расценивать роль личности в истории, нельзя не признать, что человеческие черты будь то Первого секретаря ЦК партии или Президента страны во многом определяют, окрашивают в те или иные тона время его руководства.

Мужество, решительность в изменении тоталитарных основ в жизни общества всегда будут вызывать заслуженное уважение. Наша память должна хранить признательность Никите Сергеевичу Хрущеву и огромную благодарность Михаилу Сергеевичу Горбачеву за осуществление той политики, в которой XX съезд является важной вехой.

Примечания:

1. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 3, с. 128 — 166.

2. «Реабилитация: Как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. Документы» [т. 2]. Москва, 2003, с. 48.

3. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 3, с. 138.

4. «Реабилитация: Как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. Документы» [т. 2]. Москва, 2003, с. 204, 207.

5. «Правда», 1963, 20 июля. См. также: Бракман Р. «Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь.» М., 2004, с. 490.

6. «Реабилитация: Как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. Документы» [т. 3]. Москва, 2004, с. 719.

7. Там же, с. 612.

XX съезд КПСС как символ и исследовательская проблема

М.Р. Зезина,
д.и.н., профессор

XX съезд КПСС — единственный из всех «исторических партийных съездов», который вошел в историческую память народа. Он обозначил важнейший поворот в развитии страны, и вопросы, поставленные пятьдесят лет назад в докладе Хрущева, до сих пор раскалывают российское общество. Для многих XX съезд стал символом десталинизации, оттепели, освобождения из лагерей миллионов ни в чем не повинных людей, для кого-то он олицетворяет предательство, осквернение кумира, начало развала великой державы. Свежие цветы лежат у Соловецкого камня, памятника жертвам репрессий, и на могиле их палача. Культ личности Сталина не преодолен в общественном сознании. Причины этого кроются как в ностальгии по сильному лидеру, олицетворяющему великодержавные амбиции, так и в незавершенности реформ, начатых пятьдесят лет назад.

XX съезд концентрирует в себе ряд серьезных проблем, важных для понимания того, что произошло с нами во второй половине XX века и что происходит сейчас. Прежде всего, это вопрос об альтернативе десталинизации, была ли она? Думается, что нет, реформы политической системы, созданной Сталиным, были неизбежны. Во-первых, со смертью Сталина исчезла главная фигура, венчающая пирамиду власти, и замена ее на «коллективное руководство» не могло не влиять на конфигурацию всей политической системы. Во-вторых, серьезной реконструкции подлежал репрессивный механизм, который служил важнейшим элементом сталинской системы власти. Репрессии использовались Сталиным как средство ротации кадров партийной номенклатуры, включая ее высший эшелон. И поэтому наследники Сталина были непосредственно заинтересованы в их прекращении. К тому же к началу 50-х гг. численность заключенных достигла максимума, и содержа-

ние лагерей при низкой производительности принудительного труда, большом количестве инвалидов среди узников, стало экономически невыгодным.

Реформы начались с марта 1953 г., и за три года, прошедшие до очередного партийного съезда, первого без Сталина, уже многое изменилось. Была проведена реформа министерств, реорганизовано министерство внутренних дел, заметно улучшилось положение колхозников, шла реабилитация, имя Сталина постепенно исчезало из средств массовой информации. За три года существенно изменилась и расстановка сил в высшем эшелоне власти. Между реформаторами-наследниками Сталина шла острая борьба за власть, в ходе которой использовались обвинения в организации политических репрессий, первой жертвой пал Берия, затем последовала отставка Маленкова с поста председателя Совета министров. Позиции Н.С.Хрущева как лидера укрепились. Стоит отметить, что он отнюдь не был единственным из членов «триумвирата», кто выступал за преодоление сталинского наследия. Ряд важных шагов по реорганизации ГУЛАГа, МВД, проведению амнистии, прекращению пропаганды культа личности предпринял Берия. Ему принадлежали инициативы по нормализации отношений и Югославией, отказу от строительства социализма в ГДР. Последовательно отстаивал принцип коллективного руководства в противовес культу личности Маленков.

Разоблачение сталинских преступлений на съезде требовало, конечно, политической смелости, и в этом заслуга Хрущева несомненна. Но политической воли первого секретаря ЦК КПСС было недостаточно, чтобы вынести вопрос на съезд. Известно, что доклад о культе личности был подготовлен на основе материалов, собранных комиссией Поспелова и включен в повестку дня решением президиума ЦК, поддержанного пленумом. Чем же руководствовались лидеры партии, вынося этот вопрос на съезд? Ведь в большинстве своем они сохраняли пиетет по отношению к Сталину и разделяли с ним ответственность за преступления. Очевидно, расчет был на то, чтобы отвести обвинения от себя и возложить всю ответственность на Сталина и Берия. Именно такая установка прослеживалась в докладе, представленном комиссией Поспелова.

Хрущев, дорабатывая текст выступления, внес свои акценты, подводя к мысли о том, что в организации репрессий виноваты и некоторые из нынешних руководителей. Доклад дал ему возможность перехватить инициативу, отвести от себя возможные обвинения в соучастии. Реабилитация уже шла, люди возвращались из лагерей, правду о массовых репрессиях уже невозможно было скрывать. Нужна была официальная версия, объясняющая причины творившегося в стране беззакония и роль партийного руководства в этом. Таким образом, выступление Хрущева с докладом о культе личности диктовалось необходимостью адаптировать политическую систему, созданную Сталиным, к новым условиям.

Ограниченность реформ была задана изначально. Прежде всего, самим содержанием доклада, в котором причины массовых репрессий и всех ошибок прошлого сводились к культу личности Сталина. Ставилась задача «преодоления последствий культа личности», которая уже практически считалась успешно решенной. Кроме того, «секретность» доклада, а также постановление ЦК от 30 июня 1956 г. свидетельствовали о том, что власть стремится поскорее закрыть тему.

В этом отношении характерно решение об ознакомлении с текстом доклада членов партии, комсомольцев и «беспартийного актива рабочих, служащих и колхозников», принятое через неделю после выступления Хрущева. Потребовалось время, чтобы понять, что замолчать доклад невозможно. Слухи о «секретном докладе» распространились по стране. В Грузии 5 марта, годовщину смерти Сталина, начались массовые выступления в защиту его памяти. В этот же день Президиум ЦК решил заменить гриф «совершенно секретно» на «не для печати» и разослать текст доклада в партийные организации для чтения. Аудитория на этих коллективных читках была очень широкой, еще шире круг людей, знавших о докладе в пересказе тех, кто слышал. Почему же не напечатали текст, который ни для кого уже секретом не был?

Коллективное чтение доклада на собрании давало возможность контролировать реакцию слушателей, направлять ее в нужное русло. Тем более, что на собраниях, как правило, присутствовали представители вышестоящих партийных органов, которые могли ответить на возникшие вопросы. Одна-

ко, стенограммы партийных собраний свидетельствуют, что представители райкомов, горкома и даже ЦК предпочитали отмалчиваться, когда ставились острые вопросы. Во многих организациях слушателей предупреждали, что вопросы вообще задавать нельзя. Партийные работники были абсолютно не готовы к проведению «кампании по преодолению культа личности». Многие из них просто не могли принять горькую правду о Сталине. Так, мой свёкор, бывший делегатом XX съезда, вспоминал, что его первой реакцией на доклад Хрущева было «не верю!». Выжидательная тактика руководителей на периферии ярко проявилась в ходе грузинских событий 5-9 марта 1956 г., когда партийные органы, госбезопасность и милиция бездействовали. В Тбилиси по требованию демонстрантов были вывешены панно с изображениями Сталина на зданиях горсовета в Закавказского военного округа, выходили газеты, посвященные памяти вождя. Силовые методы по наведению порядка были приняты только на пятый день массовых волнений, когда митингующие стали требовать отставки центрального руководства.

В этой связи встает вопрос, до сих пор практически не исследованный историками, — роль партийной номенклатуры в процессе послесталинских реформ. Как восприняла масса парторботников низшего и среднего звеньев провозглашенный партийным руководством курс на преодоление культа личности, как отнеслась к критике Сталина, как практически действовала, получая то или иное указание сверху?

Много внимания в литературе уделялось общественной реакции на доклад Хрущева. И это обосновано. Ведь идейное брожение в интеллигентской среде, воспринятое, как сигнал опасности, существенно корректировало действия власти. Не случайно борьба с «ревизионистскими шатаниями» заняла ведущее место в идеологической работе партии с конца 1956 г. Кроме того, XX съезд партии стал отправным моментом для складывания различных общественных течений, противостояние которых вылилось в литературно-творческие дискуссии и журнальную полемику «Октября», «Нового мира» и «Молодой гвардии». XX съезд дал толчок и формированию небольшевистских диссидентских групп, объединявших тех, кто не ве-

рил в способность партии «очистить ленинизм от наслоений сталинизма».

В партийно-номенклатурной среде, так же, как и в интеллигентской и в обществе в целом, шел процесс размежевания. большую роль в котором сыграла кампания по преодолению культа. Этот процесс представляет большой исследовательский интерес еще и потому, что в послесталинское десятилетие начиналась политическая карьера поколения будущих реформаторов, которые в середине 80-х начали перестройку.

Для понимания того, что происходило в целом в обществе и в партийно-номенклатурной среде, на мой взгляд, необходимо сместить исследовательский ракурс с внешней событийной стороны на процессы, происходившие внутри, в сознании людей того времени. Несомненно, что образ Сталина как вождя нации, отца народа, сильного, мудрого, непогрешимого, был воспринят массовым сознанием. Смерть отца всегда драма для ребенка, а образ умершего отца, даже в большей степени, чем живого, может стать объектом для поклонения и почитания. Миллионы людей искренне оплакивали смерть Сталина. Она воспринималась одновременно и как потеря близкого человека, и как трагедия для страны, лишившейся всемогущего лидера. А.И. Аджубей, вспоминая эти дни, писал о «всеобщем беспокойстве, чувстве незащищенности, своего рода сиротстве» (Аджубей А. Те десять лет// Знамя. 1988. №6. С.110). Прошло всего три года после смерти обожествляемого вождя, как открылись страшные картины его преступлений. Даже при том, что доклад Хрущева содержал далеко не всю правду о Сталине, знакомство с ним стало тяжелым испытанием для массового общественного сознания.

Очевидно, что, вынося вопрос о культе личности на съезд, руководители страны руководствовались определенными политическими расчетами, но не принимали в расчет общественные настроения. Власть не готова была к диалогу с обществом, не смогла дать убедительного объяснения, каким образом массовое беззаконие, приведшее к гибели и страданиям миллионов людей, оказалось возможным при социалистическом строе. Очевидно, что в системе идеологических координат, базирующейся на постулатах о непогрешимости партии, ее единственно правильной линии, о построении в СССР со-

циализма, этому вообще не было объяснения. В этом отношении ситуацию, в которой оказалось партийное руководство, можно охарактеризовать термином, применяющимся в шахматах — цугцванг, когда любой ход будет для игрока плохим. Последовательное преодоление культа личности неизбежно ставило под сомнение социалистический характер той общественно-политической системы, которая была создана под руководством Сталина, вело к пересмотру всей истории партии, бросало тень на Ленина, продолжателем дела которого Сталин считался. Этот вариант, который мог стоять карьеры наследникам Сталина, возглавивших страну после его смерти, предполагал осуществление глубоких реформ, направленных на кардинальную перестройку всех сторон жизни общества. Он был осуществлен во второй половине 80-х гг., когда произошла смена поколения партийного руководства.

Хрущевское руководство пошло по другому пути. Постановление ЦК от 30 июня 1956 г. «О культе личности и преодолении его последствий» было призвано поставить точку в едва начавшихся общественных дискуссиях и дать ответы на все вопросы. Формулировки этого постановления на протяжении последующих тридцати лет кочевали из одного учебника истории в другой, когда дело касалось «нарушений социалистической законности».

Возможен ли был другой вариант? Ответ на этот вопрос, скорее всего, будет отрицательным. Последовательное проведение десталинизации требовало дара политического предвидения, творческого подхода и воли. Такими качествами обладал Ленин, способный принимать неожиданные решения, отстаивать их часто вопреки настроениям своих соратников. Но среди наследников Сталина подобного лидера не было. Власть оказалась не готовой к сотрудничеству с теми силами в обществе, которые стремились к переменам.

Такие силы были, прежде всего, в среде интеллигенции. Будучи в целом лояльной по отношению к официальной идеологии, советская интеллигенция никогда не была монолитной. XX съезд стал важным рубежом в размежевании. В руководстве научных учреждений и творческих союзов преобладали сталинисты. Но значительная часть интеллигенции восприняла курс партии на преодоление последствий культа личности

Сталина как начало социалистического обновления. Вера в возможность очищения «ленинского идеала социализма» от сталинских искажений объединяла поколение шестидесятников. По литературно-художественным дискуссиям тех лет можно судить насколько велико было их влияние на общественное мнение. «Не хлебом единым» переболела вся читающая Россия», — говорилось в одном из писем В.Дудинцеву. Отклики на публикации «Нового мира» занимают несколько пухлых папок в архивном фонде журнала.

Шестидесятники отнюдь не были в оппозиции к власти. Напротив, они надеялись на продолжение и углубление провозглашенного партией курса и в рамках своей профессиональной деятельности пытались расширить границы творческой свободы, освободиться от цензурных притеснений, снять идеологические путы с литературы и искусства. В первые годы оттепели противостояние «реформаторов» и «консерваторов» шло не по линии интеллигенция — власть, а внутри интеллигенции и внутри власти. Сторонники и противники реформ в партийном руководстве поддерживали те или иные начинания интеллигенции в собственных политических целях, используя ее как канал влияния на общественное мнение. Как демократическая, так и консервативная интеллигенция искала и находила поддержку наверху. Так, Хрущев поддержал публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» в «Новом мире» в 1962 г., а 1 декабря того же года был умело использован руководством Академии художеств в их борьбе с молодыми художниками-новаторами.

Совпадение устремлений партийных реформаторов и демократической интеллигенции оказалось кратким. С середины 60-х гг. власть ориентируется на консервативные слои интеллигенции. Реформы закончились, однако процессы, символом которых стал XX съезд, остановить, было нельзя.

XX съезд КПСС и Восточная Европа

А. С. Стыкалин,

*к.и.н., старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН*

Обилие литературы о подготовке и ходе XX съезда, опубликованной в последнее десятилетие, отнюдь не означает, что историки сделали свое дело, уступив место политологам, которые, опираясь на полную, исторически достоверную картину событий 50-летней давности, могут теперь сосредоточиться на осмыслении их исторического значения. Многие вопросы нуждаются в дальнейшем изучении на основе широкого круга документальных источников. Это касается среди прочего влияния XX съезда КПСС на положение в странах Восточной Европы. Предварительные результаты исследований можно представить, однако, уже сейчас.

Доклад Н.С. Хрущева о культе личности на закрытом заседании съезда 25 февраля стал полной неожиданностью для восточноевропейских лидеров. «На основе отчетного доклада, сделанного Хрущевым, у меня создалось такое впечатление, что, кроме уже сказанного, на съезде не будет ничего существенно нового», — вспоминал впоследствии венгерский лидер М.Ракоши [1]. В отчетном докладе, прочитанном 14 февраля, персональной критики Сталина фактически не было (если не считать иносказания о том, что превращение «того или иного деятеля в героя-чудотворца» умаляет роль партии и народных масс), ответственность за «нарушения законности» была возложена по уже успевшей сложиться традиции на Берию и его сподручных [2]. Правда, 16 февраля на съезде довольно остро выступил А.И. Микоян, но и тот напрямую не касался участия Сталина в репрессиях, акцентировал внимание на отсутствии коллективного руководства, крайне отрицательно повлиявшем на положение в партии и всю ее деятельность [3]. Тем не менее его выступление привело в настоящее замешательство многих зарубежных коммунистических функционеров, совсем не готовых к повороту в оценке Сталина. «Возможно, что това-

рищ Сталин совершил некоторые ошибки. Но все же все мы выросли в его эпоху и были им воспитаны. Мы бесконечно уважаем его заслуги перед мировым революционным движением. И то, что сейчас говорится на съезде, мне непонятно. Об ошибках говорить нужно, но поворот сделан слишком резко, он причиняет всем нам огромную боль. Неясно, почему было необходимо ставить вопрос так резко», — говорил на дипломатическом приеме в Восточном Берлине по случаю дня Советской Армии 23 февраля секретарь ЦК СЕПГ Циллер [4]. Но и после выступления Микояна для Ракоши, по его собственному признанию, специальное закрытое заседание съезда с критикой Сталина «до некоторой степени было неожиданным», он полагал, что подобного не произойдет [5]. Лидеры компартий социалистических стран были проинформированы о содержании секретного доклада за считанные часы до своего отъезда из Москвы. Несколько позже, в первой половине марта, им был направлен отредактированный текст доклада для ознакомления узкого партактива.

Осудив на XX съезде КПСС Сталина и провозгласив тезис о многообразии путей продвижения к социализму, «коллективное руководство» КПСС поставило в непростое положение служивших «верой и правдой» официальной Москве лидеров зарубежных коммунистических партий, сразу же ставших объектами резкой критики в своих странах как за апологетику бесчеловечной сталинской политики, так и за не всегда оправданное следование советским образцам и моделям в предшествующие годы. Это коснулось и партийно-государственных руководителей стран советского блока, в которых к середине 1950-х годов со все большей отчетливостью обнажились кризисные явления в экономике, свидетельствуя о несбыточности провозглашенных программ форсированного построения социализма и настоятельно требуя корректировки курса.

Пользуясь тем, что подавляющее большинство партийцев имело более, чем смутное представление о происходившем в Москве на закрытом заседании, лидеры стран «народной демократии» по возвращении домой стремились в прессе и устных выступлениях (в частности, на пленумах своих партий) так интерпретировать решения XX съезда, чтобы затушевать разительное несоответствие между идеями обновления, прине-

сенными из Москвы, и собственной досъездовской практикой — не только восхваления Сталина, но и следования его методам во внутренней политике. Задача стояла перед ними тем более невыполнимая, поскольку эти люди в большей или меньшей мере скомпрометировали себя прямой причастностью к крупномасштабным репрессиям, проведением показательных судебных процессов над неугодными деятелями и, кроме того, несли ответственность за провалы в экономической политике.

При всей непоследовательности в выявлении сущности сталинизма решения XX съезда КПСС дали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались нещадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Исходившие от реформаторов призывы к переменам, оказавшись в известном созвучии с официально провозглашенной линией КПСС, обрели значительно больший вес в общественном мнении, стали в некоторых странах реальным фактором внутривластной жизни, с которым властям теперь уже приходилось считаться.

Вместе с тем ситуация в разных странах была совсем не одинаковой. В экономически развитой и обладавшей демократическими традициями Чехословакии несмотря на значительные структурные сдвиги в промышленности (связанные с переориентацией внешнеэкономических связей на Восток) в 1950-е годы еще продолжал сохраняться довольно высокий по европейским стандартам уровень жизни, что не способствовало радикализации оппозиционных настроений. В относительно слабо развитых Румынии и Болгарии, где волюнтаристская экономическая политика лишь усиливала бедственное положение основной массы населения, монополия власти с ее мощным репрессивным механизмом также оставалась прочной, блокируя любые проявления внесистемной политической активности. Совсем иной была ситуация в Польше и Венгрии.

Можно, наверно, согласиться с известным венгерским политиком А.Генцем (активным участником событий 1956 г., а в 1990–2000 гг. президентом своей страны), который как-то заметил, что в отличие от СССР в странах Восточной Европы

не успел сложиться миф об абсолютной неизбежности существующей системы власти [6]. Однако если в польском и венгерском обществах к весне 1956 г. был уже накоплен некоторый опыт борьбы за десталинизацию, реформаторские течения заметно окрепли и партийные руководства, оказавшись под массивным давлением снизу, начали постепенно сдавать свои позиции, то в Восточной Германии, в Чехословакии, балканских странах они смогли в полной мере удержать контроль за ходом событий. С трибуны мартовского пленума ЦК своей партии Ракоши, стремясь оградить себя от обвинений в затягивании с реабилитацией жертв репрессий, сослался на мнение «чехословацких товарищей», которые, беседуя с ним в кулуарах XX съезда, упрекали венгерских лидеров за излишнюю торопливость с пересмотром судебных дел [7]. Июньская конференция КПЧ в целом подтвердила прежние обвинения против видного деятеля партии Р.Сланского, казненного в 1952 г., многие из чехословацких коммунистов, осужденных в начале 1950-х годов, ждали своей реабилитации до 1963 г.

В отличие от соседней Чехословакии, в Венгрии и Польше соотношение сил на внутривластной арене поставило власти перед необходимостью далеко идущего компромисса с реформаторски настроенной оппозицией, зародившейся в недрах правящих партий, однако к осени 1956 г. все более перераставшей узкопартийные рамки, становившейся выразителем интересов всего общества. При этом в Польше новое руководство во главе с В.Гомулкой сумело совершить решительный поворот к отстаиванию национальных приоритетов в диалоге с Москвой, что нейтрализовало наиболее радикалистские настроения в обществе, чрезвычайно чувствительном к неравноправию в польско-советских отношениях, предотвратило развитие событий по венгерскому варианту [8]. В Венгрии же постоянное запаздывание властей с принятием эффективных политических и экономических мер, способных разрядить взрывоопасную обстановку, привело к мощному вооруженному восстанию 23 октября [9].

Даже если принять во внимание неоднозначность венгерских событий (показавших миру не только примеры героизма борцов против сталинистской диктатуры, но и ничем не оправ-

данные акты вандализма разъяренной толпы), следует признать, что избранный осенью 1956 г. силовым способом решения венгерского вопроса контрастировал с обновительной риторикой XX съезда КПСС. Всему миру были наглядно продемонстрированы реальные пределы провозглашенного Н.С.Хрущевым курса на отказ от сталинской внешнеполитической практики, предполагавшего среди прочего признание многообразия форм перехода к социализму и корректировку характера отношений с союзниками по социалистическому лагерю. Показав неспособность советских лидеров пойти на более решительный разрыв со сталинским наследием во внешней политике, действия СССР в Венгрии пагубно сказались на международном престиже и имидже страны. В частности, военное вмешательство официальной Москвы во внутренние дела Венгрии оттолкнуло от нее многих левых интеллектуалов на Западе, связывавших с XX съездом КПСС определенные надежды на демократическое обновление социализма в СССР. Это способствовало усилению изоляции мирового коммунистического движения от потенциальных союзников.

С точки зрения внутренних процессов, происходивших в самом коммунистическом движении, венгерские события имели не меньшее значение. Можно отчасти согласиться с известным венгерским ученым-политологом И. Бибо (в начале ноября 1956 г. министром в коалиционном правительстве Имре Надя), который весной 1957 г. незадолго до своего ареста и тюремного заключения писал: «Когда после смерти Сталина его преемники широким фронтом приступили к смягчению сталинской политической практики, затем провалили попытку создания нового культа личной власти (речь идет о Берии — А.С.), а на XX съезде и принципиально порвали с некоторыми характерными сталинскими тезисами, подвергнув критике самого Сталина, все это породило среди коммунистов надежду на то, что в коммунистическом движении, и прежде всего в КПСС, есть такие силы, которые смогут вывести их на более правильный путь строительства социализма. После того, что случилось в Венгрии с 4 ноября и позже, надежда эта была навсегда подорвана» [10]. Политика СССР, не просто нацеленная на удержание Венгрии в рамках советского блока любой ценой, но исходившая из неприятия слишком далеко идущих ре-

форм в этой стране, показала сторонникам «национального коммунизма» в разных странах, что и после XX съезда любые попытки отхода от образцовой советской модели общественного устройства могут быть восприняты официальной Москвой как посягательство на ее ведущую роль в социалистическом лагере и — шире — международном коммунистическом движении и способны вызвать с ее стороны негативную реакцию. Вследствие венгерских событий в ряде западных компартий обострилось противоречие между приверженцами национально-специфических путей к социализму и сторонниками последовательной ориентации на Москву, отчетливо наметилась тенденция к расколу. Приостановилось начавшееся в 1954–1955 гг. сближение Советского Союза с титовской Югославией, продолжавшей упорно отстаивать свою концепцию социализма, произошло заметное осложнение советско-югославских отношений.

Важно, однако, сказать и о том, что силовое решение венгерского вопроса не было заранее predetermined. Как явствует из опубликованных записей заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября, в Кремле не только осознали невысокую эффективность прежней восточноевропейской политики СССР, основанной на жестком диктате, но и сделали определенный шаг к отказу от нее [11]. Дух XX съезда КПСС, провозгласившего идею многообразия путей к социализму, имел шанс на то, чтобы реально проявить себя в советской внешней политике. Однако решимости в проведении нового курса советским лидерам явно не хватало. Восторжествовал более привычный силовой подход. А.И.Микоян, до конца отстаивавший линию на политическое разрешение конфликта, не был понят и поддержан своими товарищами по Президиуму ЦК. Достигнутая вооруженным путем победа решила сиюминутную задачу «наведения порядка» в Венгрии, но в более долгосрочном плане оказалась пирровой. Хотя после 1956 г. стиль отношений Москвы с союзниками претерпевает некоторые изменения, шанс перестройки этих отношений на принципиально новых основаниях был упущен, что не позволило переломить тенденции к углублению кризиса социалистической системы. Все это в конечном итоге привело к ее закономерно-му краху на рубеже 1980–1990-х годов.

Примечания

1. См.: “Видел, как возникает культ личности“. Матяш Ракоши о Сталине и о себе // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. 1997. № 1. С.134-137. См. также с подробными комментариями: “Людам свойственно ошибаться“. Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив, 1999. №.1. С.6-13.

2. Правда. 1956. 15 февраля.

3. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. Отв. редактор К.Аймермахер, отв. составитель В.Ю.Афиани. М., 2002. С.243-249.

4. Информационное письмо корреспондента “Правды“ М.В. Подключникова в редакцию газеты о реакции в ГДР на сообщения о работе XX съезда КПСС. Не позднее 18 марта 1956 г. // Там же. С.630.

5. “Видел, как возникает культ личности“. М.Ракоши о времени и о себе.

6. Генц Арпад. Будапешт, 1956... // Новое время, М., 1991. № 35. С.30.

7. Архив внешней политики РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.35.

8. О ситуации в Польше с марта по октябрь 1956 г. см.: Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы “оттепели“: из истории советско-польских отношений. М., 2005.

9. См.: Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

10. Бибо И. Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост. Будапешт, 1992. № 1-2. С.31.

11. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М., 1998. Раздел III.

Разоблачение культа личности, советская армия и несостоявшийся пленум ЦК КПСС 1956г.

Ю.А. Абрамова,

*к.и.н. Московский государственный
индустриальный университет*

Изучение XX съезда КПСС было бы неполным без анализа ситуации в Вооруженных Силах СССР. Армия являлась закрытой структурой, и процесс разоблачения культа личности в ней демонстрирует насколько далеко зашел процесс десталинизации советского общества. Пересмотр роли И.В. Сталина начался еще весной 1953 г. Так если в первоначальном варианте статьи «Всемирно-историческая победа советского народа», подготовленной к 9 мая 1953 г. для «Правды» первым замминистра обороны СССР Г.К. Жуковым, семь раз упоминался и цитировался И.В. Сталин, то в результате редактирования сохранилось только три упоминания о вожде¹.

Тогда же стала производиться частичная реабилитация репрессированных в сталинские годы, в том числе и военнослужащих. С марта 1953 г. по февраль 1956 г. были реабилитированы «военные моряки» (Н.Г. Кузнецов, В.А. Алафузов, Г.А. Степанов, Л.М. Галлер), «авиаторы» (А.И. Шахурин, А.А. Новиков, А.К. Репнин, Н.С. Шиманов), сослуживцы Г.К. Жукова (К.Ф. Телегин, В.В. Крюков), а также И.А. Ласкин, В.С. Голушкевич, Ф.И. Жаров, В.П. Ухов, М.И. Потапов, М.Г. Снегов, Г.М. Зайцев и другие². Пересмотру подверглись и некоторые эпизоды военных дел 30-х гг. Так, были сняты обвинения с бывшего заместителя наркома обороны и начальника Главного Политического Управления Красной Армии Я.Б. Гамарника³.

Однако определяющую роль в отходе от репрессивной политической системы сыграл доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», произнесенный на XX съезде КПСС. Помимо прочего, в вы-

ступлении Первого секретаря ЦК нашлось место и негативной оценке культа личности в Вооружённых Силах⁴.

XX съезд активизировал процесс реабилитации. Были пересмотрены как «военные дела» 30-х гг. (В.К. Блюхера, А.И. Егорова, П.И. Пумпура, Е.И. Ковтюха, Н.В. Куйбышева, Г.Д. Хатаняна, М.Н. Тухачевского, А.И. Корка, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, В.К. Путны, Р.П. Эйдемана, В.М. Примакова, Б.М. Фельдмана), так и «послевоенные дела» (В.Н. Гордова, Г.И. Кулика, Ф.Т. Рыбальченко и др.)⁵.

Начали подвергаться пересмотру и дела некоторых лиц, находившихся на оккупированной территории, в окружении и плену. В апреле 1956 г. Президиум ЦК КПСС создал комиссию во главе с новым министром обороны Г.К. Жуковым для рассмотрения положения бывших военнопленных⁶.

По воспоминаниям писателя К.М. Симонова, Г.К. Жуков говорил о желании членов ЦК партии пересмотреть отношение к людям, оказавшимся в плену, а также о том, что «он считает своим долгом военного человека... восстановить поправленное достоинство всех честно воевавших и перенесших потом трагедию плена солдат и офицеров»⁷.

В июне 1956 г. комиссия Г.К. Жукова представила в ЦК КПСС, записку в которой указывалось, что значительное количество советских военнослужащих попали в плен к противнику, но сохранили верность Родине. Вопреки законодательству в отношении военнопленных, окруженцев, и членов их семей «были допущены грубейшие нарушения советской законности, массовый произвол»⁸.

В результате 29 июня 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490с «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», реализовавшее подавляющее большинство предложений комиссии Г.К. Жукова⁹. Однако десталинизация, рожденная в недрах партийного аппарата, члены которого в большинстве своем сами были замешаны в кровавых преступлениях 30-50-х гг., изначально не могла быть глубокой и всесторонней. Ярким примером половинчатости и незавершенности политики КПСС по развенчанию И.В. Сталина может служить история несостоявшегося июньского Пленума ЦК КПСС 1956 г., на котором, по словам

А.И. Микояна, предполагалось дать «развернутое мнение» по поводу культа личности И.В. Сталина¹⁰.

5 апреля 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение созвать Пленум ЦК КПСС 4 июня 1956 года, на рассмотрение которого вынесли вопрос «Решения XX съезда партии и задачи улучшения идеологической работы». Основным докладчиком был утвержден секретарь ЦК Д.Т. Шепилов, целью своего доклада поставивший рассмотрение реализации решений всего XX съезда партии¹¹.

Содокладчиком должен был стать министр обороны Г.К. Жуков. В основу его выступления легли материалы комиссии по реабилитации бывших военнопленных. 19 мая 1956 г. министр обороны направил текст своего выступления Н.С. Хрущеву для рассмотрения и замечаний. Маршал собирался доложить о влиянии культа личности Сталина на «непомерное преувеличение» роли вождя в Великой Отечественной войне и принижение роли народа, партии, Правительства и армии, о «допущении грубого искажения ряда исторических фактов, замалчивании неудач, ошибок, недочетов и их причин», и о приписывании «достижения успехов исключительно руководству Сталина».

Г.К. Жуков критиковал ошибки и просчеты Верховного Главнокомандующего в подготовке к войне и ведении боевых действий: техническую отсталость советской обороны перед войной; недооценку военно-политической обстановки накануне войны; плохое знание оперативно-тактических вопросов и неумелое командование И.В. Сталина, особенно в первый период войны; так называемые «сталинские операции» и «сталинскую военную науку». В проекте выступления министр обороны также отметил подозрительность вождя к военным кадрам, выразившуюся в упразднении единоначалия, введении института военных комиссаров и неправильном отношении к бывшим военнопленным. В заключение выступления маршал предложил ряд мероприятий по преодолению влияния культа личности¹².

Однако Пленум ЦК так и не состоялся. Дату его созыва изменяли два раза. Затем выяснилось, что провести Пленум ЦК в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца не представляется возможным из-за плохой акустики и затруднений в

хозяйственном обслуживании, поэтому его перенесли в Свердловский зал.

1 июня 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС было решено еще раз отложить Пленум ЦК до осени, дополнительно сообщив день созыва, и разослать в партийные организации письмо ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда»¹³. Письмо было призвано пресечь «идеологический разброд» и дать четкие указания по поводу границ критики культа личности И.В. Сталина¹⁴.

30 июня ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», напоминавшее о той роли, которую сыграли члены партии и ЦК в истории Советского Союза, и разъяснявшее необходимость преодоления культа личности¹⁵.

31 августа 1956 г. на заседании Президиума ЦК было решено в начале декабря 1956 г. созвать Пленум ЦК, посвященный обсуждению вопросов идеологической работы. Докладчиком утвердили Н.С. Хрущева¹⁶.

20–25 декабря 1956 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопросы народнохозяйственного значения¹⁷. О реализации решений XX съезда партии и идеологической работе речь так и не зашла.

Историк Р.Г. Пихоя полагает, что главной причиной отмены Пленума ЦК являлась незаинтересованность «нового теоретика партии» Д.Т. Шепилова, маршала Н.А. Булганина и самого Н.С. Хрущева в углублении процесса десталинизации¹⁸. По всей видимости, это предположение исследователь сделал на том основании, что текст выступления Г.К. Жукова был передан Д.Т. Шепилу и Н.А. Булганину, а значит, только они могли наложить на него «вето».

На наш взгляд, подобное, в принципе верное, предположение нуждается в некотором уточнении. Действительно, в отмене июньского Пленума ЦК 1956 г. была заинтересована группа лиц, прежде всего Л.М. Каганович, В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин и др. Значительная часть этой группы не желала углубления процесса десталинизации, опасаясь, что разоблачение культа личности скажется на их должностном положении. Замешанные в репрессиях, эти члены Президиума ЦК боялись, что на них ляжет ответственность за часть

сталинских преступлений. Именно их имел в виду Г.К. Жуков в проекте своего доклада, говоря о «некоторых товарищах», имеющих мнение «о нецелесообразности дальше и глубже во-рошить вопросы, связанные с культом личности»¹⁹.

Не был заинтересован в открытии Пленума ЦК и Первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев, но по иным причинам. Обстоятель-ный доклад Д.Т. Шепилова, рассматривавший влияние стали-низма на все сферы жизни общества, и четкое, логическое вы-ступление Г.К. Жукова выигрывали по сравнению с эмоцио-нальным и сумбурным докладом Первого секретаря ЦК на XX съезде.

Кроме того, Н.С. Хрущев хотел сохранить «монополию» на десталинизацию, которая была своеобразным способом вли-яния на конкурентов по Президиуму ЦК, замешанных в ре-прессиях. Потеря лидерства в вопросе разоблачения культа личности неизбежно ослабила бы позицию Первого секретаря ЦК в его борьбе за сталинское наследие.

Что же касается Д.Т. Шепилова, то он был заинтересован в отмене Пленума ЦК в наименьшей степени, поскольку дол-жен был выступить на нем с центральным докладом, что сви-детельствовало бы о высоком статусе докладчика в партийной иерархии. Отмена же партийного форума означала и отмену доклада, а потому вряд ли входило в его планы.

Таким образом, более глубокого осмысления пагубного влияния И.В. Сталина на политическую жизнь страны, начало, которому положил Н.С. Хрущев в своем закрытом докладе на XX съезде КПСС, так и не произошло. Однако карта разобла-чения культа личности была разыграна Первым секретарем ЦК позднее: в июне 1957 г. обвинение в организации массовых репрессий стало одним из главных упреков в адрес «антипар-тийцев».

Примечания:

1. Российский государственный военный архив. Ф.41107. Оп.1. Д.55. Лл.2, 11-12, 21.

2. «На его долю выпали тяжёлые испытания». Правда о «деле» Н.Г. Кузнецова / Публ. И. Шевчука // Военно-историче-ский журнал. — 1995. — № 4. — С.50, 63; «Следствие прибег-

ло к извращённым приёмам» / Публ. В. Лебедева // Источник. — 1993. — № 4. — С.100; В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 11. — С.44-45; Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. — 1993. — № 1. — С.214-225; Цитняк Г., Викторов Б. Уголовное дело маршала Жукова // Огонёк. — 1993. — № 11. С.12-13.

3. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС... // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 4. — С.68-69, 73.

4. «О культе личности и его последствиях». Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С.128-155. О культе личности в армии: Там же. С.146-150.

5. См.: В Комиссии Политбюро ЦК КПСС... // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 11. — С.57; Там же. — № 4. — С.42-68; Реабилитация маршала Г.И. Кулика (1956-1957 гг.) // Там же. — 1991. — № 8. — С.216-219.

6. Незаконченное сражение маршала Жукова. О реабилитации военнопленных. 1954-1956 гг. / Публ. В.П. Наумова и Л.Е. Решина // Исторический архив (далее: ИА). — 1995. — № 2. — С.113.

7. Симонов К.М. К биографии Г.К. Жукова // Маршал Жуков. Каким мы его помним. — М., 1988. — С.89-90.

8. Незаконченное сражение маршала Жукова... С.113-120.

9. Там же. С.120-123. См. соответствующий приказ Министерства обороны: Центральный архив Министерства обороны. Ф.32. Оп.843327. Д.1. Л.200; Постановление ЦК КПСС «О порядке рассмотрения вопросов о восстановлении в КПСС бывших военнослужащих и лиц, находящихся в настоящее время в Советской Армии, выбывших из КПСС в связи с их пребыванием в плену или на временно оккупированной территории в период Великой Отечественной войны»: В Комиссии Политбюро ЦК КПСС... // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 11. — С.52.

10. Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС / Публ. Н.В.

Ковалевой, А.В. Короткова, С.А. Мельчина, Ю.В. Сигачева, А.С. Степанова // ИА. — 1993. — № 4. — С.40.

11. Российский Государственный Архив Новейшей Истории (далее: РГАНИ). Ф.2. Оп.1 Д.188. Лл.1, 32-157.

12. «Чего стоят полководческие качества Сталина». Не произнесенная речь маршала Г.К. Жукова // Источник. — 1995. — № 2. — С.143-159.

13. РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.188. Лл.3, 158, 164, 165.

14. См.: Наумов В.П. Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. — 1997. — № 4. — С.32; Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991. — М., 1998. — С.152-153.

15. РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.188. Л.165; Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» // Правда. — 1956. — 2 июля. — С.1.

16. РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.188. Л.166.

17. Там же. Дд.189-208.

18. Пихоя Р.Г. Указ. соч. С.152.

19. «Чего стоят полководческие качества Сталина»... С.143.

Н.С. Хрущев и «десталинизация» в решении жилищного вопроса

В.Н. Горлов, д.и.н.

Пришедшее на смену И. В. Сталину руководство, которое вскоре возглавил Н. С. Хрущев, поставило вопрос о необходимости как можно скорее покончить с нехваткой жилищ. Не высотные здания, не дворцы с дорогой лепниной надо было строить, а жилые дома — быстро, дешево и много. Были приняты специальные правительственные постановления о всемерном развитии домостроительной промышленности. Ко второй половине 50-х годов остро назрели социальные задачи громадной исторической значимости, осуществимость ко-

торых определялась уровнем развития индустриальных методов строительства.

Н.С. Хрущев на встрече с избирателями пообещал каждой семье квартиру. Г. М. Маленков, как известно, обещал в 2 — 3 года поднять жизненный уровень. Н. С. Хрущев не мог от его обещаний отставать и начал хозяйственные реформы. Он все любил делать глобально и ждал быстрых результатов. Н. С. Хрущев сумел уловить, почувствовать значительность идеи, созревшей в советском обществе, и превратить её в конкретную задачу управления — развернуть строительство жилья.

Как правило, существенные изменения в области социальной политики происходят в кризисных ситуациях, делающих необходимым пересмотр отношений между государством и личностью. Кризисом подобного рода в Советском Союзе явился XX съезд КПСС в феврале 1956 года. Именно на этом съезде Н. С. Хрущев резко критиковал И.В. Сталина за отвратительные условия жизни, навязанные им советским гражданам. Н. С. Хрущев призвал осуществить серьезные реформы, в том числе и в сфере социальной политики. В 1956 г. на XX съезде КПСС ЦК КПСС и Совет Министров объявили о намерении обеспечить каждую советскую семью квартирой на протяжении ближайших трех пятилеток.

Жилищные условия москвичей в то время были очень далеки от нормальных. Миллионы горожан жили в многосемейных коммуналках, бараках, подвалах и аварийных зданиях. Необходимость в коренном изменении подхода к решению жилищного вопроса ощущалась предельно остро. Было очевидно: справиться с предстоящими задачами традиционными методами строительства будет невозможно; в противном случае возрождение страны затянется на десятилетия. Отсюда следовал главный вывод — необходима коренная перестройка и проектного дела, и методов организации строительства, и самой строительной базы. Разработки в области типизации, индустриализации и стандартизации при соприкосновении с «официальной» архитектурой вступили с ней в резкий конфликт. Технический прогресс культивировал экономичность. Архитектура должна была теперь себя контролировать и сдерживать.

Обычно началом процесса десталинизации связывают с «секретным» докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Речь, произнесенная на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 года, еще задолго до знаменитого доклада на XX съезде КПСС явилась началом в направлении десталинизации советского общества, так как Н. С. Хрущев подверг жесточайшей критике одну из главных составляющих сталинского наследия — социалистический реализм в архитектуре.

В декабре 1954 года на Всесоюзном совещании строителей Н. С. Хрущев дал анализ существа недостатков в области архитектуры: «В нашем строительстве нередко наблюдается расточительство средств и в этом большая вина многих архитекторов, которые допускают излишества в отделке зданий, строящихся по индивидуальным проектам. Такие архитекторы стали камнем преткновения на пути индустриализации строительства». «Мы выступаем не против красоты, — указывал Н. С. Хрущев на совещании, — но против излишеств...Разве допустимо, что в одном и том же городе, в Москве, разница в стоимости строительства жилых домов, выполненных по проектам разных авторов, составляет 600 — 800 руб. на каждый квадратный метр жилой площади...Некоторые архитекторы, — возмущался Н.С. Хрущев, — увлекаются устройством на зданиях шпилей, и поэтому эти здания становятся похожими на церкви. Вам нравится силуэт церкви? Я не хочу спорить о вкусах, но для жилых домов такой облик зданий не нужен. Нельзя современный жилой дом превращать архитектурным оформлением в подобие церкви или музея». Сравнение с церковью в то время было бесприкрытым аргументом.

В этом выступлении подверглось критике одностороннее понимание архитектуры только как искусства, и было показано на ряде примеров, какой материальный ущерб порождает «эстетский формализм». Он однозначно изложил свое понимание сущности и общественных функций архитектуры, ограничив их экономичным решением утилитарных проблем устройства предметно-пространственной среды. Движущей силой прогресса выступала индустриализация строительства. На архитекторов возлагалась вина в провалах строительного комплекса и жилищной политики. Перед всей страной архитекторов обвинили в разорении страны своими «излишества-

ми». Подразумевалось, что архитекторы утратили право на участие в решениях, определяющих судьбу профессии. Архитектура утратила своё лицо и личностные признаки. Вместе с ней теряли свои качества и свои профессиональные навыки и архитекторы. Надолго осталась и система отношений, подчинившая архитектуру строителю-технологу. В типовом строительстве доля участия архитектора была сведена практически к нулю. На многие годы речь Н.С. Хрущева предопределила характер и направление развития всей советской стройиндустрии.

Материалы строительного совещания 1954 года показали, что жилищная политика стала полем борьбы за политическое лидерство. Смена курса в жилищной политике означала отрицание опыта решения жилищного вопроса при И. В. Сталине (Н.С. Хрущев говорил о необходимости «десталинизации архитектуры»), и была важна как «акт символического насилия». В постановлении «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» утверждалось, что «внешне-показная сторона архитектуры, изобилующая большими излишествами», характерная для сталинской эпохи, теперь «не соответствует линии Партии и Правительства в архитектурно-строительном деле... Советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений». Архитекторы, допустившие «излишества» при строительстве, лишались Сталинских премий. Оформление фасадов колоннадами и портиками рассматривалось как архаичное, лепка и барельефы как «архитектурные излишества, заимствованные из прошлого». В постановлении утверждалось, что именно такой «эстетский подход к проектированию» тормозит развитие жилищного строительства и улучшение жилищных условий трудящихся. Выход из жилищного кризиса виделся в увеличении наличной жилой площади путем индустриализации строительства и введения строительства по типовым проектам. Сталинская архитектура не была непосредственно связана с индустриализацией строительной промышленности. Это глубокое внутреннее противоречие послевоенной истории архитектуры естественно привело на определенном этапе к изменению направленности советской архитектуры. Кризисная ситуация закономерно разрешилась широкой критикой, резким

осуждением практики украшательства на Всесоюзном совещании строителей 1954 года.

Очередной поворот направленности отечественной архитектуры в середине 50-х годов был стимулирован внепрофессиональными обстоятельствами, последовавшими за разоблачением культа личности, за выступлением Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС на смену старой модели приходит новая, решительной непохожестью подчеркивавшая смену вех.

В 50-е годы, когда партийное руководство высказало свое отношение к «излишества» сталинского строительства, рационализация, индустриализация, экономичность казались единственным выходом из жилищного кризиса. В партийных документах были сформулированы основные задачи советских архитекторов и проектировщиков. «Простота, строгость форм, привлекательный внешний вид и экономичность решений, забота о бытовых удобствах — таковы ведущие, определяющие черты советской архитектуры», — говорилось в приветствии ЦК КПСС и Совета Министров II Всесоюзному съезду советских архитекторов.

Н.С. Хрущев писал в воспоминаниях, что «жильё должно быть рациональным». Это уже должно было, по мнению Н.С. Хрущева, уменьшить остроту квартирного вопроса. Отсутствие лифтов, мусоропроводов, упрощенная обработка стен и уменьшение размеров подъездов казались выходом из жилищного кризиса. Н.С. Хрущев считал, что нельзя думать лишь об эстетических факторах, забывая о насущных человеческих потребностях. Для главы государства, несомненно, переход к массовому жилищному строительству и отказ от помпезной парадности означал положительный сдвиг в архитектуре.

В нашей специальной литературе нередко можно встретить утверждение, что широко известные партийно-правительственные постановления 1954–1955 гг. были неожиданностью и застали архитектурный цех врасплох. С этим утверждением нельзя согласиться. Второе Всесоюзное совещание строителей в Кремле в декабре 1954 года, явившееся поворотным пунктом в развитии жилищного строительства, резко изменившее ее направленность, не следует рассматривать как явление неожиданное и непредвиденное. Этот поворот был подготовлен всем ходом развития советской архитекту-

ры. Поворот созревала в сознании многотысячной армии строителей. Перемены, происшедшие в советской архитектуре и строительстве в середине 50-х годов, были своевременными и закономерными и особенно сказались в массовом жилищном строительстве. Действительно, перелом был вызван необходимостью ускорить и удешевить строительство, в кратчайший срок расселить людей из бараков, выволить их из переполненных коммуналок. Но возникает вопрос. Не совпала ли эпоха утилитаризма в архитектуре со сменой эстетического идеала? Быть может, директивное решение, вынесшее приговор «излишеству», и стало выразителем художественного эталона времени, причем стало неосознанно, и лишь со временем способна проступить зависимость между эволюцией архитектурного образа и судьбоносным партийным документом по архитектуре. К середине 50-х гг. процесс саморазвития профессии подготовил её к творческой перестройке, что и позволило в чрезвычайно короткие сроки совершить столь серьезные преобразования в архитектурно-строительном деле. Партийно-правительственные постановления середины 1950-х гг., точно зафиксировав некую изначальную готовность к преобразованиям, придали им невиданное ускорение и именно этим действительно коренным образом изменили судьбу советской архитектуры. Совершенно неожиданно архитектурный стиль, который еще совсем недавно единодушно восхвалялся, совсем исчез из архитектуры и строительства.

Мирное сосуществование стран с различными системами предполагало перенесение соревнования в сферу «удовлетворения потребностей трудящихся», одной из которых являлась потребность в жилище. Необходимо было доказать, что этот «вопрос вопросов», по выражению Н.С. Хрущева, может быть решен только при социализме, в условиях государственного обеспечения жильем, а не в мире господства частной собственности. При всех его недостатках и известном отставании от растущих требований жизни массовое жилищное и культурно-бытовое строительство стало подлинно государственным общенародным делом. В повседневный быт простых людей, стало входить то, что было совершенно неслыханным при И. В. Сталине, — отдельная квартира на семью. Историчность восприятия прошлого складывается и из таких сюжетов

и моментов. Заменяя уклад коммуналок и общежитий, хрущевские пятиэтажки открыли новую эпоху — эпоху индивидуальных интересов и личной жизни. Н. С. Хрущев произвел самую главную из всех революций — революцию в умах. Здесь заслуга Н. С. Хрущева бесспорна и огромна. Перелом наступил не только в строительстве, но и в психологии. Впервые зашла речь о том, что жить единой коммуной — не предел человеческих мечтаний, и что каждая семья имеет право на свою отдельную, личную жизнь.

Как на закрытый доклад Хрущева реагировали люди на местах

Т.С. Плотникова,

преподаватель истории, посёлок

Пролетарский, Серпуховской район, Московская область

Мною проведён опрос 100 жителей посёлка Пролетарский в Серпуховском районе Московской области, которые являлись очевидцами событий зимы и весны 1956 года, а именно XX съезда КПСС и доклада Н.С.Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на его закрытом заседании 25 февраля, ставшими одними из ключевых в дальнейшем развитии нашей страны. Мне было очень интересно узнать, как на такой исторический факт, послуживший причиной многочисленных научных споров, отреагировали рядовые советские граждане. Многие из моих респондентов в силу жизненных обстоятельств тогда проживали в других областях РСФСР, а это даёт мне смелость говорить о том, что выводы из сделанного мною анкетирования вовсе не ограничиваются местными рамками,

Ответы на вопрос: **Слышали ли вы текст этого доклада лично на партийном или комсомольском собрании?**

Да, слышали, ответили 38% опрошенных.

На комсомольском собрании тонкосуконной фабрики «Пролетарий» слышали доклад слесарь Константин Георгиевич Шабанов, разнорабочая Анастасия Фёдоровна Паршина, ткачихи Зоя Васильевна Николаева и Татьяна Васильевна Харитоновна, мотальщица Татьяна Яковлевна Дроздова и другие. Медсестра Серпуховской районной больницы им. Семашко Галина Петровна Лебедева сама зачитывала на комсомольском собрании текст доклада в кратком изложении. Также на комсомольском собрании в Брянском текстильном техникуме слышала доклад студентка Нина Ивановна Сугак.

На партийное собрание тонкосуконной фабрики «Пролетарий» Серпуховского района были приглашены не только коммунисты, но и беспартийные, сообщает прядильщица Александра Алексеевна Широкова. На партийном собрании слышали доклад Хрущева в кратком изложении беспартийные колхозники Надежда Игоревна Игнатенко (Зимовниковский район Ростовской области Михаил Павлович Иволгин (Коренёвский район Курской области).

Нет, не слышали, узнали от других 62% респондентов.

Не оглашался текст доклада на комсомольском собрании в профессиональном училище города Симферополя, сообщает Елена Фёдоровна Прохина. Не было комсомольского собрания по этой теме также в Алтайском государственном педагогическом институте, делилась воспоминаниями учившаяся там Надежда Никитична Данченкова, замечая при этом, что почти все студенты о тексте доклада узнали уже на следующий день. Учитель истории Валентина Михайловна Цыганова узнала о докладе из уст мужа, а продавец Гавшинского отделения Серпуховского районного потребительского общества в деревне Мокрово Ольга Николаевна Липатова узнала о случившемся от сестры. Многие слышали от соседей, сослуживцев.

Ответы на вопрос: «Как вы отнеслись к прозвучавшим в нём обвинениям в адрес Сталина?»

Поверили и одобрили 32% опрошенных.

Пелагея Матвеевна Павлова, ткачиха тонкосуконной фабрики «Пролетарий», вспоминала, что многое из того, что она узнала, совпадало с её мыслями и догадками, но всё же теплилась надежда, что это не дело рук Сталина, а кого-то другого, например Берии. Николай Иванович Плетнёв, работавший плотником на той же фабрике, сообщал: «Отнёсся положительно, т.к. было очень тяжело жить в сталинское время. У народа не было прав, все чего-то да боялись. Все хотели лучшей жизни, хотя бы не голодной». Студентка Тернопольского химико-технологического техникума Вера Петровна Фёдоровичева была согласна с Хрущёвым, так как её семья пострадала: «отец умер в лагере, дядя пропал без вести после того, как поздно вечером его забрал «воронок», а нас выселили из Москвы. Моей семье он причинил много горя». И горестно добавляла: «Но ведь все эти злодеяния совершил не только один Сталин. За каждым репрессированным стоит группа людей, подчинённых, свято выполнявших любой приказ вождя, любой...».

Поверили и одобрили, хотя и не полностью, ещё 11% опрошенных.

«Сталин делал ошибки, сам всё решал, никого не спрашивал. Но в докладе Хрущёва, на мой взгляд, был перебор», — вспоминала мотальщица Татьяна Яковлевна Дроздова. «Трудно было поверить, ведь мы так верили Сталину, но как нам казалось, Хрущёв не мог врать», — говорила ткачиха Любовь Григорьевна Мельникова.

Не поверили и большей частью не одобрили 35% опрошенных.

«Возможно у Сталина, как у любого другого человека были недостатки, но такую грязь, которую вылил Хрущёв на него — это уж слишком, — говорила бухгалтер фабрики «Пролетарий» Наталья Фёдоровна Кузнецова. — Скорее всего, во всём были замешаны приближённые вождя» «Мы думали, что Хру-

щёв хотел очернить Сталина, чтобы обелить себя, хотя вряд ли доклад писал он один», — делился воспоминаниями пекарь хлебозавода №4 в Краснодаре Александр Владимирович Тимофеев. «Первое впечатление у всех было, что это происки окружения Сталина. Они хотели всю вину, за прошлые годы, переложить на Сталина. Ведь он не мог им ответить, стали бы они при живом вожде что-то говорить. Нет, конечно!», — высказывал своё мнение слесарь Серпуховского завода «Металлист» Александр Владимирович Алпатов.

Не поверили и не одобрили полностью 11% опрошенных.

Была категорически против обвинений в адрес Сталина воспитатель детского сада в посёлке Пролетарский Людмила Павловна Дранникова. «Он для нас был непререкаемым авторитетом», — говорила она, вспоминая о том времени. «Сталин для нас был Богом, — согласен был с ней учитель из Дмитрова Алексей Михайлович Бобровников. — Многие требовали пересмотреть мнения Хрущёва».

Не имели своего мнения 7% опрошенных.

Зинаида Михайловна Кирилина, работавшая поваром в столовой фабрики «Пролетарий», вспоминала: «Как-то и не думала об этом, даже сама не знаю почему. Просто была очень далека от политики». По мнению слесаря той же фабрики Константина Георгиевича Шабанова, «все до конца не осознавали, что произошло, только со временем люди начали понимать, в чём дело, т.к. информация не доходила до низших слоёв населения».

Имели двойственное мнение 4% опрошенных.

Можно увидеть, что опрошенное количество людей раскололось на «за» и «против» почти поровну (46% и 43%). Но страх, сидевший глубоко в подсознании советского человека, не давал людям выплеснуть свои эмоции, высказать открыто свои суждения. Поэтому 11% опрошенных либо имели двойственное мнение, либо не имели его вообще.

Таким образом, в ходе проведенного опроса выяснилось, что доклад «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года оказал на общество влияние гораздо более серьезное, чем мог предполагать Хрущев. В результате общество раскололось примерно пополам: одна часть её отказывалась верить названным в нём фактам, для другой части населения СССР этот доклад послужил толчком для пробуждения самосознания, разрушения страха. Другими словами, доклад этот оказался бомбой, взрыв которой создал трещины в казавшемся монолитным «морально-политическое единстве» партии и народа, пошатнул укоренившееся к тому моменту советские устои, веру в вождя.

Историческая наука и общественно-политическая мысль о месте XX съезда КПСС в истории России

Д.В. Маслов,

д.и.н., Сергиево — Посадский филиал Московского Государственного индустриального университета

Двадцать лет назад, на заре перестройки, историк М. Гефтер сетовал на то, что юбилей XX съезда при нашей падкости на юбилеи, прошел незаметно. Он высказал опасение относительно того, успеем ли мы осмыслить те события. На сегодняшний день можно сказать, что эти опасения не подтвердились.

Но изучение XX съезда шло неравномерно. Даже в хрущевский период об этом событии можно было говорить в рамках партийных директив, и прежде всего в интонации весьма скромного по своим формулировкам Постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года. После 1964 года изучение рассматриваемой проблемы в отечественной историографии по идеологическим причинам было признано властью нецелесообразным. В то же время на Западе работа в этом направлении продол-

жалась. Резкий подъем интереса к хрущевскому периоду, в т.ч. и к XX съезду, происходит в годы перестройки. Замалчивание личности и деятельности Н.С. Хрущева сменилось апологетикой. Ситуация начала приходить в «норму» в 1990-е гг., когда стали доступными важные архивные документы. Это позволило преодолеть доминирование в источниковой базе весьма субъективной мемуарной литературы.

Сегодня с известной долей условности можно выделить две линии в осмыслении вопроса: историографическую и общественно-политическую. И обе сходятся в главном: XX съезд — одно из ключевых событий отечественной (и даже мировой) истории не только хрущевского периода, но, по мнению ряда исследователей, и всего XX века. И это при том, что Хрущев, как известно, провел немало других преобразований, которые также включаются в т.н. «линию XX съезда». Такого масштаба саморазоблачения системы своим собственным руководством история, возможно, еще не знала. При этом сам съезд и развенчание культа личности Сталина фактически отождествляются.

В центре внимания современной исторической науки оказались следующие вопросы изучения XX съезда.

Прежде всего, это проблема зарождения инициативы выступления с докладом о культе личности. Большого единства исследователям удалось добиться в вопросе о мотивации действий Хрущева. Здесь в отличие от ситуации конца 1980-х гг. явно наметился крен в сторону приоритета объективных факторов. Правда, не закончена дискуссия по вопросу о том, что в большей степени двигало Хрущевым — необходимость укрепления системы, логика борьбы за личную власть или нравственные императивы. Видимо, одно не обязательно должно противоречить другому.

Принципиально важным является признание объективности хрущевских реформ, и в т.ч. критики культа личности. По мнению ряда исследователей (А.А. Зиновьев), существование системы, где главной скрепляющей силой был Сталин, не могло оставаться неизменным после него. Задуманные Хрущевым преобразования (от мирного сосуществования до реорганизации МТС) нуждались в пересмотре утвердившихся теоретических позиций и, следовательно, роли их главного твор-

ца — Сталина (А.В. Пыжиков). В.В. Кожин отмечал, что любой правитель после сильного лидера неизбежно, вынужденно проявляет гуманность.

Причем смягчение режима проходило уже в последние сталинские годы. Е.Ю. Зубкова и О.В. Хлевнюк отмечали, что все проблемы были осознаны еще при Сталине, и курс реформ был как бы предзадан. Ю.В. Аксютин также предлагает не противопоставлять последние сталинские и послесталинские годы.

Действительно, в историографии постепенно складывается осознание факта преемственности хрущевских реформ с последними сталинскими годами, когда наметились основные контуры будущих преобразований. Сама постановка вопроса подобным образом долгое время казалась невозможной, т.к. между эпохами и личностями Сталина и Хрущева было принято проводить довольно жесткую грань. Еще в последние сталинские годы наметился поворот к принципам мирного сосуществования государств с различным общественным строем, необходимость которого вполне осознавалась правящей верхушкой, в т.ч. и самим вождем. В своей недавней работе А.В. Пыжиков характеризует конкретные шаги советского руководства в данном направлении.

Еще один аспект реформирования связан с дискуссиями об изменении структуры советской экономики, повышении ее социальной направленности, возрастании роли категории экономической целесообразности. Такие возможности открылись не только не без ведома Сталина, но и при его прямом участии, результатом чего стало принятие целого ряда правительственных документов. Были намечены некоторые нетрадиционные меры в области сельского хозяйства, особенно в сфере животноводства.

Даже в самой консервативной сфере советской системы — политике и идеологии — появились востребованные в полной мере позднее идеи. Так, при подготовке проекта Программы партии в 1947 году была сформулирована мысль о перерастании диктатуры пролетариата в диктатуру всего советского народа, т.е. фактически идея общенародного государства, авторство которой до сих пор приписывается Н.С. Хрущеву. Выдвигались идеи прямого народного законодательства, вы-

борности должностных лиц и другие предложения по демократизации общественной жизни. В. Кожин отмечал, что и политические репрессии рубежа 1940-50-х гг. отличаются от их пика в 1937-38 гг. в плане более мягких последствий для осужденных по некоторым делам (особенно это проявилось в т.н. борьбе с космополитизмом).

Конечно, сами же пишущие об этих фактах исследователи не склонны переоценивать их значение и рассматривают их в основном лишь в качестве едва наметившихся тенденций. Но и говорить о некой спонтанности хрущевских реформ, в т.ч. и «линии XX съезда», едва ли теперь становится уместно. Тем более, что и смерть Сталина не только не прервала действия указанных тенденций, но и способствовала их активизации.

В свою очередь в литературе уже и раньше отмечалось, что импульс XX съезда проявил себя в серии последующих реформ по изменению самого облика социализма, включая перестройку. Таким образом, XX съезд обретает прочные корни в дохрущевском и послехрущевском развитии, а понимание советской истории становится более цельным. В то же время в некоторых исследованиях по XX съезду выражено сомнение относительно того, насколько удачно был выбран момент для критики Сталина и насколько политически корректно сформулировано ее содержание (Е.Ю. Зубкова).

Нельзя не затронуть и такой аспект проблемы инициирования секретного доклада, как ее (инициативы) направленность. Большинство авторов придерживается мнения, что идея продвигалась «сверху». В то же время исследователи не могут обойти вниманием определенные ожидания «снизу», особенно со стороны репрессированных, упредить которые, судя по его же собственному известному высказыванию, и попытался Хрущев.

Продолжаются дискуссии по вопросу подготовки доклада и борьбе внутри руководства. История составления и оглашения доклада Хрущева всё еще не прояснена до конца. Целостная картина поэтапного демонтажа культа Сталина на сегодняшний день только формируется. В изданиях последних лет поставлен под сомнение ряд мифов, сопровождающих предысторию хрущевского доклада.

Прежде всего, опровергается распространенное представление о том, что споры в руководстве — читать или не читать доклад — продолжались чуть ли не в ходе всего XX съезда. На основании архивных материалов исследователи пришли к выводу, что принципиально вопрос был решен еще до съезда. На самом же съезде могли быть разногласия по второстепенным вопросам.

Ставится вопрос и о характере подготовки хрущевского доклада. Текст готовился в закрытом режиме, но ряд историков считают, что такова была привычная практика работы аппарата.

Не совсем ясно, какой именно текст зачитал Хрущев 25 февраля 1956 года. Магнитофонная запись его выступления пока не обнаружена, а текст, разосланный вскоре по парторганизациям, подвергся определенной корректуре (Р. Пихоя). Нельзя не учитывать, что во время выступления Первый секретарь ЦК КПСС неоднократно отвлекался от подготовленного текста.

Остается открытым вопрос об истинной подоплеке борьбы в руководстве по поводу осуждения культа личности. Наиболее часто в последнее время называется такой мотив, как политические амбиции в борьбе за власть.

Именно в этом контексте в последнее время часто трактуются идеи «секретного доклада». В предыдущие годы акцент смещался на констатацию непоследовательности Хрущева в вопросах критики Сталина, логической противоречивости и чрезмерной эмоциональности доклада. Всё это обычно объяснялось тем, что в условиях середины 1950-х гг. борьба с культом и не могла быть иной по характеру. Однако последние исследования различных вариантов текста доклада, сопоставление нюансов в критике культа в выступлениях Маленкова и Хрущева показали, что лидер партии не был столь подвержен экспромту и импровизации, как полагали ранее. Отмечается, что Хрущев смещал акцент на необходимость укрепления роли партии, которая якобы при его предшественнике недооценивалась. Этот аргумент сыграл немалую роль в укреплении личных позиций Никиты Сергеевича.

В последние годы стал активнее изучаться вопрос о реакции общества на инициативу, озвученную Хрущевым. Даже то,

что известно сегодня, ставит под сомнение устоявшиеся представления о забитом тоталитарным режимом «совке». Адресованные руководству письма содержат такую постановку вопросов, что официальная идеология могла бы позавидовать глубине тезисов заводского рабочего. Для сравнения — какой доклад, кому и о чём надо прочесть сегодня, чтобы вызвать столь заинтересованную и напугавшую руководство реакцию!?

Многообразию выявленных мнений с трудом поддается классификации. Расхождение же в них столь велико, что вполне можно говорить о тех, для кого съезд стал символом очищения строя от негатива — но были и те немногие, кто воспринял откровения советского лидера как признак ущербности построенного в СССР социализма. Отметим, далее, тех граждан, которые считали хрущевскую критику необходимой, но неглубокой. Причем как в смысле анализа подлинных причин культа, так и в плане причастности к его формированию других представителей высшего руководства, в т.ч. и Хрущева. Наиболее самокритичные предлагали признать вину всего общества в произошедшем. Но были и те, кто встал, что называется, стеной на защиту дела Сталина и его имени. И дело не только в известных событиях в Грузии в марте 1956 года. Некоторые из писавших в ЦК и партийные издания возмущались той быстротой и легкостью, с которой только что славившиеся вождя лидеры отреклись от него. Это вызывало нравственный протест, рассматривалось как акт несправедливости и не могло не подрывать доверие к новому руководству.

Но нельзя не упомянуть и о творческом начале в откликах на XX съезд. Авторы некоторых писем пытались выявить истинные причины оформления режима личной власти Сталина. Среди таковых назывались: «отступление от ленинских норм партийной жизни», отрыв верхушки партии и государства от народа, «зажим критики», бюрократизм, монополизм в экономике и пр. Предлагалось, в частности, демократизировать систему выборов в Советы, обеспечить периодическую сменяемость руководящих кадров. Подытожить обзор реакции общества хотелось бы мнением анонимного автора, оказавшимся в итоге пророческим: «Раз процесс пробуждения начался, он не остановится. Это закон истории».

Наконец, отнюдь не закрыт и вопрос о последствиях XX съезда. Часть историков (Ю.В. Аксютин, А.В. Пыжиков) склоняется к тому, что он положил начало трансформации системы от тоталитаризма к авторитаризму; другие же специалисты (А.Н. Яковлев, М. Малиа) считают, что Хрущев взялся за благое, но обреченное на провал дело спасения коммунистической утопии, чем фактически начал ее разрушать. Продолжается изучение внутренних и внешних, ближайших и отдаленных, предвиденных и в еще большей степени непредвиденных последствий критики культа. Вопрос о роли съезда в эволюции советского строя и возможности реформирования системы в целом остается открытым.

Именно эта последняя проблема в наибольшей степени интересует **общественно-политическую мысль**, диапазон мнений в которой шире, чем в историографии: от апологии «линии XX съезда» до ее резкой критики или игнорирования. Причин тому немало, но в любом случае очевидно, что XX съезд пока не стал в полном смысле слова историей, он остается еще и орудием идейно-политической борьбы. Как и полвека назад. Но сегодня в фокусе этой борьбы — дискуссия о причинах распада советского строя и наших сегодняшних проблем. В этом проявляется не только научный, но и обывательский интерес и недоумение: как такая внешне могучая система могла распасться в считанные годы перестройки!? Вполне естественно возрастание интереса к более ранним событиям, в т.ч. и XX съезду.

Резко отрицательные оценки характерны для леворадикального спектра общественной мысли, что вполне понятно. Есть книги по хрущевскому периоду, в которых о XX съезде практически ничего не говорится (Ю. Емельянов). Ряд авторов усматривают в антисталинском завершении съезда первый мощный удар по социалистической системе, от которого она так и не смогла оправиться. Из произведенного съездом эффекта нередко напрямую выводятся и проблемы современной России. Хрущев, таким образом, возводится на первое по хронологии место в известной когорте «разрушителей социализма». Используются даже такие емкие термины, как «хрущевщина». Секретный доклад становится точкой отсчета таких процессов, как дискредитация советской истории, кризис

русского национального самосознания, начало демодернизации экономики, кризис теоретической мысли в партии. Примечательно, что столь отдаленные последствия ранее из «линии XX съезда» не выводились.

В последнее время наблюдается попытка сместить акцент в изучении на решения основной части съезда, в которых содержатся меры по дальнейшему повышению уровня жизни и экономического развития. Но есть и еще один упрек Хрущеву, мимо которого пройти нельзя. Упрек, я бы сказал цивилизационного плана. Суть его в том, что своей идеей «догнать и перегнать Америку» советский лидер устроил соревнование с Западом на изначально проигрышном для нас поле и не использовал преимущества советского строя. Попытка построить общество потребления по западному образцу закончилась позднее неизбежным крахом.

Но не только для «левых» характерны подобные взгляды, хотя мотивация их иная. Так, лидер ЛДПР В.В. Жириновский считает, что XX съезд в том его виде, в котором он состоялся, вообще не был нужен, т.к. нанес непоправимый ущерб отечественной государственности. Интересно при этом, что ослабление коммунистической системы и отказ от репрессий Жириновский приветствует. Он высказал оригинальное мнение, суть которого в том, что Хрущев должен был не искоренять страх индивида перед системой, а использовать его на благо своих преобразований. Дискредитация такого политического ресурса привела к падению и Хрущева, и системы (дискуссия на заседании «круглого стола» в Государственной Думе РФ 13 февраля 2006 г.).

Резюмирую сказанное. Фигура Сталина остается в центре общественных и научных дискуссий. Это и не удивительно. Созданная при нем система не только определяла облик СССР, но и долгое время рассматривалась (а некоторыми и сегодня рассматривается) как вполне конкурентоспособная альтернатива Западу. А именно в таких альтернативах сегодня ощущается острый дефицит.

Еще одна причина интереса к феномену Сталина в том, что в послесталинские годы вместо культа вождя сложился антикульт, и Сталин автоматически становился ответственным уже не за победы, а исключительно за провалы советского об-

щества. Такой подход едва ли может удовлетворить и науку, и общественное сознание. Изучение XX съезда ставит и перед современной Россией ряд историософских вопросов. Возможно, главный из них — можно и нужно ли возрождать державное величие, искать собственный исторический путь, и какой ценой?

И последнее. Неудовлетворенный пока интерес к XX съезду показывает, что вопреки мнению некоторых ниспровергателей прошлого, у нас **была История**, в т.ч. и советская. И пора уже прекратить попытки расквитаться с ней, ее всё равно придется изучать. Закончу опять фразой М. Гефтера: «после Сталина нам некуда вернуться — в досталинских временах нам уже нет места».

Примечания

1. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991.

2. Аксютин Ю.В. Новое о XX съезде // Отечественная история. 1998. №2.

3. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.

4. Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти. М.: Изд-во «Научная книга», 1999.

5. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. / Под ред. В.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 1995.

6. Волобуев О.В. У истоков XX съезда КПСС // Социально-политические науки. 1990. №6.

7. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История советского Союза с 1917 года до наших дней. В 3-х кн. Кн.2: «Мировая империя». М., 1995.

8. Гефтер М. «Сталин умер вчера...» // Иного не дано. М., 1988. С.297-323.

9. XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. Горбачев-фонд, 22 февраля 1996 года. М.: Изд-во «Апрель-85», 1996.

10. Емельянов Ю. Миф XX съезда // Правда.2006. 10-13 февраля.
11. Емельянов Ю.В. Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК. М.: «Вече», 2005.
12. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. Спб.: Издательский Дом «Нева», 2004.
13. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945-1964). М., 1993.
14. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: «Алгоритм», 2002.
15. Кожинов В.В. Россия. Век XX-й. Кн.2. 1939-1964. М.: «Алгоритм», 2001.
16. Костриков С. Хрущевщина, или От какого наследства нам обязательно надо отказаться // Правда.2006. 10-13 февраля.
17. Малиа М. Советская трагедия: история социализма в России. 1917-1991. М.: РОССПЭН, 2002.
18. Материалы заседания «круглого стола» в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, проведенного фракцией ЛДПР к юбилею XX съезда КПСС 13.02.2006 (в авторской записи).
19. Пихоя Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945-1991 гг. М., 1998.
20. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
21. Трушков В. Послесталинский. Антисталинский. Сталинский // Правда.2006. 10-13 февраля.
22. Хрущев и Горбачев. Стенограммы заседаний «круглых столов» в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, проведенных фракцией ЛДПР. М., 2005.
23. Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Издательство «Материк», 2003.

Н.С. Хрущев: реформа и утопия

А.Ю. Даниэль,
историк, Международный Мемориал

Перечень основных событий правления Хрущева легко может толкнуть исследователя к упрощённому подходу к эпохе. Действительно: возникает соблазн, просмотрев события и даты, разделить их на два списка: в один список вносим «прогрессивные» шаги, в другой — «реакционные». А потом смотрим, какой список длиннее, — и делаем выводы. Этот подход в целом совпадает и с устоявшимися стереотипами общественного сознания.

Позволю себе проиллюстрировать этот стереотип примером из области культуры.

Как известно, 1 декабря 1963 года, при посещении выставки в Манеже, Никита Хрущев обрушился с грубой бранью на художников-авангардистов, экспонировавших свои работы в зале Манежа. Это было сигналом к началу длительной кампании по разгрому художественного авангарда в СССР. Одним из объектов яростной атаки Хрущева стал скульптор Эрнст Неизвестный (который, кстати, был одним из немногих, кто осмелился хотя бы робко возражать главе правительства). Прошло два года. Хрущева свергли. Затем прошло ещё семь лет, и он умер. Спустя пару месяцев после его смерти к Эрнсту Неизвестному пришел сын Хрущева Сергей и сказал ему следующее: «Отец перед смертью очень просил, чтобы памятник на его могиле был выполнен Вами, Эрнст Иосифович».

Неизвестный принял заказ. И через некоторое время на могиле Хрущева на Новодевичьем кладбище была воздвигнута следующая скульптурная композиция: огромная лысая голова, опирающаяся на два огромных мраморных куба, один куб побольше — из белого камня, другой куб поменьше — из чёрного мрамора. Конечно «литературоцентричное» сознание 1960–1970-х гг. (а Эрнст Неизвестный — классический шестидесятник) прочитывало эту метафору очень отчетливо, да и сам Неизвестный не скрывал литературной трактовки своего

памятника: в деятельности Хрущева было много хорошего (это символизирует белый куб), но было кое-что и плохое (это символизирует черный куб).

Простенькая трактовка была с восторгом принята либеральной советской интеллигенцией. Думаю, что покойному эта трактовка тоже понравилась бы. По крайней мере, из его мемуаров, написанных уже в отставку, вполне можно извлечь такое впечатление. Но мне кажется, что для серьезного понимания эпохи этого недостаточно. Более того: да простит меня Эрнст Неизвестный, но мне кажется, что более плоской и дешевой метафоры просто невозможно придумать — ни для Хрущева как личности, ни для времени его правления. Все гораздо сложнее и запутаннее.

Все советские лидеры, так или иначе, решали одну и ту же проблему, стоящую перед страной — проблему комплексной и всесторонней модернизации, которая помогла бы Советскому Союзу выжить и упрочить свои позиции в стремительно меняющемся мире 20 столетия. Но каждый советский вождь решал эту проблему по-своему.

Если очень огрублять, то предлагавшиеся решения всегда можно отнести к одному из трех типов.

Первый тип решений: лидер пытается реформировать страну с тем, чтобы вписать ее в стремительно меняющийся мир (классический пример — Горбачев).

Второй тип: лидер пытается «законсервировать» страну, не допустить существенных перемен, исключив ее из мировой истории. Этого можно добиться путем автаркии, как это сделал Сталин в послевоенные годы, или, поддерживая некоторый гомеостаз между страной и внешним миром, выстроить механизм гашения импульсов к переменам, идущим извне (вариант Брежнева).

И, наконец, третий тип решений: попытаться изменить окружающий мир, уподобив его Советскому Союзу. Классический вариант — попытка Ленина и Троцкого осуществить утопию мировой революции.

К какому типу принадлежали те решения, которые предложил стране Никита Хрущев? Что означала эпоха Хрущева, каков ее исторический смысл? Что это было: просто переход от позднего Сталина к раннему Брежневу, от террора к за-

стою? Или «хрущевская модернизация» (а это действительно была попытка модернизации, в этом сомнений не возникает) была первой репетицией горбачевской перестройки (именно так трактуют сегодня политику Хрущева многие исследователи)? Или же хрущевский период — это какой-то загадочный исторический зигзаг, нарушающий плавную линию эволюции советского тоталитаризма?

Давайте попробуем под этим углом зрения взглянуть на действия и решения, предпринимавшиеся в СССР в годы правления Хрущева. Но по дороге нам неизбежно придется коснуться нескольких укоренившихся мифов и испытать их на прочность.

События начинаются 5 марта 1953 года, в последние часы жизни Сталина, когда у постели смертельно больного и уже недееспособного диктатора собираются члены так называемого бюро Президиума ЦК партии. Это собрание на даче Сталина в Кунцево позднее было названо совместным заседанием Пленума ЦК, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Название конечно, абсолютно анекдотическое, потому что там не было всех членов ЦК, не было даже всех членов Президиума ЦК, руководящего органа партии между пленумами, которых тогда насчитывалось 35 человек. Более того, даже не все члены Бюро ЦК, более узкой руководящей группы, приехали в тот вечер на дачу Сталина. Конечно, речи не было и о присутствии Совета министров в сколько-нибудь представительном количестве; а Президиум Верховного Совета был представлен лишь Ворошиловым, председателем этого Президиума.

Эта небольшая группа решила, во-первых, распределить власть, государственную, партийную, и — отдельно — власть над «силовыми министерствами». Государственную власть — пост Председателя Совета министров СССР — получал Георгий Маленков, которого Сталин в конце своей жизни рассматривал как своего преемника. Власть над силовыми министерствами, в первую очередь, над Министерством внутренних дел, получал Лаврентий Берия, который в предвоенные годы и в течение войны уже был наркомом внутренних дел и государственной безопасности, затем курировал от ЦК эти министерства, после чего переключился на военно-промышленный

комплекс. И, наконец, руководство Коммунистической партией Советского Союза было поручено Никите Хрущеву.

Тогда же, вечером 5 марта, было принято решение о ликвидации Министерства государственной безопасности и слиянии его с Министерством внутренних дел. То есть произошла централизация карательных органов. Та сфера деятельности, в которой Берия был занят в конце 1940-х и начале 1950-х годов, то есть военно-промышленный комплекс, тоже сохранялась за ним, поскольку он был назначен одним из первых заместителей Председателя Совета министров Маленкова.

5 марта было принято еще одно важное решение: Президиум ЦК, созданный по настоянию Сталина на 19 съезде КПСС в 1952 году, сокращался с 35 до 11 человек (на самом деле их оказалось 10, потому что Сталин был внесён в новый список членов Президиума за сорок минут до смерти). Фактически правящая элита вернула ситуацию к положению, существовавшему до XIX съезда. В сущности, это была первая «анти-сталинская» реформа.

Что означало подобное распределение власти внутри триумvirата Маленков–Берия–Хрущев? Напомню, что до Маленкова должность Председателя Совета Министров занимал Иосиф Сталин, и это была его единственная официальная государственная должность. Таким образом, это решение означало передачу скипетра Маленкову. Должности Первого секретаря ЦК тогда не было, формально все секретари считались равными, и Первым секретарем Хрущев был назначен значительно позднее, уже в сентябре. Стало быть, 5 марта 1953 года Никита Хрущев возглавил не более, чем партийную организацию советской власти. Фигурально выражаясь, в предприятии под названием «СССР» он стал всего лишь партторгом; опустевшее кресло директора занял Маленков.

Впрочем, при жизни вождя постановка вопроса, кто «главнее», — Совет Министров, ЦК КПСС или Верховный Совет, — представлялась абсолютно бессмысленной. Главным был Сталин. Та система сакрализованной власти, которую он создал, не предусматривала никакого «разделения властей». Это была система единоличной власти, проистекающей из харизмы вождя. Должность, которую занимал Сталин с 1941 го-

да, была передана Маленкову, — и страна восприняла это как передачу верховной власти.

Что касается узкой партийной элиты, то там оценка этих решений была несколько иной. Было прекрасно известно, что в последние годы перед смертью Сталина существовал тесный союз между Берией и Маленковым — и не Маленков был ведущим в этой связке. Учитывая, что Берия получил контроль над силовыми министерствами, партийная элита воспринимала ситуацию как фактическую передачу верховной власти в СССР Лаврентию Берии. Это прослеживается и по документам, и по мемуарам.

Таков был так называемый триумвират.

Кто из триумvirата показал себя наиболее радикальным реформатором?

Самые радикальные реформаторские импульсы исходили от Берии (и, в меньшей степени, от Маленкова). Это утверждение уже стало общим местом для большинства российских историков, хотя для широкой публики оно и по сей день звучит еретически.

Уже 10 марта 1953, на пленуме ЦК, звучат слова «культ личности» (определённо отнесенные слушателями к личности покойного вождя) и «коллективное руководство» (как «демократическая» альтернатива этому культу). И произносит эти слова Георгий Маленков.

Разумеется, это еще никакие не реформы. Но это знак, сигнал, поданный своим: готовьтесь к серьезным переменам.

Перед страной стоят две проблемы. Первая: должна ли страна по-прежнему жить в полуголодном состоянии (колхозное хозяйство еле-еле обеспечивает даже такое полуголодное существование), или людей надо попытаться накормить? И вторая: должна ли страна продолжать жить в безумном страхе перед репрессиями, или стране надо отдохнуть от этого страха?

Берия, в полном соответствии с наметившимся распределением ролей, занимается второй проблемой. 26 марта он направляет записку в президиум ЦК об амнистии (правда, политических заключённых это пока почти не касается). Аргументация записки — переполненность лагерей и тюрем, которые надо разгрузить. В этой же записке Берия походя касается необходимости перестроить репрессивную политику и вно-

сит несколько предложений: об ограничении полномочий Особого совещания при МВД, то есть основного органа внесудебной репрессии, об отмене «вечной», т.е. пожизненной ссылки и т.д.

Указ об амнистии принимается немедленно, на следующий же день. Начинается разгрузка ГУЛага. Да, эта разгрузка действительно повлекла за собой сложные социальные последствия, в частности — резкий скачок преступности. Именно эти обстоятельства, сцепленные с выражением «бериевская амнистия», и отложились в национальной памяти. Но кто знает, не повлияли ли на оценку амнистии и на самую память о ней арест и «разоблачение» Берии три месяца спустя?

2 апреля Берия вносит предложения о пересмотре двух наиболее крупных политических дел последних лет эпохи Сталина: т.н. мингрельского дела (дело партийных работников Грузии, будто бы хотевших отторгнуть некоторые районы Грузии от СССР в пользу Турции) и дела «врачей-убийц», носившему антисемитский характер. Эти предложения принимаются, и 4 апреля в «Правде» появляется сенсационная заметка о пересмотре дела врачей, где говорилось о недозволенных методах следствия, применявшихся сотрудниками бывшего МГБ. Кроме того, было предложено пересмотреть два более ранних дела: дело ведущих сотрудников Главного артиллерийского управления армии, обвиненных в «измене» и аналогичное дело руководства Министерства авиационной промышленности 1946 года. Это — первые ласточки будущих реабилитаций.

В записке Берии о деле врачей затрагиваются и более ранние этапы антисемитской компании, упоминается убийство режиссёра и артиста Михоэлса, позднее объявленного врагом народа. Причем Сталин прямо называется одним из организаторов убийства Михоэлса!

4 апреля Берия издает приказ по МВД о запрещении «изуверских методов допроса» арестованных.

К апрелю же относятся и еще два важных предложения Берия. Первое — о передаче ряда строек и других учреждений, находящихся в подчинении МВД, соответствующим ведомствам. И второе — о передаче ГУЛага из ведения МВД в

ведение Министерства юстиции. Это последнее предложение было реализовано лишь в 1998 году.

В мае 1953 — вновь предложения о продвижении процесса реабилитации.

К тому же периоду относится записка Берии о корректировке кадровой политики в партии. Он предлагает заменять московских заместителей на постах первых секретарей республиканских компартий местными кадрами. Что это — «поощрение национализма» (в этом обвиняли Берия на июльском Пленуме ЦК после его ареста) или шаг к децентрализации власти?

В июне Берия успел внести еще три радикальных предложения, на этот раз в области внешней политики: первое — поддержать в конфликте внутри венгерской компартии реформатора Имре Надя против сталиниста Матиаса Ракоши; второе — отказаться от построения социализма в ГДР и вести дело к объединению Германии; третье — нормализовать отношения с «ревизионистской» Югославией. Лишь последнее предложение было позднее реализовано Хрущевым.

Вся эта активность Берии позднее трактовалась — и, наверное, правильно — как его стремление к единоличной власти. И в выступлениях на июльском Пленуме, и в позднейших мемуарах участников событий, говорится примерно одно и то же: Берия хотел завоевать единоличную власть и для этого искал популярности в народе. С этой целью он и делал далеко идущие предложения по либерализации внешней и внутренней политики. Весьма вероятно; но это значит, что в СССР 1953 года для того, чтобы завоевать популярность, надо было предлагать либеральные идеи!

Разумеется, личность Лаврентия Берии не внушает никаких симпатий. Это хладнокровный и исполнительный палач, садист, лично присутствовавший при пытках своих жертв, циничный и растленный человек. Тем интереснее то обстоятельство, что именно Берия первым сделал ставку на либеральные реформы.

Но, если принять гипотезу, что Берия сделал ставку на либеральные реформы, то сразу разрушается миф о Хрущеве как основном инициаторе либерализации. Именно Хрущев играл ключевую роль в заговоре против Берии; именно Хрущев и Молотов сформулировали основные обвинения

против него, выдвинутые на Президиуме ЦК 28 июня — примерно того же сорта, какие Гришин и Громыко могли бы выдвинуть против Горбачева в 1987 году.

Однако, сразу после свержения опасного соперника, Маленков и Хрущёв начинают наперебой предлагать либеральные реформы в экономике. Речь Маленкова на августовской сессии Верховного совета вообще была неслыханной ересью: он вдруг заявил, что производство товаров народного потребления должно развиваться опережающими темпами по сравнению с производством станков и машин. Иными словами: советская экономика должна быть ориентирована не на удовлетворение нужд государства, а на потребителя. Там же он делает смелые заявления об облегчении положения колхозного крестьянства (между прочим, миф о Маленкове как о заступнике за крестьян сохранялся в русских деревнях до конца 1980-х годов). Но и Никита Хрущёв на сентябрьском пленуме ЦК, то есть в собственной вотчине, говорит почти то же самое, — по крайней мере, относительно сельского хозяйства. Впрочем, подобные совпадения не помешали Хрущёву через несколько месяцев, когда он уже стал сильнее Маленкова, заставить последнего каяться в экономических заблуждениях «правого толка».

Зимой 1953–1954 года оба соперника атакуют бюрократизм. Но Хрущёв переигрывает Маленкова тактически. Так, на одном из партийных совещаний Маленков яростно обрушился на аппаратный бюрократизм, призвав к борьбе с ним «вплоть до полного разгрома». Естественно, присутствующие пришли в ужас: ведь они и есть тот самый «аппарат», который следует громить. К тому же Сталин умер совсем недавно, а слово «громить» в партийном лексиконе сталинских лет означает как минимум «сажать». То есть, Маленков сказал в лицо собранию: будем вас сажать. Гробовое молчание. И тут вдруг поднимается с места Хрущёв, и, широко улыбаясь, говорит: «Все так, Георгий Максимилианович, и Вы правы. Но аппарат — это же наша опора!». Естественно, зал разражается бурными аплодисментами. Это аплодисменты облегчения.

В то же время в публичных выступлениях Хрущёв клеймит бюрократизм точно так же, как Маленков, — а это нравится широкой публике. То есть, он переигрывает Маленкова во внутрипартийной интриге, и одновременно завоевывает попу-

лярность в массах. Пользуясь поддержкой с двух сторон, он постепенно восстанавливает традиционный, разрушенный Сталиным контроль партийного аппарата над экономикой, над исполнительной властью, над Советами.

Кончается эта борьба в 1955 году — прямой атакой на Маленкова на январском пленуме ЦК. Вскоре его снимают с поста Председателя Совета министров. Между прочим, обвинён Маленков ни в чём-нибудь, а в бюрократизме — это тоже примечательно.

Итак, за счёт кадровой политики, за счёт опоры на аппарат, Хрущёв выигрывает борьбу за единоличную власть, хотя и продолжает еще сильно зависеть от своих коллег по Президиуму ЦК. Опять-таки, мало похоже на то, что в дуэли Маленков–Хрущев именно последний играл роль реформатора-прогрессиста.

Впрочем, любая реформа, кем бы она ни проводилась и по какому руслу бы ни пошла, — по демократическому или по «аппаратному», — необходимо должна была включить в себя ослабление репрессивного гнета. Поэтому я позволю себе не рассматривать подробно известные шаги во внутренней политике до 1956 г.: окончательную отмену Особых совещаний осенью 1953 года, кадровую чистку Верховного суда, осторожное продолжение процесса реабилитации и т.п. Мы убедились, что многое здесь было намечено еще Лаврентием Берия. Остановимся лишь на знаменитом докладе Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС — главном акте, который ставится ему в заслугу.

Существует устойчивая легенда, которая, если принять ее на веру, возводит Хрущева в ранг даже не реформаторов, а выдающихся революционеров эпохи: что он будто бы сделал свой доклад фактически против воли членов Президиума ЦК, шантажируя их тем, что иначе обратится непосредственно к съезду. Эта легенда порождена, вероятно, мемуарами самого Хрущёва, а также воспоминаниями Микояна.

Но на самом деле ничего подобного не было. Во всяком случае, архивные документы опровергают такую версию событий.

31 декабря 1955 г. Президиум ЦК создает так называемую «комиссию Поспелова», с мандатом на изучение репрессий «против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии, и других советских граждан». В течение января 1956 эта комиссия регулярно информировала о своей работе Президиум, который с начала февраля приступил к интенсивному обсуждению проблемы. 9 февраля комиссия Поспелова представила Президиуму окончательный отчет (который и лег в основу будущего доклада «О культе личности и его последствиях»); тогда же было принято принципиальное решение о включении вопроса в повестку дня съезда. А 13 февраля Президиум решил, что доклад на съезде должен делать Хрущев, и это решение было утверждено на Пленуме ЦК. Однако, по предложению самого Хрущева, было решено сделать это на закрытом заседании съезда.

Собственно, в Президиуме нашлось всего три человека, которые возражали против концепции доклада. Молотов, который делал это из идейных соображений. Ворошилов, чьи возражения исходили совсем не из идейных, а из простых человеческих соображений: если мы всё это скажем вслух, что же с нами, соучастниками сталинских преступлений, сделают партия и народ? (Ворошилов вообще был человек простой.) И Каганович, который в обтекаемых выражениях призывал к осторожности. Все остальные поддерживали доклад, а Шепилов, Сабуров и Микоян предлагали сделать его более радикальным².

Доклад стал плодом некоего компромисса, выработанного в Президиуме ЦК КПСС, а не единоличным действием Никиты Хрущёва. Компромисс этот исходил из следующего: да, необходимо освободить страну от страха, но нельзя допустить, чтобы ее захлестнула волна неконтролируемой народной реакции на сказанную правду. Хрущев так и пишет в своих мемуарах: мы были не против оттепели, но мы боялись половодья и наводнения. Именно этот страх, подкрепленный поль-

² Подробное описание истории подготовки доклада «О культе личности и его последствиях» и сопутствующих этому дискуссий в Президиуме ЦК КПСС см. в: Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. — 1998. — № 4.

скими и венгерскими событиями, определил новую волну политических репрессий в 1957–1958 гг.³

* * *

Фактически Хрущёв обеспечил себе полновластие в июле 1957 года, когда он беспрецедентным образом не подчинился решению Президиума ЦК о своем снятии с поста Первого секретаря и апеллировал к пленуму. Победив, он убрал из руководства ЦК всех своих противников. Отнюдь не только сталинистов, — просто противников самых разных мастей (например, Шепилова, который вовсе не был сталинистом).

Осенью 1957 был убран Жуков, — «сильный человек» армии, единственный по-настоящему популярный член высшего руководства страны. И, наконец, в начале 1958 года Хрущёв достиг полновластия формально, заместив Булганина (фигуру, впрочем, совершенно несамостоятельную), на посту Председателя Совета министров.

К этому моменту удалось добиться серьезных положительных сдвигов в экономике. Народ продолжал жить бедно, но эта бедность несравнима с десятилетиями нищеты сталинского периода. Улучшилось продовольственное снабжение по крайней мере в крупных городах. Начал преодолеваться тяжелейший жилищный кризис. Деревня, правда, осталась нищей, но о настоящем голоде речи уже не было. Да и правовое положение колхозников благодаря реформам Маленкова–Хрущева, несколько изменилось к лучшему.

Советский Союз достиг определенного уровня технического и военного прогресса: испытал первую межконтинентальную баллистическую ракету, опередил американцев в космической гонке, создал значительный потенциал ядерных вооружений. Москва удержала контроль над своими социали-

³ Старт новой репрессивной кампании дал ряд выступлений Хрущева в ноябре–декабре 1956 г., сразу после подавления Венгерской революции, и закрытое письмо ЦК от 21 декабря 1956 г. После появления этого письма интенсивность политических арестов увеличилась в несколько раз. Конечно, в отличие от «необоснованных репрессий» Сталина, эти аресты были «обоснованными». Иными словами: теперь, чтобы сесть, надо было хотя бы обругать Хрущева в очереди за пивом.

Кампания была свернута в начале 1959 г.

стическими сателлитами и перешла к агрессивной и напористой политике в «третьем мире». Никита Сергеевич Хрущев стал политическим лидером, чей вес в мировой политике намного превышал вес «коменданта осажденной крепости» — Иосифа Сталина.

Казалось бы, естественным продолжением реформ 1953–1957 гг. должна стать либерализация идеологии, экономики, внутренней и внешней политики.

Однако именно теперь начинает происходить нечто иное.

Если мы рассмотрим деятельность Хрущева в период его единоличного и практически бесконтрольного руководства страной, то перед нами предстанет, на первый взгляд хаотический и разнонаправленный набор крупных административных, экономических, социальных и идеологических... непонятно даже, как их назвать — не реформ, а скорее инициатив.

Что делает Никита Хрущёв, достигнув высшей власти?

Он пытается реформировать школьное образование, резко усилив так называемое «трудовое воспитание» и затруднив приток студентов в высшие учебные заведения — именно тогда, когда стране как воздух нужны квалифицированные специалисты. Реакционное мероприятие? По-видимому, да.

Он сворачивает начатую в декабре 1956 г. кампанию политических арестов и лично переориентирует в 1959 г. деятельность КГБ от уголовного преследования инакомыслящих на так называемую профилактику (собеседования работников госбезопасности с «сомнительным» человеком, давление на него, чтобы он не делал недозволенных поступков). Язык не поворачивается назвать эту новацию «прогрессивной»; однако, это все же более мягкий вариант карательной политики, чем аресты.

В то же самое время в стране разворачивается ожесточенная кампания против религии, напоминающая худшие сталинские времена. Реакционная кампания? Безусловно, реакционная.

Продолжается пробивание щелей в «железном занавесе»: в Москве открывается американская выставка, на которой Хрущев публично дискутирует с вице-президентом США; в «Правде» перепечатаются статьи из «Нью-Йорк Таймс», критикующие лично Хрущева. Прогресс? Прогресс.

Разворачивается постыдная и грязная травля великого русского поэта Бориса Пастернака за то, что он опубликовал свой роман за границей. Реакция? Реакция.

Появляются «народные дружины», общественная инсти-туция, отчасти заменяющая милицию.

Вводятся «товарищеские суды», которые могут даже при-судить людей к высылке.

Я бы затруднился определить эти мероприятия как «про-грессивные» или «реакционные». Они — непонятные.

В экономике, сельском хозяйстве, административном уп-равлении происходит нечто загадочное. Вдруг начинают со-здавать какие-то совнархозы, то есть, в переводе на нормаль-ный язык, децентрализуют управление легкой промышленно-стью. Может быть это как раз хорошо и правильно; но абсо-лютно не находится ни в какой связи с другими мерами по ру-ководству промышленностью. Вдруг выдвигается абсолютно нереальный лозунг: «Догнать Америку по производству мяса и молока к 1960 году». Затем, немного задумавшись и смягчив-шись, лидер государства и партии добавляет: «В крайнем слу-чае — к 1962 году». (В 1962 г. правительство было вынуждено повысить цены на эти продукты на 30%, что вызвало рабочие демонстрации и Новочеркасский расстрел). Зачем-то при-нуждают колхозы выкупать технику у централизованных пред-приятий технического обслуживания деревни — машинно-тракторных станций (МТС), вконец разоряя и без того небога-тую сельскую экономику. У колхозников урезают приусадеб-ные участки и силой заставляют сдавать личный скот в колхоз-ное стадо (именно это, а не насильственное насаждение куку-рузы деревня так никогда и не простила Хрущеву). Забегая не-много вперед: правление Хрущева завершается полубредо-вой идеей разделения обкомов партии на «сельскохозяйст-венные» и «промышленные». Обоснование странное: надо «приблизить партию к производству», а стало быть и к народу.

Все эти загадки разрешаются в 1960–1961 гг., в ходе под-готовки к XXII съезду КПСС. Начинается «всемирное обсуж-дение» проекта новой программы партии. И тогда становится ясно, что именно делает Никита Сергеевич Хрущев.

Оказывается, он, — и мы все вместе с ним, — строит в стране коммунизм.

Оказывается, «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Оказывается, коммунизм будет построен уже через двадцать лет. И даже график этого построения уже составлен: тогда-то станет бесплатным проезд на транспорте, тогда-то будет отменена плата за жилье.

И вот теперь становится понятной логика Никиты Сергеевича.

Идеологические, правовые и даже некоторые экономические меры сводятся к так называемому «воспитанию нового человека». В самом деле: нельзя же войти в коммунизм вместе с попами, политическими заключенными, приусадебными участками и личной коровой.

Согласно коммунистической доктрине, при коммунизме стирается грань между физическим и умственным трудом — отсюда «трудовое воспитание» в средней школе и требование трудового стажа для поступающих в ВУЗы.

Народные дружины и товарищеские суды? Но сказано же у классиков, что карательные функции государства будут по мере приближения к коммунизму отмирать, а их осуществление переходить непосредственно к народу.

Совнархозы, распределение техники между колхозами, разделение обкомов — все это единые, большие и малые, звенья программы децентрализации власти. В воображении Никиты Сергеевича эта децентрализация также является составной частью продвижения к коммунистическому обществу.

Большая, чем раньше открытость миру — и жестокие кары за идеологическое отступничество? Но это тоже понятно и естественно. Мы открываемся миру, чтобы показать очевидное преимущество нашего строя перед капитализмом. Чем ближе мы к коммунизму, тем очевиднее это преимущество для угнетенных трудящихся капиталистических стран. Ну, а свои собственные граждане, и подавно не могут не оценить этих преимуществ. У нас же нет эксплуататорских классов, а порочную сталинскую теорию об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма (и уж тем более — коммунизма) мы осудили. Значит, те, кто сделал не тот выбор — либо поддался лживой вражеской пропаганде (профилактивирование!), либо стал идеологическим диверсантом из корысти

(арест!), либо ненормальный. В хрущевскую эпоху расправы с инакомыслящими путем заперения их в психбольницу становятся все более распространенным методом.

Таким образом, правление Хрущёва после 1958 года — это последняя попытка советской власти осуществить коммунистическую утопию в её первоначальном виде. Из трех перечисленных в начале данной статьи типов советских модернизаторов системы Н.С.Хрущев ближе всего к третьему типу — ленинскому.

Именно в этом, а не в восстановлении норм права и гуманности, и состоит пафос антисталинской политики Хрущева. Собственно, он этого никогда не скрывал.

Но вот беда: до 1958 года, до того как Хрущёв приступил к строительству коммунизма, ему всё замечательно удавалось. Его антисталинские мероприятия находили довольно широкую поддержку в народе, им аплодировала значительная часть интеллигенции («Я — хрущевка», — говаривала А.А.Ахматова), они не вызывали протеста у партийной элиты (кроме, естественно, тех, кто является его соперниками в борьбе за власть). На его стороне была молодежь. На его стороне была эпоха — или, точнее, он был на стороне эпохи.

А вот с конца 1950-х годов — неудача за неудачей. Проваливаются широко объявленные кампании, децентрализационные меры в экономике приводят к хаосу, аппарат фактически выходит из подчинения, основная масса населения над ним смеется и уж во всяком случае его не поддерживает.

Народ не хочет строить коммунизм. Он хочет иметь приличный заработок, крышу над головой и уверенность в завтрашнем дне.

Молодежь абсолютно не хочет строить коммунизм. Она хочет танцевать «буржуазный танец джаз».

Интеллигенция тоже, в основном, не хочет строить коммунизм. Она желает спокойно читать идеологически вредные произведения, писать абстрактные картины и заниматься своей наукой без оглядки на мнение ЦК о вейсманизме-морганизме-менделизме.

Но ЦК, — т.е., попросту говоря, секретари обкомов, — и подавно не хочет строить никакого коммунизма. Секретари обкомов хотят одного: спать спокойно. Их раздражает то, что

они считают хрущёвской демагогией, их раздражают реформы, которые пытаются растворить власть в народе. Они сами власть, и не видят никакой нужды растворяться в народе.

В июне 1957 года, борясь с противниками, Хрущёв апеллировал к Пленуму ЦК — и без труда добился поддержки. В октябре 1964 года противники Хрущёва в руководстве собрали Пленум ЦК и при единодушном одобрении Пленума отправили его в отставку. Он потерял поддержку аппарата.

* * *

Кем был Хрущев для советской истории?

Реформатором, сыгравшим ключевую роль в делегитимизации и частичном демонтаже жестокой, архаичной и неэффективной сталинской системы управления?

Безусловно, да. И будущие историки, не скидывая со счетов внешних обстоятельств, заставивших его принять на себя роль реформатора, отдадут должное тем личным качествам, которые позволили ему более или менее успешно сыграть эту роль: решительности, внутреннему здравому смыслу и не утраченной до конца способности к простым человеческим движениям души.

Малообразованным последователем коммунистической утопии, пытавшимся согласовать управление огромной страной с усвоенными им в юности примитивными и фантастическими представлениями о мире, человечестве и общественном благе?

Да, и после 1958 года он со всею искренностью отдался этой утопии. Говоря о «хрущёвской модернизации», не следует забывать, что эта «модернизация» была, по существу, реакционной альтернативой серьёзной модернизации, попыткой навязать стране иную, чем сталинская, но столь же безнадежную в исторической перспективе модель развития. Эта попытка была обречена на провал, а результатом провала стала брежневская стагнация и отсрочка реальных реформ еще на двадцать с лишним лет, — задержка, оказавшаяся для России роковой.

Уинстон Черчилль, когда узнал о снятии Хрущёва, сформулировал, как всегда остроумно, следующую эпитафию хру-

щевскому правлению: «Это был человек, который пытался перепрыгнуть пропасть двумя прыжками». Сказано красиво, но не совсем точно.

Я бы добавил: это был человек, который пытался перепрыгнуть пропасть двумя прыжками, не догадываясь, что другой стороны у этой пропасти вовсе не существует.

Примечания:

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., «Новое литературное обозрение», 1996

Гриневский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. — М.: «Вагриус», 1998

Зубкова Е.Ю. Общество и реформы: 1945–1964. — М.: ИЦ «Россия молодая», 1993

Медведев Р.А. Хрущев. — NY:Chalidze Publications, 1986

Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. — 1998. — № 4.

Пихоя Р.Г. Послевоенный СССР: история власти. «История», № 30, 1999.

Пыжиков А.В. Опыт модернизации советского общества в 1953–1964 годах: общественно-политический аспект. — М.: Издательский дом «Гамма», 1998

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. — М.: «Вагриус», 1997.

Идеологические комиссии ЦК КПСС 1958–1964. Документы. — М.: «РОССПЭН», 1998

Н.С.Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции, посвященные 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. Горбачев-Фонд. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994

От оттепели до застоя/Сост. Г.В. Иванова. — М.: «Советская Россия», 1990

Свет и тени «великого десятилетия»: Н.С.Хрущев и его время/Сост: Л.А. Киршнер, С.А. Прохвятилова. — Л.:Лениздат, 1989

Как это было: доклад, выигравший в холодной войне

Уильям Таубман,

*профессор, Амхерст, штат Массачусетс, США, автор
книги «Хрущев» (ЖЗЛ, «Молодая гвардия», 2005)*

Исполнилось пятьдесят лет с того дня, когда Хрущев выступил с «секретным докладом» на XX съезде КПСС, и этим изменил свою страну и весь мир. Осудив Сталина, чей богоподобный образ помог узаконить коммунизм в странах советского блока, Хрущев начал процесс ниспровержения коммунизма, который завершился в 1991 году распадом Советского Союза.

В этой связи своевременно задуматься над вопросом: как нам оценивать лидера, чье великое деяние не привело к желаемому результату? Этот вопрос должны задать себе все лидеры, в особенности нынешний наследник Хрущева Владимир Путин, который попытался привести народ своей страны в XXI век, стремясь управлять им твердой рукой, подобно царю — самодержцу в XIX веке.

В конце концов, Хрущев стремился сохранить коммунизм, а не уничтожить его. Очистив коммунизм от сталинизма, он хотел узаконить его в глазах людей не только в сфере влияния СССР, но и во всем мире. Но прошло всего несколько недель после выступления Хрущева на съезде партии, и на партийных собраниях, созванных для обсуждения этого доклада, критика Сталина вышла за пределы положений этого выступления. Осуждали не только самого Сталина, но и советскую систему, которая его породила. Были и люди, вставшие на защиту Сталина — особенно на его родине, в Грузии, где во время столкновений с милицией погибло около 20 демонстрантов, выступивших в его защиту.

В Восточной Европе события, которые Хрущев, сам того не желая, вызвал своим докладом, оказались еще страшнее. Огромную забастовку, начавшуюся в июле в польском городе Познани, жестоко подавили: 53 человека погибли, сотни полу-

чили тяжелые ранения. И, конечно, революция в Венгрии в октябре 1956 года, которую задавили советские войска.

Кроме всего прочего, своим докладом Хрущев хотел укрепить собственное положение в Кремле. Выступив против Сталина, он хотел обелить себя, направив обвинения против своих политических соперников, рвавшихся к власти. Его критика была направлена против таких деятелей как Вячеслав Молотов, Георгий Маленков и Лазарь Каганович, которые были ближе к Сталину, чем Хрущев. Но вместо желаемого, он спровоцировал попытку государственного переворота — и в июне 1957 года чуть было не лишился власти. Начатая им кампания по развенчанию Сталина особенно озлобила тех, кто в октябре 1964 года организовали заговор и отстранили Хрущева от власти.

Понятно, что в политике — как и в жизни — неизбежны непредвиденные последствия. «Секретный доклад» стал частью программы реформ, включившей важнейшие достижения, которых Хрущев, действительно, добился. Он освободил из тюрем и реабилитировал миллионы сталинских жертв. По его решению начался процесс, впоследствии получившие название «оттепели», с которым связано частичное возрождение русской культуры. Он оживил советское сельское хозяйство, погубленное Сталиным, и начал массовое жилищное строительство, позволившее сотням тысяч людей выбраться из перенаселенных коммуналок.

В 1964 году, когда его снимали, Хрущев сказал своему последнему оставшемуся с ним союзнику Анастасу Микояну: «Мы сделали главное. Кто бы мог подумать, что можно сказать Сталину, что он нас больше не устраивает, и предложить ему уйти в отставку? От нас и мокрого места не осталось бы. Теперь все иначе. Ушел страх, и мы можем разговаривать на равных. В этом и есть мой вклад».

Нельзя сказать, чтобы Хрущев начал проводить настоящие реформы или что помог противникам отправить себя в отставку. Но он действительно хотел прекратить кровавую череду чисток, до тех пор бывшую единственным способом передачи политической власти.

Следует сказать, что и его кампанию по проведению реформ, и ее непреднамеренные последствия нельзя понять без

понимания коммунистической системы, которая сформировала его взгляды. Советский коммунизм был построен на сталинском фундаменте и нуждался в решительном изменении, а Хрущев научился у большевиков (или ему казалось, что он научился), что одного желания революционизировать советское общества достаточно, чтобы мгновенно осуществить такие перемены.

Доклад не изменил страну так, как это задумывалось. Но сам по себе он знаменовал замечательную перемену. В отличие от большинства своих товарищей, входивших в ближний круг Сталина, Хрущев сумел сохранить человеколюбие. Он так и не простил Сталину, что тот сделал его соучастником страшных преступлений. Когда он выступил с секретным докладом, им отчасти руководило чувство вины за причастность к злодеяниям. Еще в 1940 году, когда Хрущев был ставленником Сталина на Украине, он сказал другу детства, жаловавшемуся на сталинские беззакония: «Я в этом не виноват. Я тут не причем. И затем, прибавив грубое слово к имени Сталина, сказал, что когда-нибудь «полностью рассчитается» с диктатором.

Конечно, Хрущев был «причем». В этом все дело. Помимо всего прочего секретный доклад был актом покаяния. Когда Хрущев был уже на пенсии, его спросили, о чем он больше всего жалеет, и он ответил: «Больше всего — о пролитой крови. У меня руки по локоть в крови. Это самым страшным грузом лежит у меня на душе».

Путь Хрущева не был путем в ад, вымощенным добрыми намерениями. Это был путь выхода из сталинского ада, которому Хрущев служил верой и правдой, и откуда ему достало мужества вырваться.

Статья опубликована 25 февраля 2006 года в газете New York Times

ОТ ФУЛТОНА ДО МАЛЬТЫ: КАК НАЧАЛАСЬ И ЗАКОНЧИЛАСЬ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Вступительное слово на открытии конференции

М.С. Горбачев

*Президент Международного фонда социально-экономических и политических исследований
(Горбачев-Фонд)*

Я горячо приветствую всех — и москвичей, и немосквичей, и зарубежных гостей европейцев, американцев. Несмотря на наше недовольство тем, как все происходит в жизни, что-то меняется. Нам предстоит обсудить, как жить в этом мире, что делать. Такую конференцию не просто было собрать. Я уверен, что на ней прозвучат интересные оценки. Раз «головы» собираются, не прекращают заниматься аналитической работой — это прогресс. Принцип работы круглых столов и конференций, которые мы проводим в Фонде, таков: больше научности, убедительности, чтобы мы всякий раз получали приращение знаний, на основе которых можно размышлять, делать выводы и прогнозировать.

В проблематике конференции есть перевес в пользу истории. Может быть, это правильно: наконец, мы разберемся — что из чего выросло. Все мы так или иначе были включены в ту или иную систему и еще не расстались полностью с прошлым. Исторические факты, которые, я уверен, здесь будут названы, прибавят нам знания о реальных процессах прошлого — это важно. Но, я думаю, очень важно поразмышлять о том, как вырваться из объятий прошлого, в какой политике нуждается современный мир, потому что политика безбожно отстает.

Действительно, что делать в сфере политики, если мы не будем располагать научными знаниями, оценками сегодняш-

него мира? Он очень изменился и продолжает меняться. В середине 80-х годов назрела необходимость понять, куда ведут нас конфронтация, гонка вооружений. Нужно было изменить логику развития, остановить тот страшный процесс.

Крутой поворот в политике связан с перестройкой, но сколько в России недовольных этим... Недавно отмечалось 50-летие XX съезда КПСС, — и продолжает звучать, что съезд был первым «актом предательства», а второй «акт предательства» перестройка. Это говорит о том, что мы должны еще много работать в интеллектуальных, научных центрах для того, чтобы понять наш очень сложный и быстроменяющийся мир. Это задача историков, философов, политологов, политиков, граждан.

За 10–15 лет на мировую арену вышли такие гиганты, как Китай, Индия, Бразилия. Их влияние на процессы, происходящие в мире, уже сейчас таковы, что ни один крупный вопрос мировой политики не может быть решен без их участия. Исламский мир переживает процесс адаптации к вызовам современного мира. Он не согласен оказаться на обочине происходящих процессов — а его туда толкают. Иногда на весь исламский мир — 1,5 миллиарда человек — навешивают ярлыки, и с этим не могут согласиться не только политики, но и граждане этих стран.

Демократический транзит происходит на постсоветском пространстве, в Центральной и Восточной Европе, в Латинской Америке. Сегодня мы говорим о том, что в Латинской Америке левые партии и течения возглавляют политический процесс. Это все очень важно. Кажется, что и в Соединенных Штатах Америки представления о мире меняются. Если учесть проблемы ресурсов, глобализации, которая стала доминантой современного мира, то станет понятно, как необходимы новые подходы в мировой политике. В глобальном мире, — когда возникают такие проблемы, как угроза планетарного экологического кризиса, сохраняющаяся ядерная угроза, — еще острее встает вопрос о приоритете общечеловеческих интересов.

В нашей конференции участвуют независимые, люди, обладающие глубокими экспертными знаниями, и мы надеемся получить большую пользу от этой встречи.

1. Истоки и причины Холодной войны

Происхождение холодной войны

М.М. Наринский

д.и.н. МГИМО Университет МИД России

Холодная война является предметом длительных споров и научных дискуссий. Что такое холодная война? Какова ее сущность?

По моему мнению, холодная война — это тотальное и глобальное противостояние двух сверхдержав в рамках биполярной системы международных отношений. Предпосылки холодной войны заключались в принципиальном различии социально-экономических и политических систем ведущих мировых держав после разгрома блока агрессоров: тоталитарный политический режим с элементами личной диктатуры и сверхцентрализованная плановая экономика, с одной стороны, западная либеральная демократия и рыночная экономика, с другой. Две преобладавшие в послевоенном мире державы — СССР и США — воплощали и олицетворяли противостоявшие социально-экономические и политические порядки. Тотальный характер холодной войны означал, что она охватывала все сферы жизни общества: политику и экономику, идеологию и наращивание вооружений, культуру и спорт. Вместе с тем холодная война включала как периоды заметного обострения международной напряженности, так и ее спадов (разрядки).

Иногда основной, и даже единственной, причиной холодной войны считают политику Сталина, теорию и практику сталинизма. Но ведь холодная война продолжалась довольно длительное время и после смерти «вождя народов», принимая иногда даже более острые формы. К тому же война, пусть и холодная — это всегда противостояние двух сторон, и неизбежно встает вопрос о роли западных руководителей в ее происхождении.

Важнейшую роль в генезисе холодной войны сыграли принципиально различные представления руководства СССР и США о миропорядке после Второй мировой войны.

Руководство СССР выступало за сотрудничество равных и равноправных партнеров, за признание интересов Москвы в сфере безопасности, включая контроль над советской сферой влияния. Пример возможных договоренностей с Кремлем — процентная сделка Черчилля со Сталиным в октябре 1944 года, предусматривавшая раздел сфер влияния в Юго-Восточной Европе. Советский лидер согласился на британское преобладание в Греции, добившись признания советского преобладания в Болгарии и Румынии (применительно к Венгрии и Югославии руководители двух стран согласовали формулу — 50% на 50%). Характерно, что Сталин некоторое время соблюдал эти договоренности. Так, в январе 1945 года он говорил Г. Димитрову про греческих коммунистов: «Я советовал, чтобы в Греции не затевать эту борьбу. Люди ЭЛАС (Народно-освободительной армии Греции –М.Н.) не должны были выходить из правительства Папандреу. Они принялись за дело, для которого у них не хватает сил. Видимо, они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря. Мы не можем этого сделать. Мы не можем послать и в Грецию свои войска. Греки совершили глупость»¹.

Отражая общий подход советского руководства к послевоенному мироустройству, заместитель наркома иностранных дел И.М. Майский писал в январе 1944 года в записке «О желательных основах будущего мира»: «Общая установка: необходимо обеспечить СССР мир в Европе и в Азии сроком на 30 — 50 лет... В этих видах СССР должен выйти из нынешней войны с выгодными стратегическими границами, в основу которых должны лечь границы 1941 года. Сверх того, было бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу. Между СССР, с одной стороны, Финляндией и Румынией, с другой, должны быть заключены пакты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран военных, воздушных и морских баз. СССР должно быть также гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому за-

ливу»². В этом документе ясно виден геополитический подход к послевоенному устройству: важность выгодных для СССР границ и формирование советской сферы влияния.

Бывший нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов, критикуя советскую послевоенную политику, говорил в июне 1946 года об осуществлении «старомодной концепции географической безопасности — чем больше территории вы получите, тем больше будет ваша безопасность»³.

Запад, и в первую очередь США, выступал за торжество принципов экономического либерализма и западной демократии. Американское руководство рассматривало ООН и Бреттон-Вудскую систему в качестве основ нового миропорядка. В 1943 году государственный секретарь США К. Хэлл, выступая в конгрессе, утверждал: «В дальнейшем отпадет необходимость в сферах влияния, в союзах, в балансе сил, в любых установлениях... несчастного прошлого»⁴.

При этом Вашингтон отказывался признать в СССР равного партнера, принять его логику действий на международной арене. Дж. Кеннан в своей записке в декабре 1944 года отмечал, что советское руководство никогда не отказывалось от мышления в понятиях сфер влияния. Но американскому народу «позволяли надеяться, что советское правительство будет готово включиться в международную организацию безопасности с действительно универсальными полномочиями для предотвращения агрессии»⁵. При этом подразумевалось, что организация будет создаваться в соответствии с американскими замыслами и при определяющем американском влиянии.

Даже в феврале 1946 года Чарльз Болен в связи с известной «длинной телеграммой» Кеннана признавал, что можно было бы разрешить с СССР имевшиеся противоречия и достичь определенного *modus vivendi* на основе разделения сфер влияния в Европе. Однако в этом случае роль ООН была бы сведена скорее к внешнему фасаду, а «реальная власть была бы сосредоточена в руках Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза»⁶. Но возвращаться к ситуации «большой тройки», признать СССР равноправным партнером Вашингтон не хотел.

Важным фактором происхождения холодной войны стала ставка на силу лидеров ведущих держав в мире после Второй

мировой войны. Было велико искушение решать сложные социально-политические проблемы применением силы. Ситуация осложнялась асимметрией мощи СССР и США в послевоенном мире.

СССР вступил в послевоенный период в ореоле победителя нацизма. основными инструментами советского руководства стало проецирование военно-политической мощи, контроль над рядом территорий (сфера влияния). И. Сталин стремился по-своему трактовать и использовать договоренности «большой тройки» в Ялте и Потсдаме. Так, при подписании на Ялтинской конференции Декларации об освобожденной Европе Сталин сказал встревоженному Молотову: «Ничего, ничего, поработайте. Мы можем выполнять потом по-своему. Дело в соотношении сил»⁷.

Соединенные Штаты Америки опирались на свое преобладание в финансово-экономической сфере плюс на атомную монополию. К началу послевоенного периода на долю США приходилось примерно 50% мирового промышленного производства, примерно 35% мирового экспорта товаров, более 50% золотого запаса. В апреле 1945 года Гарриман советовал Трумэну проводить более решительный курс в отношении Советского Союза. По его мнению, Москва не могла позволить себе жесткого ответа, так как нуждалась в поддержке США для восстановления своей пострадавшей от войны экономики⁸.

Важным фактором послевоенного мироустройства стала американская атомная монополия. После получения в Потсдаме информации о первом успешном испытании ядерного устройства западные лидеры заметно ужесточили свою позицию на переговорах со Сталиным. Черчилль вспоминал впоследствии: «С этого момента все перспективы изменились, мы имеем дело с новым фактором в истории человечества и обладаем несокрушимой мощью»⁹. Приобретенная мощь укрепляла устремления к навязыванию американской модели послевоенного устройства. В августе 1945 года президент США Трумэн и государственный секретарь Бирнс заверили главу французского правительства генерала де Голля, что безопасность в мире будет обеспечиваться в первую очередь взаимодействием союзников в рамках международной организации. «Соединенные Штаты, — рассуждали они, — располагают но-

вым оружием, атомной бомбой, которое заставит отступить любого агрессора»¹⁰.

Победа в войне укрепила в США веру в превосходство американских ценностей: свобода личности, западная демократия, частная собственность, рыночная экономика. Известный американский политолог С. Хоффман отмечал: «Убеждение, что она является не только «градом на холме», но и маяком для всего мира, в сочетании с непоколебимой мощью привело послевоенную Америку к впечатляющим успехам и к некоторым потрясающим провалам»¹¹.

В рамках этих принципиальных установок были возможны два варианта развития отношений с Советским Союзом: либо его включение в международное сообщество при соблюдении Кремлем основных правил игры, выработанных Западом (курс Ф. Рузвельта), либо максимальное ограничение влияния СССР путем жесткого противостояния в рамках взаимодействия (курс Г. Трумэна). Руководство США выбрало этот второй курс.

Важным фактором происхождения холодной войны стал вопрос о сфере влияния СССР: ее границах, инструментах формирования, методах контроля.

Сталин использовал жесткие методы ее установления в Восточной и Юго-Восточной Европе: действия Красной армии, акции органов НКВД, репрессии политических противников коммунистов, фальсификация результатов выборов. Важнейшим фактором развития ситуации в странах Восточной и Юго-Восточной Европы стало присутствие на их территории сил Красной армии. Один из лидеров польских коммунистов Б. Берут вспоминал беседу Сталина с польскими руководителями в октябре 1944 года: «Тов. Сталин предостерег нас, сказав, что в данный момент ситуация для нас очень благоприятна из-за присутствия Красной армии на наших землях. «На вашей стороне теперь такая сила, что если вы скажете, что $2 \times 2 = 16$, ваши противники подтвердят это, — сказал тов. Сталин. — Но так будет не всегда»¹². Советское руководство взяло курс на установление в странах советской сферы влияния прокоммунистических и коммунистических режимов, на их советизацию. Еще во время войны И. Сталин обращал внимание югославского политического деятеля М. Джиласа на ее осо-

бый характер: «Кто занимает территорию, тот и устанавливает свой собственный общественный порядок».

Запад вел упорную политико-дипломатическую борьбу за изменение состава правительств Польши, Болгарии, Румынии, но смог добиться лишь несущественных результатов, не менявших суть дела. По сути это и были первые кризисы холодной войны. Запад не мог добиться большего, ибо во время проведения Ялтинской конференции советские войска вели бои на Одере, а через неделю после завершения встречи в Крыму взяли столицу Венгрии — город Будапешт.

Так, острейшие споры о переформировании польского правительства завершились компромиссом во время встреч И. Сталина с представителем президента США Г. Гопкинсом в июне 1945 года. Было достигнуто соглашение о включении в состав польского правительства пяти министров не коммунистов, при этом известный деятель Станислав Миколайчик занял пост заместителя премьер-министра. Но министры не коммунисты составляли явное меньшинство (5 из 19) и не могли существенно изменить политическую линию правительства. Известный американский историк Джон Гэддис писал: «Соглашение Сталин — Гопкинс ни в коей мере не изменило соотношение сил в польских властных структурах. Как отмечал журнал «Тайм», самое большее, что можно было сказать о новом правительстве в Варшаве — «это то, что, согласившись на его формирование, Россия сделала уступку на словах в отношении ялтинских обязательств и позволила США и Великобритании спасти лицо»¹³. Это означало этап на пути включения Польши в советскую сферу влияния.

Еще меньше успехов имели американские и британские политико-дипломатические демарши в отношении правительств Болгарии и Румынии. Соглашение декабря 1945 года о включении в их состав по два министра не коммуниста ни в коей мере не меняли суть дела. Дж. Гэддис в этой связи имел основания утверждать: «Сталинские уступки ни в коей мере не ослабляли влияние России в Восточной Европе — Джордж Кеннан удачно оценивал их «фиговые листочки демократических процедур, призванные прикрыть наготу сталинской диктатуры»¹⁴.

Сталин не только жестко контролировал советскую сферу влияния, но и предпринимал попытки расширить ее на Ближний и Средний Восток, Восточное Средиземноморье. Именно в связи с советским нажимом на Иран весной 1946 года возникла угроза серьезной конфронтации между СССР, с одной стороны, США и Великобританией, с другой. В начале марта министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин сказал своему коллеге по правительству Х. Дальтону, что продвижение русских войск к Тегерану «означает войну» и что США собираются послать свой военный флот в Средиземное море. Американский линкор «Миссури» действительно получил соответствующий приказ. В те же дни, уговаривая Гарримана поехать послом в Лондон, президент Трумэн доверительно сообщил ему: «Это важно. Возможно, мы вступим в войну с Советским Союзом из-за Ирана»¹⁵.

Тогда же Советский Союз оказывал массированный нажим на Турцию, добиваясь от нее территориальных уступок и получения ключевой позиции в контроле над черноморскими проливами. Впоследствии В. Молотов вспоминал: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 году, после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело»¹⁶.

К этому надо добавить менее известные попытки советской дипломатии во время переговоров о мирном договоре с Италией получить для СССР опорные пункты и подопечные территории в Восточном Средиземноморье.

Эти геополитические устремления Кремля встречали ожесточенное противодействие Запада. Мне представляется, что было бы неверно недооценивать роль геополитики в происхождении холодной войны. По существу борьба велась за определение границ советской сферы влияния. Характерна телеграмма посла А. Богомолова из Парижа о разговоре за ужином с американским коллегой Кэффери в июле 1947 года: «На вопрос о том, что он думает об американских кредитах Греции и Турции, Кэффери ответил, что Греция и Турция — это нефть. Мы (США — М. Н.) готовы согласиться с тем, что Вы

проглотили Прибалтийские республики, но Вы выбрасываете нас из Венгрии, с Балкан и слишком продвигаетесь к Среднему Востоку. Мы защищаем свои интересы. Это и является объяснением наших займов»¹⁷.

Происхождение холодной войны трудно понять без учета ее психологического измерения.

Для советских руководителей был характерен «синдром 22 июня». Ведь Сталин выполнял договоренности с Гитлером и Риббентропом, ведь он соблюдал разграничение сфер влияния, ведь осуществлял регулярные поставки советского сырья в Германию! А что из этого вышло? Трагедия 22 июня 1941 года. Память о ней усиливала сталинское недоверие и подозрительность в отношении Запада. Весьма характерно высказывание В. Молотова об американцах. В победные дни мая 1945 года нарком находился на конференции в Сан-Франциско. Позднее он вспоминал: «8 мая они меня поздравили. Но праздник у них небольшой был. Как полагается, минута молчания. Но не чувствовалось... Не то, что их не касается, но они настроены в отношении нас, а мы в их отношении еще более»¹⁸. Еще более!

Непосредственно после окончания войны в Европе, летом и осенью 1945 года, официальная пропаганда призывала советский народ не расслабляться, проявлять бдительность, довести до конца борьбу против фашизма и всех профашистских сил. Весьма характерно утверждение газеты «Правда» 2 сентября 1945 года, в день окончания войны: «Вторая мировая война окончена... Но значит ли это, что нет больше врагов мира и безопасности? Значит ли это, что можно проходить мимо попыток посеять рознь и вражду между свободолюбивыми народами, в первую очередь между вчерашними союзниками? Конечно, нет. Бдительность, величайшая бдительность — одно из первых условий успешной борьбы за мир»¹⁹. Сталинизм последовательно формировал у советских людей психологию «осажденной крепости».

Для западных руководителей был характерен «синдром Мюнхена». Воспоминания о договоренностях с фюрером в Мюнхене и последовавших горьких разочарованиях влияли на их отношения со Сталиным. Печальный опыт договоренностей с Гитлером зачастую переносился на кремлевского диктатора.

Для творцов американской послевоенной политики Мюнхен казался доказательством того, что для тоталитарных государств характерна ненасытная агрессивность, что мир недолгим, что агрессивности необходимо противодействовать повсюду и что «умиротворение (трактовавшееся как любые результативные дипломатические контакты с тоталитарной властью) всегда является сумасшествием», — утверждал американский политолог Кристофер Лэйн²⁰.

Линия американской администрации на отказ от компромиссов с Кремлем, на жесткое противостояние с Советским Союзом на международной арене выявилась уже в конце 1945 — начале 1946 года. В январе 1946 года президент Трумэн записал в своем дневнике: «Если русские понимают только жесткий язык и железный кулак, то дело идет к новой войне. Они понимают только один язык: «Сколько у вас дивизий?». Я не думаю, что мы будем и дальше играть с ними в компромиссы». Тогда же в письме Бирнсу он подчеркнул: «Я устал нянчиться с Советами»²¹.

Эту политическую линию продолжил и развил У. Черчилль в своей известной речи в Фултоне 5 марта 1946 года. Он призвал к созданию «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке». Эта ассоциация была призвана противостоять укреплению международных позиций СССР — «железный занавес», по словам экс-премьера, опустился на Европейский континент и разделил его по линии от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике. К востоку от «железного занавеса» не существовало никакой подлинной демократии, господствовали полицейские правительства, стремившиеся установить тоталитарный контроль над обществом. «Это не та Европа, ради создания которой мы боролись», — с пафосом провозгласил оратор. Речь Черчилля в Фултоне стала рассматриваться как публичное объявление холодной войны Советскому Союзу²². Профессор В.О. Печатнов убедительно показал связь ужесточения советской внешнеполитической пропаганды с реакцией на фултонскую речь Черчилля — Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) дал строгое указание «резко усилить работу по разоблачению антисоветских замыслов англо-американцев»²³.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что холодная война, хотя и была чревата кризисами и конфликтами, не переросла в большую горячую войну. Ни советские, ни американские руководители не стремились к развязыванию широкомасштабной войны с целью полного уничтожения противника. К тому же ни одна из сторон не обладала решающим перевесом сил для решения подобной задачи. Даже в период атомной монополии США в войне против СССР невозможно было одержать победу. Отсюда определенная стабильность биполярной системы международных отношений.

Однако это была «дурная стабильность», основанная на взаимном устрашении и гонке вооружений. Холодная война порождала серьезные международные кризисы, создававшие угрозы для всего человечества. Поэтому мы все должны быть благодарны Михаилу Сергеевичу Горбачеву за разрыв с теорией и практикой холодной войны, за ее завершение.

Примечания:

1 Г. Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февраля 1949. София, 1997, с. 460.

2 «Источник», 1995, №4, с. 137.

3 V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Krushchev. Cambridge, 1996, p. 37-38.

4 Цит. по: J.L. Gaddis. The United States and the Origins of the Cold War, 1941 — 1947. New York, 1972, p. 154.

5 Ibidem, p. 157.

6 Цит. по: J.L. Gaddis. The Long Peace. New York, 1987, p. 52.

7 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, с. 76.

8 См.: J.L. Gaddis. The United States and the Origins of the Cold War, 1941 — 1947., p. 202.

9 Цит. по: Г. Алпровиц. Атомная дипломатия.: Хиросима и Потсдам. Москва, 1968, с. 119.

10 Archives Nationales (Paris). Papier priv?es de Georges Bidault. Fonds 457, carton AP-80/

11 S. Hoffman. The United States and the Soviet Union.— In: Western Approaches to the Soviet Union. New York, 1988, p. 81.

12 Цит. по: И.С. Яжборовская. «Согласовать со Сталиным». — В книге: У истоков «социалистического содружества». М. 1995, с. 58.

13 J.L.Gaddis. The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947. New York, 1972, p. 235.

14 J.L Gaddis. The United of States and the Origins of the Cold War. 1941-1947, p.280

15 A. Bullock. Ernest Bevin, Foreign Secretary, 1945-1951. Oxford, 1985, p. 236.

16 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева, с. 102.

17 Архив внешней политики РФ. Фонд 129, опись 31, папка 190, дело 3, лист 65.

18 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева, с. 65.

19 «Правда», 1945, 2 сентября.

20 Ch. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy — In: The Meaning of Munich Fifty Years Later. Washington, D.C., 1988, p.18.

21 Цит. по: J.L. Gaddis. The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War. New York, 1987, p. 32.

22 См.: В.Г. Трухановский. Уинстон Черчилль. Политическая биография. Москва, 1968, с. 408-416

23 В.О. Печатнов. «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны, 1945 — 1947 — Сталин и холодная война. Москва, 1998, с. 178.

Североатлантический альянс: от холодной войны к разрядке (1949–1969 гг.)

П.А. Гудев,

к.и.н., Институт всеобщей истории РАН

Как известно, импульсом к созданию военно-политического союза США, Канады и стран Западной Европы после окончания Второй мировой войны послужил целый ряд событий весны-лета 1948 г. Это и государственный переворот в Чехословакии, и заключение советско-финляндского договора о сотрудничестве, и первый берлинский кризис, а также слухи о возможности заключения между СССР и Норвегией договора, аналогичного тому, что был заключен с Финляндией¹. Создание Североатлантического альянса должно было, таким образом, нейтрализовать и не допустить дальнейшего распространения советского влияния в странах Западной Европы. Начало войны в Корее летом 1950 г., расцененное как свидетельство подготовки более широкого наступления Советов, привело к трансформации блока, до этого момента существовавшего лишь на бумаге, в действующую организацию.

Однако, общий фундамент сплоченности союзников по НАТО, основанный на необходимости противостояния «советской угрозе», был серьезно поколеблен весной 1953 года. Смерть Сталина стала причиной того, что в общественном мнении стран-членов альянса изменилось само отношение к Советскому Союзу, — отмечал Генеральный секретарь блока лорд Исмей². Признаки «смягчения» советского внешнеполитического курса (заключение соглашения о перемирии в Корее в июле 1953, начало нормализации отношений с Югославией, готовность урегулировать германский вопрос и т.д.) привели к росту дискуссий о характере происходящих в СССР перемен.

Нет ничего удивительного в том, что большинства стран-членов альянса «мягкая примиренческая линия» СССР была мотивирована скорее желанием создать определенную иллюзию и выиграть время в деле укрепления «внутриполитическо-

го положения в стране после смерти Сталина»³. Однако, уже к 1955 году в специально подготовленном докладе под названием «Влияние советской политики и тактики на общественное мнение» говорилось о существовании в рядах союзников «надежд на установление нового этапа взаимоотношений между странами Востока и Запада»⁴. Связано это было с тем, как отмечали авторы доклада, что прежде «жесткая политика и грубый тон Сталинской дипломатии» убеждали в необходимости укрепления оборонной политики, а изменения советской внешнеполитической линии могли иметь прямо противоположенный эффект. Существовало опасение, что новая политика Советов («new look policy») может расширить ряды сторонников сокращения оборонных обязательств и привести к усилению прокоммунистических сил в национальных правительствах⁵.

XX съезд КПСС внес еще большую растерянность в атлантические ряды. Причина этого заключалась в том, что Н.С. Хрущев подверг ревизии сталинскую теоретическую схему, согласно которой, пока существовал капитализм, новая мировая война считалась неизбежной⁶. Решительно отойдя от этой модели, он заявил, что страны с разными социальными системами не только могут существовать рядом друг с другом, но должны идти по пути налаживания отношений. И, несмотря на то, что «мирное сосуществование по Хрущеву» предусматривало сильный акцент на продолжении идеологической борьбы с «империализмом», тем не менее, это было серьезным формальным свидетельством отсутствия у Москвы воинственных намерений в отношении Запада.

И хотя, например, Министр иностранных дел Бельгии Поль Анри Спаак расценивал изменения в советской внешнеполитической доктрине как подтверждение «правильности взглядов атлантических держав, всегда выступавших с осуждением политики Сталина»⁷, тем не менее, принципиальное изменение характера советской угрозы, несомненно, не способствовало укреплению сплоченности между союзниками. Конечно, нельзя сказать, что итоги XX съезда привели к формированию острой кризисной ситуации внутри блока. Однако, на весенней сессии Совета НАТО в мае 1956 г. было заявлено, что в связи с последними изменениями в СССР Североатлан-

тический альянс наряду с поддержанием военной составляющей, должен «изменить свою тактику и пересмотреть свои приоритеты»⁸. Кроме того, было принято решение об учреждении специального комитета «трех мудрецов»⁹, который должен был дать рекомендации по вопросам расширения сотрудничества в невоенной области и по проблеме укрепления сплоченности в рамках Атлантического сообщества.

Однако, разразившийся осенью 1956 года Суэцкий кризис (несогласованные с США, действия двух других союзников по НАТО — Англии и Франции против Египта) поставили под вопрос не только дальнейшее развитие НАТО, но и вообще возможность сотрудничества атлантических стран. В результате, события в Венгрии, расцененные как подтверждение того, что со стороны СССР все еще исходит непосредственная угроза Западу, были как нельзя кстати использованы в качестве противоядия от центробежных тенденций.

Постепенно переносся акцент с суэцких событий на советское вмешательство в Венгрии, руководство альянса вполне успешно пыталось сгладить противоречия между союзниками, используя «советскую угрозу» в качестве объединяющего фактора. Так, в ходе обсуждения сложившейся ситуации в Восточной Европе отмечалось, что ухудшение сотрудничества между странами Запада произошло в то самое время, когда Советский Союз путем использования силы в Венгрии подтвердил факт возвращения к политике «жестокости и открытой враждебности»¹⁰. В связи с этим, основной задачей НАТО провозглашалась необходимость предотвращения дальнейших разногласий и объединение усилий перед лицом новых кризисов, спровоцированных Советским Союзом¹¹.

В результате, в итоговом докладе комитета «трех мудрецов», представленном сессии Совета НАТО в декабре 1956 года, советская концепция мирного сосуществования расценивалась, как некая уловка, тактический маневр коммунистов, преследующий цель демобилизовать Запад и осуществить «экспорт революции» в развивающиеся страны¹². Странам-членам НАТО рекомендовалось поддерживать бдительность, имея дело с подобного рода новой формой «проникновения». Изменения в советской политике, которые произошли после смерти Сталина, резюмировалось в докладе, не уменьшили

потребность в коллективной обороне, а наоборот, поставили альянс перед дополнительным вызовом.

Кроме того, в докладе, особый упор был сделан на углубление механизма политических консультаций, которые означали не просто обмен мнениями, а предоставление Совета НАТО всей полноты информации на самых ранних этапах формирования национальной позиции по тому или иному вопросу. В итоге, идеологические шатания, вызванные смертью Сталина и XX съездом КПСС, а также центробежные тенденции, причиной которых стал Суэцкий кризис, были поставлены под пристальный внутринатовский контроль.

Таким образом, советское вторжение в Венгрию отодвинуло на неопределенный период саму возможность налаживания отношений между странами Востока и Запада, которая казалась бы возникла после смерти Сталина и была лишь усилена принятой на XX съезде КПСС концепцией «мирного сосуществования».

Новый этап становления процесса разрядки, как это не парадоксально, был связан с осознанием последствий доведения конфронтации до угрозы ядерного конфликта. Кубинский ракетный кризис осени 1962 г. стал «отрезвляющим душем» как для советского, так и для американского руководства, дав толчок активизации диалога между двумя странами.

Большинство европейских партнеров Соединенных Штатов также стали активнее выступать с инициативой расширения контактов со странами Восточного блока, полагая, что «кубинские уроки» изменили характер «советской угрозы» и ограниченное сотрудничество со странами социалистического лагеря будет в интересах Запада. Это стремление к налаживанию дружественных отношений с государствами Варшавского договора было мотивировано желанием западноевропейских союзников стать более самостоятельными игроками в международных делах и в какой-то степени избавиться от американской гегемонии. Подобного рода тенденция лишь усилилась в ходе попыток Соединенных Штатов осуществить проект создания Многосторонних ядерных сил НАТО, (предусматривающий сохранение американского «ядерного централизма»¹³) и войны во Вьетнаме (многие в Западной Европе опасались

расширения масштабов конфликта и не хотели стать «заложниками» советско-американской конфронтации).

Однако, стремление западноевропейских стран к урегулированию европейских проблем путем двухсторонних контактов с Советским Союзом представляло определенную опасность с точки зрения контроля над этим процессом. Выход Франции из военной структуры НАТО и поездка де Голля в Москву летом 1966 г. — своеобразная декларацией того факта, что только ослабление блока НАТО может положить конец разделению Европы — еще больше увеличили вероятность роста центробежных тенденций. В свою очередь, руководство Североатлантического альянса старалось наряду с углублением процесса разрядки не допустить ослабления обороноспособности или же дистанцирования союзников от НАТО. Проблема заключалась в том, что необходимо было найти рамки, внутри которых оборонительная политика сочеталась бы с тенденцией к разрядке.

В результате, на зимней сессии Совета НАТО в декабре 1966 г. по инициативе бельгийского министра иностранных дел Пьера Армеля было решено проанализировать политические события, произошедшие со времен подписания в 1949 г. Североатлантического договора. Это должно было помочь критически оценить задачи, стоящие перед союзом, оживить сам альянс и укрепить его сплоченность¹⁴. К декабрю 1967 г. был подготовлен итоговый доклад под названием «Будущие задачи альянса» (более известный как «доклад Армеля»). В нем была сформулирована идея комплексной политики, получившей в дальнейшем название доктрины «двух опор», руководствоваться которой должен был Североатлантический блок в новых международных условиях.

Суть ее заключалась в том, что были утверждены две основные функции альянса — гарантировать военную безопасность и одновременно проводить политику разрядки. В докладе говорилось, что «военная безопасность и политика разрядки не противоречат, а дополняют друг друга»¹⁵. Однако, центральным положением этой стратегии было утверждение о том, что добиться желаемых результатов в процессе разрядки между двумя блоками государств можно лишь благодаря постоянному совершенствованию оборонной политики. Альянс

всегда должен был быть готов отразить угрозу в случае, если разрядка потерпит фиаско (своего рода неореалистская формула — мир посредством силы)¹⁶.

Страны-члены НАТО должны прилагать все усилия, подчеркивалось в докладе, для улучшения отношений с Советским Союзом и странами Восточной Европы, учитывая однако тот факт, что продолжение политики разрядки не должно привести к размыванию альянса. Для этого рекомендовалось проводить скоординированную политику: развитие отношений между странами Восточной и Западной Европы на двухсторонней основе не приветствовалось, так как, по мнению авторов доклада, «некоторые аспекты этих связей по природе своей нуждаются в многостороннем подходе»¹⁷.

Таким образом, «доклад Армеля» решил целый ряд проблем, стоящих перед альянсом. Во-первых, процесс налаживания отношений со странами Варшавского договора был поставлен под внутринатовский контроль. Это способствовало не только возникновению новой мотивации существования самого блока (продвигать разрядку), но и предотвратило развитие центробежных тенденций, вызванных своеобразным соревнованием между странами-членами НАТО в поисках лучших отношений с Востоком. Кроме того, приняв на себя полномочия в деле европейского урегулирования, Североатлантический альянс фактически взял на себя часть тех политических функций, которые до этого принадлежали только правительствам национальных государств — т.е. в еще большей степени трансформировался из объединенного оборонительного пакта в организацию, которая имеет дело с более широким понятием «безопасности».

События осени 1968 года убедили союзников в правильности выбранной «двойной» стратегии. Министр обороны Великобритании Д. Хили отмечал, что советская интервенция в Чехословакии «является для дела сохранения НАТО на следующие 20 лет столь же полезной, как и пражский переворот 1948 года был важен для создания Североатлантического альянса»¹⁸. Укрепление обороноспособности НАТО было вновь объявлено приоритетной задачей, а дальнейшие поиски путей к разрядке не должны были, по мнению руководителей блока, вести к ослаблению сплоченности союзников¹⁹.

Несмотря на период ограниченного «карантина», подчеркивающего осуждение оккупации Чехословакии, возобновление контактов со странами Восточного блока вскоре было продолжено. Связано это было с тем, что наряду с теоретическим существованием искреннего стремления к ослаблению международной напряженности, существовала и другая, более прозаичная задача — разрядка должна была способствовать эрозии единства стран социалистического лагеря²⁰. Кроме того, как Соединенные Штаты, так и СССР были заинтересованы во взаимных договоренностях о признании послевоенного мироустройства, основанного на существовании двух противоположенных блоков государств и их военно-политических образований (ОВД — НАТО). Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и его кульминационный момент — подписание Хельсинского Заключительного акта в августе 1975 г. стали практической реализацией закрепления сложившегося статус-кво в Европе. Вероятно, именно эта цель и обусловила успех процесса разрядки периода конца 1960-х — первой половины 1970-х годов, за которым последовал новый виток напряженности и гонки вооружений.

Примечания:

1 Лундестаг Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945-1996. М., 2002. С. 41.

2 NATO Archives. C-R (53) 16.

3 NATO Archives. C-R (53) 17.

4 NATO Archives. C-M (55) 87. Part II. P. 7-8.

5 Ibid.

6 Нежинский Л.Н. Чельшев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 23-24.

7 NATO Archives. CR (56) 20. P. 14-15.

8 Ibid. P. 8.

9 В его состав вошли министры иностранных дел Италии, Норвегии и Канады — Гаэтано Мартино, Хальвард Ланге, Лес-

тер Пирсон. См: Ministerial Communiqu?, North Atlantic Council, Paris 4th — 5th May 1956 // NATO final communiqu?s...: Texts of final communiqu?s. [1]: 1949-1974. Brussels. 1974. P. 98-100; NATO Archives. CR (56) 23. P. 15.

10 NATO Archives. CM (56) 126. P. 1.

11 Ibid.

12Text of the Report of the Committee of Three on Non-Military Cooperation in NATO Approved by the North Atlantic Council Dec. 13, 1956 См.: <http://www.nato.int/docu/basicxt/bt-a3.htm>.

13 Wegner A. Crisis and opportunity: NATO's transformation and the multilateralization of D?tente, 1966-1968 // Cold War Studies. Vol. 6. №1. Winter 2004. P. 28.

14 Ministerial Communiqu?, North Atlantic Council, Paris 15th-16th Dec 1966 // NATO final communiqu?s. Texts of final communiqu?s. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 183-184.

15 Полный текст доклад см.: The Future Tasks of the Alliance. Report of the Council. Ministerial Communiqu?, North Atlantic Council, Brussels 13th-14th December 1967 // NATO final communiqu?s. Texts of final communiqu?s. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 198-202; В извлечении см.: Системная история международных отношений в четырех томах. Т. 4. Документы. 1945-2003. М., 2004. С. 223-225.

16 Более подробно см.: Конышев В.Н. Американский нео-реализм о природе войны. Эволюция политической теории. Спб.: Наука. 2004.

17 The Future Tasks of the Alliance. Report of the Council. Ministerial Communiqu?, North Atlantic Council, Brussels 13th-14th December 1967 // NATO final communiqu?s. Texts of final communiqu?s. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 198-202.

18 Архив внешней политики МИД РФ (далее АВП РФ). Ф. 160. Оп. 33, П. 84, Д. 18, Л.93.

19 Ministerial Communiqu?, North Atlantic Council, Paris 15th –16th Dec 1968 // NATO final communiqu?s...: Texts of final communiqu?s. [1]: 1949-1974. Brussels. 1974. P. 160.

20 АВП РФ. Ф. 160. Оп. 33, П. 84, Д. 18, Л. 93.

Исследования холодной войны: новые источники

Кристиан Остерманн,

*директор программы и международного проекта
по изучению холодной войны, Центр Вудро Вильсона,
Вашингтон*

До окончания холодной войны ее изучение было весьма асимметричным с точки зрения источников: с одной стороны — Восток, с другой стороны — Запад. На Западе, в США исследователям были доступны тысячи, миллионы документов, которые охватывали период холодной войны с 1945 г. и которые рассекречивались, начиная с 70-х годов, исходя из принципа: через двадцать лет правительственные, государственные документы раскрываются. Конечно, значительное число деликатных и очень секретных документов, и даже не очень деликатных документов, оставались засекреченными, особенно в сфере разведки. И сегодня американские разведывательные организации не хотят рассекречивать документы, касающиеся оперативных методов, хотя разведывательный продукт тоже рассекречивается. Недавно мы узнали о том, что предпринимаются усилия вновь засекретить 55 000 страниц документов из американских национальных архивов. Тем не менее, историки имели очень большой комплекс документов, источников, которые позволяли проанализировать и интерпретировать американскую и западную политику.

Когда же шла речь об анализе ситуации, поведения и представлений в СССР и в коммунистическом лагере, мы могли полагаться только на официальные документы, иногда, мемуары, отдельные заявления и иногда на контрабандой вывезенные рассекреченные документы, качество которых было очень сомнительным.

Поэтому до 80-х годов ситуация была следующей. Российские представители участвовали в конференциях и представляли документы по советской внешней политике, основанные, как правило, на американских, британских, западных

записях. Эта асимметрия источников очень часто приводила к тому, что представление о холодной войне было односторонним, основанным, как правило, на американских источниках. Поэтому дискуссия историков, в основном, затрагивала вопросы, которые представляли интерес для американских исследователей. И эта дискуссия очень часто была, фактически, продолжением американской внутриполитической дискуссии.

Британские и другие западноевропейские источники стали раскрываться в середине 70-80-х годов. В них подчеркивалась роль Великобритании и других стран в дискуссии о начале холодной войны, подчеркивалась роль малых союзников западного лагеря — например, роль канцлера ФРГ Аденауэра.

Гласность и перестройка, политика Горбачева, позволили предпринять первые усилия по раскрытию темных или белых пятен советской истории. Наиболее существенные изменения произошли после краха коммунистических режимов, окончания холодной войны в 1990 году и затем уже после распада Советского Союза в 1991 году, когда многие архивы правительств советского блока, к которым раньше имели доступ только некоторые партийные историки, были предоставлены в распоряжение исследователей Востока и Запада. Процесс рассекречивания получил импульс и в результате усилий ельцинской администрации по разоблачению КПСС. В ходе этого процесса было много рассекречено. Говорили об «архивной дипломатии» президента Ельцина, в ходе которой раскрывались до сих пор недоступные документы Президентского архива, очень важные для бывших противников и союзников по холодной войне. В частности раскрывались некоторые архивы МИДа, архивы ЦК КПСС до 52-го года и после 52-го года, Государственного архива Российской Федерации.

Результатом этого стали полтора десятилетия активных исследований советской политики в период холодной войны. Резко увеличилось количество книг, посвященных этой тематике. Был сделан огромный вклад в развитие историографии. Были написаны серьезные исследования по берлинскому кризису, советской политике в отношении Германии. Нельзя не отметить, например, работы Владимира Печатного, появились ученые молодого поколения, которые внесли серьезный вклад в исследование холодной войны.

Очень многие документы, касающиеся 1953г. 1956г. и соответствующих политических кризисов, были опубликованы в Вашингтоне. Естественно, Центром Вильсона была проделана большая работа, собраны богатые материалы, связанные с окончанием холодной войны. В течение долгого времени документы, касающиеся сталинского периода, были просто недоступны. Сейчас у нас имеется более точная эмпирическая информационная база, касающаяся периода Горбачева и более раннего периода. 1992–1996 гг. — это «золотой век» доступа к архивам в Москве, в том числе и к архивным источникам, касающимся холодной войны. Затем начались серьезные изменения, которые привели к засекречиванию архивных материалов.

Среди факторов, затрудняющих работу исследователей сейчас — финансово-экономические трудности: отсутствие денег на исследование фундаментальных вопросов, на финансирование, содержание архивов. Стала разрушаться система академической поддержки и начало расти чувство ностальгии: с удовольствием вспоминали не только советское время, но и времена Сталина. На Западе появились публикации и мультимедийные материалы, где освещалось наследие советского прошлого.

Крайняя «чувствительность» российской внешней политики — очень важный фактор, который мы должны учитывать, рассматривая историю времен холодной войны. Так, архивы КГБ и военные архивы до сих пор остаются практически совершенно не доступными. Во всяком случае, крайне трудно получить доступ к хранящимся там материалам. Те материалы, которые нам поступают, носят отрывочный и чисто выборочный характер. То, что доступно сейчас исследователям, не полностью соответствует тому, что действительно является единицами хранения в архивах. Ученые фактически не могут контролировать ход исследований. Основной источник, которым пользуются историки, — это телеграммы, которые шли по дипломатическим каналам из Москвы и в Москву, из посольств и в посольства. Поскольку телеграммы шли в шифре, это составляет серьезную трудность для их изучения. Если мы вспомним, какую огромную роль играла партия в советской

внешней политике, то понятно, как тщательно хранились партийные активы.

Тем не менее, изучение холодной войны должно быть более систематическим и более фундаментальным. Я восхищаюсь настойчивостью и умом, которые проявляют мои российские коллеги — в том числе, исследователи Горбачев-Фонда — в работе с темой холодной войны. Естественно, архивная ситуация в России усугублялась целым рядом факторов. Я думаю, что историки молодого поколения не вполне отдают себе отчет, сколь серьезными были эти ограничения.

В последние десять лет более доступными были архивы стран Восточной Европы, где тоже имеются материалы, освещающие внешнюю политику Советского Союза. В особенности это касается раскрытия архивов в Германии, Венгрии, бывшей Чехословакии и Польше. В них освещаются материалы, которые касаются взаимоотношений между странами Восточного блока.

Германия шла впереди всех в плане снятия секретности с архивов бывшей ГДР. Именно благодаря этому, когда были засекречены и потом рассекречены архивы Министерства иностранных дел, когда были сняты грифы секретности с файлов, хранившихся в органах безопасности, начались серьезные и широкие исследования проблематики холодной войны.

Совсем недавно Польша сняла гриф секретности практически со всех папок, где хранились секретные документы, касающиеся Варшавского Договора. Была создана национальная исследовательская группа, которая называлась «Институт памяти». Она работала с этими материалами.

Историки, которые занимаются холодной войной, знают, насколько неохотно старое польское руководство рассекречивало эти архивы, в частности архивы, которые касались времен Второй мировой войны и последующих периодов. При роспуске Варшавского Договора союзники по Восточной Европе взяли на себя обязательства не раскрывать архивы, касающиеся Варшавского блока, за исключением ситуации, когда с этим согласны все бывшие союзники. Материалы, которые были в польских архивах, по этой причине, по польским законам оставались секретными. Эти архивы стали источником важной информации для тех, кто изучет Советский блок.

Недавнее рассекречивание югославских архивов, в частности личного архива лидера Югославии Иосипа Броз Тито, рассказывает нам не только об истории разрыва между Югославией и Советским Союзом, но и о позиции Югославии в движении неприсоединения. Есть и научные исследования, которые полагаются на архивные материалы, относящиеся к периоду непосредственно перед падением режима Слободана Милошевича. Эти архивы изучаются системно, но большая работа предстоит в будущем. Особое значение для историков, которые занимаются холодной войной — имеет раскрытие личных архивов бывших лидеров Югославии.

Сейчас вышли новые работы, базирующиеся на архивных данных румынских архивов и албанских архивов, которые снимают гриф секретности с документов, относящихся к периоду холодной войны.

Что надо учитывать на этом фоне? — Существует определенное состояние идиосинкразии, выражающееся, например, в позиции Албании. Албания традиционно была очень близка с Китаем. И сейчас архивы, имеющиеся в Албании, имеют совершенно уникальный характер, потому что они показывают необычайный ракурс привязанности позиции Албании к Китаю во всей истории отношений с Китаем времен холодной войны.

Есть еще один важный фактор — это раскрытие архивов Китайской Народной Республики до 80-х годов. В частности, в прошлом году Министр иностранных дел принял решение открыть свои архивы, но очень ограниченно, в очень дозированном объеме. И поэтому историки, занимающиеся холодной войной, могут получить доступ к материалам, которые касаются советско-китайских отношений и воздействия Китая на события холодной войны. Впервые в истории эти документы вышли из стен Центрального государственного архива Китайской Народной Республики.

Итак, несмотря на наличие проблем, связанных с архивными источниками в США, России и Китае, та масса материалов, которая хлынула в мир, позволяет нам более полно увидеть историю холодной войны.

История холодной войны пишется не только на базе знаний. Она характеризуется наличием множества подходов и перспектив, сложностью аналитической работы и даже слож-

ностью самой работы, направленной на то, чтобы показать, как одна страна воздействовала на другую. Совершенно ясно, что архивные материалы бывшего коммунистического мира связаны с ключевыми вопросами, и они особенно интересны для историков. В этой связи возникают и новые важные вопросы, касающиеся политики на отрезке времени с 30-х до 90-х годов прошлого века. В частности, речь идет о процессах, влияющих на принятие решений, о новой мотивировке, которую использовал Сталин и советское руководство в эпоху, которая предшествовала началу холодной войны. В тот период государства фактически конкурировали друг с другом. Это касается советской военной и международной политики, особенно политики, которая касалась союзников по Восточному блоку. Это создает дополнительные сложности в работе историков, которые занимаются тематикой холодной войны.

Рассекречивание материалов и архивов обнадеживает. Хочу указать на важность умения смотреть за пределы архивной документации. Историки должны быть открытыми для изучения новых источников, поступающих из исследовательских центров, таких, как Горбачев-Фонд. Эти центры возглавляют работу, которая предшествовала созыву нашей конференции и, надеюсь, будет продолжаться после ее закрытия.

Выступления

Н.П. Шмелев,

академик, директор Института Европы РАН

Я сразу должен оговориться. Не хочу, чтобы меня заподозрили в излишне прозападных симпатиях. Я достаточно трезво оцениваю историю наших отношений с Западом. Как говорил когда-то Александр Сергеевич Пушкин, «нет правды на земле, но правды нет и выше». Мы помним такие вещи, как искусственная задержка Второго фронта во время войны, совершенно не оправданные стратегически бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, и дальше много чего было: были и обман в отношении расширения НАТО на Восток, была и Юго-

славия, сейчас происходит Ирак — тоже достаточно бессмысленная операция. Всё это так. Но мы говорим о происхождении, развитии и итогах холодной войны.

Я все-таки склоняюсь к тому, что если брать холодную войну не как дело только второй половины XX века, а как явление, которое имеет свои исторические корни, то надо признать и какие-то иррациональные причины. Основная часть вины все-таки лежит на какой-то исторически присущей склонности России к экспансии, зачастую совершенно неоправданной и нерациональной.

Никто на Западе не помнит, что Россия защитила собой Запад от монгольской экспансии. Никто не помнит нашу роль в том, что мы избавили Европу от Наполеона. Забывают, что мы избавили Европу от Гитлера. А вот другие вещи помнят. Это в настроениях политической элиты и в массовых настроениях, начиная, скажем, от несчастной войны Ивана Грозного в Ливонии. Чего его понесло туда на 25 лет? И почти погубил Россию этой войной, хотя надо было ориентироваться в другую сторону. И уже ведь был довольно успешный опыт выдавливания крымского ханства и постоянной агрессии с юга!

Все помнят конец XVIII и почти весь XIX век, когда эта злощастная идея про Босфор и Дарданеллы и крест на Святой Софии была чуть не центральной идеей российской политики. Был, правда, краткий период отрезвления — 12-13 лет, когда Александр III провозгласил политику не вмешиваться ни во что: пусть разбираются без нас, как хотят. Потом опять пошла Манчжурия, пошло движение в Корею, война 1905 года и т.д.

Советские времена: не надо забывать, что до Второй мировой войны вся наша история прошла под знаком Коминтерна. И после войны... Что нас понесло в иранский Азербайджан, зачем ввязались в это восстание, которое сами же и организовали и которое было так жестоко подавлено? И зачем нам нужен был генерал Красной армии мулла Барзани со своей курдской дивизией? Что нам нужно было в Греции? Зачем нам нужен был берлинский кризис 48-го года? Зачем нужна была в 1950 г. Корея? Ведь организовали эту войну с очень активным нашим участием. И так дальше.

Вся эта дележка сфер влияния после Ялты и Потсдама: кому 90 процентов влияния, кому 10. Сталин, Черчилль... Что

из этого получилось, и зачем это было нам нужно? С деловой циничной точки зрения? Скажут: после войны мы получили репарации с Германии. Хорошо, мы бы их получили в любом случае. Но зачем нужна была вся эта Восточная Европа? Сплошной убыток. Если взвесить на обычных коммерческих весах: с 1946-го года по 1990 или 1991 мы продавали Восточной Европе всё — нефть, уголь, металл, продовольствие — за 30 процентов мировой цены. Это был официальный уровень. Покупали же у них все встречное (с учетом качества продукции) за 200 процентов мировой цены. Сколько десятков миллиардов на это ушло, никто теперь не скажет! И что, мы получили хоть от кого-нибудь спасибо? В итоге каким-то образом оказалось, что мы в конечном счете должны Восточной Европе 10 миллиардов долларов. И сейчас Путин договаривается, как их реструктурировать.

А если добавить еще один просчет... Ведь разрядка напряженности, если так совсем все упрощать, рухнула из-за ракет СС-20, из-за какого-то совершенно непонятного всплеска нашей экспансии в Анголу, Мозамбик, Никарагуа и пр. Вообще, куда мы только не лезли! И это, кстати, стоило чудовищных денег. Это все примерно оценивается задним числом порядка 20-25 миллиардов долларов ежегодно. Представляете, сколько автобанов Москва-Владивосток мы могли бы вместо этого построить!

И, конечно, апофеоз всего — это Афганистан. Это, к сожалению, уже точно причуды нашей геронтократии. Три подписи сначала, потом четвертая — самая главная. А что нас туда занесло, что нам там нужно было? Неужели всерьез кто-то действительно думал, что мы танковым прорывом дойдем до Персидского залива? Кто бы нас туда допустил без третьей мировой войны? А больше никаких резонов невозможно, с циничной, *real politic* точки зрения, придумать для объяснения. Я еще раз хочу выразить глубочайшую благодарность Михаилу Сергеевичу Горбачеву, что у него нашлись и мужество, и силы этот процесс исторической иррациональной экспансии, который так много осложнял нам жизнь, остановить. Ему это, к счастью, удалось.

Теперь я думаю, что никаких сумасбродных порывов в нашей внешней политике ожидать не следует. Но есть практич-

ные интересы, вполне реальные: наш европейский интерес, наш жизненный интерес на значительной части нашего постсоветского пространства; есть необходимость создать устойчивые конструктивные отношения с Дальним Востоком, где поднимаются новые гиганты.

В смысле же суперглобалистики, я думаю, что мы свое отыграли и пусть теперь мучаются Соединенные Штаты и Китай. Но Китай-то слишком умен, чтобы в такие дела ввязываться. Все-таки, мне кажется, надо смотреть правде в глаза. И если мы не будем уж очень затушевывать свою историю, то мы получили то, на что нарывались. Слава Богу, целы остались.

В.О. Печатнов,

д.и.н., МГИМО – Университет МИД России

В своем выступлении я хотел бы вернуться к теме о происхождении холодной войны.

По большому счету, я думаю, большинство из нас согласится в том, что в основных своих чертах это соперничество, учитывая разницу социально-политических систем, геополитический и даже культурно-цивилизационный факторы, было, видимо, неизбежным насколько вообще что-то может быть неизбежным в человеческой истории. Но это соперничество могло принять разные формы, в том числе и менее опасно-конфронтационные, если бы обе стороны проявили большую сдержанность и готовность к компромиссу.

Сталин говорил сенатору К.Пепперу в сентябре 1945 года: трудно будет сохранить союзные отношения после войны, но, как сказал Христос, «ищите и обрящете». Вот этого поиска как раз и не было. Не было его с советской стороны, поскольку Сталин был целиком поглощен задачей консолидации своей сферы влияния любой ценой, невзирая на сопротивление Запада. У меня в одной из документальных публикаций описано, как он уже в ноябре 1945 года отхлестал Молотова, почти уволил его за якобы проявленный либерализм в отношении союзников, настраивая и Молотова, и все Политбюро на жест-

кую линию, как он ее называл, линию «выдержки и стойкости» в отношениях с союзниками.

Но не искали альтернативы и Соединенные Штаты. Давайте сравним, положение обеих стран к концу войны. СССР был гораздо более слабой стороной, что хорошо понималось и в Москве, и в Вашингтоне. Советская мощь была преимущественно одномерной — военно-силовой. Огромные людские потери — почти в 90 раз выше, чем американские. Небывалые разрушения страны порождали императив послевоенного восстановления. Вторым императивом было обеспечение безопасности страны с учетом уроков российской/советской истории и Второй мировой войны.

Контуры этих потребностей безопасности в планах советского руководства просматривались довольно четко: границы 1941 года, «санитарный кордон наоборот», т.е. просоветский буфер вдоль западных границ СССР, максимальная глубина обороны по всему периметру и свободный выход в Мировой океан.

Сталин надеялся совместить выполнение этой задачи с сохранением если не союзных, то хотя бы более-менее равных отношений с Западом. Тем более, что в годы Второй мировой войны западные лидеры, как, впрочем, и в Первой мировой войне, проявляли понимание этих геополитических запросов СССР и даже давали авансы на будущее — и в отношении черноморских проливов, и в отношении Средиземноморья (опеки над бывшими итальянскими колониями) и помощи в послевоенном восстановлении. Так что у Сталина были основания надеяться на то, что ему удастся совместить одно с другим.

Ровные отношения с Западом были для него важны и для полюбовного признания советской сферы влияния и для получения помощи на послевоенное восстановление. А также для игры на англо-американских противоречиях, потому что если бы создавался англо-американский блок против СССР, никакой игры на этих противоречиях быть уже не могло, а это была одна из основных карт Сталина.

Тем не менее, обеспечение первоочередных задач этой геополитической дезидераты, безопасности страны (в его по-

нимании, конечно) для Сталина было важнее, чем сохранение отношений с Западом. Свою роль здесь играла идеология.

Во-первых, потому что она искажала восприятие действительности и вела к недооценке жизнеспособности либерального капитализма, к переоценке потенциала межимпериалистических противоречий.

Во-вторых, идеология толкала советскую сторону к повышенной подозрительности и недоверию, тому самому «а мы еще более настороже», о чем упомянул М. М. Наринский. А значит, толкала и к чрезмерной реакции на реальные и гипотетические угрозы со стороны Запада, к перебарщиванию в обеспечении своей безопасности.

В годы войны союзники, особенно американцы, понимали это (что подтверждается документами) и делали поправки на эту идеологическую погрешность, стараясь не давать советскому руководству лишних поводов для подозрений. С окончанием войны эта предупредительность быстро сошла на нет.

Я согласен с Н. П. Шмелевым: советская политика в 1945-1946 годах была, конечно, жесткой, силовой, в чем-то экспансионистской. Грубые ошибки, даже с точки зрения тогдашних советских интересов, были допущены и в Иране, и в Турции. Это всё так. Кроме того, игра шла «в темную». Советская сторона не раскрывала своих интересов, даже не пыталась доказать их легитимность Западу и объяснять свои шаги. Впрочем, американцы отвечали примерно тем же самым.

Все это вызывало обоюдную настороженность и тревогу. Но в целом мой тезис состоит в том, что в силу жестких ресурсных ограничений Советский Союз, как слабейшая сторона в этом конфликте, а также в силу более императивного характера задач обеспечения своей безопасности, обладал меньшим выбором, меньшей свободой действий, чем Запад.

Здесь мы подходим к американскому (и, конечно, к английскому) вкладу в развязывание холодной войны. Я довольно много работал в американских архивах — дипломатических и военных. И до сих пор помню то удручающее впечатление, которое сложилось у меня от анализа документов по военному планированию США. Стремительно, буквально, в течение двух-трех месяцев произошла стратегическая переоценка Со-

ветского Союза, который превратился из союзника, каким он был вплоть до конца войны с Японией, в противника.

Уже в сентябре-октябре 1945 года военные планы США стали исходить из вероятной войны в сравнительно недалеком будущем с Советским Союзом как главным противником. Неужели так радикально изменилась советская политика за эти два-три месяца? Да нет, конечно. Дело было не столько в изменении советском поведении, сколько в изменении политики самих Соединенных Штатов. Здесь встает вопрос о мере ответственности обеих сторон за развитие событий. Я ни в коей мере не оправдываю советскую сторону. Но США, обладавшие б?льшей мощностью, б?льшей свободой маневра и выбора, б?льшей зрелостью и дипломатическим опытом, могла бы позволить себе более великодушную и сдержанную политику в отношении своего недавнего союзника. Запас прочности у американцев все-таки был гораздо больше, чем у нас, а Советский Союз был еще новичок в глобальной мировой политике и спрос с него был несколько другой.

Вместо хотя бы частичного урегулирования разногласий или поисков модуса вивенди мы видим, что наступает Фултон, и не случайно именно в 1946-ом году. Весной этого года происходит формулирование военной составляющей новой стратегии сдерживания, которая заключалась, как мы теперь знаем, не просто в сдерживании Советского Союза, а в вытеснении его из этой расширившейся после войны сферы влияния, (особенно в Восточной Европе), и, в конечном счете — в смягчении и ликвидации советского строя, в смене режима, говоря языком современной американской стратегии.

Мы с американским дипломатическим историком Ф.Логеваллем не сговариваясь, почти одновременно пришли в своих публикациях к одному и тому же вопросу: почему администрация Трумэна не только не вела серьезных переговоров с Советским Союзом, но даже никогда не рассматривала (это показывают внутренние документы) возможность таких переговоров в своих внутренних обсуждениях?

Логевалль приводит в объяснение этому такие вещи, как американская исключительность, непоколебимая уверенность в своей правоте и связанная с этим склонность к демонизации противника. Любое сопротивление американским

планам, любая враждебность по отношению к США воспринимались как сопротивление делу прогрессу и вообще правому делу. Он также ссылается на отсутствие у Соединенных Штатов опыта пребывания в равноправных союзах. Американцам не привыкли иметь дело с другими на равных. Отсюда — особая трудность признания Советского Союза как нового центра силы после войны.

Я бы добавил к этому списку низкий болевой порог, который сформировался за столетия американской дармовой и абсолютной безопасности, когда США не знали внешних агрессий и реальных угроз своей территории. Отсюда, из этого низкого болевого порога, вытекает перестраховка и свехреакция не только на реальные угрозы, но и на гипотетические, а часто и вымышленные угрозы. Мы это видим и по сей день в американской политике.

Сюда можно также добавить идеологическую одержимость антикоммунизмом. Недаром патриарх школы «реализма» в США Ганс Моргентау писал о том, что американский антикоммунизм был сильнее советского антикапитализма, потому что марксистская идеология зачастую обслуживала интересы советского государства, а американская идеология антикоммунизма во многом задавала параметры этих государственных интересов.

Короче говоря, мне кажется, что только с учетом всех этих факторов и поведения обеих сторон можно понять, почему вероятность — пусть даже очень высокая — холодной войны в послевоенный период обратилась в ее практическую неизбежность.

Итак, отношения между бывшими союзниками могли сложиться лучше, хотя это потребовало бы больших усилий. Но, с другой стороны, они могли бы быть и хуже, и, возможно, гораздо хуже. Обе стороны проявили известную сдержанность и предусмотрительность на заре этого конфликта, когда казалось, что нет иного пути его разрешения, кроме военного. Это тоже безусловно продемонстрированный исторический факт, о котором мы не должны забывать.

Н.И. Егорова,

д.и.н. Институт всеобщей истории РАН

Позвольте коротко остановиться на нескольких вопросах. Прежде всего, это проблема крайне медленного процесса рассекречивания архивных документов, а подчас и трудностей доступа к ним. Для всех исследователей ситуация с российскими архивами является основным препятствием на пути к изучению холодной войны на уровне современного научного знания.

Я представляю Центр по изучению холодной войны в Институте всеобщей истории. Это небольшой Центр, но в своей деятельности мы стремимся всесторонне развивать международные научные связи, налаживать и поддерживать контакты со специалистами из российских региональных университетов, московских исследовательских институтов и университетов. Поэтому я могу выразить общее мнение, что неудовлетворительную ситуацию с архивами необходимо срочно решать. Может быть, на уровне государственной политики, поскольку должны быть внесены отвечающие духу времени и мировому опыту изменения в российское архивное законодательство.

Однако историки, опираясь на уже имеющиеся в их распоряжении документы, проделали большую работу в исследовании того периода, о котором мы сейчас говорим. Это период генезиса и развертывания холодной войны, так называемое сталинское десятилетие холодной войны. Конечно, лучше всего обеспечено документами и изучено идеологическое измерение холодной войны. В меньшей степени — ее дипломатическая история в связи с уже отмеченными сложностями получения архивных документов. И по той же причине намного хуже обстоят дела с разработкой военной проблематики.

Уже говорилось о том сложном комплексе вопросов, который породил холодную войну. Я согласна, что причины происхождения холодной войны многоплановые. Здесь и идеология, и политика, и психология, и различное восприятие событий, и цивилизационные факторы. Но я хотела бы отметить, что несмотря на разные интерпретации истоков холодной вой-

ны, большинство исследователей в своих определениях данного феномена опираются на общую концептуальную схему. В целом холодная война предстает как конфронтационная модель (или форма) взаимоотношений двух антагонистических социально-политических и экономических систем в условиях наличия ядерного оружия. При определении холодной войны о ядерном факторе надо говорить обязательно. Кроме того, холодная война разворачивалась в условиях структурирования двух мощных военных блоков. Это, о чем уже говорилось сегодня, НАТО и Организация Варшавского Договора.

К сожалению, все документы российских архивов по Варшавскому Договору практически закрыты, хотя, как уже отмечал в своем докладе Крисчиан Остерманн, на Западе опубликован фундаментальный труд под редакцией Войтека Мастны, в котором представлены документы по Варшавскому Договору из восточноевропейских архивов и архивов бывшей ГДР. Российским специалистам для своей работы теперь придется переводить с английского на русский советские документы, которые рассекречены в зарубежных архивах, но недоступны в России. Именно так обстоят дела.

Поскольку существует столь сложная ситуация с российскими архивами, которая накладывает свой отпечаток даже на изучение раннего периода холодной войны, историкам следует шире обращаться к проблемам, предоставляющим возможность сочетать эмпирический и теоретический подходы. Среди таких актуальных проблем теоретического плана, необходимо прежде всего отметить проблему окончания холодной войны. К тому же есть возможность доступа к документам архива Горбачев-Фонда. Как я выяснила по Интернету, очень много зарубежных исследователей обращаются к этим документам и литературе, тогда как российских специалистов можно упрекнуть в недостаточно активном использовании имеющихся возможностей. Другая не менее интересная и актуальная проблема, требующая более пристального внимания, это проблема разрядки. Ее изучение также невозможно без документов, но она предполагает и важные теоретические размышления. Ведь до сих пор ведутся дискуссии относительно того, что из себя представляла разрядка. Некоторые исследователи полагают, что она являлась альтернативой хо-

лодной войне. Другие же считают, что это одна из фаз холодной войны. Так что исследователям есть над чем работать.

Б.А. Ширяев,
*д.и.н. Санкт-Петербургский
Государственный университет*

Все мы, вышедшие из советской школы, обучены верить в то, что в историческом процессе объективная закономерность предопределена. Но, с другой стороны, она реализуется людьми. И если мы не будем рассматривать субъективный фактор, мы многое не сможем понять, в том числе и в причинах холодной войны. Я согласен с академиком Шмелевым. Внешняя политика,— не только советская и российская, — в значительной степени основывается на иррациональных мотивах. Предубеждения, предвзятость, непонимание, взаимные претензии и амбиции часто присутствуют во внешнеполитических решениях. И мы может приводить множество тому примеров. Спрашивается: отвечали ли, например, национальным интересам Франции страстные желания Наполеона завоевать Европу, завоевать мир? Конечно, нет. Или, вот что пишет министр обороны США Роберт Макнамара в своих мемуарах «Трагедия и уроки Вьетнама»: «Мы, члены администрации Кеннеди и Джонсона, участвуя в принятии решений по Вьетнаму, полагали, что действуем, руководствуясь национальными принципами и традициями. Однако мы ошибались, чудовищно ошибались. Я искренне верю, что в допущенных серьезных просчетах повинны не ценности, коими мы руководствовались, и не наши намерения, а лишь собственные наши представления о происходящем и личные наши способности».

Были ли объективные обстоятельства, которые разделили бывших союзников после окончания Второй мировой войны? Безусловно, были. Разные идеологии, разные взгляды на лучшее устройство мира делали неизбежным противостояние и даже соперничество. Во время войны нас объединяла общая опасность, мы могли преодолеть расхождения. И преодолели.

И в мирное время мы находим примеры такого преодоления. Сегодня Китай и Соединенные Штаты Америки разделяет глубокая идеологическая пропасть. У них разные взгляды на мир, но тем не менее, находится способ продуктивного взаимодействия, даже партнерства. Соединенные Штаты во время Второй мировой войны руководствовались, помимо всего прочего, еще и идеей великой миссии, которая стала тогда такой всеобъемлющей и универсальной. Она утвердилась и в головах американских лидеров, и в общественном сознании.

Мессианская идея иррациональна сама по себе, но, рождаясь в глубинах сознания, призвана на каком-то этапе обосновать и прикрыть реальные цели, стратегические цели внешней политики. Со временем эта мессианская идея превращается в самодовлеющую силу, в символ веры. А символ веры в доказательствах не нуждается. Таким символом веры стала и «доктрина сдерживания». Так же, кстати, как в символ веры превратилась и советская всеобъемлющая, все охватывающая идеология борьбы против мирового империализма. Они сами по себе обе стали объективной закономерностью, но они субъективны и иррациональны по своей природе. Были ли основания для продолжения сотрудничества, сложившегося во время Второй мировой войны? Напомню несколько фактов:

- Советский Союз, советские лидеры были определенно настроены на продолжение сотрудничества, на триумvirат СССР, Англии и США, в частности на основе Организации Объединенных Наций.
- Признаком доверия и стремления к сотрудничеству были и участие СССР в создании Организации Объединенных Наций, в создании Международного Валютного Фонда.
- Советский Союз обратился в декабре 1944 года к Соединенным Штатам Америки. Это была официальная просьба о предоставлении займа в шесть миллиардов долларов для восстановлении страны (правда, ответа на эту просьбу не последовало).
- Наконец, Рузвельт обещал пригласить Сталина в США после окончания войны, чтобы советский лидер мог познакомиться с американской политической системой.

У Советского Союза не было намерений использовать какие-то силовые методы. Тем более начинать новую войну. Советский Союз был истощен, и американцы это прекрасно знали. Разрушенная страна, почти половина дееспособного населения истреблена. Наверное, немногие знают, что уже в 1945 году в армию призывались 18-летние и 17-летние (хотя призывной возраст в начале войны был 20 лет, во время войны - 19 лет.) Советскому Союзу нечем вообще было воевать, если бы он и захотел начинать новую войну. Соединенные Штаты также не собирались нападать на Советский Союз, несмотря на все известные нам декларации, действия и прочее. И это объективная реальность.

У руководителей и СССР, и США было достаточно источников для рационального анализа ситуации, действий той и другой стороны. Они не принимались во внимание. Тут вступали в действие уже мощные социально-психологические факторы, имеющие свои истоки. Это субъективные личностные факторы: недоверие, подозрительность. Недоверие рождает сомнения. Оживают, как снежный ком, предубеждения и стереотипы, предвзятость.

В порождении холодной войны виноваты обе стороны. Первые импульсы с американской стороны пали на благоприятную почву подозрительности Сталина. В ответ он предпринимал резкие, неуклюжие действия, что давало повод подозревать его в агрессивных намерениях. Еще во время войны было много поводов для взаимного недоверия и подозрительности, особенно затяжка открытия Второго фронта. Особую подозрительность Сталина вызывало нежелание союзников посвятить его в ядерный проект. Наконец, Сталин подозревал союзников в том, что они хотят ограничить законное влияние СССР как главного победителя в создании послевоенного мира.

Соединенные Штаты преувеличенно подозревали СССР в агрессивных, экспансионистских замыслах. Вот что писал Дж. Кеннан в связи с появлением доктрины Г. Трумэна: « Я не разделял взгляда на такое развитие событий, при котором приход коммунистов к власти имел бы немедленные катастрофические последствия для западного мира. Русские и их западноевропейские союзники находились в столь бедственном поло-

жении, что не могли не только управлять Грецией, но и оказывать ей экономическую помощь. А вследствие этого, подобная ситуация обернулась бы для них бумерангом... Серьезного коммунистического проникновения в Турции не отмечалось. Туркам фактически нечего было опасаться». Вне всякого сомнения, личные предубеждения президента Г. Трумэна оказали огромное влияние на характер конфронтации и направленность «доктрины сдерживания». Президент Трумэн, — пусть не обижаются на меня американские коллеги, — хороший средний американец, воспитанный в пуританских традициях. Часть этого воспитания — предубеждение, неприятие, просто ненависть к коммунизму и к носителю этой идеологии, к Советскому Союзу. Трумэн совершенно не знал Россию и не имел опыта в международных делах, когда стал президентом. Ни он, ни его окружение не могли допустить и мысли, что Советский Союз, эта отсталая, полудикая страна будет участвовать на равных в триумvirате. А у Советского руководства подозрительность подкреплялась словами и действиями лидеров Соединенных Штатов, особенно в первые послевоенные годы.

К сожалению, в руководящих кругах обеих стран в 1946–1947 гг. сложилась атмосфера болезненной подозрительности в отношении друг к другу — «предвоенная паника», по словам Дж. Кеннана, что усиливало значение субъективных факторов в процессе принятия решений. Конечно, противоречия, соперничество и даже конфликты между США и Советским Союзом были неизбежны. Но не было фатальной предопределенности конфронтации по модели холодной войны с опасным силовым противостоянием, с безудержной гонкой вооружений и противостоянием по всему земному шару. Значение объективных различий во много раз усиливалось действиями лидеров двух держав, которые во многом руководствовались субъективными представлениями и соображениями. Возникшая на основе таких решений холодная война не отвечала объективным интересам ни Соединенных Штатов, ни Советского Союза. Тем более она не отвечала интересам и ожиданиям мирового сообщества, которое ожидало другого мира — стабильного, основанного на сотрудничестве великих держав.

Н.В. Загладин,

д.и.н., Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

Я очень рад, что мы обратились к рассмотрению причин холодной войны. Эта одна из самых спорных и идеологизированных проблем истории XX века. В наследие от прошлого осталась парадигма ее рассмотрения под углом зрения поиска виновников холодной войны. В научном плане эта парадигма бесплодна. Ее приверженцы приводят внешне вполне убедительные аргументы в пользу «виновности» Советского Союза или Соединенных Штатов, полемизируют друг с другом, или соглашаются на «компромисс», признавая виновными обе стороны (точка зрения так называемых историков — «ревизионистов» в США). Возможно, дополнительные аргументы в пользу того или иного вывода приносят их автору популярность, но они ничего — или почти ничего не дают для извлечения уроков из холодной войны и развития теории международных отношений.

Очевидно, нужна смена парадигмы анализа, отказ от поиска «правых» и «виноватых» и переход к многофакторному, системному изучению причин холодной войны. Необходимо учитывать целый комплекс взаимодействий интересов — военных, экономических, политических, субъективных, объективных, конъюнктурных и иных. Пытаться выделять какой-то один фактор, явившийся причиной холодной войны, по-моему, в научном плане, не слишком продуктивно.

Как видно из состоявшихся здесь выступлений, единства позиций и точек зрения по данной теме между участниками сегодняшней встречи нет. Кто-то, придерживаясь старой парадигмы, склонен уделять особое внимание вопросам «ответственности». Другие выступавшие уже концентрировали внимание на различных факторах, породивших холодную войну, что говорит о выходе данной конференции на передовые научные позиции.

В рамках нашей дискуссии уже выделялся ряд обстоятельств, ставших причиной холодной войны. Не буду повто-

ряться и сконцентрирую свое внимание на тех аспектах, о которых коллеги не говорили.

Вне поля их зрения остались базовые положения теории международных отношений, которые свидетельствуют о том, что против любой сильной державы складываются коалиции более слабых стран. Прибегнем к исторической аналогии. Вспомним Венский конгресс после наполеоновских войн — 1815 год. Нельзя сказать, что Россия тогда слишком много захватила или выдвигала претензии, неприемлемые для ее соседей. И, тем не менее, на Венском конгрессе чуть не сложилась антироссийская коалиция всех европейских держав, включая недавно побежденную Францию. Причина была только одна: Россия казалась очень сильной и способной угрожать остальным или их интересам. Лишь «100 дней» Наполеона I, который, надеясь на поддержку России, переслал Александру I проект направленного против нее соглашения, помешал его заключению. Это не сделало Александра союзником Наполеона, но побудило российскую дипломатию проявлять большую гибкость, что предотвратило возникновение направленной против России коалиции западно— и центральноевропейских держав.

О чем свидетельствует этот пример? С моей точки зрения: о влиянии военного мышления на политику. Специфика военного мышления состоит в том, что определяются вероятностные противники. Причем критерием является лишь одно: способность нанести наиболее серьезный ущерб в случае конфликта. Союзнические, дружественные, нейтральные отношения не принимаются во внимание. Считается, что вчерашний союзник с изменением ситуации всегда может стать противником. Действительно, в истории подобное случалось сплошь и рядом.

Опять-таки, прибегнем к историческим аналогиям. Любой передел мира, перераспределение сфер влияния всегда сопровождался конфликтами и коллизиями. И очень часто бывшие союзники превращались во врагов. Вспомним о завершении первой мировой войны. Италия и Япония поддерживали Антанту, но в годы второй мировой войны стали противниками своих бывших союзников — Англии, Франции и Соединенных Штатов. Сказалось недовольство, возникшее при перераспределении сфер влияния.

Даже при официально декларируемом отсутствии конкретных противников военные обязаны планировать оборону «по всем азимутам». Это особенность военного мышления, а ведь роль военных после каждой выигранной войны в любой стране очень велика.

Так, после второй мировой войны (фактически, даже до ее завершения) американские и английские военные начали рассматривать Советский Союз как основной источник возможной военной опасности в будущем. По первым послевоенным оценкам Комитета начальников штабов США (КНШ), даже наличие у Америки ядерного оружия не гарантировало победы в случае войны с СССР. Во-первых, он мог от него защититься, поскольку носители ядерного оружия — тяжелые стратегические бомбардировщики Б-29 — были уязвимы для советских средств противовоздушной обороны. Во-вторых, Советский Союз в Евразии и Африке обладал существенным перевесом в сухопутных силах и, по этим оценкам, мог захватить все страны Европы до Ла-Манша, а также всю Азию, Ближний и Средний Восток и Северную Африку. Все это воспринималось — и преподносилось правящим кругам Запада как абсолютно неприемлемая и очень опасная перспектива.

С появлением у СССР ядерного, в затем и термоядерного оружия (даже в первой половине 1950-х гг. он имел средства его доставки — бомбардировщики Тулолева, которые теоретически могли достичь территории США при полете в один конец), ситуация, с точки зрения американских военных стала еще более опасной. Все это подхлестнуло гонку вооружений.

С точки зрения военных Советского Союза, США — как страна, обладающая монополией на ядерное оружие, продемонстрировавшая волю и решимость применить его против гражданского населения Хиросимы и Нагасаки, тоже были угрозой способной нанести ему непоправимый или очень тяжелый урон. Вероятность нанесения сколько-нибудь существенного урона собственно территории Соединенных Штатов, до появления у СССР межконтинентальных баллистических ракет, была минимальной. Советские военные учитывали также весьма развитый военно-экономический потенциал потенциального противника, его абсолютное господство на море.

Большинство приморских городов СССР, в том числе и баз флота, были уязвимы для атак авианосной авиации США.

Все это давало военным и СССР, и США основания, с точки зрения многовекового опыта истории человечества, смотреть друг на друга как на опаснейшего потенциального противника.

Я не оправдываю эту логику ни в коей мере, но она присутствует и заложена в мышлении всех военных. В конце концов, это их обязанность воспринимать реальности под углом зрения «угроз», в том числе потенциальных и эвентуальных, поскольку они отвечают за безопасность своих стран. Долг политиков — учитывая мнение военных, давать более сбалансированную оценку ситуации и не позволять военному мышлению заводить страны слишком далеко по пути конфронтации и противостояния. Но этого на начальном периоде холодной войны не было сделано. Почему же так произошло?

В СССР И.В. Сталин не позволял никому влиять на свои решения. Существует много фактов, говорящих о том, что он был способен контролировать верхушку профессиональных военных. Среди них — это опала Г.К. Жукова, репрессии против военной верхушки конца 1940-х гг. и др. Неспособность противостоять военной логике проявлял Л.И. Брежнев, но это был уже совершенно иной период истории.

В американской историографии даются оценки Г.С. Трумэна как человека посредственного и довольно ограниченно-го, которого в бытность его вице-президентом Ф.Д. Рузвельт не допускал ни к «большой» дипломатии, ни к решению военных вопросов. В какой-то мере, возможно, подобные суждения и обоснованы, но из них не следует вывод о том, что Трумэн был склонен подчиняться давлению военных. Система принятия решений в США исключала возможность одномерного влияния одной политической силы (даже в годы маккартизма). Кроме того, по многим вопросам Г.С. Трумэн доказал свое упрямство и способность отстаивать собственную позицию (в частности, об этом свидетельствует отставка генерала Макартура, настаивавшего на применении ядерного оружия в войне в Корее).

Следовательно, давление военных, хотя оно явно сказывалось на политике обеих сторон, не было решающим факто-

ром перехода к холодной войны. Недовольство бывших союзников друг другом перерастает в стабильное противостояние, если для этого есть глубинные причины.

Связь между внешней и внутренней политикой, о которой сегодня не говорилось, это, конечно, аксиома и, казалось бы, ссылаться на нее банально. Но ее нельзя не учитывать в данном контексте.

Ранее замкнутая, идеологически одномерная советская система после войны в какой-то мере оказалась открытой. Очень многие советские воины побывали за рубежом, увидели, как живут народы других стран, и имели основания усомниться во многих тезисах официальной пропаганды. Кроме того, после войны люди желали перемен к лучшему, ожидали смягчения внутренней политики. Отражением этих настроений, на достаточно высоком уровне, стала выдвинутая руководителями Госплана идея о новом НЭПе для восстановления экономики. Представлениям же Сталина и его ближайшего окружения отвечала иная, мобилизационная модель развития. Опасаясь за перспективы выживания созданной им системы власти и управления, они стремились «завинтить гайки» и ввести в стране строжайшую дисциплину.

Этот метод сработал и действительно, помог быстро восстановить экономику. Но чтобы он оказался эффективным, необходимо было создать образ внешнего врага, а им стали страны Запада и, особенно, США.

Холодная война была не просто противостоянием СССР и США, а противоборством двух систем. Действительно, Советский Союз, впервые в своей истории стал лидером системы союзов, которая переживала весьма трудный период становления как раз в первые послевоенные годы. Советское руководство для ее консолидации, упрочения позиций коммунистических и рабочих партий, пришедших к власти, также использовало образ внешнего врага.

Заинтересованность в образе внешнего врага возникла не только у Советского Союза, но и у Соединенных Штатов.

Напомню, что в свое время Рузвельт предполагал, что основные трения после войны начнутся у СССР с Великобританией, а США будут выступать в роли арбитра, возможно — помогать Англии и, в целом, находиться в положении «третьего

радующегося». Такое видение перспективы допускало сохранение нормальных отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Этим, кстати, и объясняется уступчивость Ф.Д. Рузвельта на Ялтинской встрече лидеров трех держав. Но после завершения войны оказалось, что Англия слишком ослаблена, чтобы играть роль основной силы, противостоящей СССР на международной арене. Соответственно, США пришлось взять эту роль на себя. При этом с точки зрения внутриэкономического положения страны переход к холодной войне оказался спасительным для американской экономики.

Уже в 1945–1946 гг. из-за падения уровня военных заказов наметились симптомы ухудшения экономического положения Америки. Несмотря на ее огромный потенциал, золотой запас и т.д. началось свертывание производства. Однако кризиса удалось избежать. Одним из методов его преодоления стало принятие «плана Маршалла», что позволило направить в рамках помощи странам Европы избытки произведенной в США продукции. Другим методом подъема экономики стала холодная война. Уже в 1948 году тенденция к спаду успешно преодолевалась. Пошли заказы на стратегические бомбардировщики, быстрыми темпами развивалась ядерная промышленность. Иначе говоря, экономическая заинтересованность США в холодной войне была очевидной.

Существовали и интересы, связанные с системой союзов. Американцы, хотя они и прагматики, умеют мыслить стратегическими, долгосрочными категориями. Ведь было совершенно очевидно, что после окончания войны исключительное положение Америки (более 50% мирового промышленного производства) — не будет сохраняться вечно. США пользовались ослаблением позиций Великобритании, Франции, Германии, Японии и т.д. Но американцы не могли не понимать, что очень скоро союзники и бывшие противники, вошедшие в систему союзов США, восстановят разрушенную войной экономику и тогда может начаться новый раунд борьбы за передел мира между Западной Европой и Северной Америкой. Для того чтобы это предотвратить, держать свою систему союзов под контролем или, во всяком случае, не дать борьбе за рынки принять неконтролируемые формы, нужен был внешний

противник. Им стал Советский Союз. Его руководство, особенно при И.В. Сталине, отчасти и при его преемниках, в частности Н.С. Хрущеве, словно по заказу Вашингтона, превращали свою страну в своего рода «пугало», с помощью которого США добивались своих целей.

Именно советская политика привела к тому, что после возрождения промышленного потенциала стран Западной Европы и Японией начавшиеся между ними и США экономическая война протекала в цивилизованных формах — введения согласованных квот экспорта и импорта, введения единых правил торговли и т.д. Желание сохранить «ядерный зонтик» США для защиты от советской агрессии (эвентуальной, или реальной, неважно) преобладало в союзных США странах над иными интересами.

В свое время, кто-то из американских пацифистов констатировал, что советские и американские военные — лучшие союзники друг друга, поскольку, запугивая свои правительства внешними угрозами, они выбивают средства на реализацию новых военных программ, которые требуют соответствующих ответов потенциального противника.

Согласно этой логике, раскручивалась спираль гонки вооружений, конца которой видно не было. С моей точки зрения, ситуация сложилась несколько иная. Холодную войну, с обеих сторон, контролировали все же политики, которым, и в СССР и США, она была выгодна по целому ряду соображений. Это и объясняет то положение, о котором говорилось участниками дискуссии ранее: ни одна из сторон не старалась инициировать холодную войну, или ее активизировать, стремилась не брать на себя ответственность за ее обострение, но не делала ничего, чтобы ее избежать. Более того, можно вспомнить, что на начальном, как и последующих этапах холодной войны, обе стороны стремились демонстрировать свое миролюбие, выступая с разного рода мирными инициативами. Другой вопрос, что они формулировались так, чтобы быть заведомо неприемлемыми для оппонента и дать ему повод их отвергнуть.

Одновременно, руководители, как СССР, так и США, с самого начала, не стремились превращать холодную войну в «горячую». Имеющиеся документы доказывают, что первоначально такая возможность не исключалась, но каждая из сто-

рон надеялась на изменение соотношения сил в ее пользу и не желала преждевременно подвергать себя излишнему риску. Затем, когда положение неустойчивого равновесия затянулось на длительное время, и военные, и политики обеих сторон фактически, приняли определенный «кодекс соперничества». Он предполагал, что и Советский Союз, и Соединенные Штаты воздерживаются от таких мер военного порядка и действий на международной арене, которые могут вынудить оппонента к переходу от холодной к «горячей» войне с непредсказуемыми последствиями. Принято считать, что переломными в этом плане стали дни Карибского кризиса, после которого начался путь к разрядке. Возможно, в координатах Отечественной истории, лично для Н.С. Хрущева и его окружения это было и так, но нельзя не помнить о том, что обе стороны проявляли определенную способность к проявлению сдержанности и ранее. В частности, в период столкновения интересов вокруг Ирана (1946 г.), Берлинского кризиса 1948 г., в ситуации, связанной с гражданской войной в Китае (1947-1949 гг.). Обо всех этих конфликтах, методах их решения и поведении сторон наша наука пока еще говорит не очень много. Представляется, что изучение коллизий начального периода холодной войны весьма перспективно для понимания ее дальнейшего развития и завершения

II Как закончилась Холодная война

Когда закончилась холодная война?

А.С. Черняев,

историк, руководитель проекта Горбачев-Фонда

Думая о мотивах, причинах движущих сил, пружинах холодной войны, я насчитал примерно двенадцать пунктов. Не буду их перечислять, но здесь все — от исторической неизбежности, от иррациональных мотивов и попросту, человечес-

кой глупости, до аморализма в политике. От акцента на той или другой группе мотивов, зависит ответ на вопрос: кто виноват или кто виноват больше?

Отсюда вытекает и еще более важное обстоятельство. Когда дошли до края, встал вопрос: с чего начинать демонтаж этих факторов, этих мотивов, этих причин и т.д. Горбачев — главный в деле ликвидации холодной войны, — начал с морали. Я считаю, что это был самый правильный, оптимальный выбор, если понимать мораль в широком диапазоне — от предотвращения ядерной войны, устранения идеологической конфронтации, совершенно злобной, которая сеяла ненависть между людьми, — до учета реальных жизненных интересов своих народов и международного сообщества в целом.

Существуют разные оценки, разные мнения относительно сроков протяженности холодной войны. У меня есть совершенно определенное суждение, которое я отстаиваю во всех удобных и неудобных случаях и ситуациях.

Одни считают, что холодная война окончилась падением Берлинской стены. Другие считают, что она окончилась Актом объединения Германии. Третьи считают, что она окончилась в результате сотрудничества Соединенных Штатов и СССР по ликвидации агрессии Саддама Хусейна. Есть мнения, что холодная война исчезла автоматически вместе с исчезновением Советского Союза и поражением коммунизма со стороны Запада. Есть и другие точки зрения. Выбор той или другой зависит, конечно, от идеологической ангажированности и каких-то других причин, а, может быть, и неосведомленности по реальному ходу событий. Но наука требует четкости в понятиях, и историческая наука оперирует датами.

Холодная война — это определенный исторический период. Предпосылки любого исторического периода складываются до того, как он начался, и последствия продолжаются после того, как этот период кончился. Но недаром же этот период называют *войной*. А войны объявляются и завершаются как-им-то совершенно определенным способом.

Я считаю, что холодная война была объявлена, если не начата, в Фултоне в феврале 1946 года и прекращена была на Мальте в начале декабря 1989 года — когда лидеры двух сверхдержав — главные фигуранты холодной войны — в тес-

ной комнатке, кабине теплохода «Максим Горький» встают со своих мест и протягивают друг другу руки (это зафиксировано в основном, итальянскими газетами). И говорят, что отныне они не считают свои страны противниками. Мы, которые при этом присутствовали (нас было немного), поняли, что начинается новая полоса в мировом развитии вообще, а не просто в дипломатических отношениях. Я считаю, что последующие события подтвердили наше первое впечатление.

Я подробно описываю то, что произошло на Мальте в своих статьях. Меня немножко удивляет, что историки и публицисты уделяют недостойное, малое внимание событию, которое произошло на Мальте. А между тем в архиве есть записи бесед, переговоров, которые там состоялись. В новой книге Михаила Сергеевича Горбачева «Понять перестройку. Почему это важно сейчас» этому событию — Мальте — уделено очень большое внимание и дана адекватная оценка.

Да, ингредиенты холодной войны остались. Они остались даже после того, как исчез Советский Союз. Однако период, вместивший в себя в концентрированном виде конфронтационные характеристики, закончился, и эти характеристики перестали действовать так, как они действовали раньше. Была поставлена точка невозврата к тому, что происходило на протяжении 40 лет, и это решающий пункт.

Итоги холодной войны: вопросы и версии

А.С. Грачев,

*историк, журналист, сопредседатель
Форума мировой политики*

В этой аудитории в присутствии многих из тех, начиная с Михаила Сергеевича Горбачева, благодаря чьей энергии и политической отваге мирно, можно сказать, беспрецедентно для мировой истории, закончился один из опаснейших стратегических конфликтов прошлого века, грозивший человечеству третьей и, вероятно, последней для него мировой войной, с

моей стороны, было бы просто нелепо напоминать историческую хронику событий. Поэтому моя задача — завязать, если хотите, спровоцировать дискуссию по тем вопросам, которые либо оставила не до конца выясненными та уникальная эпоха, либо которые уже в виде разнообразных версий, а часто и мифов добавились к описанию событий, радикальным образом изменивших мир более 15 лет назад.

Для этого хотел бы поставить несколько ключевых и, может быть, неожиданных вопросов. Без них, на мой взгляд, невозможно ответить на вопрос: «Как закончилась холодная война?». Хотя, в принципе, его стоило бы переформулировать. Как закончилась холодная война, мы все знаем. Мы продолжаем спор: «Почему она закончилась?». Предложу еще несколько вопросов от себя: «Когда именно закончилась холодная война и чем?». Наконец, может быть, совсем неожиданный: «Закончилась ли она?». Кое-кому эти вопросы покажутся надуманными или наивными, поскольку, на первый взгляд, ответы на них очевидны. Тем не менее, все не так просто.

Дело в том, что за прошедшие годы события, которые мы все пережили, хотя и покинули сферу текущей политики, вместо того, чтобы стать частью канонической и уважаемой истории, переместились в сферу пропаганды и одновременно мифологии, породив уже устоявшиеся и заботливо культивируемые политические мифы. При этом их описание и особенно толкование, настолько разнятся, что впору задаться вопросом, идет ли речь об одном и том же.

Понятно, что в толковании итогов и причин окончания холодной войны ее бывшие основные участники, как с Западной стороны, так и с Востока, могут давать разные и существенно различающиеся версии. Однако и внутри этих двух, в прошлом противостоявших друг другу лагерей есть немаловажные расхождения. Постараюсь вкратце, и стало быть, схематично, напомнить основные, так сказать, школы и версии, претендующие на объяснение того, что произошло.

По одной из них, наиболее распространенной на Западе, в особенности в США, конец холодной войны стал результатом солидарной и твердой западной политики сдерживания Советского Союза и в целом коммунизма, которая за вычетом нескольких эпизодов разрядки, отразивших наивные и не оп-

равдавшие себя надежды западных лидеров на возможность «обучить» советских лидеров правилам цивилизованного общения, носила форму постоянного и усиливавшегося экономического, политического и военного давления на СССР, прежде всего, с помощью навязанной ему разорительной гонки вооружений. Своим окончательным триумфом в этом историческом противостоянии Запад, по этой версии, обязан в особенности взятому президентом Рейганом жесткому курсу на сокрушение «империи зла». Курсу, который заключался в решительном отказе от умиротворения коммунистических лидеров и от иллюзорной разрядки, принявшей форму «улицы с односторонним движением», и возобновлении состязания с СССР в гонке вооружений, — она уже одной только угрозой переноса этого соревнования в космос должна была поставить Советский Союз на колени и заставить его лидеров капитулировать на западных условиях.

По другой, тоже западной версии, успех Западу принесла не непримиримая позиция фронтального давления на СССР, лишь помогавшая советскому тоталитарному режиму поддерживать в стране и советской зоне влияния атмосферу осажденной крепости, а как раз наоборот: навязанная ему разрядка, которая в ее разных формах — от Восточной политики Вилли Брандта до Хельсинкского Заключительного акта — стала западней для советских руководителей, заставив их состязаться с Западом не в сфере производства средств взаимного истребления, где советская система могла быть вполне конкурентноспособной, а на органически чуждом для нее поле политической демократии, обеспечения личных прав и свобод человека и, главное, достойных условий для его повседневной жизни. Именно такая политика, согласно аргументам сторонников этой версии, привела в, конечном счете, к эрозии и внутреннему разложению монолита системы, зарождению и развитию внутри советского общества вирусов прозападных идейных и реформистских течений и завершилась превращением внутренне разложившегося соперника Запада в подобие пустого ореха, чья скорлупа должна была неизбежно треснуть.

Несмотря на принципиальные различия между этими версиями, они сходятся в том, что однозначно присуждают все лавры за фиаско коммунистического проекта в СССР ис-

ключительно Западу, хотя ради справедливости ради, стоило бы напомнить о том, что и в подстегивании гонки вооружений, и, как ни парадоксально, в попытках обратить к своей политической пользе потенциал международной разрядки советские руководители не отставали от западных конкурентов. Точнее было бы поэтому сказать, что в течение десятилетий холодной войны обе стороны, используя как те, так и другие приемы и вдохновляясь разными идеологиями, не выходили за рамки одной логики и сообщая установленным правилам игры, преследуя одну цель: одолеть противника. Здесь, наверное, самое время вспомнить образ, приведенный одним из героев этой эпохи Генри Киссинджером, который сравнивал поведение лидеров двух сверхдержав с дракой двух то ли слепых, то ли завязавших себе глаза гигантов, размахивавших в воздухе дубинами. О чем не сказал Киссинджер, так это о том, что занимались два громады, вооруженные ядерными дубинами, опасным занятием, находясь оба в стеклянном доме.

Западным версиям причин окончания холодной войны противостоит трактовка инициаторов Перестройки. Думаю, что особый вес их мнениям придает тот бесспорный факт, что ветер исторических перемен, в конечном счете, обрушивший железный занавес, о котором возвестил миру Черчилль в Фултоне, подул с Востока, а не с Запада. Согласно этой позиции, холодная война, сопровождавшаяся по мере ее эскалации практически вышедшей из-под контроля политиков в обоих лагерях гонкой чудовищных вооружений, из исторического спора двух соперников за владение миром превратилась сама в едва ли не главную опасность для него, глобальную угрозу для всего человечества. Из-за чего ее прекращение должно было стать приоритетной целью истинно ответственной политики.

Так родилось Новое политическое мышление, за которым последовала практическая политика, включившая и уникальные политические инициативы, и предложение неожиданных компромиссов, и односторонние шаги, и даже немислимые в рамках прежней политической логики уступки партнерам. В то же время, поступая так в соответствии с принципами и духом новой политической философии, и как они считали, просто здравого смысла, авторы новой советской внешней политики не считали, что действуют под внешним давлением или заим-

ствуют западные ценности. Достаточно на этот счет вспомнить красноречиво воспроизведенную не только в мемуарах М.С. Горбачева, но Буша и Бейкера дискуссию на эту тему между участниками встречи на Мальте. По утверждению М.С. Горбачева, поворот в сторону политической демократии и защиты прав человека не был, по крайней мере, тогда для него и его соратников, не только отступлением от социализма и его ценностей, но даже напротив, возвращением к провозглашенным им целям и идеалам, будучи отказом лишь от его имперского или даже империалистического воплощения.

Принципиальный поворот в советской внешней политике в сторону отказа от логики конфронтации и холодной войны определяется его инициаторами как естественный компонент общего замысла перестройки — проекта демократизации советского общества и его освобождения от идеологических догм и репрессивного бюрократического режима, что во внешней политике должно было закономерно означать отказ и от так называемой доктрины Брежнева, и в целом от унаследованного от Октября 1917 года мессианского проекта строительства альтернативной мировой цивилизации. Если философия и практика Нового политического мышления, объявлявшие себя чисто отечественным продуктом, выросшим на почве внутренних проблем, и признавали, что чем-то обязаны Западу, то лишь заимствованием у его наиболее просвещенной и демократически и социал-демократически настроенной части (Эйнштейн-Рассел, Пальме, Римский клуб и т.д) призывов отказаться от абсурда ядерного противостояния и озаботиться универсальными глобальными проблемами, вставшими перед всем человечеством.

Понятно, что оглядываясь на прошлое и оценивая достигнутые результаты: прекращение противостояния двух сверхвооруженных держав и военных блоков, ликвидацию угрозы мирового ядерного конфликта, принципиальные сдвиги в области ядерного разоружения, ликвидацию Берлинской стены и воссоединение Германии, уход советских войск из Афганистана и многое другое, инициаторы этих исторических достижений имеют все основания испытывать удовлетворение и оправданную гордость.

Но, как мы теперь знаем, плюрализм мнений существует и на Востоке. Находясь в Москве, нельзя не сказать еще об одной получившей здесь широкое хождение и даже усердно культивируемой кое-кем версии причин окончания холодной войны, объясняющей то, что произошло, умышленной или наивной пораженческой политикой команды Горбачева, ее капитулянтством перед Западом, если не сознательным предательством национальных интересов Советского Союза. Ее авторы, включая и тех, кто, как я убежден, не верят в нее сами, активно используют ее либо, чтобы задним числом свести с Горбачевым политические или личные счета, либо, чтобы набрать очки в новых политических играх, спекулируя на распространенной в обществе ностальгии по великой державе. Примечательно, пожалуй, лишь, что они сами не осознают или умышленно закрывают глаза на то, что их версия событий по существу совпадает с самой бравурной западной концепцией, представляющей окончание холодной войны, как закономерный триумф Запада над сдавшимся на милость победителя Востоком. С той лишь разницей, что, если США и их союзники по НАТО говорят о победе над советской империей и коммунистическим режимом, то в Москве сокрушаются по историческому поражению России. «Целились в коммунизм, а попали в Россию».

Между тем те, кто идентифицирует участь России с судьбой тоталитарного, изжившего себя режима, кто считает национальной трагедией русских появление более дюжины национальных государств, кто объявляет распад не сумевшей реформироваться империи самой большой катастрофой минувшего века, забывая, между прочим, о трагедиях двух мировых войн и Холокоста, обрекают, в первую очередь, на политическое поражение самих себя. Предпочитая вздыхать по прошлому вместо того, чтобы гордиться тем, что российское/советское общество, в отличие, скажем, от германского или японского, нашло внутри себя демократические силы, позволившие ему самостоятельно, а не в результате внешнего вмешательства, избавиться от тоталитарного режима, они несут куда большую, чем высокомерный Запад, ответственность за культивирование в общественном сознании опасного комплекса обиженной, побежденной нации.

Этот весьма широкий разброс между Западом и Востоком, точнее говоря, Россией, в оценках итогов холодной войны и причин ее окончания с уровня аналитиков и историков вполне закономерно перемещается в практическую политику и создает основу для двусмысленности, предубеждений и потенциальной новой напряженности в отношениях между странами, руководители которых, еще недавно, зарывая топор холодной войны, обещали миру и собственным народам эпоху сердечной Антанты. Справедливости ради надо напомнить, что речь идет, как с той, так и с другой стороны, о политиках нового поколения, тех кто, в отличие от их предшественников, к счастью, для них не вырос в страхе перед ядерным Апокалипсисом, но и не прошел, как они, трудного пути от конфронтации к сотрудничеству и доверию. Видимо, и здесь сказалась специфика той «странной войны», которой была холодная. После ее окончания не было ни своей Ялты, ни своего Потсдама и, тем более, и не могло быть своих Нюрнбергского и Токийского судов, официально утвердивших победителей и наказавших проигравших. Каждый получил право на свою трактовку того, что произошло. Самопровозгласившие себя единственным победителем США и часть их союзников повели себя по отношению к остальному миру как к подмандатной территории. Причисленная к проигравшим Россия начала искать утешение в надежде на исторический реванш.

Может быть, поэтому в нынешние международные отношения при любом их осложнении так легко возвращается вера в возможность чисто силовых решений сложнейших политических проблем, заново разгорается гонка вооружений, растут военные бюджеты и поднимает голову военно-промышленный комплекс. Для решения не только внешних, но и чисто внутренних проблем и облегчения «управляемости» собственным обществом и общественным мнением политики, как на Востоке, так и на Западе не боятся апеллировать к национализму, разумеется, называемому патриотизмом, соревнуются в поисках новых врагов и терпимо относятся к возрождению духа конфронтации. В этом, увы, нет ничего нового, и уж, конечно же, и намек на новое политическое мышление. Просто эти политики открывают для себя старую, как мир истину, изложенную еще в советах Макиавелли, или в Кратком курсе, насчет того,

что поддерживаемая в обществе атмосфера конфронтации, присутствие образа даже не обязательно точно определяемого врага, чем, собственно говоря, и была холодная война, является более эффективным инструментом внутренней политики, чем внешней, способом укрепления власти и правящего режима, и конечно, популярности его лидера. А когда мы обнаруживаем большевистские клише типа «Кто не с нами, тот против нас» в речах очередного американского президента, то понимаем, что замена идеологических догм на теологические не мешает продолжать мыслить в категориях черно-белого или одномерного мира. Результатом такого скольжения по наклонной плоскости становится в наши дни, если не новая холодная война, то во всяком случае весьма прохладный мир.

Получилось, что совместно поаплодировав падению Стены и поднявшемуся железному занавесу, Запад и Восток беспечно решили, что он больше никогда не опустится. Однако для того, чтобы окончательно похоронить холодную войну, необходимо вынести из нее уроки. Для начала было бы неплохо прийти к согласию, хотя бы о том, когда она действительно кончилась. Даже на этот счет между ее бывшими участниками нет единодушия. Для одних символом ее прекращения стало сделанное летом 1988 года Рональдом Рейганом на Красной площади заявление о том, что он больше не видит в СССР «империю зла». Другие считают историческим рубежом ноябрь-декабрь 1989 года — падение Берлинской стены и советско-американский саммит на Мальте, во время которого Горбачев и Буш торжественно объявили друг другу, что больше не считают себя и свои страны противниками. Для бывшего Государственного секретаря США Бейкера, который больше ценил дела, чем слова, подлинным концом холодной войны стало совместное голосование США и СССР в Совете Безопасности осенью 1990 года за применение санкций, включая вооруженную силу, по отношению к Саддаму Хуссейну после его вторжения в Кувейт. Действительно, в этом случае впервые за всю историю существования ООН Совет Безопасности, перестав быть заложником советско-американской конфронтации, выступил, как и предписывал ему Устав, в роли инструмента всего мирового сообщества против открытого и грубого нарушения международного права. В эти дни на самом деле казалось, что

страница холодной войны перевернута окончательно, и что родившееся партнерство между США и СССР возвещает миру гармоничный Новый международный порядок. По крайней мере, так можно было истолковать слова Президента Буша (отца), обращенные им к американскому Конгрессу по трагической иронии судьбы 11 сентября 1990 года, когда он обещал нации и миру «Новый мировой порядок, основанный на торжестве закона, а не на законе джунглей» ("New World order based on the rule of law and not on the law of the jungle" Time, 28, January, 1991).

Но есть и те, кто рассматривает окончание холодной войны в более широком и не политическом, а чисто идеологическом контексте. Для них она кончилась только 25 декабря 1991 года с отставкой М.С. Горбачева и исчезновением Советского Союза. И вместе с ним того альтернативного западному политического проекта, которое олицетворяло собой это идеологическое государство. Но если встать на эту позицию, то и начало холодной войны надо вести не от 46 года и не от речи Черчилля в Фултоне или Сталина в Большом театре, а от 1917 года, а ее подлинное окончание становится возможным только в перспективе реализации объявленного Фукуямой окончательного торжества западного либерализма и обещанного Конца Истории. (Я знаю, что в этом зале помимо М.С. Горбачева есть и другие участники конференции и не только с российской стороны, кто не согласен с этой версией и считает, что реформированный Советский Союз как демократическое конфедеративное государство, напоминающее нынешний Европейский Союз, мог стать необходимой опорой нового мирового порядка, избавив мир после холодной войны от многих нынешних поряжений. Я имею в виду профессора А.Брауна и не только его).

Вся это политико-философская разногласица на тему о конце холодной войне, которую я решил вам напомнить, с неизбежностью возвращает нас к изначальному и, на мой взгляд, так до конца и не отвеченному вопросу: чем все таки была холодная война. Новым изданием банальной вековой борьбы великих держав за раздел сфер влияния? Столкновением двух идеологических и цивилизационных проектов или двух империализмов? Борьбой демократического Добра против Тотали-

тарного Зла? Ядерным покером, в котором его участники, блефуя, старались произвести впечатление на соперника, и одновременно, демонизируя друг друга, запугивали себя сами. А, может быть, по-своему необходимым этапом истории, школой обучения политических элит правилам поведения и сожительства в невиданном ядерном и глобальном мире? Может быть, всем понемножку. Но, не разобравшись до конца в этом вопросе, нельзя со спокойной совестью отмечать очередной юбилей окончания холодной войны.

Как говорится в Уставе ЮНЕСКО, войны начинаются в умах людей. Стало быть, там же они и должны заканчиваться. Для меня (и, наверное, не только) концом холодной войны стала речь М.С. Горбачева в декабре 1988г перед Генеральной Ассамблеей ООН. Задуманная как анти — фултонская, она и выполнила эту роль, предложив мировой политике отказ от опоры на силу и на ее угрозу, реальное разоружение, переключение освобождающихся ресурсов на развитие отсталых регионов и континентов и поиск совместных ответов на беспрецедентные вызовы еще не наступившего нового века. К сожалению, тогда эта речь была услышана и расслышана немногими. Человек с абсолютным политическим слухом, Г.-Д. Геншер сказал о речи Горбачева: «Его речь была в духе Ганса Ионаса, великого немецкого и американского философа, который был вынужден уехать из Германии в 1930г. из-за того, что был евреем. Его книга «Принцип ответственности» учит нас тому, что личная ответственность каждого из нас выходит за рамки ежедневной рутины, поскольку мы ответственны за будущее. Обращение Горбачева в те дни не встретило того отзвука в мире, которого заслуживало, и большая часть «правлящих кругов Запада» не поняло его значения.¹» Хочу добавить к словам Геншера, что не только на Западе, но и на Востоке, в том числе на родине М.С. его послание еще не дошло до всех, кому было адресовано, а шанс,

¹ His speech (UN Dec 8, 1988) was in the spirit of Hans Jonas, a great German and American philosopher, who was compelled to leave Germany in the 1930s because he was a Jew. His book "responsibility Principle" taught us to realize that our responsibility extends beyond everyday routine, that we are responsible for the future. Gorbachev's address did not find a broad response in the world at that time, most of the "ruling circles" in the West also missed its meaning

подаренный российской и мировой политике Горбачевым, остался неиспользованным в полной мере.

Но, если в декабре 1988 года, ответив Чечиллю, Горбачев перевернул страницу холодной войны, то он сделал это от имени конкретного поколения политиков на Востоке и на Западе без каких-то гарантий насчет того, что в умах следующих поколений не родятся новые войны и что закон джунглей не вытеснит вновь международное право из политической практики. Поэтому, и на этом я заканчиваю, я считаю, что борьба за окончание холодной войны — это постоянная необходимость. Иначе мы все рискуем обнаружить, что эта война не осталась у нас в прошлом, а может поджидать нас в будущем. Даже, если она будет носить другое название.

Конец холодной войны: причины и последствия

С.М. Рогов,

д.и.н., директор Института США и Канады РАН

В советско-американских отношениях, в отношениях между нашей страной и Западом в целом в период холодной войны чрезвычайно большую, уникальную роль играл идеологический фактор. Это касается не только Советского Союза. Давайте не будем забывать о том, что Америка — тоже очень идеологизированная страна. Американское мессианство, сияющий град на холме — это была основа американской политики и в период холодной войны, и сегодня. И сегодня она привела Соединенные Штаты в Ирак.

Вторая, на мой взгляд, особо отличительная черта холодной войны — это невиданная для мирного времени гонка вооружений, когда на протяжении нескольких десятилетий и мы, и они фактически держали в отобилизованном состоянии свои вооруженные силы, свою экономику. Такого никогда не было в мировой истории.

Собственно говоря, советско-американские переговоры до Горбачева по существу были связаны с контролем над во-

оружием, с правилами соперничества, как не перейти грань ядерной войны. Горбачев первый поставил вопрос о том, что холодную войну надо заканчивать. Контроль над вооружениями никогда на решение этой задачи не был нацелен. Решающей сферой в этой конфронтации была социально-экономическая. Именно здесь был решен исход соперничества двух систем.

Я хотел бы сказать несколько слов о том, о чем, на мой взгляд, мы часто забываем: как Запад отреагировал на советский вызов? Запад радикально изменился за период холодной войны после 1917 года и в силу внутренних причин, и в силу того вызова, который ему бросила большевистская революция.

Хочу подтвердить это несколькими цифрами. Уже в период между двумя мировыми войнами фактически во всех ведущих западных государствах было введено всеобщее избирательное право. Во Франции, Италии, правда, женщинам право голоса дали только в 1945 и 1948 году. Мы уж забываем сейчас, что западная демократия на самом деле — это очень «свежая» вещь. Но именно после 1945 года, именно в разгар холодной войны на Западе было создано зрелое социальное государство. Тогда стало общепризнанно, что основная задача государства — выполнение современных функций в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, т.е. создание общественных благ, а не традиционные чисто военные, полицейские функции.

Если в 1950 году западные государства тратили на социальные цели в среднем примерно 10 процентов ВВП и примерно столько же на военные цели, (и соотношение было 10:10), то в 1990 году на военные цели тратилось 5 процентов ВВП, на социальные — 25 процентов. То есть соотношение 5:1 в пользу современных функций.

Теперь посмотрим на Советский Союз. В 1950 году это соотношение составляло 25 процентов ВВП — на социальные цели и 15 — на военные. Когда говорят о «второй волне» тоски по Сталину, может быть, это одна из причин, почему в сознании, в исторической памяти остались не только репрессии и преступления, но развитие Советского Союза высокими темпами в 50-е и особенно в 60-е годы. А в 1985 году военные расходы СССР — 18 процентов, социальные — 22 процента

ВВП. То есть соотношение почти 1:1. Когда Горбачев стал Генеральным секретарем КПСС, это соотношение было хуже, чем в начале холодной войны.

На Западе в период холодной войны сформировалась, как я уже сказал, модель социального государства в трех ее основных разновидностях. Это — скандинавская, модель, где социальные расходы достигают 30 процентов ВВП. Это — западноевропейская, как в Германии, где 25 процентов ВВП — социальные расходы. И американская, где, казалось бы, социальные расходы всего лишь 15-20 процентов ВВП, но американская экономическая система, государственная налоговая политика уникальны, поскольку значительная часть общественных благ создается частным сектором благодаря налоговым и кредитным льготам. И если суммировать социальные блага, которые создает государство, 15 процентов и частный сектор — 8 (в Германии, например, частный сектор создает только два процента социальных благ), то получается примерно то же самое, что в Западной Европе.

Стратегическая концепция ведения холодной войны, которую взяли на вооружение Соединенные Штаты, стратегия сдерживания (не путать с ядерным устрашением) была направлена именно на экономическое истощение Советского Союза. И это была длинная война, о которой сегодня говорят в Вашингтоне в отношении терроризма, но впервые, Гейдис писал о советско-американской конфронтации, как о long war — длинная война. И, в конечном счете, в пользу США и в пользу Запада сыграло то обстоятельство, что вместе с США были все развитые страны — и Европа, и Япония, а Советский Союз остался в одиночестве.

На XXIII съезде КПСС Брежнев объявил, что советская система в состоянии одновременно и надежно обеспечивать безопасность СССР и продвигать благосостояние советского народа. Говоря другими словами, советская система позволяет дать и пушки, и масло. И нефтедоллары такую возможность, казалось бы, давали. Вообще тот колоссальный скачок, который мы совершили в гонке вооружений в конце 60-х-70-х годов, догоняя Штаты, собственно говоря, и привел к подписанию соглашений о контроле, но результатом стала стагнация, и в конечном счете исторически перестройка не смогла, не ус-

пела, (просто, на мой взгляд, не хватило времени) чтобы эту трагическую ошибку исправить.

Если говорить о последствиях холодной войны, я считаю, что она закончилась Беловежской пущей, когда на блюдечке с голубой каемочкой администрации США преподнесли то, о чем ни Буш, ни ЦРУ просто мечтать не могли. Советский Союз исчез, и вопрос о победителе в холодной войне и о побежденных в ней решился автоматически. Подарок Соединенным Штатам был сделан, и мы увидели, что уже 15 лет Соединенные Штаты пытаются консолидировать однополярный мир. Им удалось добиться уникальной вещи.

Обычно после такого геополитического конфликта коалиции победителей разваливаются, начинают соперничать. Еще в 1992 году в документах администрации Буша-старшего как раз и говорилось впервые, что США не допустят появления равного по силам противника, включая Японию и Германию (был такой документ Вулфовица). Эту задачу Соединенным Штатам удалось решить.

Можно говорить еще и о колоссальных ресурсах американской экономики, о том, что Соединенные Штаты (этого никогда в мировой истории не было) сегодня тратят 50 процентов всех мировых военных расходов, а сфере военных НИОКР — около 70 процентов. То есть Америка ведет гонку вооружений сама с собой, поскольку равного по силам соперника нет. Благодаря особому положению доллара в мировой финансовой системе — сейчас об этом говорит и Международный валютный фонд, да и Европейский союз — Америка на протяжении всех этих 15 лет потребляет «лишних» полтора процента мирового ВВП, расплачиваясь за это зелеными бумажками. То есть сегодня существует положительный платежный баланс и у Европейского союза, и у Китая, Японии, даже у России. Единственная страна мира, у которой отрицательный платежный баланс, — это Соединенные Штаты.

Что же происходило у нас? На мой взгляд, в 90-е годы в России произошел демонтаж социального государства. Этот процесс особенно ускорился после дефолта 1998 года. В 1998 году мы еще тратили почти 18 процентов ВВП через государственный бюджет на социальные расходы. В 2000 году — 10 процентов ВВП, сегодня — 11 процентов. Если мы посмотрим бюджет 2006

года, то возникает фантастическая картина. В федеральном бюджете расходы на силовые ведомства — 8 процентов ВВП, социальные (несмотря на национальные проекты) — 4 процента ВВП. То есть традиционные функции — 8, современные — 4, как «при царе Горохе». Если возьмем консолидированный бюджет, то социальные расходы — 10 процентов, силовые — 9. Тут 1:1. Но на Западе, в Европе, социальные расходы опережают традиционные в соотношении 7:1, 8:1, даже в Америке — 4:1. То есть мы сегодня консолидируем государство времен Петра Первого.

В заключение — о США. Сегодня они, на мой взгляд, оказались в очень сложных условиях. 20 лет назад Пол Кеннеди предсказывал, что произойдет перенапряжение сил Соединенных Штатов. Этого не произошло, распался Советский Союз. Но сегодня Америка сталкивается с экономической ситуацией, которая не может продолжаться вечно. Дефицит государственного бюджета — четыре процента ВВП. Дефицит платежного баланса — 800 миллиардов долларов в прошлом году. Это семь с лишним процентов ВВП. То есть мир сегодня как бы финансирует политику Буша. И как долго это будет продолжаться — трудно делать предсказания. Буш-младший, как и Рейган, сокращал налоги, увеличил военные расходы, но увеличил и социальные расходы. При Буше-младшем расходы на образование, лекарства были более высокими, чем при Клинтоне. Американская экономика тоже не в состоянии выдерживать «и пушки, и масло», поэтому возникло колоссальное перенапряжение сил Америки.

Конечно, многое будет зависеть от исхода войны в Ираке, где возникла перспектива сокрушительного поражения США. Смогут ли Соединенные Штаты сделать для себя соответствующий вывод и сможет ли сделать его весь мир? После окончания Холодной войны не произошло создания нового миропорядка, основанного на международном праве, на общечеловеческих ценностях, о котором мы говорили в конце 80-х годов. США оказались не в состоянии исполнять роль единоличного полицейского. Что будет дальше? Хаос?

Оглядываясь на историю холодной войны, надо думать о полученных нами уроках и все-таки попытаться думать о таком устройстве системы международных отношений, которое не основывалось бы ни на идеологических императивах, ни на примате силы.

Динамика советско-американских отношений и изменения в Европе в период окончания холодной войны

Мари-Пьер Рэ,
историк, профессор, Франция

Окончание холодной войны было постепенным. Оно шло по хронологическим фазам. Значимость этих фаз определяется целым рядом причин. Я остановлюсь на двух главных моментах: с одной стороны, на кардинальном улучшении советско-американских отношений, и, с другой стороны, на радикальных изменениях в Европе.

Верно, что первым важным этапом, ставшим прелюдией к окончанию холодной войны, было урегулирование болезненных стратегических вопросов, достигнутое в Вашингтоне в декабре 1987 года в результате подписания Договора по ракетам средней и малой дальности (РСМД).

Налаживание советско-американских отношений и урегулирование стратегических вопросов

Совершенно очевидно, что после подписания Договора по РСМД изменился характер отношений между двумя сверхдержавами. Недоверие, подозрительность и стратегическое соперничество остались в прошлом. Отношения стали строиться на принципах доверия и взаимности. Такой поворот событий был обусловлен двумя встречными динамичными процессами.

1. Советская динамика

Первый динамичный процесс начался в Москве за два года до этого — в 1985 и 1986 гг. — и, в основном, благодаря М.С. Горбачеву.

Мы обязательно должны подчеркнуть ту роль, которую сыграл лично Горбачев. Столкнувшись в 1985-1986 гг. с тяжелыми экономическими проблемами, в том числе и с проблемой непомерных расходов на гонку сооружений, советское руковод-

ство впервые за всю историю страны не только смогло психологически и политически признать реальность этих проблем, не пытаясь уйти от их решения чисто пропагандистскими методами, но также сумело заняться поиском глобального решения этих проблем и призвало к использованию принципиально нового подхода к международным отношениям¹. Эти стремления получили свое выражение в феврале 1986 года, на XXVII Съезде КПСС, в выдвинутой Горбачевым концепции «нового мышления». Формулировке этой концепции способствовали Эдуард Шеварнадзе, ранее возглавлявший Грузинскую Советскую Социалистическую Республику, которого летом 1985 года назначили на пост министра иностранных дел, бывший посол в Канаде Александр Яковлев и Анатолий Черняев, ближайший помощник Горбачев по дипломатическим вопросам.

Новый подход к международным отношениям имел в своей основе несколько ключевых идей: все народы испытывали страх перед ядерной угрозой, проблемы, которые встали перед человечеством, были взаимозависимы, нужны были «деидеологизация»² международных отношений и отказ от принципа классово-борьбы во внешней политике. Из этих общих принципов родились три практические идеи: мирное сосуществование необходимо строить на путях сотрудничества³, настоящая безопасность должна быть взаимной, а СССР и США должны в своем стратегическом мышлении опираться на концепцию «разумной достаточности».

Эти принципы означали резкую смену советских позиций. СССР перестал считать себя осажденной крепостью. Он больше не мечтал об имперской власти и экспансии в «третьем мире». Напротив, он стал отдавать приоритет внутреннему развитию⁴ и выступал за разоружение и примирение с Западом. В сравнении со старой, агрессивной линией такая политика была более прогрессивной. Она позволяла Советскому Союзу использовать на нужды гражданского развития ресурсы, которые раньше съедало военное развитие.

Понятно, что многие моменты критики, прозвучавшие на XXVII Съезде КПСС, которые прямо или косвенно касались проводимой Горбачевым внешней политики, были не новы. В партии и в аппарате МИД еще в 70-е годы проявлялась готовность пересмотреть основополагающие принципы внеш-

ней политики. В частности, такие идеи шли от международных, специалистов по внешней политике, которые в большинстве своем окончили МГИМО в 1955–60 гг., когда развенчание Сталина и хрущевская эпоха только начинались⁵. После «Пражской весны» и особенно в начале 70-х международники стали ставить под сомнение мифы о том, что якобы холодная война породила агрессивность Западного мира и его желание уничтожить советский строй⁶. Они стали излагать свои взгляды в специализированных изданиях, таких как «Вопросы истории» или «МЭиМО», в журнале, который издавал ИМЭМО. Вспоминая это время, Анатолий Черняев подчеркивает, что в группу консультантов Международного Отдела ЦК охватил политический и интеллектуальный энтузиазм: «Мы высказывали сомнения обо всем, и Пономарев знал это. Поэтому он неслучайно называл нас ревизионистами. Но он нас терпел, потому что ему нужны были грамотные люди».⁷

Однако, — в этом состоит выдающаяся роль, которую сыграл лично Горбачев, — «новое мышление», объявленное в феврале 1986 года, придало последовательный и осязаемый характер политике, которая до тех пор представляла собой случайный набор разрозненных идей, которые разделяла всего лишь горстка экспертов из круга, близкого к Горбачеву. «Новое мышление» утверждалось с трудом, ибо оно впервые предложило кардинальный ответ на глобальные проблемы, который был свободен от идеологических догм.

2. Динамичные процессы в США

«Новое мышление» могло дать конкретный положительный результат только в том случае, если бы его четко поняла и приняла Администрация США, а это было нелегко⁸. В мемуарах Черняева есть момент, связанный с Женевской встречей 1985 года. Вспоминая эту встречу, Горбачев посетовал, что «Рейган был настолько в плену стереотипов, что ему трудно было принять доводы разума».⁹ Это верно: стереотипы были сильны у обеих сторон. Тем не менее, последующие месяцы принесли ощутимое улучшение. Это произошло благодаря личным контактам: встреча на высшем уровне в

Рейкьявике, состоявшаяся в октябре 1986 года, стала ключевым моментом в советско-американском диалоге, который, несмотря на короткий сбой, привел к тому, что появились позитивные взаимные позиции.¹⁰

Западноевропейские лидеры, в том числе Маргарет Тэтчер и Франсуа Миттеран, также сыграли важную роль, убедив американскую Администрацию отнестись с доверием к советскому руководству. Например, в то время, когда канцлер Коль весьма сдержанно относился к Горбачеву, французский президент Франсуа Миттеран в своем письме от 12 октября 1985 года, направленном президенту Рейгану после отъезда Горбачева из Франции в Москву, наоборот отозвался о Горбачеве положительно и, как видно из этого письма, в плане дальнейших отношений между Востоком и Западом был настроен весьма оптимистично¹¹. И последнее: следует отметить, сколь важной была поездка Джорджа Шульца в Москву в апреле 1987 года, за которой последовала новая встреча на высшем уровне. Она состоялась 23 октября 1987 года. Собственно говоря, она и стала поворотным моментом. Именно с нее началось разоружение.

Во всех этих случаях важную роль сыграл «человеческий фактор», значение которого подчеркивал сам Горбачев¹², что привело сначала, в декабре 1987 года, к подписанию Договора по РСМД, а затем и к встречам на высшем уровне на Мальте в декабре 1989 года и в Вашингтоне в мае-июне 1990 года.

Советско-американский диалог, содействовавший прекращению военного соперничества и напряженности, несомненно, стал важнейшим этапом на пути к окончанию холодной войны. При этом он в большей степени способствовал устранению взаимного недопонимания, нежели утверждению общих политических и мировоззренческих ценностей. Процесс же, который происходил на европейском этапе, напротив, оказался решающим фактором в прекращении холодной войны, поскольку его воздействие оказалось более глубоким и глобальным. В том числе это касалось идеологических и даже философских вопросов, которые выходили за рамки отношений между сверхдержавами.

Европейский этап

В рамках европейского процесса первый шаг был сделан 7 декабря 1988 года, когда Михаил Горбачев в своем выступлении на 43-ей Сессии Генеральной Ассамблеи ООН уделил особое внимание «принципам нового мирового порядка и абсолютной необходимости будущего, основанного на совместном развитии всех членов международного сообщества» и публично заявил о готовности отказаться от применения силы и угрозы силой, подчеркнув принцип свободы выбора.¹³

Эти заявления особенно значимы, по крайней мере, по двум существенным причинам.

Во-первых, в своем выступлении М.С. Горбачев имел мужество отказаться от так называемой «брежневской доктрины». Его высказывания помогли людям в странах Восточной Европе освободиться от страхов, поставить под сомнение сталинское наследие, основанное на принуждении, и впоследствии проложили путь мирным революциям, которые прошли осенью 1989 года. Во-вторых, отказавшись от старого подхода, утверждавшего законность раздела Европы на два блока, Горбачев в своем выступлении выразил желание покончить с холодной войной в Европе и заняться строительством новой, общеевропейской цивилизации.

1. Новый подход к Европе и общеевропейские процессы

Совершенно неслучайно, что параллельно этому серьезному заявлению, сделанному в декабре 1988 года, советское руководство одновременно выступило с концепцией «общего европейского дома».

После подписания Договора по РСМД в декабре 1987 года и затем, начиная с 1988 года, Горбачев неоднократно излагал свое видение новой конструкции и новой «цивилизации», которую предстояло выстроить. Например, 29 марта 1988 года в беседе с генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии Алессандро Натта Горбачев четко изложил свои мотивы и задачи:

«Все, что происходит в Западной Европе, включая вопросы, связанные с ее интеграцией, представляет интерес для

нас. Мы, прежде всего, считаем себя европейцами. Мы не мыслим улучшения мировой обстановки без участия Европы, имеющей колоссальный исторический опыт и научный и интеллектуальный потенциал. Европу нечем заменить. (...)

Несколько слов об «общем европейском доме»: развивая это понятие, мы исходим из идеи о том, что между европейскими странами сохраняются различия, причем различия реальные, но, в то же время, все мы — европейцы, и нас объединяют исторические, экономические и культурные связи, экология. Нас объединяет общая судьба. Идея «общего европейского дома» преобразует результаты Хельсинского процесса. «Кирпичиками» этого «дома» станут политика разоружения, основанная на принципах равной безопасности, на экономических связях между странами, в частности между ЕЭС и СЭВ, и на культурных обменах, на решении экологических проблем и т. д. ... »¹⁴

В то время предложения Горбачева все еще носили признаки оппортунизма: например, в силу того, что отношения между СССР и его сателлитами в Восточной Европе осложнились и ослаблялись экономические связи между ними, Советский Союз чисто экономически был заинтересован в развитии торговли и обмена с Западной Европой. Но у Горбачева представление о европейцах было более глобальным и более дерзким. Он полагал, что «общий европейский дом», во-первых, сначала поможет покончить с двухполюсным миром и, тем самым, обеспечит безопасность Европы, и, во-вторых, создаст рамочную систему, в которой будут возможности для роста реформированного СССР и его реформированных восточно-европейских сателлитов. В основу такой системы ляжет «социализм с человеческим лицом», то есть социализм, которому свойственны терпимость, уважение к чужим ценностям, уважение принципа отказа от силы и принципа свободы выбора. В 1988 году сотрудник советского министерства иностранных дел В. Лукин в своей статье в газете «*Московские новости*» четко выразил позицию Горбачева и поддержал ее:

«Под Европой мы должны понимать не только политический феномен, но и определенный способ жить, думать, общаются с другими людьми ... «Общий европейский дом» — это дом цивилизации, на окраине которой мы так долго находи-

лись. Процессы, происходящие сегодня в нашей стране и в ряде социалистических стран Восточной Европы, помимо всего прочего, имеют и аналогичное историческое измерение, а именно движение в направлении возврата в Европу в цивилизованном смысле этого слова».¹⁵

Тема «возвращения в Европу» присутствует в ряде выступлений, которые хранятся в архивах устных материалов Горбачев-Фонда и Гуверовского института. Для дипломата Анатолия Адамишина во внешней политике Горбачева в отношении Европы проявилось стремление вернуться в *Западную цивилизацию*¹⁶. Похожее мнение высказал и Анатолий Черняев: действительно, цель состояла в том, чтобы «вернуться в Европу»¹⁷.

Как мне кажется, идея «общего европейского дома» в те решающие годы была одной из самых главных и, наверное, самой интересной с точки зрения того, как мы понимаем окончание холодной войны. Действительно, идея «общего европейского дома», содержащая призыв к общеевропейской интеграции на путях разоружения и взаимной безопасности и призыв к становлению европейской политической и культурной общности, строящейся на уважении принципов, зафиксированных в Хельсинки, стала выражением глубокого переворота в сознании. Она отражала реальный и осознанный выбор в пользу возврата в Европу, но при этом была утопична, поскольку предполагала установление нового порядка на европейском континенте. Подобный порядок должен был в первую очередь строиться средствами дипломатии, на основе хельсинкского процесса,¹⁸ но при этом он мог сохранить определенные старые связи, объединяющие страны Восточной Европы, и теснее сблизить друг с другом две части Европы¹⁹, а в перспективе и содействовать решению германского вопроса. Но одновременно это должен был быть общественный порядок, на который воздействуют социал-демократические ценности. Последнее особенно важно. Разочаровавшись в консервативном мышлении, господствовавшем в коммунистических партиях, причем даже в некоторых компартиях Западной Европы, Горбачев в 1988–1989 гг. начал обращаться к социал-демократическим партиям, принял их ценности, что нашло свое выражение в программе, принятой на XXVIII Съезде КПСС²⁰. В сентябре 1991 года в беседе с лидером француз-

ских социалистов Пьером Моруа, который в то время возглавлял Социалистический Интернационал, Горбачев подчеркнул свою приверженность принципам «демократии, гласности, соблюдения прав человека и свободы и верность социалистической идее»²¹, тем самым, показав, что хочет, чтобы произошла эволюция ценностей и самой сущности советского строя.²²

Однако в краткосрочной перспективе концепция «общего европейского дома» принесла советскому руководству разочарование.

2. Моменты глубокого разочарования

В отношении германского вопроса Горбачев предполагал, что процесс воссоединения пойдет постепенно и последовательно, но вместо этого он столкнулся с ситуацией быстрого развития событий, которое направляли канцлер Коль и его советники. Для Горбачева будущее воссоединение было неизбежным, потому что сам раздел был противоестественным. Но произойти это воссоединение должно было только в очень отдаленной перспективе, в результате постепенного сближения между двумя блоками. Этот подход в значительной степени разделял и Франсуа Миттеран, который на встрече с Горбачевым в Киеве в декабре 1989 года настаивал на идее европейской интеграции и на общеевропейских шагах. Он считал, что воссоединение Германии должно быть процессом взаимодополняющим, а не противоречивым²³. Но в действительности все случилось иначе, поскольку в феврале 1990 года на встрече с Бейкером Горбачев был вынужден признать право немцев на воссоединение, причем в тот момент, когда общеевропейских структур еще не было.

В последующие месяцы Горбачев старался избежать развития событий по худшему сценарию, а именно воссоединения Германии под командованием НАТО. Именно поэтому он сначала предложил развивать воссоединенную Германию как нейтральное государство, а потом сделать так, чтобы воссоединенная Германия стала частью двух военных союзов — НАТО и Варшавского Договора. Он считал, что такое решение будет соответствовать конструкции «общего европейского дома». На совместной с Миттераном пресс-конференции в Па-

риже 25 мая 1990 года Горбачев сказал, что такое решение «способно открыть путь к демилитаризации этих организаций и, в противовес нынешнему, усилить их политические функции». ²⁴ Он также пытался получить для Германии статус в НАТО, аналогичный статусу Франции. Однако сам французский президент отговорил его от шагов в этом направлении. На встрече с Горбачевым 25 мая 1990 года Миттеран сказал советскому руководителю, что немцы никогда не примут подобное решение, и что уже настало время согласиться с полноправным членством ФРГ в НАТО. Через несколько месяцев на советско-американской встрече на высшем уровне в Вашингтоне, которая состоялась в июне 1990 года, Горбачев *de facto* признал членство объединенной Германии в НАТО.

Горбачев верил, что благодаря «общему европейскому дому» и утверждению «социализма с человеческим лицом» появится обновленное содружество Советского Союза и стран Восточной Европы. Однако в действительности произошел полный развал отношений между СССР и его прежними союзниками. На протяжении всего 1989 года, по мере того, как эти «новые» государства освобождались от власти Советского Союза и осуществляли право на свободу выбора, они делали заявления, что полностью порывают с коммунистическим наследием ²⁵. Поэтому к концу 1989 года мечта Горбачева стала практически иллюзорной. Страны Центральной и Восточной Европа предпочли присоединиться к остальной части континента и занять свое место в «общем европейском доме», приняв на вооружение Западную модель, а не концепцию, строившуюся на уважении существующих отличий. Вот что пишет Черняев:

«Горбачев думал, что если дать свободу нашим сателлитам в Восточной Европе, то они, благодаря этому, примут социализм с человеческим лицом. Он совершил ошибку, потому что эти страны вероломно повернулись к нам спиной». ²⁶

Весной 1990 года, когда Венгрия заговорила о своем намерении выйти из военной структуры Варшавского Договора, мечта Горбачева была полностью разрушена. Примеру Венгрии последовали Чехословакия и Польша, которые также выразили заинтересованность в том, чтобы вступить в НАТО и, хотя и в меньшей степени, в Европейский Союз. Так что к весне 1990 года проект «общеевропейского дома», в основе которого ле-

жала идея о параллельном исчезновении двух военных блоков, рухнула окончательно. Причиной этого было внезапное усиление НАТО и фактическая смерть Варшавского Договора.

Горбачев видел, что позиция Франсуа Миттерана и французский проект общеевропейской конфедерации очень во многом перекликаются с его собственными идеями. Поэтому США и страны бывшего Восточного блока стали переносить неприязнь и враждебное отношение к Миттерану и на Горбачева.

Впервые президент Миттеран представил свой проект Европейской Конфедерации 31 декабря 1989 года в телевизионном обращении к народу Франции. В условиях неопределенности, вызванной уходом Советского Союза из Европы и появлением национальных настроений во всех европейских странах, он предложил объединить все европейские государства в рамках новой структуры. Он подчеркнул, что такая конфедерация должна строиться на хельсинских договоренностях, и что она объединит в своем составе «все государства, находящиеся на нашем континенте, в рамках единой постоянной организации, где гарантированы обмены, мир и безопасность», и в рамках которой бывшие коммунистические страны сделают выбор в пользу «системы представительства и свободы информации».²⁷ Спустя пять дней, принимая канцлера Коля на вилле Латш, французский президент заявил, что Советский Союз, как государство европейское, должен войти в состав конфедерации. Понятно, что это заявление было встречено в Москве с энтузиазмом²⁸. На той же встрече Миттеран также упомянул о мотивах, которые побудили его высказаться в пользу новой общеевропейской структуры. Французский президент определил конфедерацию как «перспективу» для «всех стран, которые пойдут по пути демократии», но в силу экономических причин в течение какого-то времени не смогут присоединиться к Европейскому Экономическому Содружеству, которое не может «разрастаться до бесконечности». Поэтому, с точки зрения Миттерана, конфедерация не должна подменять собой Европейское Сообщество, которому он неизменно отдавал приоритет. Конфедерация должна строиться как концентрические окружности, которые будут крупнее ЕЭС и менее строго формализованы. В этом отношении проект Миттерана отличался от прежнего варианта Горбачева, который исходил из тезиса об исчезновении ЕЭС и СЭВ. Общими у проектов,

предложенных французским президентом и Горбачевым, была их мирная составляющая и желание обеспечить решение вопросов безопасности и прав человека.

В начале февраля 1990 года Миттеран определил структуру будущей конфедерации: он предложил создать Совет глав государств и правительств и общие институты, в том числе учредить должность постоянного секретаря, собрание представителей, Европейский Суд по правам человека и Хартию меньшинств, предусмотрев также процесс посредничества для разрешения конфликтов. И к середине февраля он заручился поддержкой Коля²⁹.

Чтобы обосновать свой проект и обеспечить его продвижение, французский президент поехал в Венгрию, где говорил о том, что вопрос нацменьшинств становится новым фактором угрозы в Европе,³⁰ и в этих условиях Миттеран представил конфедерацию в качестве противоядия. В марте 1990 года он побывал в Польше, а потом (тоже в марте) принимал Вацлава Гавела в Париже, а в мае польского премьер-министра Мазовецкого. 29 октября 1990 года, впервые с 1944 года, он подписал новый Советско-Французский Договор³¹, в котором развилась идея Конфедерации.

Однако вскоре результаты разочаровали и французского президента, и Горбачева: Пражская конференция, проходившая в июне 1991 года, которая должна была дать новые идеи и предложения, закончилась тупиком. Миттеран полагал, что европейцы могут построить Конфедерацию без какого бы то ни было вмешательства США, тогда как восточно-европейские лидеры, и особенно Вацлав Гавел, четко заявили о том, что предпочитают структуры НАТО гипотетической Европейской конфедерации. Более того: когда Миттеран попытался провести в жизнь общеевропейскую политическую структуру, у восточно-европейских лидеров возникли подозрения, что он всеми силами старается помешать их странам вступить в ЕЭС. По словам Юбера Ведрина³² и самого Миттерана, американская Администрация вынудила восточно-европейских лидеров отклонить французское предложение, чем они и погубили проект, потому что для Америки было непереносимо создание Европейской конфедерации, в которую будет интегрирован СССР, а не США. В конечном итоге в конце июня 1991 года

французская дипломатия полностью отказалась от проекта Европейской конфедерации, который был единственным де-тищем горбачевской концепции «общего европейского дома».

Вероятно, этим и объясняется тот факт, что конкретные результаты, к которым привела концепция «общего европейского дома», оказались не такими важными, как виделось Горбачеву. Отказавшись от старых идеологических марксистско-ленинских схем, утверждавших, что советская модель была более ценной, чем западная, и подписав в ноябре 1990 года Хартию Новой Европы, основанную на таких западноевропейских политических и философских ценностях, как уважение прав и свобод человека, советское руководство ясно сформулировало свое желание «вернуться в Европу» и примириться собственной многовековой европейской судьбой. В моем представлении принятие Парижской Хартии 1990 года было последним этапом, который привел к окончанию холодной войны. Вероятно, в этом и состоял самый важный результат всего этого процесса.

Примечание

¹ С советской точки зрения обнищание и разорение советской экономики, причиной которых была гонка вооружений, стали движущей силой, вызвавшей к жизни «новое мышление». Высказывания основных застрельщиков советской перестройки, хранящиеся в архивах устных материалов Гуверовского института и Горбачев-Фонда, доказывают, что реформирование советской внешней политики в решающей степени было продиктовано экономическими соображениями. В частности, см. высказывания Анатолия Адамишина в интервью, которое он дал 5 августа 1998 года, а также интервью Валентина Александрова от 12 ноября 1998 года.

² Это выражение использовал Э. Шеварнадзе в своем докладе, который был опубликован в «Правде» 28 сентября 1988 года.

³ М.С. Горбачев сказал в своем докладе, что мирное сосуществование государств с различным общественным строем — это не просто отсутствие войны. Это международный порядок, при котором господствуют сотрудничество и добросо-

седство, а не военная сила, и широкий обмен научно-техническими достижениями и культурными ценностями идет на благо всем народам. Цитируется по: Nicolai N. Petro and Alvin Z. Rubinstein, *Russian Foreign Policy, From Empire to Nation-State*, (New York: Longman, 1997), p.300.

⁴ В феврале 1987 года, выступая на проходившем в Москве международном форуме в защиту мира, М.С. Горбачев подчеркнул, что советская внешняя политика, более, чем когда-либо раньше, определяется нашей внутренней политикой, нашей заинтересованностью в том, чтобы сосредоточиться на творческой работе по совершенствованию своей страны. Вот почему нам нужен более прочный мир, нам нужна предсказуемость и конструктивная направленность международных отношений. «Известия», 17 февраля 1987 года.

⁵ По вопросу о смене поколений и роли МГИМО в формировании международников см. мою статью “The ‘Mejdunarokdniki’ in the 1960s and first half of the 1970s: Backgrounds, Connections and Agenda of Soviet International Elites”. Editing on process.

⁶ См. работу Neil Malcom, “New Thinking and After: Debate in Moscow about Europe”, p.153, in Neil Malcom (ed.), *Russia and Europe: an End to Confrontation?* (London:, Pinter, 1994). Вот что пишет автор о международниках: И хотя по большей части их работа сводилась к рутинному построению официальной доктрины, те из них, кто мыслил наиболее самостоятельно, сумели контрабандой, под прикрытием обязательной идеологической дымовой завесы, протащить с Запада новые идеи. Еще за тридцать лет до 1985 года началась постепенная эрозия традиционного стереотипа враждебного и загнивающего Запада, от которого Советскому Союзу нужно держаться в стороне.

⁷ Интервью Анатолия Черняева, 24 мая 2001 года, в Собрании устных материалов по перестройке.

⁸ Для сравнения см. книгу Анатолия Черняева «Шесть лет с Горбачевым»: Anatoly Chernyaev, *My six years with Gorbachev*, (University Park : The Pennsylvania State University Press, 2000), который 5 мая 1985 года (стр.32 указанного издания) пишет, что не все начиналось хорошо во внешней политике.

⁹ Анатолий Черняев, «Шесть лет с Горбачевым».

¹⁰ Анатолий Черняев, «Шесть лет с Горбачевым». Автор пишет, что это был именно тот момент, когда Горбачев убедился, что с Рейганом у него «получится. Президент США интуитивно почувствовал «выход времени». Между ними проскочила искра.

¹¹ Президент Миттеран президенту Рейгану, 12 октября 1985 года, Французский Президентский архив. Archives of the French Presidency, (APRF) advisers' files, USSR, correspondence France-United States.

¹² «In Washington, probably for the first time we clearly realized how much the human factor means in international politics. Reagan for us was merely the spokesman of the most conservative part of American capitalism and its military-industrial complex. But it turns out that politicians [...] represent purely human concerns. [...] These people are guided by the most natural human motives and feelings. [...] now we've embraced the purely human factor in international politics. It is also a major component of the new Thinking, which has born fruit.» Gorbachev quoted by Anatoly CHERNYAEV in *My Six Years with Gorbachev*, p. 142-143.

¹³ Из выступления Горбачева на 43 сессии Генеральной Ассамблеи ООН: Ясно, например, что сила или угроза силой больше не могут и не должны быть инструментом внешней политики ... Свобода выбора есть всеобщий принцип, из которого не должно быть исключений. Цитируется по *CWHP Bulletin*, Issue 12/13, Fall/Winter 2001, p.29.

¹⁴ Встреча Горбачева с генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии Алессандро Натта, 29 марта 1988 года, Архив Горбачев-Фонда, фонд № 3, (фонд Загладина), документ №7129.

¹⁵ В. Лукин в «Московских новостях» (*Moscow News*), 1988 г., № 38. Цитируется в работе: Neil MALCOM (ed), *Russia and Europe : an end to Confrontation ?*, p.14.

¹⁶ Он говорит: могу только заметить, что именно в это время мы начали решительно открываться миру в культурных и человеческих связях и на почве прав человека. Интервью Анатолия Адамишина 5 августа 1999 года. Собрание устных материалов по перестройке..

¹⁷ Интервью Анатолия Черняева, 24 мая 2001 года, в Собрании устных материалов по перестройке.

¹⁸ В середине ноября 1989 года на встрече с Лораном Фабиусом, Председателем Национального Собрания Франции Горбачев сказал: «нужны «Хельсинки-2», нужен подъем на все более высокий уровень хельсинкского процесса, то есть создание Общеввропейского дома. Реальные политики могут ставить вопрос лишь однозначно: не разрушать созданную в Европе систему отношений, но развивать ее на базе новых идей, трансформировать уже существующие институты на базе взаимопонимания, превращающего их в подлинные инструменты сотрудничества». Встреча Горбачева с Лораном Фабиусом, 17 ноября 1989 года, Архив Горбачев-Фонда, fond n°1, opis n°1

¹⁹ 30 ноября 1989 года в беседе с президентом Андреотти М.С. Горбачев сказал: «нам лучше сочетать два объединительных процесса и Европе с тем чтобы они переросли в один общеввропейский процесс, в строительство общего европейского дома, целью которого является новая Европа». М.С. Горбачев в беседе с президентом Андреотти, 30 ноября 1989 года, Архив Горбачев-Фонда, fond n°1, opis n°1

²⁰ См. работу М.С. Горбачева в книге: *The Social-Democracy at the eve of the XXst Century*, p.66.

²¹ Горбачев Пьеру Моруа, 17 сентября 1991 года, Архив Горбачев-Фонда, fond n°1, opis n°1 ; можно взять на сайте Горбачев-Фонда в разделе «Конференции», «Круглые столы» за 26 июня 2002 года.

²² О необходимости сотрудничества с социал-демократами речь также шла в Директиве Итальянской коммунистической партии, см. материалы встречи Вадима Загладина с Алессандро Натта, 29 марта 1988 года. Архив Горбачев-Фонда, фонд n°3, документ n°7125.

²³ Ф. Миттеран заявил “ необходимо добиться того, чтобы общеввропейский процесс развивался быстрее германского вопроса, обгонял немецкое движение. Мы должны создать общеввропейские структуры. А германский компонент должен быть лишь одним из элементов европейской политики, но отнюдь не преобладающим, не ведущим». Встреча президента

Франсуа Миттерана с М.С. Горбачевым в Киеве 6 декабря 1989 года. Архив Горбачев-Фонда, фонд №1.

²⁴ Запись пресс-конференции, 25 мая 1990 года, в La Documentation Française, Paris. Встреча Франсуа Миттерана и М.С. Горбачева, 25 мая 1990 года, Архив Горбачев-Фонда, фонд №1.

²⁵ В августе в Польше, в ноябре в Чехословакии.

²⁶ Воспоминания Черныяева, 24 мая, 2001 года, в Собрании устных материалов по перестройке, Гуверовский институт и Горбачев-Фонд.

²⁷ Новогоднее обращение Франсуа Миттерана, 31 декабря 1989 года, в La Documentation Française, Paris.

²⁸ См., например, телеграмму Посольства Франции в Москве, №72, 8 января 1990 года, в Архивах Министерства иностранных дел Франции, the Archives of the French Ministry of Foreign Affairs, Europe 1986-1990, URSS, box №6649.

²⁹ Во время встречи в Париже, 15 февраля 1990, см. в APRF, URSS, fonds des collaborateurs

³⁰ Как проявилось во время кризиса в Югославии.

³¹ См. текст договора, подписанного 29 октября 1990 года в Архивах Министерства иностранных дел Франции: Archives of the French Ministry of Foreign Affairs, Europe 1986-1990, USSR, box №6670. См. также эту тему в мемуарах Юрия ДУБИНИНА.

³² См. Hubert VEDRINE, in Les mondes de François Mitterrand, A l'Élysée, 1981-1995, p.448.

Выступления в дискуссии

Ганс-Дитрих Геншер,

бывший министр иностранных дел ФРГ

Возникновение холодной войны и её окончание я встречал, находясь в совершенно разном положении: первые семь лет после её возникновения я провёл в советской оккупационной зоне в Германии и в только что созданной ГДР, а затем уже в Федеративной Республике Германии. В период же преодо-

ления холодной войны я занимал различные государственные посты и играл всё более активную роль в этом процессе.

Если мы будем говорить о причинах окончания холодной войны, то сможем констатировать, что в послевоенный период в Европе сложилось такое положение, которое можно было бы назвать ассиметричной стабильностью. В период холодной войны отношения между двумя противоборствующими сторонами были обусловлены человеческим фактором, экономическим, политическим фактором, который включает в себя и идеологии, а также военным фактором.

Развитие событий в советской сфере влияния показало, что набиравшее силу соревнование между двумя системами имело негативные последствия для Советского Союза. На Востоке происходили народные восстания, которые приходилось подавлять: в 1953 году — в ГДР, многократно повторявшиеся восстания в Польше, в 1956 году — в Венгрии. Строительство стены 13 августа 1961 года в Берлине было по сути политическим признанием тогдашним советским руководством, а также и руководством ГДР того факта, что в соревновании двух систем невозможно было одержать верх, по крайней мере, для восточного блока. Люди бежали на Запад, и им нужно было в этом воспрепятствовать.

В тоже время, в военном плане, обе стороны были равны. И это не было связано с тем, у кого было на тысячу ракет больше или меньше, на тысячу боеголовок больше или меньше — обе стороны были в состоянии навсегда стереть с лица земли человечество в случае ядерного конфликта.

В этот период на Западе возникла дискуссия о том, как можно было бы преодолеть эту крайне опасную ситуацию, сложившуюся в ходе конфронтации между Востоком и Западом. Доклад Армеля представлял собой как политическую концепцию, так одновременно и концепцию в сфере политики безопасности для решения этой проблемы: достаточный для обороны уровень вооружений в сочетании с усилиями по развитию сотрудничества, как отмечалось в этом докладе, ради создания общеевропейской структуры безопасности. В качестве индикатора, который должен был подтвердить, удастся или не удастся достичь этой цели, был выбран вопрос о восстановлении единства Германии.

В рамках этой концепции Федеративной Республики Германии отводилось особое место в связи с тем, что у неё имелось большое количество нерешённых проблем в отношениях с Советским Союзом и другими государствами Варшавского пакта. Поэтому тогдашнее правительство Брандта — Шеля, в состав которого я входил в качестве министра внутренних дел, воспользовалось открывшимися с началом этого политического процесса возможностями для того, чтобы посредством заключения двусторонних соглашений создать условия хотя бы, как минимум, для мирного сожительства со странами Востока. К этим соглашениям относятся московский договор, варшавский договор, договор с ЧССР и договор об основных принципах отношений с ГДР.

Эта политика устранила целый ряд потенциально конфликтных ситуаций, которые в существовавшей тогда очень взрывоопасной обстановке в отношениях между Востоком и Западом могли бы в любой момент привести к очень тяжёлым последствиям. С другой стороны, Советский Союз предпринимал усилия для того, чтобы навсегда закрепить сложившийся статус кво, используя для этого концепцию общеевропейской конференции по безопасности. Цель этого плана — навсегда сцементировать имевшийся статус кво.

Я не считаю, как один из участников проходившей до этого дискуссии, что, якобы, в тот период эту же цель преследовали и планы Соединённых Штатов Америки. Но Советский Союз имел такую концепцию, и мы увидели в этой концепции возможность посредством сотрудничества и создания доверия добиться изменения ситуации в Европе, уменьшения уровня конфронтации и, прежде всего, заложить основы доверия для успешных переговоров по разоружению.

Здесь нужно просто представить себе тогдашнюю ситуацию: на немецкой земле было размещено огромное количество ядерного оружия, среди которого было как оружие дальнего радиуса действия, так и такое, разрушительная мощь которого могла быть использована только на немецкой земле или непосредственно вблизи неё, со всеми вытекающими последствиями.

Начавшийся таким образом процесс, который привёл к подписанию Заключительного акта в Хельсинки в 1975 году,

придал новую динамику отношениям между Востоком и Западом. Самое интересное, однако, заключалось в том, что во многих «квартирах» Европы эта динамика значительно недооценивалась. Противники этого процесса на Западе считали, что это скорее подарок Советскому Союзу. Тогдашнее руководство Советского Союза, возможно, было просто не в состоянии оценить в полной мере большую действенную силу различных принципов хельсинского Заключительного акта, а также открывавшихся возможностей для непосредственного человеческого общения, новых положений о деятельности прессы и, как выяснилось позже, предвидеть все последствия.

В Советском Союзе стало возможно такое развитие событий, в результате которого Михаил Горбачёв стал Генеральным секретарём коммунистической партии. Своей политикой, которая действительно представляла собой новое мышление, он открыл для Советского Союза, а впоследствии и для России, выход из очень сложной, всё более ухудшавшейся ситуации. Ведь военный фактор уже исчерпал свои возможности, если, конечно же, не стремиться к тому, чтобы поставить под угрозу судьбу всего человечества. То есть ответом на сложившуюся в тот момент ситуацию должно было стать разоружение. Поэтому цель, которую поставил перед собой Горбачёв — разоружение, а не только контроль за вооружением, понимавшийся как определение максимального уровня вооружений, была абсолютно правильной. Однако, стремясь посредством гласности и перестройки преобразовать действительность в Советском Союзе, он освободил свою страну от тех оков, которые и привели к отставанию СССР в соревновании двух систем. Думаю, что в долгосрочной перспективе его политика и то, чего он мог бы в тот период достичь, проводя её в жизнь, получит более справедливую оценку, чем это имеет место сегодня в России.

Поэтому я считаю, что для окончания холодной войны потребовалась решительная политика со стороны Советского Союза в качестве ответа на политическую концепцию западного альянса, т.е. доклад Армеля.

В чём же, однако, состоит успех такого развития событий? Здесь довольно часто говорилось о победителях и проигравших в холодной войне. Признаюсь честно, что я не могу по-

нять, откуда возникли подобные формулировки. Над кем одержана победа, если навсегда устранена опасность ядерного конфликта между Западом и Востоком? Здесь я всегда видел только победителей по обе стороны стола, и в этом состоит историческая заслуга Михаила Горбачёва. Его заслуга в том, что это удалось сделать, что для достижения этой цели он смог найти партнёра в Америке в лице президента Рейгана. Соглашение о двойном нулевом решении по ракетам среднего радиуса действия является символом этого исторического поворота. Михаил Горбачёв не несёт ответственности за то, что сегодня этот процесс не получил своего дальнейшего развития.

Поэтому я думаю, что при обсуждении этого вопроса неправильно мыслить в категориях победителей и побеждённых.

Михаил Горбачёв признал ещё одну вещь, а именно независимость других государств Варшавского пакта в том смысле, как это, кстати, было предусмотрено в хельсинском Заключительном акте. Было высказано много критики по вопросу объединения Германии и согласия на наше членство в западном альянсе. В этой связи я позволю себе напомнить, что в хельсинском Заключительном акте от 1975 года было чётко записано, что каждая страна имеет право самостоятельно решать вопрос о своём членстве в каких-либо союзах.

Я убеждён, что окончание холодной войны стало возможно потому, что с обеих сторон стала проводиться политика по укреплению доверия, что в сотрудничестве был увиден общий для всех шанс на будущее.

Если такие дискуссии, как та, которую мы ведём сегодня, имеют какой-то смысл, то он состоит в том, что мы должны ответить на вопрос, какие выводы мы можем сделать на будущее, причём не только для Европы, а для всего мира. Мой сосед справа говорил о новом мировом порядке. И я действительно отношусь к тем, кто рассматривает этот новый мировой порядок как такой, который может основываться только на равноправии и равенстве. В Европе, а я сейчас говорю о Европе в рамках Европейского Союза, и это, разумеется, далеко не вся Европа, мы убедились в том, что народы, которые входят сегодня в этот Европейский Союз, смогли объединиться после всего того, что они совершили по отношению друг к другу в 20

От Фултона до Мальты

веке, только на основе признания равенства и равноправия государств. И это будет иметь такое же значение и для нового мирового порядка. Это должен быть мировой порядок, который будет основываться на сотрудничестве, но именно на сотрудничестве, базирующемся на равенстве и равноправии. Это будет мировой порядок, который будет основываться на созданном взаимными усилиями доверии.

Задача состоит в том, что нам прежде всего необходимо понять, что это будет многополярный мировой порядок. И я думаю, что если мы сможем сделать выводы из процесса преодоления холодной войны, из решения проблемы, которая 20 лет тому назад рассматривалась как наисложнейшая из всех существовавших тогда проблем вообще и которую удалось решить мирными средствами, то мы сможем найти и правильные решения для будущего мира. Однако это означает, что необходимо отдавать должное ответственности и дальновидности, и в тот период Михаил Горбачёв, действуя по-своему на своём посту, продемонстрировал эти качества. Сегодня мы можем наблюдать, что происходит с тем, что было достигнуто тогда, и я думаю, что именно поэтому необходимо учитывать уроки прошлого ради будущего.

Лотар де Мезьер,

сопредседатель немецкого Координационного комитета «Петербургского диалога»

Мои замечания будут менее научны и будут представлять скорее субъективные воспоминания восточного немца. Как и господин Ганс-Дитрих Геншер, я прибыл из Германии, но между нами имеется одно маленькое различие: он смотрел на стену с Запада, из страны с функционирующей демократией, из государства с высоким уровнем благосостояния, в то время как я смотрел на стену с Востока, из страны с большим дефицитом демократии, представлявшей скорее диктатуру, и очень скромным уровнем благосостояния.

Железный занавес, который у нас назывался коротко «стеной», был абсолютно герметичен и строго охранялся. Ко-

лючая проволока и винтовки были направлены не на Запад, а на Восток, против собственного населения.

Как адвокату мне приходилось защищать в суде очень многих людей, единственное преступление которых состояло в том, что они хотели перебраться из Германии в Германию. Эти процессы проходили за закрытыми дверями без присутствия общественности, а осуждённые затем тайно выкупались Западом. Как Запад, так и Восток приспособились к данному статусу кво и не стремились, как казалось, по крайней мере, нам, восточным немцам, ни к каким переменам. Я могу признаться вам, что так как обе стороны не предпринимали попыток изменить существовавший статус кво, боясь нарушить равновесие устрашения, ни мои друзья, ни я не верили в то, что такое положение вещей может быть изменено ещё при нашей жизни.

В ходе подготовки к сегодняшнему заседанию я долго размышлял над тем, когда же для меня и моих друзей стали видны первые признаки или симптомы окончания холодной войны. Из истории мы знаем, что одной из важнейших предпосылок для окончания холодной войны (и Ганс-Дитрих Геншер уже назвал её здесь) было подписание Заключительного акта в Хельсинки в 1975 году. Если сегодня, спустя 30 лет, прочитать текст этого Заключительного акта, то он воспринимается как список дефицитов нашей тогдашней жизни. Однако в 1975 году субъективно мы воспринимали это ещё совершенно иначе: скорее, как дальнейшее укрепление имевшегося статуса кво. Даже во время последовавших после Хельсинки конференций, сначала в Мадриде, а затем в Вене, нам казалось, что Запад был скорее медлителен в выдвигании требований по выполнению положений, содержащихся в третьей корзине.

В начале 80-х годов (здесь я назову лишь такие вещи как «Першинг», СС-20 и двойное решение НАТО) нам, с нашей точки зрения, казалось, что ситуация изменяется скорее в направлении обострения, усиления напряжённости, а не разрядки. В этой ситуации мы, восточногерманские церкви — единственная оппозиционная сила в Восточной Германии, приняли в 1981 году на заседании Синода в Дрездене решение о поиске собственного пути в борьбе за мир. В последующие годы мы сформулировали три основополагающих тезиса.

Первый гласил, что в эпоху существования оружия массового поражения войны уже не могут и не должны быть средствами политики. Во-вторых, мы обязаны были сформулировать осознанный отказ от духа, логики и практики устрашения. Устрашение не ведёт к большей безопасности, а скорее создаёт угрозу для безопасности. В-третьих, так как согласно Божьей воле войн не должно быть, то отказ от воинской службы должен рассматриваться как чёткое подтверждение верности религиозным убеждениям.

Именно этот третий основополагающий тезис — отказ от воинской службы — привёл нас к крупным конфликтам с государством, но одновременно он даровал нам высокую степень внутренней свободы, потому что мы впервые осмелились поставить наше подчинение Господу и, тем самым, нашу совесть, выше государственных интересов, т.е. подчинения государству.

Окончательная формулировка этого послания вырабатывалась много лет и была окончательно принята только в 1987 году на заседании Синода Союза евангелических церквей в Гёрлице. Я имел честь вести это заседание.

Большую помощь, в том числе и в смысле поддержки нашего авторитета, нам оказали в то время высказывания Михаила Горбачёва, которые были объединены понятием «новое мышление».

1987/88 годы были годами галопирующей эрозии системы, необходимость перемен можно было ощущать почти физически, и одновременно мы были бессильны перед старческим параличом власть имущих.

Почему я напомнил о той ситуации, которая существовала в Восточной Германии в 70-е и 80-е годы? Потому что я считаю, что окончание холодной войны, конечно же, в значительной мере было вызвано, как это было наглядно продемонстрировано в ходе сегодняшней дискуссии, крупными геополитическими процессами. Однако, с внутривнутриполитической точки зрения, требуется также наличие такой ситуации, при которой люди не только требуют крупных перемен, но одновременно готовы участвовать в их осуществлении и вынести все тяготы, связанные с ними.

А.Л. Адамашин,

Чрезвычайный и Полномочный Посол России.

В политике, как и в жизни, чаще случается все же то, что должно было случиться. Полвека тому назад шансов на приход холодной войны было много больше, чем на продолжение сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции. Дело не только в Сталине и Трумэне, оказавшимися достойными друг друга.

В первый послевоенный период социализм, как никогда, был близок к тому, чтобы в соперничестве с капитализмом склонить чашу весов в свою пользу. Ни до, ни после подобной возможности не представлялось.

Германия и Япония лежали в руинах. Великобритания, Франция, Италия серьезно ослаблены. В двух последних к тому же уверенно заявляли о себе компартии. Накатывались первые волны колониального освобождения. США — да, распухли на войне, но должны были в одиночку противостоять тому мощному движению, которое после успеха революции в Китае охватывало уже четверть мира.

Идеи социализма с его социальной справедливостью, плановой экономикой, благотворной, как казалось, ролью государства всерьез владели массами, и что еще важнее, — интеллектуальной элитой. Как выразился чешский исследователь Игор Лукес, Освенцим выглядел конечным продуктом кризисов в капиталистической Европе. Сталинград являлся символом преимуществ социализма.

Мало кто знал, что оставалось за кадром. Мало кто задумывался, какую цену заплатил советский народ, в первую очередь русский, который так не оправился от полученных ударов.

США бросили всю свою мощь, чтобы помешать дальнейшей эрозии капитализма, укрепить его устои. Средства, к которым они прибегали, — неприкрытый атомный шантаж, план Маршалла, создание НАТО, помощь колониальным державам — вызывали острую реакцию СССР. Особенно одиозной была для нас ставка на восстановление экономической мощи Западной Германии, подключение ее к военно-политическим со-

юзам. Советские руководители панически боялись повторения 22 июня 1941 года.

Этот глубоко засевший страх наложил отпечаток и на дальнейшую нашу политику, особенно в том, что касалась бездумного тиражирования вооружения.

Холодной войны можно было бы избежать лишь в случае крупных взаимных уступок. Для США это означало согласие на объединение и нейтрализацию Германию, которая вполне могла оказаться в советской орбите, а в перспективе и постепенный ее уход из Западной Европы.

СССР как минимум должен был бы допустить свободно избранные правительства в восточно-европейских странах. Но это означало потерять их, иными словами, лишиться оборонительного предполья, раз, и отдать уже завоеванные социализмом позиции, два.

В каком-то смысле первыми начали американцы. Кстати, еще до известной длинной телеграммы Кеннана, где, как считается, были заложены основы сдерживания Советского Союза. Трумэн пришел к этому раньше и сам. Это следует из написанной его рукой меморандума, который заканчивается словами: «Я устал нянчиться с Советами». Уже в начале января 1946 года он имел цельную программу действий против СССР, ключевой момент которой звучал так: «Если не держать Россию в ежовых рукавицах, дело может дойдет до новой войны».

Убедившись, что основная цель плана Маршалла — реставрация и укрепление капиталистических порядков в Западной Европе и отрыв от СССР Восточной, Сталин резко пошел на «советизацию» стран, которые впоследствии были названы народными демократиями.

Для этого, правда, пришлось взять их во многом на свое содержание и постоянно следить, чтобы не дали деру.

Железный занавес упал на пару лет позже, чем это объявил Черчилль, но он упал.

Холодная война была детищем США и СССР, если угодно СССР и США. Соотношение ответственности — 50 на 50, в крайнем случае 60 на 40, с какого угла посмотреть. Отсюда закономерно, что покончено с холодной войной было также в контексте отношений СССР и США.

И если еще можно спорить, кто был зачинщиком тридцатилетней конфронтации, то насчет авторства ее окончания, уверен, сомнений нет — решающая роль принадлежит советскому лидеру — М.С.Горбачеву.

Обычно рассматриваются альтернативы холодной войне со знаком плюс, но вполне могло быть и со знаком минус.

Основное достоинство сороколетнего периода то, что он прошел без большой войны. А накопленные за это время разрушительные вооружения вообще сделали ядерный конфликт невозможным. Исход холодной войны, в которой ее главные протагонисты не сделали ни одного выстрела, предопределило не оружие.

Если разобраться, холодная война была формой мирного сосуществования. Не той, которую пытались внедрить мы: «отношения мы с вами, господа капиталисты, поддерживаем, практическую пользу из этого извлекаем, а то, что при этом везде, где можно, пытаемся вас ослабить, то, извините, это закон общественного развития». А той формой, которая сложилась в реальной жизни на основе соотношения сил и его изменения, на основе здравого смысла, диктующего особую осторожность в ядерный век.

Ключевыми компонентами его были: идеологическое противостояние и геополитическое соперничество.

Арчи Браун,
историк, профессор, Великобритания

Анатолий Сергеевич Черняев уже поднимал вопрос о том, когда закончилась «холодная война». Холодная война, безусловно, была исключительно важным политическим феноменом, но одновременно «холодная война» — этот еще и риторическая фигура. Это значит, что нельзя дать совершенно точный, научно обоснованный ответ на вопрос о том, когда она закончилась. Однако мне представляется, что самая последняя разумная дата — это момент воссоединения Германии. Иными словами, она закончилась не позднее 1990 года. Однако решающим годом в прекращении «холодной войны», как

мне кажется, стал 1989 год, когда страны Восточной Европы получили возможность пройти по самостоятельному, некоммунистическому пути. Я предвижу, что некоторые со мной не согласятся, но я считаю *началом* холодной войны тот момент, когда окончилась Вторая Мировая война и странам Восточной Европы были навязаны режимы советского типа. Соответственно будет логичным считать, что «холодная война» *закончилась*, когда народы этих стран смогли сами решать, при каком политическом режиме им жить.

Что касается последнего момента, то тут важно добавить, что с идеологической точки зрения холодная война закончилась в 1988 году. Именно в этом году Горбачев — сначала летом, на XIX Партийной Конференции, а затем в декабре, выступая в ООН, — подчеркнул, что каждый народ имеет право выбирать для себя политическую и экономическую систему. Это было решение исключительной важности, но даже в Восточной Европе его значение в полной мере поняли только в 1989 году, когда, к удивлению сторонников «холодной войны», в Советском Союзе то, что говорил Горбачев, не разошлось с делом. Советские солдаты остались в казармах и не препятствовали процессу, в ходе которого с коммунистическим правлением в Странах Центральной и Восточной Европы было покончено.

Сергей Рогов уже говорил, что холодная война была сильно идеологизирована с обеих сторон. Это совершенно верно. На Западе было много разговоров (например, о «свободном мире»), и все они были идеологизированы. Западные поборники холодной войны с энтузиазмом твердили это, но в этом пантеоне «свободы», т.е. в «свободном мире», они отводили место отдельным весьма неприятным авторитарным государствам (и, естественно, многим демократическим тоже), потому что их лидеры, хотя и были диктаторами, но зарекомендовали себя как ярые антикоммунисты. Нужно сказать, что во второй половине 80-х годов деидеологизация внешней политики в Москве шла быстрее, чем в Вашингтоне, поскольку она была частью более общего процесса концептуальной революции, которая при Горбачеве происходила в России и вообще в Советском Союзе.

Холодная война вообще закончилась задолго до того времени, когда Борис Ельцин начал играть какую-то роль в

оформлении внешней политики, и задолго до того, как Советский Союз прекратил свое существование. И хотя иногда утверждают, будто бы Ельцин изменил в лучшую сторону отношения между Россией и остальным миром, это совершенно не соответствует истине.

Мало кто из числа аналитиков станет думать, что Ельцин сыграл значимую роль в прекращении холодной войны, — уж не настолько они несведущи в вопросах новейшей истории. При этом их суждения еще более противоречивы, когда речь заходит об оценке той роли, которую сыграл Рональд Рейган. Рейган действительно сыграл значительную политическую роль в этой пьесе. Ясно, что холодная война не могла бы прекратиться, если бы к этому не стремились США и их Президент. Однако в современной Америке проявляется сильная тенденция преувеличивать вклад Рейгана. Из окончания холодной войны в Америке извлекают неверные уроки, — например, утверждают, что наращивание военной силы гарантирует политические результаты.

Примером интерпретации, которая вводит в заблуждение во многих отношениях, может служить недавно изданная новая история «холодной войны», автором которой является известный американский ученый, профессор истории из Йельского университета Джон Гэддис, который много лет изучает эту проблематику.² Книгу Гэддиса превозносят до небес, однако автору лучше удалась трактовка истоков холодной войны и того, как она разворачивалась, нежели то, что касается ее окончания. Гэддис считает, что если бы в 1981 году покушение на Рейгана удалось, то есть если бы Рейгана убили, то холодная война не прекратилась бы, потому что «в таких условиях никто из американских политиков не отважился бы нарушить статус-кво, в основе которого лежала холодная война.

Это совершенно искажает то, что было на самом деле. Изменения были вызваны вовсе не этими причинами. Именно Горбачев, который тогда пришел к власти, predeterminedил конец холодной войны. Многие аспекты политики Рейгана — от филиппик по поводу «империи зла» до его заикливости на

² John Lewis Gaddis, *The Cold War: A New History* (The Penguin Press, New York, 2005).

стратегической оборонной инициативе (СОИ) — только осложнили Горбачеву выполнение этой задачи. В конце концов, тот факт, что Рейган поверил в возможность изменений в позиции Советского Союза, тот факт, что он, как и Горбачев, понимал весь ужас ядерного оружия, и то, что он зарекомендовал себя как ярый антикоммунист, который защищал свои тылы в Вашингтоне, — все это оказалось на руку новому советскому руководству. Партнерство между Горбачевым и Рейганом стало конструктивным и плодотворным.

Однако не имеет значение, кто персонально в то время тогда находился на посту президента США. Ведь *любой* здравомыслящий человек, будучи президентом США и имея Горбачева в качестве партнера, сумел бы продирижировать окончанием холодной войны. Джимми Картер может считать, что ему крупно не повезло, что его президентство пришлось на те последние годы, когда советскую внешнюю и оборонную политику определяли Брежнев, Громыко и Устинов. Все согласны с тем, что Картеру в США пришлось бы намного труднее, если бы он публично признал, что перестройка привела к фундаментальным изменениям в советской внутренней и внешней политике, или если бы он сделал то, что сделал Рейган, а именно приехал в Москву в 1988 году и заявил, что Советский Союз перестал быть «империей зла», — ведь это была «совсем другая эпоха».

Возможно, что на месте Рейгана Президент Буш — старший не так быстро воспользовался бы благоприятными возможностями, которые открылись благодаря прорыву в отношениях с Советским Союзом. На эту мысль наводит то что, став преемником Рейгана, Буш на первых порах действовал излишне осторожно. Но спустя некоторое время Буш наладил доверительные отношения с Горбачевым, и потом он и Горбачев вместе довершили окончание холодной войны.

И все равно, решающее значение имели изменения в Москве, а не в Вашингтоне. В течение того времени, что Рональд Рейган был президентом США, в Кремле сменились четыре генеральных секретаря. На временном отрезке с 1980 по 1985 год холодная война становилась все холоднее и холоднее. И только когда пост перешел к последнему из этих гене-

ральных секретарей, к Горбачеву, отношения между Востоком и Западом стали меняться.

Западным ученым и особенно историкам, занимающимся периодом холодной войны, следует уделять больше внимания внутривнутриполитическим факторам, в контексте которых строилась советская внешняя политика, уделять больше внимания решающей роли Горбачева и концептуальной революции, которая произошла в России во второй половине 80-х. Теперь советское поведение определялось ценностями и идеями, совершенно отличными от прежних. Эти факторы в своей совокупности сыграли решающую роль в прекращении холодной войны.

Уильям Таубман,
историк, профессор, США

Хочу напомнить три исторических эпизода: первый относится к середине холодной войны, второй к периоду после окончания холодной войны, и третий — ко времени, когда холодная война заканчивалась. Можно было бы ожидать, что самые опасные, взрывные эпизоды произошли во время холодной войны, и что после ее окончания наступит более обнадеживающий период. На самом деле, это не так.

Первый эпизод. Речь идет о Никите Сергеевиче Хрущеве. В пятидесятых годах его внешняя политика исходила не из «позиции силы», а была продиктована слабостью. В это время, у него почти полностью отсутствовали стратегические ядерные ракеты. Как действовал Хрущев в данных обстоятельствах? Он блефовал, то есть, делал вид, что у него такие ракеты были в изобилии, и угрожал ими США. Как реагировали на это США? Если сказать одним словом, — болезненно! Точнее, американцы начали строить, как можно быстрее, собственные ракеты. Как реагировал на это Хрущев? По-разному, но именно этим частично объясняется тот факт, что он послал ракеты средней дальности на Кубу. Как реагировали на это американцы? Если сказать коротко, — Карибским кризисом.

Второй эпизод. В нем главное действующее лицо Саддам Хуссейн. В начале этого столетия, он, как и Хрущев в середине прошлого, действовал, находясь в позиции военной слабости. Как нам сейчас ясно, у него не было ни ядерного оружия, ни других средств массового уничтожения. Но Саддам Хуссейн тоже блефовал. Он делал вид (как Хрущев), что такое оружие у него было, и не разрешил инспекторам ООН доказать, что его не было. Как реагировали на это американцы и англичане? Начали войну против Ирака, приведшую к ужасным последствиям, с которыми мы теперь слишком хорошо знакомы.

Третий эпизод. В период перестройки в СССР, М. С. Горбачев и его коллеги тоже выступали на международной арене, находясь в слабой экономической позиции. Но Михаил Сергеевич не блефовал. Наоборот, он действовал открыто и смело, продолжал переговоры, которые привели к концу холодной войны.

Наша задача — лучше понимать уроки холодной войны, чтобы более разумно действовать после нее, и одновременно, вынести уроки из современного периода, которые также помогают нам понять холодную войну. В связи с этим надо сказать, что, к сожалению, не все уроки холодной войны учтены, и некоторые ее самые опасные эпизоды повторяются.

Ф.М. Бурлацкий,
д.ф.н., политолог

Я постараюсь очень коротко сказать только об одном предмете, который не очень внушительно прозвучал в сегодняшней дискуссии. Речь идет о ядерном факторе в развертывании холодной войны. По примеру Билла Таубмана, я тоже остановлюсь на нескольких эпизодах, сыгравших огромную психологическую, политическую и, в конечном счете, экономическую роль в развертывании холодной войны.

Первый эпизод — это Потсдам — Трумэн и Сталин. У Трумэна была задача сказать о том, что создано ядерное оружие: он что-то пробормотал. Сталин сделал вид, что ничего не понял, но, выходя из комнаты, сказал Молотову: «он думает, что

я ничего не знаю. Надо дать указание Курчатову, который возглавляет наш ядерный проект, чтобы он ускорил эти дела». Это первый эпизод, который имел огромное психологическое воздействие на Сталина и на наше руководство, потому что он означал резкое изменение соотношения сил и появление новой угрозы для Советского Союза.

Второй эпизод, о чем уже упоминал Билл Таубман — Хрущев, Карибский кризис. Карибский кризис был вызван не только колоссальным недовольством Хрущева по поводу германской проблемы. Он был вызван некоторой эйфорией Хрущева в связи с созданием в СССР водородной бомбы, которой у американцев не было. Соотношение сил было тогда такое: у нас — 300 ядерных боеголовок, у американцев — 3 тысячи. Как же так, мы остаемся на втором месте? Мы должны им показать, что наши силы равны, и они должны признать СССР как равную, великую супердержаву. Вот это и была психология Карибского кризиса.

Третий эпизод — это Михаил Сергеевич Горбачев в Рейкьявике. После Рейкьявика как будто бы была договоренность между Горбачевым и Рейганом о том, чтобы идти к полному уничтожению ядерного оружия, будто бы Рейган в своей обычной манере большого барина, который не знает деталей, кивал головой на предложения об уничтожении ядерного оружия. Во всяком случае, об этом писали и даже говорили, что Рейган, вернувшись, столкнулся с сильным недовольством своего окружения. Это был очень важный момент.

Почему закончилась холодная война? Здесь тоже огромную роль играл ядерный фактор. Я участвовал в подготовке речи Алексея Николаевича Косыгина уже в брежневские времена. Ему задали тогда вопрос: «сколько мы тратим на вооружение, какой процент бюджета это составляет? Я был потрясен: по словам Косыгина, от 40 до 45 процентов бюджета — шло на вооружение. И Советский Союз надорвался. Он не мог больше выдерживать гонку вооружений.

Поэтому, когда Михаил Сергеевич Горбачев стал Генеральным Секретарем КПСС, он оказался не только представителем либерального течения в социализме, не только духовным вождем перестройки, но и реалистичным политиком, ко-

торый понимал, что дальше выдерживать гонку вооружений мы не в состоянии.

Что касается нынешнего времени, то игра, которую американцы уже ведут практически в одиночку, продолжает гонку ядерных вооружений «с самими собой». Эта формула напоминает «ядерный онанизм», потому что партнера нет: исчез партнер, а ядерная активность нарастает. Это совершенно уникальный случай в политической истории. Единственное, что мне нравится в американской политике в этой связи (и тут я не соглашаюсь со многими нашими политиками и публицистами), — это то, что американцы взяли на себя роль «чистильщика» потенциальных ядерных партнеров. Ядерный фактор должен быть осознан как один из важнейших факторов окончания и недопущения возобновления в той или иной форме холодной войны.

С. Савранская,

*историк, Архив Национальной безопасности США,
Вашингтон*

На мой взгляд, холодная война закончилась задолго до распада Советского Союза — осенью 1989 года в результате волны мирных революций в Восточной Европе. Но символический жест окончания холодной войны произошел, конечно, на Мальте, поэтому даже если бы Советский Союз продолжал существовать, международная система уже никогда не была бы системой холодной войны. Почему же она закончилась?

Архив Национальной безопасности США за последние годы провел несколько конференций в Америке и в странах Восточной Европы, посвященных окончанию холодной войны в Европе. Участники конференций пришли к выводу, что одним из ведущих — если не главным — фактором окончания холодной войны было новое видение мира, которое было создано Михаилом Сергеевичем Горбачевым и его ближайшими соратниками. Это новое видение оказалось особенно важно для стран Восточной Европы. Я остановлюсь только на важнейших элементах нового видения мира или нового мышления, кото-

рые были отмечены участниками конференций — американцами, но особенно, восточными европейцами.

Первое — это абсолютный отказ от применения силы или угрозы ее применения как инструмента внешней политики. Пока не поверили, что Советский Союз в реальности будет следовать этому принципу, окончания холодной войны быть не могло. Второе — свобода выбора как универсальный принцип. Оба эти принципа были провозглашены в речи Горбачева в ООН 7 декабря 1988 года. (В январе 1989 года советник по национальной безопасности президента США Brent Скоукрофт сказал: «я считаю, что холодная война еще не закончилась». Но, очевидно, он не очень внимательно слушал речь Горбачева в ООН.)

Третий принцип — это деидеологизация отношений между государствами.

Четвертый — приоритет общечеловеческих ценностей и идея Общеввропейского дома.

В июне 2005 года в Праге состоялась конференция, которая называлась «Хельсинкские процессы — коллапс коммунизма». На ней собрались бывшие диссиденты из всех стран Восточной Европы, которые говорили о том, что, начиная с 1975 года, появилась сеть правозащитных движений сначала в России, Советском Союзе, а потом во всех странах Восточной Европы, которые были готовы к реформированию. Но на вопрос, почему реформы так и не начались тогда, многие выступающие отвечали, что серьезных реформ не могло произойти до конца 80-х годов. Причина в том, что перед глазами стояли события 1956 года и 1968 года. Только в конце 80-х, только в 1989 году, когда поверили Горбачеву, когда страх исчез, — только тогда начались серьезные реформы в Восточной Европе, и конец холодной войны стал реальностью.

III Холодная война и современный мир

Уроки холодной войны для современного мира

Джозеф Най,

профессор Гарвардского университета, США

В порядке вступления, хотел бы заметить, что самым замечательным аспектом холодной войны является то, что она не переросла в «горячую войну». Если посмотреть на XX век, то в его первой половине было огромное количество крови и человеческих жертв. Поэтому тот факт, что холодная война не стала «горячей войной» сам по себе замечателен, и очень важно постараться извлечь уроки.

Пытаясь извлечь уроки для современного мира, мы должны указать на некоторое существенное различие. В современном мире есть два типа угроз мира. Первый тип — это традиционное соперничество между государствами. Например, можно задать вопрос: может ли подъем Китая привести к конфликтам и нарушению мирового равновесия?

Другой тип угроз — это новая повестка дня, которая возникла в результате информационной революции и глобализации. Речь идет о транснациональной угрозе терроризма, который представляет собой совершенно новое явление. Разумеется, новым является не сам терроризм, а способность террористов, например, Аль-Каиды, распространять свою деятельность на 50–60 стран, а также возможность того, что результатом действий террористов могут быть миллионы человеческих жертв. Это можно назвать приватизацией войны. 11 сентября 2001 года Аль-Каида убила больше людей, чем правительство Японии во время внезапного нападения на Перл-Харбор в 41-м году.

Сделав это вступительное замечание, я хотел бы сказать о шести уроках для современного мира. Первый урок состоит в том, что конфликт с применением насилия никогда не является неизбежным. Вероятность его может возрастать или ослабевать со временем, но такой конфликт не является неиз-

бежным. Да и холодная война не была неизбежной. В конце Второй мировой войны, учитывая биполярность мира, существовала вероятность некоторых конфликтов. Но возникновение столь глубокого противостояния, каким оказалась холодная война, не было неизбежным.

Это подводит к вопросу о восприятии и о страхах. Например, когда президент Трумэн впервые увидел документ № 68 Совета национальной безопасности, то он даже не полностью выделил средства на соответствующие меры. Однако после нападения на Корею Трумэн направил огромные ресурсы на осуществление положений этого документа. Это означает, что восприятие очень важно. Страх тоже очень важен, поэтому необходимо регулировать страхи и тревоги. Сегодняшний урок таков: когда мы смотрим на подъем Китая, мы не должны основывать наши суждения исключительно на страхе. Мы должны думать о том, как регулировать отношения с этой страной.

Второй урок. Очень важно понимание роли отдельных лидеров и способа, с помощью которого они решают конфликты. Невозможно понять причины холодной войны, не зная, не представляя себе личности Сталина и Трумэна. Окончание холодной войны нельзя понять, не понимая, не представляя себе личности Горбачева и Рейгана. Два человека сыграли исключительно важную роль в том, почему холодная война не переросла в «горячую». Эти два человека — Джон Кеннеди и Михаил Горбачев. Я назвал бы их героями холодной войны.

В 1962 году многие советники Кеннеди хотели пойти на огромный риск. Были люди, готовые тянуть конец каната в свою сторону, несмотря на то, что таким образом можно было развязать узел войны. К счастью, эти люди не возобладали.

Новое мышление Михаила Горбачева годах сыграло решающую роль в предотвращении кровопролития в конце холодной войны. Это означает, что лидеры должны учиться управлять конфликтами, регулировать их, изучать уроки холодной войны.

Третий урок — о пределах военной мощи. Конечно, военная мощь важна. Ядерное сдерживание сыграло важную роль в предотвращении действий, которые могли привести к тому, что та или иная сторона перейдет черту и начнется настоящая война. Но следует отметить два момента в отношении военной

силы. Во-первых, ядерное оружие — это настолько страшное оружие, что оно сковывает вас. Трудно представить себе, как оно может быть использовано. Поэтому очевидно, что ядерное оружие можно использовать только для сдерживания, а не для ведения войны.

Во-вторых, в век национализма, который усиливается в результате информационной революции, невозможно установить контроль над враждебно настроенным населением. Соединенные Штаты потерпели поражение во Вьетнаме, Советский Союз — в Афганистане, хотя и та и другая страны были ядерными державами.

Я полагаю, что урок, который надо из этого извлечь, состоит в том, что старая модель оккупации страны с враждебно настроенным населением не работает. К сожалению, Соединенные Штаты слишком поздно постигают этот урок в Ираке.

Четвертый урок — о важности экономической мощи. В последние десятилетия XX века мы стали свидетелями третьей промышленной революции или информационной революции. Это означает, что вычисления и коммуникации стали гораздо дешевле. С 1970г. до 2000 г. их стоимость уменьшилась в несколько тысяч раз. Если бы стоимость автомобиля уменьшилась так же резко, как стоимость коммуникаций и вычислений, то сегодня можно было бы купить автомобиль за несколько сот рублей. Это означает, что мир изменился самым драматическим образом. Поэтому плановая экономика, которую использовал Сталин, и которая была успешно использована во время второй промышленной революции для строительства сталелитейных предприятий и т.д., оказалась полностью не в состоянии решить проблемы третьей промышленной революции, а именно революции в сфере компьютеризации и коммуникаций. Только рынки могут гибко и быстро реагировать на такие изменения.

Следовательно, когда люди говорят, что проблемы, связанные с концом Советского Союза, были вызваны перестройкой, они забывают, что когда Михаил Горбачев пришел к власти, игра была проиграна, потому что старая экономическая система не смогла приспособиться к третьей промышленной революции.

Я видел такие цифры: в 1985 г. Советский Союз имел 50 тысяч персональных компьютеров. В это время Соединенные Штаты имели уже 30 миллионов таких компьютеров, то есть СССР отставал на несколько порядков. Урок, который необходимо извлечь из этого, состоит в том, что невозможно сохранять конкурентоспособность в современном мире, если не заниматься инновациями, если не принимать того, Шумпетер назвал креативным разрушением. Последнее означает: для того, чтобы что-то получить, надо от чего-то отказаться. Мы надеемся: то, что мы получаем, — лучше. Однако, пытаясь просто сохранить прошлое, вы, скорее всего, проиграете. Это значит, что успех будет зависеть от инноваций, принятия глобальных изменений.

Пятый урок — о значении мягкой силы или нематериальных, ненасильственных компонентов влияния. Мягкая сила — это то, что можно получать через привлечение, а не через принуждение. Если вы рассчитываете получить что-то через принуждение — будь то с помощью насилия, денег, подачек — это одно. Другое дело, если вы привлекаете людей на свою сторону, — это и есть мягкая сила. Мягкая сила ассоциируется с культурой, ценностями, политикой стран, которая должна выглядеть легитимной в глазах других.

Говоря о холодной войне, необходимо понять, что в 1945 году Советский Союз имел огромный запас этой мягкой силы. Коммунизм был привлекателен для очень многих в Европе. Советский Союз был привлекателен потому, что он выступил против Гитлера и фашизма. Но Советский Союз потерял значительную часть этой мягкой силы влияния в последующие годы.

Парадоксально, что в то время как советская жесткая сила росла, его мягкая сила сокращалась. Результатом вторжения в Венгрию или в Чехословакию был подрыв советской мягкой силы. В целом, это способствовало уменьшению силы и мощи Советского Союза.

Традиционно, мы считаем, что победит тот, у кого самая большая армия, что побеждают военные. Сегодня в информационном мире побеждает тот, кто более привлекателен и больше убеждает. Нужно иметь убедительный нарратив и историю, которая привлекает людей.

Это возвращает к тому, о чем я говорил вначале, — к угрозе транснационального терроризма. Конечно, против Бен Ладана надо использовать жесткую силу. Но одновременно надо использовать мягкую силу, чтобы привлекать огромное большинство умеренных мусульман — иначе вы не победите. Если вы не хотите, чтобы Бен Ладан сумел вербовать людей на свою сторону, надо использовать свою мягкую силу, чтобы привлечь умеренное большинство.

Шестой урок касается роли ядерного оружия. Можно утверждать, что во время холодной войны одной из причин того, почему она не превратилась в «горячую» было существование ядерного оружия. Я иногда называю это эффектом «хрустального шара». Если бы русский царь, кайзер, император Австро-Венгрии имели такой магический кристалл в 1918 г., они увидели бы сквозь него, что в 1918 году их империи рухнут, то я сомневаюсь, что они начали бы Первую мировую войну.

Так вот ядерное оружие — это тот магический кристалл, который позволял лидерам видеть ужасные последствия любой возможной ядерной войны. Поэтому ядерное оружие сыграло роль в предотвращении «горячей войны». В то же время необходимо не заходить в этом обобщении слишком далеко. Некоторые аналитики, такие как Кеннет Уолтс в США, говорили, что нужно многим иметь ядерное оружие. Но это требует, чтобы всегда работало рациональное сдерживание. Однако в мире существует не только рациональное сдерживание, но и случайности. Если мы посмотрим на Кубинский кризис, на Карибский кризис, то увидим, как близко мы подошли к войне. Или если мы думаем о проблеме ядерных материалов, которые могут попасть из рук государств в руки террористов; если мы посмотрим, например, на А.К. Хана в Пакистане, который распространял ядерные технологии в нескольких странах, мы сможем понять: предотвращение распространения ядерного оружия остается абсолютным приоритетом.

Таким образом, урок состоит в том, что договор о нераспространении и режим нераспространения сегодня важны, как никогда. Нынешние усилия, которые предпринимают Россия, Европа, Китай, Индия, США, сотрудничая в решении иранской проблемы, чрезвычайно важны для успеха.

В это состоят мои шесть уроков. А именно: необходимо помнить, что конфликт с применением насилия не является неизбежным, что важна роль отдельных лидеров, что есть пределы возможностей военной силы, что важны экономическая мощь и мягкая сила, что необходимо осторожно подходить к роли ядерного оружия.

Всякий раз, когда мы извлекаем уроки из одного периода истории и распространяем их на другой, есть опасность неверной исторической аналогии. Существуют новые проблемы и новые вызовы. Поэтому ошибочно называть нынешнюю угрозу, которую мы видим в лице терроризма, новой холодной войной. Некоторые называют это четвертой мировой войной. Может быть, будет долгая война, но это будет совсем другая война.

Поэтому, суммируя, хочу подчеркнуть, что история никогда не повторяется, но иногда она может рифмоваться.

О «позитивном наследии» холодной войны

А.Д. Богатуров,

*профессор, декан политологического
факультета МГИМО*

Есть темы в истории международных отношений, в истории нашей страны, о которых очень трудно говорить сегодня, потому что о них нужно говорить нейтрально. Нынешний студент, с которым я имею дело, моложе меня, лучше меня, потому что он свободнее меня. И просто ему сказать: это белое, а это черное — значит, потерять его доверие. Со студентом надо разговаривать. А сам студент часто задает очень сложные вопросы. И каждый год, когда я в положенный день иду в аудиторию на лекцию о перестройке, я знаю, о чем меня спросят. Они всегда спрашивают об одном и том же: как вы думаете — кто лучше — Горбачев или Ельцин?

Я должен отвечать. И отвечаю приблизительно так: «Ни тот, ни другой меня не спросили, когда они делали то, что они делали. Поэтому отношение к моим правам в смысле свободы

выбора у них одинаковое. И тот и другой очень сильно повлияли на мою жизнь. И в этом смысле они тоже для меня одинаковы. Но один — Горбачев — дал мне свободу, а другой — Ельцин — разрушил страну, в которой я жил. А дальше решите сами. Я не знаю, что вам сказать». Я думаю: время все расставит по местам. Время уже расставляет по местам. Просто мы не живем достаточно долго — я бы так сказал.

Когда я говорю о студентах, я говорю о русских студентах. Случается, я иногда преподаю и американским студентам, но в основном моя аудитория — те, для которых я стараюсь думать и писать — это русские студенты, российские дети. То, что со студентами интересно — несомненно. С нынешними русскими студентами — нелегко. Но они должны уметь говорить так, чтобы можно и не лгать, и все таки сохранять работу и жить. Правительства, в конце концов, приходят и уходят, а Россия остается.

Возвращаясь к теме «Уроки холодной войны», хочу сказать: в ней есть немало отрицательного, но есть в ней достаточно много того, что, мне кажется, очень важно и сегодня.

Прежде всего, мне кажется, холодная война оставила нам позитивное наследие специфической стратегической культуры. Эта стратегическая культура была основана на аксиоме, на допущении, что ядерная война неприемлема, потому что в ней не может быть победивших. Это, строго говоря, тогда, в эпоху холодной войны казалось общепринятой истиной.

Сейчас, в современном мире, мы понимаем, что это не так. Неприемлемость войны — довольно-таки локальная истина. Она фигурировала в качестве аксиомы только для ограниченного круга старых ядерных держав и их ближайших союзников. Сейчас в мире есть огромное количество стран, которые вообще не понимают, почему ядерная война должна считаться неспособной дать выигрыш, почему она является неприемлемой.

В этом смысле действительно с некоторой ностальгией думаешь, о том, что были свои достоинства в культуре поведения в холодной войне, и больше того, думаешь о практических вещах. На самом деле было бы очень здорово, если бы стратегическая культура холодной войны была навязана или экспортирована, например, в Южную Азию. Было бы неплохо, ес-

ли бы Индия и Пакистан стали вести между собой дело в соответствии с теми правилами, которые не они придумывали, не они вырабатывали, которые для них, строго говоря, являются чужеродными.

Наверное, и для целого ряда пороговых стран эта стратегическая культура была бы большим приобретением. Но пока чаще приходится видеть с их стороны реакцию в форме культурного отторжения. Оно очень сильное. Приходится мечтать о распространении культурного образца холодной войны. Это странно, но это так.

Другой «позитив» холодной войны касается уровня аналитической теории. Стратегические исследования времен холодной войны, по-моему, до сих пор не превзойдены. Теория сдерживания, как ее разрабатывали больше военные, чем дипломаты и политологи — это некий недосыгаемый сегодня уровень военно-политической мысли. В свое время она повлекла за собой повышение уровня военно-политического мышления не только аналитиков, но и политических лидеров. В дебаты по поводу ядерной стабильности включились достаточно широкие слои образованной элиты. Это, конечно, влияло на общества в целом и повышало их общий интеллектуальный уровень, в том числе уровень гражданских исследований в области международных отношений и политологии.

Бесценное наследие холодной войны — переговорный опыт, который был накоплен в процессе разрешения, казалось бы, неразрешимых межсистемных противоречий. Но ведь был не только сам опыт — существовали механизмы, переговорные системы. Когда сегодня объясняешь студентам, что существовали постоянно действующие переговорные комплексы в 70-80-х годах, студенты удивляются. Они не понимают, о чем идет речь — потому что сегодня переговорный опыт девальвируется, погибает, разрушается. Он словно не востребован. А мне кажется, что в современных условиях он очень важен. Просто, по-видимому, участниками нынешних глобальных переговоров должны быть не только Россия и Соединенные Штаты, а уже давным-давно Китай и многие другие страны, в том числе те, которые сегодня вообще ни в каких переговорах по вопросам глобальной безопасности не участвуют.

Наконец, последнее достоинство эпохи конфронтации. В самом конце 80-х годов в международных отношениях выкристаллизовалась идея приоритета согласованных действий. Мы тогда еще не знали таких слов, как односторонность. Мы не знали слова «юнилатерализм». Но мы знали: если одна сторона принимает меры для повышения уровня своей безопасности, то она должна подумать о том, как это воспримет ее потенциальный соперник. И понимали, что лучше с ним об этом поговорить заранее, чтобы не спровоцировать гонку вооружений. Надо было согласовать свои шаги, а потом уже действовать.

Мне кажется, эта идея полностью «потерялась» за последние пятнадцать лет. Только в последние годы в связи с конкретными шагами администрации Буша-второго, мы стали критиковать политику односторонних действий — но и теперь мы забываем сказать: Буш-второй просто возвращает нас «в эпоху Брежнева и Рейгана», в начало 80-х годов. После распада СССР мы пренебрегли наследием перестройки, перестали его ценить, а теперь — сталкиваемся с проблемой, которая нам кажется новой, а на самом деле уходит корнями в не столь давнее прошлое.

Я думаю, что если холодная война и продолжается — то только в головах. Потому что при любом отношении к руководителям Соединенных Штатов и Российской Федерации сегодня ясно, что они «близнецы-братья», оба они «родные дети» холодной войны с точки зрения того, как оба они воспринимают силу. Их культура мышления основана на силе.

Можно спорить о том, кто из них первым до этого дошел. Наверное, скорее Буш повлиял на Путина, чем Путин — на Буша. Как бы то ни было, оба они склонны к одной и той же идее — к идее силы. Это, несомненно. Это тоже уводит нас в те самые предшествующие десятилетия — некоторые негативные черты старой конфронтационной системы возродились самым странным и неожиданным образом, хотя противостояния между Москвой и Вашингтоном нет.

Буш и Путин уже не боятся ядерной войны между собой, но они еще не научились бояться, может быть, ядерной, а может быть, неядерной войны с кем-то третьим. Поэтому они так вольно обращаются с силой.

Мы сегодня еще не научились вести себя по новым правилам, мы сами эти правила еще даже для себя не сформулировали. Мы, русские и американцы, друг друга не боимся. А как ко всему этому относятся третьи страны, государства, которые не были вовлечены в биполярную конфронтацию, — мы еще не знаем. Только пытаемся нащупать новые запретительные барьеры методом проб и ошибок.

Посмотрите, какая у нас странная культура мира. Меня однажды пригласили прочитать лекцию на кафедру, которая называется «Кафедра культуры мира». Есть такая кафедра в одном из московских университетов. Когда я пришел туда и стал им что-то рассказывать, подумал: «Как странно. Это место называется «Кафедра культуры мира», а они меня спрашивают только о войне. Отчего это?» А потом подумал: «Да это не они виноваты. Наша культура мира — это культура мира при помощи войны». Ведь действительно, никакой другой культуры мы не знаем. И это тоже наследие прошлого. Что с ним делать — я не знаю.

Может быть, и не так плохо, что у нас есть хотя бы такая культура мира — вернее культура страха перед ядерной войной. Она оказывает сдерживающее влияние на многих опасных людей. Но одновременно жаль, что в этой культуре почти ничего нет от идеи сотрудничества, гармонизации интересов. Посмотрите, как мы умиротворяем соседей. Ведь мы хотим подружиться с Грузией, а сами ей угрожаем. А Соединенные Штаты разве хотят воевать с арабскими странами? Они тоже хотят с ними дружить. И посмотрите, что они делают на Ближнем Востоке. Мы по-прежнему идем к миру через войну.

Если думать о главном итоге холодной войны так, как нас призывает профессор Най, то следует размышлять о «мягкой мощи». Как бы то ни было «мягкая мощь» или «гибкая власть» — явление из сферы идей и представлений.

Но если говорить об идеях, то самые ценные идеи эпохи холодной войны — свобода и терпимость. Во второй половине XX века все боролись за по-своему понимаемую свободу, каждый боролся за свою свободу. И при этом, несмотря на, казалось бы, острую идеологизацию, терпимость была на очень высоком уровне. Мы не любили Соединенные Штаты, вернее, американский империализм, но мы их терпели. Они все время

нас критиковали, но почти всегда понимали, где критика должна прекращаться, ибо она может спровоцировать практически опасные действия или события. Терпимость, судя по опыту XX века, не менее важная идея, чем свобода.

После 15 лет реформ в России я довольно критически отношусь к демократии. Правда, я думаю, что демократия — это очень важно. Но мне кажется, демократия — это менее высокий уровень, чем свобода и терпимость. Во всяком случае, для меня, очевидно, что в системе ценностей, на которой держался мир в годы холодной войны, терпимость и свобода стояли вровень на высшей ступеньке шкалы ценностей. Демократия, мир, война — это очень важные понятия, но это понятия более низкого порядка.

Возможно поэтому даже президент Буш 3 февраля 2006 г. в ежегодном послании к американцам признал: существует много путей к свободе, и даже может существовать такая вещь, как арабская модель демократии. Возможно, это очень прагматичная мысль, обусловленная текущей политикой. Но эта мысль не бессмысленна и она, несомненно, параллельна идее терпимости — идее, ключевой для эпохи холодной войны.

Демократии были миролюбивыми в условиях холодной войны. Сегодня, когда холодной войны нет, демократии стали настолько сильными, что они стали поддаваться на искушение воспользоваться преимуществами своей силы. Это создает фон, на котором эпоха холодной войны невольно смотрится в некоторых отношениях вполне выигрышно по сравнению с современностью.

А правда ли, что холодная война закончилась?

Стивен Коэн,
историк, профессор, США

Тема моего выступления парадоксальна: все — политики, журналисты и ученые, — твердят, что холодная война в американо-российских отношениях закончилась 15 лет назад и даже

раньше. Однако сегодня в американской и в российской прессе регулярно появляются материалы о политике, поведении и полемике, которые якобы возрождают холодную войну.

Объясняется этот кажущийся парадокс тем, что в 1989-91 гг. холодная война не закончилась. Закончились всего лишь несколько глав в ее долгой истории. Сегодня разворачивается ее новая глава. Чтобы понять эту реальность, нам нужно вспомнить историю.

Если считать, что холодная война означает серьезное идеологическое, политическое, экономическое и даже военное противостояние, но без выстрелов или бомб, то в этом смысле холодная война между Америкой и Россией началась не в конце 40-х годов, как принято считать, а разворачивалась в течение 16 лет после Октябрьской революции, когда правительство США отказывалось признавать законность нового советского правительства.

Чтобы ответить на вопрос о том, когда она началась (и началась ли вообще), мы должны вспомнить другой исторический факт: с самого начала помимо оголтелых разжигателей холодной войны и в Америке, и в России были силы, которые хотели, чтобы на смену конфликтам холодной войны пришли элементы сотрудничества. Впоследствии их политика получила название «разрядка». Но одновременно важно признать, что главные сторонники разрядки вовсе не стремились к прекращению холодной войны. Они только хотели, чтобы она стала менее опасной, потому что они также считали, что холодная война естественным образом вытекает из различий в природе систем, существовавших в Америке и в Советской России.

Эти две исторические политики обусловили разные главы в истории холодной войны XX века.

Первая глава была ограниченной по своему охвату и сводилась, главным образом, к словесным заявлениям, но в первые 16 лет холодной войны, когда США с полным безразличием отказывались признавать Советский Союз, а советская сторона проводила революционный политический курс, породили идеологические факторы, которые действуют и по сей день. Позже сюда был вписан первый эпизод разрядки, которая началась в 1933 году при президенте Рузвельте, когда Вашингтон, наконец, заявил о дипломатическом признании со-

ветского правительства. Тем не менее, в 30-е годы борьба между ярыми ревнителями «холодной войны» и поборниками разрядки продолжалась как публично, так и за кулисами, а потом, в 1941 году, две страны стали союзниками в войне.

Вторая глава холодной войны, равно как и возобновление борьбы между сторонниками жесткой линии и сторонниками умеренной политики, начала развиваться после Сталинградской битвы, когда стало ясно, что общий враг, то есть нацистская Германия, будет побеждена. К концу 40-х годов сторонники разрядки в Вашингтоне и в Москве потерпели поражение, и вторая глава холодной войны пошла полным ходом.

На этом этапе обострились идеологические конфликты первой главы, но это был более крупный этап, четко отличавшийся от предыдущего в двух отношениях. Советско-американские конфликты оформились в результате раздела Европы и вскоре распространились на весь мир. Эта глава холодной войны характеризовалась опасной гонкой вооружений, в особенности ядерных.

Второй эпизод разрядки, инициированный Эйзенхауэром и Хрущевым в 50-е годы, начался плохо и закончился провалом. К 60-м годам вторая глава разрядки не состоялась из-за серии событий, в числе которых были Карибский кризис, убийство президента Кеннеди, смещение Хрущева и Вьетнам. По-настоящему разрядка развернулась только в 70-е годы, при Никсоне и при Брежневле. В Соединенных Штатах она проявилась в исключительно острой публичной борьбе между оголтелыми поджигателями холодной войны и сторонниками разрядки, которые в большинстве своем потерпели поражение в конце 70-х. (Я прекрасно помню это, поскольку был в рядах сторонников разрядки).

Третья (и потенциально последняя) глава холодной войны началась во второй половине 80-х. Самым важным моментом этой главы было то, что появилась историческая возможность навсегда покончить с холодной войной. Эту возможность олицетворял новый советский лидер Горбачев. Горбачевское «новое мышление» во внешней политике, не до конца понятое в тот момент и недооцененное даже сейчас, не было программой новой политики разрядки. Фактически это была программа прекращения холодной войны. (Основные постулаты «но-

вого мышления» отрицали все идеологические, политические и военные аксиомы, на которых с 1917 года зиждилась холодная война).

Так в Вашингтоне (и в Москве) началась роковая борьба между политиками, хотевшими использовать исторический шанс, который появился благодаря Горбачеву (сам Горбачев назвал этот шанс «альтернативой»), и теми, кто этого не хотел. Эту историю знают все.

К чести для Рейгана (и к недоумению многих из его сторонников из числа правых), по вопросу об окончании холодной войны он решил занять позицию, хотя бы частично созвучную позиции Горбачева. После «затянувшейся паузы» то же самое сделал и его преемник президент Буш. В результате этого в декабре 1989 года на Мальте, где проходила встреча на высшем уровне, Горбачев и Буш заявили, что холодная война закончена.

Неизвестно, что произошло бы, если бы в 90-х годах Горбачев и/или Буш остались у власти, но дурное предзнаменование было уже тогда. Даже в 1989 — 91 гг., когда Буш согласился прекратить холодную войну, многие из его главных советников, так же, как и многие представители американской политической элиты и СМИ, не верили в реальность этой задачи или отказывались принять ее. (Я сам был свидетелем этого накануне встречи на Мальте, в Кемп-Дэвиде, куда меня пригласили для обсуждения вопроса с наиболее непримиримыми сторонниками продолжения холодной войны. Среди них был и Ричард Пайпс. На обсуждении присутствовал президент Буш со всей своей внешнеполитической командой. Президент Буш согласился со мной, тогда как многие из его высокопоставленных сподвижников явно возражали).

Доказательством служит тот факт, что в декабре 1991 года, когда Советский Союз прекратил свое существование, американское правительство и американские СМИ мгновенно стали представлять якобы произошедшее «окончание холодной войны» не как взаимное советско-американское решение, которое, несомненно, и было таковым, а как величайшую победу Америки над Россией.

Это (ставшее общим местом) победное изложение событий и стало одной из причин начала четвертой главы холодной

войны, которая идет уже более десяти лет. Она началась, как теперь утверждают в США, в начале и в середине 90-х, когда Администрация Клинтона приняла два решения, которые шли совершенно разных направлениях. Одно из этих решений гласило, что к пост-коммунистической России следует относиться как к побежденной стране, и если эта страна хочет быть другом и младшим партнером США, она должна строить свои дела по американскому образцу. Второе решение состояло в том, чтобы нарушить обещание, данное России Администрацией Буша, о том, что НАТО «ни на дюйм» не продвинется на восток, как это тогда сформулировал государственный секретарь Джеймс Бейкер.

Пятнадцать лет спустя мы стали свидетелями новых проявлений этой четвертой главы в истории холодной войны и даже повторений ее второй главы, причем я должен с сожалением констатировать, что эти события были вызваны действиями правительства США. (То, что сделал Кремль, было по большей части реакцией на действия США). Приведу четыре очевидных примера:

1. Перемещение военных контингентов США и НАТО вплотную к российским границам, создание нового санитарного кордона или «холодного занавеса наоборот» и новая милитаризация отношений между двумя странами.
2. Молчаливое отрицание со стороны США того факта, что у России есть законные национальные интересы за пределами своей территории, причем в соседних, этнически родственных странах, и даже законный и полноправный суверенитет в области внутренней политики и экономики.
3. Знакомый двойной стандарт, когда Москве ставят в вину, что она проводит точно такую же политику, что и Вашингтон. Например, то, что она стремится получить союзников и военные базы в Украине и в других бывших советских республиках и использует свои богатства (в случае России это энергоносители) в качестве иностранной помощи дружески настроенным правительствам. (Есть много и других примеров).
4. Разработка новых видов ядерного оружия обеими сторонами (что прошло практически незамеченным)

Если эта новая глава холодной войны будет разворачиваться и впредь, то по целому ряду причин она станет одной из самых опасных:

- Ее геополитический фокус сместился из Центральной Европы в самый центр традиционной зоны безопасности России, в «новое зарубежье». Таким образом, расширяется крайне провокационное военное окружение.
- Одновременно разрастается опасное противоречие в том, как Америка и Россия видят себя. Соединенные Штаты, провозгласившие себя «единственной сверхдержавой», в расширительном смысле трактуют то, на что они якобы имеют право, чего прежде, до 1992 года, не было. (Действительно, в отношении пост-советской России Вашингтон проводит политику по принципу «победивший забирает все». Такой подход намного агрессивнее подхода, который был у США в отношении коммунистической России). Россия, со своей стороны, сильно ослаблена по сравнению с 1992 годом. Ослаблена и ее безопасность. Следовательно, в обоих отношениях ситуация стала менее стабильной и менее предсказуемой.
- Существует и не менее серьезный психологический фактор: эта глава стала главой необъявленной советско-американской холодной войны. Она разворачивалась, по крайней мере до недавнего времени, под маской «псевдопартнерства и псевдодружбы», и в результате в ней превалируют взаимные обиды по поводу якобы нарушенных обещаний и предательств. (Психологический фактор станет еще опаснее, если под влиянием этих событий Москва сделает вывод, что американская холодная война на самом деле ведется против России, а не против коммунизма, как сейчас считают многие в России).
- Нет сегодня и существенных отношений между Вашингтоном и Москвой, которые напоминали бы разрядку. Особую тревогу вызывает тот факт, что переговоры по сокращению ядерных вооружений по существу были прекращены из-за того, что Администрация Буша в одностороннем порядке вышла из Договора по ПРО и в 2002 году навязала Москве заведомо бессмысленное соглашение о сокращении ядерных вооружений. И все это, в том числе и но-

вое наращивание военной мощи обеими сторонами, происходит именно в тот момент, когда средства, которыми располагает Россия для реального контроля имеющихся ядерных устройств, гораздо менее надежны, чем в советские времена.

- И, наконец, элиты, бывшие ярыми сторонниками холодной войны, в обеих столицах по своей силе превосходят сторонников разрядки и намного превосходят тех, кто требует покончить с холодной войной. Поэтому возможности ослабления или прекращения холодной войны всегда зависят от того, находится ли на посту руководителя необыкновенный человек. Сначала таким необыкновенным человеком был Рузвельт, потом — Горбачев. Но возможен ли такой лидер сегодня? Трудно представить себе, что такой человек скоро найдется в Соединенных Штатах, где разрабатывается новая политика холодной войны в отношении России, причем такую политику всецело поддерживают обе политические партии. В этой связи особенно многозначительным и прискорбным примером служит «доклад» Эдвардса-Кемпа, представленный в этом месяце «беспартийным» Советом по иностранным делам. Причем в отличие от прошлого все это делается без какого бы то ни было значительного привлечения элиты, СМИ или народной оппозиции. Что касается России, то Горбачев действительно вышел из консервативной советской номенклатуры, к огромному удивлению большинства западных специалистов. Но московские комментаторы твердят нам, что современная российская элита более коррумпирована и корыстна и менее устремлена в будущее, нежели ее советские предшественники, и уж, конечно, менее нацелена на реформы, чем Горбачев и «дети XX Съезда».

Поэтому я закончу свое выступление извинениями в адрес Михаила Сергеевича Горбачева за то, что я оспорил утверждение, которое так часто делают от его имени, а именно утверждение о том, что он прекратил холодную войну. Я считаю, что трагическая реальность этой упущенной возможности не умаляет величия Горбачева в истории. Никто, даже самый великий лидер, и уж ни в коем случае не вероотступник, —

а Горбачев, безусловно, был им, — не может в одиночку реально реформировать свою страну или мир. Он только может дать всем нам возможность, которой у нас прежде не было, а именно возможность осуществить эти преобразования. У себя в стране Горбачев дал России возможность продолжить беспрецедентную эволюционную политическую и экономическую реформацию, которой Россия не воспользовалась. А моей стране он дал возможность прекратить «холодную войну», которая длится почти сто лет, но мы этой возможностью тоже не воспользовались.

Когда историки, наконец, напишут настоящую историю эпохи Горбачева и историю утраченных в это время альтернатив, они будут судить нас очень строгим судом, то есть если вообще будет, кому писать.

Или же мы можем надеяться в духе оптимизма, который всегда был присущ Михаилу Сергеевичу, что альтернативы, которые он дал нам, не потеряны безвозвратно.

Выступления

Ф.А. Лукьянов,

главный редактор журнала «Россия в глобальном мире»

Холодную войну хоронили многократно — начиная с событий рубежа 1990-х годов и заканчивая относительно недавними: расширением НАТО на Восток и закрытием российских военных объектов на Кубе и во Вьетнаме. И каждый раз торжественно объявлялось, что эта страница истории окончательно перевернута. Но призрак, тем не менее, весьма живуч. Отголоски тогдашней конфронтации не просто звучат вновь, но в последнее время, кажется, слышны все громче и громче. Это, конечно, можно объяснять инерцией политического мышления, которое просто не успевает за стремительными переменами. Но зачастую складывается впечатление, что дело обстоит намного хуже.

Холодная война жива не по инерции, а потому, что она по-прежнему необходима бывшим противникам в качестве осно-

вы для политической самоидентификации. Ведь на смену ей так и не пришло ничего, что полноценным образом заполнило бы образовавшийся идеологический вакуум.

Эпоха, связанная с холодной войной, была эпохой идеологий. Но и окончание конфронтации на исходе 80-х означало не конец идеологии, а как раз начало очень бурного, интересного периода, всплеск идейных исканий в попытке обнаружить нечто, что по-настоящему объединило бы недавних врагов. Мне кажется, что это был период самых искренних, хотя, может быть, и довольно наивных надежд.

Финал холодной войны стал проявлением доброй воли участников. И отсутствие таковой воли у одной из сверхдержав, конечно, радикально повлияло бы на ход событий. Осознание этого феномена дало бы уникальный исторический шанс: превратить окончание противостояния не в победу одной системы над другой, а в совместный проект. Но на рубеже 90-х подобный шанс был упущен. Сознательно была выбрана модель «победитель — побежденный», которая на тот момент парадоксальным образом устраивала обе стороны. Понятно, почему это устраивало сторону западную. В нашей же стране происходили события, которые позволяли использовать этот образ во внутривнутриполитических целях.

Результаты такого следования по пути наименьшего сопротивления мы имеем сегодня. Главной чертой нынешней ситуации является глубокий кризис привычных идеологий вообще.

За двадцать лет, прошедших с начала преобразований в Советском Союзе, мы все вместе добились одного фундаментального результата: дискредитировали или признали несоответствующими российской специфике все базовые модели развития. Сначала советскую модель, которая себя изжила, затем — либеральную, ориентированную на Запад. В силу специфики ее реализации она не была воспринята большинством населения. И, наконец, модель своего рода авторитарной модернизации сверху (если угодно, ее можно назвать азиатской), на которую многие, в том числе и убежденные либералы, действительно возлагали надежды в начале текущего десятилетия.

Рассуждения о модернизации стихли как-то сами собой, натолкнувшись на чудовищное сопротивление материала. Бю-

рократия, которая мыслилась в качестве главного проводника трансформации, на деле оказалась средой, которая способна заблокировать любой позитивный импульс.

Во всех этих трех моделях общее только одно: все они базировались на четких идеологических предпосылках. Их неудача породила современное положение вещей, когда отсутствие какой бы то ни было идеологии маскируется огромным количеством ее внешних атрибутов, изобретением всяких искусственных конструкций наподобие идей «суверенной демократии» или «энергетического сверхдержавия».

Эти концепты представляют собой не идейную базу проходящих процессов, а, напротив, более или менее умело сооруженную надстройку, призванную служить оболочкой для уже сложившихся и реализующихся политико-экономических практик. То есть получается процесс, повернутый в обратную сторону. Если раньше политика была производной от идеологии, то теперь идеология производна от политики.

В условиях дефицита ориентиров идейная база формируется из подручного материала, которым за отсутствием всего остального оказывается как раз наследие холодной войны как нечто хорошо знакомое и четко структурированное. Тем более что представление о поражении, которое, по общепринятому теперь мнению, потерпел в этой войне Советский Союз, питает легко разжигаемое чувство уязвленности и желания реванша. А как манипулировать подобными чувствами политикам хорошо известно.

Как ни странно, зеркальным отражением идейной сумятицы, которая царит по нашу сторону бывшего «железного занавеса», становится ситуация на противоположной стороне. Конец истории, который так и не наступил, хотя и был объявлен, породил удивительный феномен. Идеалы демократии, которые служили путеводным факелом на протяжении холодной войны и одолели конкурирующую систему взглядов, не расцвели полным цветом в мир без коммунизма, а, напротив, девальвировались, принимая все более инструментальный характер.

Причудливое, странное переплетение искреннего демократического мессианства с преследованием самых что ни на есть циничных геополитических интересов, — а это перепле-

тение совершенно естественно для неоконсервативной идеологии, доминирующей сегодня в Соединенных Штатах, — способно нанести самому понятию демократия гораздо больший урон, чем вся коммунистическая пропаганда вместе взятая.

Технологизация демократических процедур, в которую постепенно превращается идея об обязательности свободных выборов, зачастую приводит к выхолащиванию их смысла.

И, наконец, концепция гуманитарного применения военной силы, как правило, создает больше проблем, чем решает. И в этом смысле получается, что демократия, обретя «жесткую» силу, начала стремительно терять мягкую, которой она и была сильна раньше. Исчезновение противника, который, казалось бы, был главным тормозом глобального гармоничного развития, на деле дезориентировало самого условного победителя.

Ответы на угрозы и опасности, порожденные новой мировой ситуацией, не удастся найти в рамках прежней парадигмы. Но в поисках этих ответов развитый мир соскальзывает к привычному стереотипу, продолжая двигаться в направлении, которое было задано крахом коммунизма, то есть в направлении огораживания прежнего противника.

И в этой точке смыкаются обе стороны, находя, друг в друге все новые приметы взаимной отчужденности и словно инстинктивно пытаясь восстановить столь стабильную и понятную идеологическую конструкцию прошлого. Ведь химера всеобъемлющей универсальной идеологии, способная быть таковой не в большей степени, чем идея «энергетической сверхдержавы». Но при этом она еще и лишена того стабилизирующего эффекта, который обеспечивал прежний тип противостояния.

Идеологический вакуум, воцарившийся после холодной войны и так не заполненный теми, кто ее завершил, заполняется теперь помимо их воли. Неожиданный всплеск религиозных настроений, на мой взгляд, является реальной заявкой и на то, чтобы занять освободившуюся нишу идеологий. Угрозой демократическим ценностям, взявшим верх в холодной войне, является даже не всеобщая одержимость проблемой безопасности, охватившей весь мир, а прорыв в высокотехнологический мир XXI века, по сути, средневекового сознания.

Ведь ответом на радикальный ислам становится пробудившееся ощущение религиозной принадлежности, совсем, казалось, уснувшее и на светском Западе, и в совсем еще недавно насквозь атеистической России.

Наиболее примечательным событием «карикатурных» страстей в Европе и на Ближнем Востоке стало, на мой взгляд, обращение двух датских епископов, которые напомнили о том, что сжигание мусульманами датских флагов — это не только оскорбление государства, но и святотатство, поскольку на полотнище — христианский крест. Едва ли можно вспомнить, когда до этого в последний раз жители либеральной и насквозь секулярной Дании вспоминали о том, что их флаг содержит религиозную символику.

За отсутствием чего-либо иного память о холодной войне продолжает, к сожалению, оставаться главным несущим элементом политики. Но проблема заключается в том, что она не способна заменить реальную идеологию, а на фоне пробуждения политической активности, которую мы наблюдаем по всему миру, великие державы ведут себя попросту неадекватно. Оба участника холодной войны могут оказаться в положении проигравших перед той силой, которая на самом деле окажется намного мощнее и намного привлекательнее их.

В.А. Никонов,
президент фонда «Политика»

Ответ на вопрос, чем закончилась холодная война, сейчас в наибольшей степени разделяет Россию и Запад. Противоположные трактовки того, что произошло в конце 80-х — начале 90-х годов, лежат в основе многих существующих противоречий.

Доминирующая интерпретация на Западе — это его «победа в холодной войне». Запад своим давлением, гонкой вооружений, «звездными войнами», силой демократических идей заставил Михаила Сергеевича Горбачева и вместе с ним Советский Союз капитулировать в «холодной войне». Была одержана полная и безоговорочная победа. Победа над кем?

Победа над страной, которую всегда, во все времена, во всех ее формах и ипостасях называли Россией.

Отсюда отношение к России как к побежденной стране. Как, скажем, к Франции после окончания наполеоновских войн. Как к стране, которой не полагалось иметь свою собственную внешнюю политику. Распад Советского Союза был интерпретирован однозначно как распад империи. И поэтому любые движения в сторону реинтеграции воспринимались как возрождение этой империи. Отсюда стремление дистанцировать соседей от России, создать на постсоветском пространстве ситуацию «геополитического плюрализма», используя слова Збигнева Бжезинского.

По существу, немного трансформировалась политика сдерживания. Теперь это было сдерживание России в ее новых границах. При этом она все больше воспринималась как страна, которая, не может быть интегрирована в западные структуры. Россия для Запада была слишком большой и слишком русской. Россию невозможно интегрировать в НАТО, потому что это будет концом НАТО. Россию невозможно интегрировать в Европейский Союз, поскольку Европейский Союз не потянет столь обширную страну со столь слабой экономикой.

Но главное — на Западе та архитектура безопасности, которая существовала во времена «холодной войны», осталась абсолютно нетронутой. И вместо того, чтобы подумать над новой архитектурой мира после «холодной войны», начали думать, как приспособить к новым условиям старые структуры, которые были созданы во многом в соответствии с логикой «холодной войны» и для ее целей.

Тогда, на рубеже 80-90-х, была упущена главная историческая возможность, которая существовала и для России, и для Запада, — стать единым целым. Эти идеи тогда не раз были озвучены Михаилом Сергеевичем Горбачевым — идеи Общеввропейского дома. Казалось, Россия может слиться с Западом в рамках клуба цивилизованных стран. Но, к сожалению, на Западе это все воспринималось совершенно иначе, исходя из иной интерпретации того, что произошло и чем закончилась «холодная война».

Конечно, в России тоже есть люди, которые считают, что, да, Россия проиграла в «холодной войне». И поэтому нам надо

сидеть и не рыпаться. Не мешать Западу превращать Россию в «нормальное государство». Это по существу мейнстрим российской либеральной мысли. Но мейнстрим российской либеральной мысли является довольно маргинальным идеологическим и политическим течением в современной российской политике.

Большинство, в том числе участники событий, включая Михаила Сергеевича Горбачева не считают, что Россия проигрывала «холодную войну». Они считают, что Россия мудро прекратила эту войну к пользе нашей страны и всего мира. За это, считают в Москве, Россию надо было бы поблагодарить и относиться к ней как к равному партнеру, который имеет собственные законные интересы.

Кроме того, при прекращении холодной войны было отпущено в свободное плавание большое количество новых суверенных государств, интеграция или реинтеграция с которыми Москве кажется столь же естественной как дыхание. А отношение к России как к побежденному противнику и ее сдерживание, в том числе в постсоветском пространстве, воспринимается просто как черная неблагодарность.

Сейчас те силы, которые выступали за слияние России и Запада в единое целое, у нас практически исчезли. Они были достаточно эффективно элиминированы такими событиями, как расширение НАТО, война в Югославии, война в Ираке, которые свели прозападные силы к минимуму.

Разница во взглядах на то, что произошло в конце «холодной войны», породила и очень серьезные разочарования. На Западе считалось, что Россия в результате «поражения в холодной войне» должна быстро стать образцовой демократией и прозападной страной. Россия считала, что ее примут в клуб, что ей дадут деньги в рамках нового плана Маршалла. И когда ни того, ни другого не произошло, возникло разочарование, — причем сильное и двустороннее.

Хотелось бы, чтобы западные политики не воспринимали Россию как побежденную страну, поскольку это приводит к очень серьезным политическим просчетам.

А нам, наверное, не надо эйфорически говорить о том, каких замечательных геополитических успехов мы достигли в результате завершения «холодной войны». Я не считаю, что Рос-

От Фултона до Мальты

сия проиграла «холодную войну». Но очевидно, что мы проиграли мир после «холодной войны». И сделали мы вместе.

Перспектива совместного будущего России и Запада сейчас представляется куда менее вероятной, чем пятнадцать лет назад. В России зреет ощущение того, что она обречена оставаться суверенным центром силы современного мира, что она не может быть интегрирована в какие-то другие группировки. Что ей не надо в Европейский Союз, потому что это слишком зарегулированная организация, которая к тому же является зоной экономической стагнации; что ей не надо в НАТО, потому что в таких условиях, когда ее воспринимают как побежденную страну, лучше сохранять свободу рук в военно-политической сфере.

Россия и Запад сейчас, безусловно, расходятся. А это значит, что тот идеальный мир, который мог бы возникнуть после окончания «холодной войны» на основе единства цивилизации с участием Севера, России, воспринимающей себя не как евроазиатский, а евротихоокеанский центр силы — эта конфигурация становится все менее и менее возможной.

Ну что ж, мир несовершенен. Когда Альберт Эйнштейн ушел из этого мира и предстал перед очами Господа Бога, он попросил: «О, Всемогущий, не мог бы ты написать высшую формулу мироздания. Я всю жизнь думал над этой формулой и не мог ее вывести». Бог сказал: «Какие проблемы!» Он взял лист бумаги, написал формулу и отдал Эйнштейну. Эйнштейн посмотрел и сказал: «О, Господи, но здесь же ошибка». «Я-то в курсе», — ответил Господь.

Л.Ф. Шевцова,
д.и.н., Фонд Карнеги

Прежде всего, не могу не прокомментировать вопрос о конце холодной войны. Причем, я бы хотела высказаться с позиции человека, который смотрит на мир и на международные отношения через призму внутренней политики. Словом, это взгляд не специалиста-международника. Так, вот, по моему глубокому убеждению, холодная война в том традиционном

формате, в котором она происходила,— как противостояние двух альтернативных друг другу цивилизаций, во-первых, претендующих на глобальное влияние; во— вторых, использующих ядерное противостояние в целях достижения этого влияния; и в— третьих, претендующих на монополию своей идеологии, — эта война закончена. Всё, в этой истории поставлена точка. И возврата к холодной войне в таком формате быть не может в силу разных обстоятельств, в первую очередь в силу ухода со сцены одного из главных действующих акторов холодной войны. И, собственно, честь поставить точку в этой истории принадлежит Горбачеву, который тем самым изменил траекторию развития миропорядка. Ему удалось стать последним лидером СССР, но первым лидером новой эры, политиком, который заставил мир, включая и Запад, искать ответ на те вызовы, которые он породил своим «новым мышлением» и отказом от биполярности. Причем, то, что происходит на международной сцене сегодня, говорит о том, что мир так и не нашел ответы на вопросы, которые перед ним поставил Горбачев.

Хотя старая история закончена, тем не менее, существуют ситуативные и системные факторы, которые порождают новую логику «холодного» или «прохладного» мышления, т.е. начинается, вернее, уже началась новая история. Эта логика может толкать к воспроизводству если не новой холодной войны, то «холодного сдерживания». Собственно, мы видим все признаки этого взаимного сдерживания, в котором участвуют самые разные государства, включая Запад, Китай и Россию. Причем, в основе этого сдерживания лежат как геополитические, так и текущие интересы, а также несовместимость ценностных воззрений и взглядов на мир и его устройство. Поставлю вопрос более конкретно: то, что мы наблюдаем сегодня на Ближнем Востоке, в бывшем советском пространстве, в некоторых регионах Юго-Восточной Азии (отношения Китая с Японией) — это и есть новая форма холодной войны. В ней проявляется немало элементов, которые могут дезориентировать и даже успокаивать. В той форме международных отношений, которые мы наблюдаем сегодня, есть немало элементов диалога, сотрудничества, партнерства. Но подспудно все больше ощущается фактор взаимного недоверия и подо-

зрения. Эти настроения уже трудно скрыть в отношениях между Западом и Россией.

Почему не удалось покончить с «холодным мышлением»? Что за ним скрывается? В чем ситуативность, а в чем системность этого явления? Я, честно говоря, до сих пор не нахожу удовлетворительного для себя ответа на эти вопросы. Позвольте мне поразмышлять вслух, не претендуя на владение окончательной истиной. Мне кажется, среди ситуативных факторов, которые возродили «холодное мышление» в отношениях между Россией и Западом, нужно прежде всего упомянуть первое расширение НАТО, которое разбудило у российского политического класса, не сумевшего найти другие способы самоидентификации, дремавшие стереотипы враждебности. Российская элита восприняла расширение НАТО, как посягательство на российскую государственность, которая ею воспринималась— все еще воспринимается— как державность со своей сферой влияния. Были и другие причины, действовавшие в том же ключе, среди них, необходимость для России постоянного ограничения собственных глобальных appetитов, которое воспринимается, как «отступление» перед Западом. Речь идет о том, что Москва была вынуждена примириться с односторонним отказом США от системы ПРО, и расширением американского присутствия на пост-советском пространстве, и вторым расширением НАТО, и вступлением в ЕС Прибалтики.

Кроме того, есть и те ситуативные факторы, конечно, о которых говорил Стив Козн. Я говорю о «двойных стандартах» Запада, которые нашли проявление и в ходе югославского кризиса, и в ходе войны в Ираке, и в отношениях западных демократий к авторитарным и тоталитарным режимам— попустительство в отношении про-американских режимов (например Пакистана) и критика антизападных режимов такого же толка (отношение к Беларуси). Любой выход развитых демократий за рамки своих стандартов неизбежно вызывает в России разочарование в либеральной демократии, как модели, и подозрительность к западным государствам, как носителям этой идеологии.

Но это всё ситуативные причины охлаждения отношений между Россией и Западом. А в чем же системные причины? Го-

воря о системности, я думаю, что мы должны пойти дальше в своих размышлениях, не останавливаясь на проявлениях и последствиях, а говоря о сущности. Проблема не только в сохранении памяти холодной войны (об этом хорошо говорил Федор Лукьянов). Проблема не только в том, что бродит в наших больных либо здоровых умах. Проблема не просто в идеях, представлениях и стереотипах. Ведь неизбежно возникает вполне материалистический вопрос: каковы предпосылки сохранения этих идей, памяти и «холодной ментальности». Мы должны, наконец, ясно и четко, не прибегая к умолчаниям сказать: все дело в неготовности, неспособности, неумении российского политического класса заполнить ту нишу, которую создал Горбачев и его команда, вызвав обвал биполярного мира и ликвидировав основы для холодной войны, как ядерного и идеологического противостояния.

Горбачев завершил советский цивилизационный проект, но на его месте ничего концептуально нового не выросло. Не сумев оформить новый проект и не желая принимать правила игры либеральной демократии, постсоветский политический класс и его интеллектуальное обрамление начали пытаться самосохраниться за счет возврата к осколкам старого, возрождая прежние стереотипы и традиции, фактически подвешивая Россию в межуточном состоянии. Причем, подчеркну, что мы имеем дело с попытками возродить прошлое без ресурсов его поддержания, т.е. речь идет об имитации былых системообразующих факторов, включая державность, силу, суверенитет, величие, амбиции и т.д. То, с каким воодушевлением некоторые коллеги говорят о временах холодной войны, явно ощущая гордость по тем временам, тоже является частью, скорее неосознанной, этой имитационной игры и одновременно подтверждением того, что пост-советская элита после Горбачева так ничего и не сумела создать.

Это отсутствие модернистского цивилизационного проекта и есть основная системная причина возобновления «холодного» сдерживания, пусть и на другом уровне, пусть в ограниченном масштабе. Естественно, похолодание нуждается в образе врага и мобилизационной риторике. Стоит посмотреть российское телевидение, любую аналитическую программу, стоит посетить любое политическое мероприятие в Москве и в

провинции, стоит послушать кое-кого из нас, сидящих здесь, и вы получите подтверждение нашего «провисания» — стремления самоутвердиться в настоящем за счет возвращения к доперестроечному порядку.

Логика движения в «холодном» либо «прохладном» пространстве толкает Россию и Запад не только к попыткам взаимного сдерживания, но и конфликтам на бывшем советском пространстве. Вот эти три слова «Украина, Белоруссия, Грузия» являются предупреждением о том, где конкретно могут столкнуться Россия и Запад, если Россия продолжит свое межумочное движение. В то же время Россия не готова не только к конфронтации с Западом, но даже к дистанцированию от него. Российский политический класс желал бы продолжать игру под названием «партнер — противник», сотрудничая с Западом в тех сферах, которые не угрожают его интересам, и противодействуя Западу там, где ощущает уязвимость либо где затрагиваются интересы его выживания в старой парадигме. Но ведь рано или поздно вторая часть формулы помешает осуществлению первой части — партнерство невозможно без доверия и общности взгляда на мир.

И здесь я перехожу к парадоксу. Джо Най говорил о парадоксах. Я дополню его список. Размышляя о парадоксах, я позволю себе не согласиться с очень уважаемым мною Анатолием Леонидовичем Адамишиным, который говорил: у России альтернатива — либо сдать Запад, либо воевать с ним. Я по-другому смотрю на выбор, который стоит — не перед Россией, а перед ее политическим классом. Мне кажется, что этот политический класс удивительно артистически и успешно, если говорить об осуществлении его собственных интересов, сформировал новое отношение к реальности, в том числе и к окружающему миру. Вот его задача: интегрирование в Запад, в Европу на личном и корпоративном уровне и в то же время закрытие Запада, Европы для российского общества. Образно говоря, открыв Европу для себя, наша элита закрыла Европу для общества и понятно — почему. Потому что с нормальным, открытым и свободным обществом, она просто не справится. Управлять другим обществом эта элита не сможет и в другом обществе эта элита перестанет быть элитой. Она может управлять только обществом, которое она дурачит стра-

шилками о НАТО, о натовских танках под Полтавой, об угрозе Запада, о потере Россией своего суверенитета, о том, что про-западная Украина либо Беларусь — для нас смерти подобно. Но эта дребедень— все для общества. Сама же элита любит общаться с западным политическим классом, стремится выглядеть цивилизованно, при этом пытаясь пудрить мозги и Западу, рассуждая о неразвитости и варварстве россиян и о том, что Путин в России— единственный европеец, кроме, конечно, их самих. Так, что российская элита уже давно сдалась Западу, но пытается делать воинственный вид, чтобы об этой сдаче не узнало российское общество.

И последнее: о возможных сценариях развития Российского Гибрида. Я вижу два сценария, и оба они плохие. Первый сценарий — это продолжение имитации, блестящий пример которой только что продемонстрировал В.А. Никонов. В рамках этого сценария российская элита и ее пропагандисты будут доказывать, что Россия — это не Запад, но и не Восток, а нечто между ними. Говоря упрощенно, Россия— это кошка, гуляющая сама по себе. Фактически речь идет об очередных претензиях на «особость», которая бы позволяла сохранять и нынешнюю систему, внешне демократическую, а в сущности бюрократически-авторитарную, и внешнюю политику, которая сводится к такому же гибриду— «партнер-противник». Этот сценарий означает постоянную игру в видимость, претензии на нечто, что не подкреплено ресурсами. Причем, Запад, скорее всего, согласится играть в эту игру, не имея возможности повлиять на ход российских событий.

Вторая альтернатива — это более четкая ориентация на «прохладный мир» с различной степенью холода и более откровенным дистанцированием между Россией и Западом. Во внутренней политике России— это усиление централизации и разрыва между властью и обществом. Оба сценария ведут к одному — к маргинализации и изоляции России, к ее самовыталкиванию за пределы цивилизационного пространства.

И последнее. Я совершенно искренне считаю, что у Михаила Сергеевича, у которого через день будет важный юбилей, нет больше ответственности перед нами, перед своим Фондом, перед этими стенами. У него нет ответственности перед историей. У него ответственность перед будущим. Эта ответ-

ственность и полная свобода Горбачева, как гражданина мира, а не только гражданина России, позволяют ему открыто и не церемонясь, ставить вопрос о том, как остановить спалзывание России к холодному либо прохладному миру. Кроме этого, он может взять на себя и другую миссию, помогая Западу осознать, что именно Россия является сегодня глобальным вызовом для западной цивилизации, от которой зависит, кстати, и будущего самого Запада.

П.Р. Палажченко

руководитель службы международных связей и контактов с прессой, Горбачев-Фонд

В сегодняшней интересной дискуссии не очень много говорилось о том, что произошло в последние пятнадцать лет. Я не претендую на глубокий анализ, но мне кажется, что в политике Запада, с одной стороны, и России, как наследницы Советского Союза, с другой стороны, в последние 15 лет, большую роль играл не «текст», а подтекст. Есть текст — доктрины, выступления и т.д.. Есть российская внешнеполитическая стратегия, утвержденная на высшем уровне. Есть соответствующие американские документы. И есть подтекст, некое «коллективное бессознательное» тех, кто делает внешнюю политику, элит.

Мне кажется, что в этом подтексте, в этом коллективном бессознательном было следующее. С американской стороны, со стороны Запада было стремление не допустить новой холодной войны. Запад не хочет новой «холодной войны» с Россией, хотя к ней относятся по-прежнему с подозрением, в том числе из-за некоторых действий, которые вызывают у Запада более или менее обоснованные страхи и опасения. Поэтому к некоторым вещам, которые были в российской политике, в том числе в последние годы, отношение довольно сдержанное и толерантное, во всяком случае, на поверхности.

Очень не хочется, чтобы «холодная война» возникла с Китаем. Здесь Китай почти не упоминался, а я думаю, что это то, что сейчас прежде всего волнует американский внешнеполитичес-

кий истэблишмент: как не допустить холодной войны с Китаем. В этом отношении уроки холодной войны, о которых говорил профессор Най, безусловно, очень важны, и, я думаю, они учитываются. С этими уроками я, кстати, абсолютно согласен.

Что касается России, то, по моему мнению, подтекстом российской политики в последние пятнадцать лет является стремление возродить достойную роль России на международной арене. В российском истэблишменте есть ощущение, что Россия очень много утратила — то ли в результате окончания холодной войны, то ли уже после ее окончания.

В.И. Супрун,

д. ф. н., директор фонда «Тренды», Новосибирск

Психология «холодной войны» поддерживалась незнанием и непониманием. При этом сама советская система организации жизни с ее жестким регулированием и своеобразной иерархичностью социума вела к появлению еще одного занавеса, между Москвой и остальной Россией, что в принципе сохраняется и по сей день, хотя и в модифицированном виде. То есть образ жизни, уровень жизни в провинции другой, и в экономическом отношении он ниже, чем в Москве. А проблемы «другой России» не особенно волнуют жителей столицы, как, в свою очередь, проблемы России сейчас, похоже, вообще не волнуют людей Запада. Возникает феномен «железного занавеса» № 2. Он совсем не так материален и осязаем, как его исторический собрат, но он близок ему своей холодностью и отчужденностью.

В том, первом случае, люди не могли свободно передвигаться, не могли, например, переехать жить в столицу или поехать за рубеж. Но благодаря реформам Горбачева люди стали социально мобильны. Сейчас ограничение накладывается или экономическими факторами, или же культурными предпочтениями, но не регламентациями советской бюрократии — номенклатуры. Свободное передвижение, выбор места жизни и стиля жизни стали возможны с разрушением мертвящей стагнации холодной войны.

Холодная война — это ведь не только конфронтация двух полюсов, но и холод стагнации. И брежневский режим — это порождение этой стагнации, боязнь разрешить ее, пойти на риск изменений, заторможенность социальных перемен в СССР в 70–80-е годы — это тоже результаты холодной войны, а не только системы. Главная стагнация СССР — не экономика, а идеи. Они были застылые, как сибирские сугробы. Не было новых идей, не было порыва и тяги к свершениям, особенно в эшелонах власти. И последствия этого застоя в идеях ощущаются до сих пор. Ведь нельзя считать «заимствование» и копирование творческим процессом. И в этом отношении видение Горбачева о новом мышлении и общечеловеческих ценностях оказалось прорывом сквозь паутину застоя. Хотя, к сожалению, этот импульс к творчеству и поиску в период правления Ельцина угас, свелся к эпигонству и невнятному бормотанию. Однако этот импульс дал некий толчок к социальному экспериментированию, а гражданское общество, хотя, по выражению Фукуямы, и в протоформе, получило свою цель, хотя и не цельность.

Свою роль в этом сыграло и западное влияние в сфере культуры, о чем интересно пишет профессор Дж. Най в своей книге «Гибкая власть». Хотя мне представляется, что на советскую интеллигенцию в большей степени оказала влияние не поп-культура, а высокая современная культура, например, произведения Хемингуэя, Фолкнера, Уоррена, Сэлинджера и др. Провозглашаемые ими ценности самодостаточности отдельного человека, стойкости под «давлением», свободы и ответственности личности находили отклик и помогали внутренне сопротивляться массовидности и ординарности. Человек должен пройти по дороге своей жизни сам, и дорога, которую он выбирает, — его выбор. Но и ответственность — тоже его. Парадоксально, но то, что «прорывалось» сквозь «железный занавес», было действительно сильным, а не дряблым, как вся продукция «массовой культуры».

У Советского Союза были свои достижения в сфере качественного искусства, но не в сфере поп-культуры, которая была бы воспринята на Западе. По этому параметру СССР проигрывал Голливуду вчистую, и это не могло не сказаться, когда СССР как бы тоже повернулся к материализму, не только бытовому, но

и идеологическому. Ведь на самом деле, СССР был страной утопического импульса, стремящейся построить новое общество, создать нового человека, стать пионером на пути прогресса.

Холодная война истощила этот идеалистический ресурс, загасила энтузиазм и породила психологию выживания и сиюминутности. Холодная война — это не только факты и цепь неких исторических событий, но и нарратив, который мы рассказываем не только друг другу, но и истории. Этот нарратив важен, так как холодная война — это не только противостояние, но это и рассказ о том, как угасает импульс, истощается жар энтузиазма и как уходит в холод небытия один из воинов холодной войны.

Запад как бы выиграл, хотя вернее сказать, что Советский Союз, потеряв ресурс мобилизующей «гибкой власти», совершил харакири, однако как-то не гордо и без всякого соответствующего антуража, потеряв значимые цели и ориентиры.

Холодная война, как никогда прежде, выявила значимость объединяющей цели, вдохновляющего видения и параметров «гибкой власти». Ведь экстраполяция только экономических тенденций, создания сценариев политической и военной динамики не дает адекватного изменениям надежного анализа. Что подтверждает и пример Г. Кана, известного эксперта, который в своей знаменитой книге «Год 2000», вышедшей в 1969 году, не только не предвидел крах СССР, но даже не допускал мысли об этом.

И действительно метод экстраполяции, метод аналогии не работает в современном мире. Так как этот мир — это не только экономика, политические союзы, но и сфера проявления культуры — убеждений и ценностей, которые будучи аккумулярованными в гибкую власть дают как созидательный, так и разрушительный эффект.

Тем более сейчас, когда весь современный мир, а Россия в особенности, находится в ситуации неопределенности. Как говорил Шекспир, «Прервалась связь времен», или в более жестком переводе «Время выскочило из сустава». Как справиться с этой неопределенностью?

Во-первых, определить значимые стратегические цели. И, во-вторых, обрести видение и желание их реализовать. Но этого категорически сейчас не хватает России. Нельзя реализовать то, чего нет.

Феномен отсутствия вдохновляющей цели очень сильно ощущается в провинции. Выживание ведь не способ бытия, это только вид существования, когда люди не могут найти время, чтобы подумать, сконцентрироваться на будущем, почувствовать тягу к созиданию, а страна не может стать как конкурентом, так и партнером других цивилизаций — американской или европейской.

В.Г. Барановский,

*член-корреспондент РАН, заместитель директора
ИМЭМО РАН*

Для людей моего поколения воспоминание о начале эпохи Горбачева — это, прежде всего, воспоминание о совершенно восхитительном ощущении надежды — ощущении, что можно что-то изменить, и изменить серьезно. Само по себе это ощущение, возникшее благодаря Горбачеву, становилось мощнейшим импульсом человеческой активности.

Я работой в академическом институте. Я и мои коллеги вдруг поняли, что анализ международных проблем, которым мы занимались, нужен тем, кто делает практическую политику, что наши идеи настоятельно необходимы — для преодоления военно-политической конфронтации, для строительства новых основ европейской безопасности, для того, чтобы в международных делах жить не прошлым, а будущим. Нас просят думать, просят преодолевать стереотипы (которые существовали у всех — у властей, у общества, у нас самих), просят предлагать конкретные решения. И через какое-то время мы видим, как все это превращается в переговоры и соглашения, позволяет распутать туго затянутые узлы, изменить повестку дня международно-политического процесса. Конечно, были и иллюзии, и ошибки — но на моей памяти больше не было примера такой востребованности политической властью идей, исходящих из профессионального сообщества.

Возвращаясь к проблеме, которая является предметом обсуждения хотел бы отметить несколько моментов. Во-первых, мне кажется, не вполне уместным обсуждение вопроса о

том, кто победил в холодной войне и кто проиграл. То есть, конечно, это интересное обсуждение, но начинать его надо с уяснения вопроса о том, что такое победа и что такое поражение. В противном случае из дискуссии не возникнет никакого нового понимания. Потому что можно привести очень убедительную систему аргументов как для одной, так и для прямо противоположной трактовки.

Но есть здесь и какие-то абсолютно очевидные вещи. Очевидностью является то, что без Горбачева конфронтация— в форме тягучего и изнурительного противостояния между нашей страной и Западом — могла бы продолжаться долго. Мы на этом теряли бы еще очень и очень много политической энергии и физических усилий, что в конечном счете имело бы колоссальные негативные издержки для нашей страны. Это, по-моему, невозможно отрицать независимо от того, как мы трактуем вопрос об окончании холодной войны.

А другая очевидность, как мне кажется, состоит в необходимости не сводить окончание холодной войны только к изменению наших отношений с США. В анализе холодной войны вообще необходимо ориентироваться на гораздо более широкий контекст. Это был не только феномен, который касался советско-американских отношений или отношений нашей страны с Западом. Речь шла о гораздо более масштабном явлении, о модели международных отношений, в которую вписывалась фактически б?льшая часть того, что происходило на мировой арене. Это, в сущности, была глобальная модель. В нее вписывались и Вьетнам, и Ангола, и Никарагуа. Даже Китай, который, казалось бы, выбился из прокрустова ложа советско-американской двухсторонней биполярности, все равно вырос из реалий холодной войны и был плотно «вмонтирован» в эти реалии.

Когда мы задаем вопрос, ушла ли эпоха холодной войны в прошлое, или задумываемся об ее уроках, то, мне кажется, важно прояснить, что обозначает само это словосочетание — «холодная война». Здесь тоже есть нечто очевидное. Очевидны, например, связанные с ним негативные коннотации. Вспомните карикатуры советских времен — холодную войну символизировала отвратительная злобная старуха, у которой с носа свисают сосульки, или какие-то другие не менее оттал-

квивающие фигуры. Это — образ, но есть и интеллектуальные ассоциации, причем совершенно правомерные. Об одной из них напомнил только что мой коллега господин Супрун, когда говорил о связи холодной войны с феноменом стагнации.

Важно, однако, в нашем видении феномена холодной войны не ограничиваться только этой стороной дела. Конечно, если мы делаем акцент на слове «война», то понятно, что война — это хуже, чем мир. Но не надо забывать, что «холодная» в этом контексте — гораздо лучше, чем «горячая». Холодная война есть гораздо более привлекательная модель взаимоотношений между государствами, чем какая-то другая форма войны.

Холодная война есть результат сочетания двух элементов. Первое — это высокий уровень взаимной враждебности (причем вопрос о ее происхождении я оставляю вне пределов нашего внимания). Второе — это нежелание довести указанную враждебность до лобового столкновения. Причины такого нежелания могут быть разными, но мы здесь и этот вопрос вынесем за скобки.

Эти два элемента присутствуют в любой ситуации, которая описывается словосочетанием «холодная война». И если мы выносим за скобки вопросы о том, откуда происходит враждебность и почему возникает нежелание довести дело до столкновения, то внутри этих скобок останутся чистые банальности. Потому что мы живем не в идеальном, а в реальном мире, где индивиды и сообщества имеют разные, нередко противоположные прагматические интересы, ценностные ориентиры, эмоциональные пристрастия или антипатии — все то, что и становится причиной враждебности. Но и причин для того, чтобы не доводить эту враждебность до войны, тоже оказывается достаточно.

Таким образом, если во главу угла поставить указанные два параметра, мы обнаружим, что сам феномен холодной войны возникает в современной жизни, в международных отношениях гораздо чаще и присутствует в них в гораздо большей степени, чем само это словосочетание используется. Само по себе это явление носит значительно более широкий характер, чем тот фрагмент исторической реальности, с которым мы обычно его соотносим.

Сначала о параметре враждебности. Окончание холодной войны знаменовало собой прекращение враждебности по линии Восток-Запад. Примем это как постулат и не будем обращать внимание на различные мелочи. Например, на то обстоятельство, что вслед за прекращением противостояния последовало исчезновение одной из противостоящих сторон — и второе по своему значению оказалось не менее, а даже более грандиозным событием, чем первое. В рамках темы, которая является предметом нашего внимания, важно другое — то, что вероятность восстановления противостояния в параметрах традиционной дихотомии «социализм/коммунизм versus капитализм/либерализм» фактически сведена к нулю.

Однако наряду с этим возникли или стали более заметными новые оси враждебности.

Об одной из них заговорили еще в 70-е годы. Речь идет о противостоянии по линии Север-Юг, или между богатыми и бедными, или между «золотым миллиардом» и всеми остальными — кому как нравится. Не ясно, насколько можно смягчить это противостояние в абсолютных показателях, и еще менее очевидны возможности купирования его международно-политических последствий.

Вторую ось высветили драматические события в сентябре 2001 года. Я имею в виду все то, что связано с международным терроризмом. Некоторые полагают, что в результате мир снова стал биполярным — но уже по этому новому разделительному маркеру. На одной стороне — те, кто поставили себя вне цивилизованного мира, на другой — все остальные. Правомерно ли говорить о формировании именно биполярности на указанной основе — эта тема заслуживает особого разговора. Но тот факт, что проблематика борьбы с терроризмом заняла исключительно весомое место в международной политике, свидетельствует об опасных турбулентностях в современном мире.

Третья ось потенциального (или уже вполне реального?) противостояния формируется на основе расхождений и различий конфессионально-цивилизационного плана — когда они приобретают активно-враждебный вектор в отношении «чужих» и становятся мощным драйвером происходящих в международно-политической среде процессов. На наших гла-

зах это начинает происходить в плоскости взаимоотношений между мусульманским и немусульманским мирами.

Меня смущают несколько вещей. Смущает то, что все эти оси враждебности обнаруживаются невооруженным взглядом. Это не какие-то латентные процессы — это бросающаяся в глаза реальность. Смущает то, что мы легко, на вскидку насчитали целых три линии серьезного противостояния. Они, конечно же, связаны между собой, но каждая имеет свое собственное бытие. Три — это намного больше, чем та одна, которая была превалирующей в годы холодной войны.

Наконец, меня смущает, что по всем этим трем осям обнаруживается высокий уровень концентрации идеологии. Если сравнивать со временами холодной войны, то мы помним, что идеологические параметры противостояния Восток–Запад играли очень важную роль — но не были его единственной основой. Наоборот, существовала довольно стройная по своей логике теория, согласно которой идеологическая сторона дела в конечном счете была не более чем прикрытием для геополитического противостояния. Сегодня же все три концепта дихотомического противостояния (бедныебогатые, террористынетеррористы, мусульманенемусульмане) буквально пропитаны идеологическим содержанием. И если из этого вырастет новая холодная война, то ее закваска будет крепче, чем у старой.

А если говорить о другом параметре — когда, напомним, мы концентрируем внимание на сдержанности в применении силы, — то здесь тоже есть рядстораживающих сигналов.

Первое: в политике стран, которые были главными игроками на международно-политической арене в эпоху холодной войны и, как считается, преодолели ее наследие, — логика, императивы, инстинкты геополитического противостояния отнюдь не изжиты полностью.

Второе: в международной системе формируются новые центры силы. На этом фоне рассуждения о будущей биполярности — как реплике той системы, что составляла геополитическую основу, геополитический стержень холодной войны — вовсе не кажутся какими-то надуманными.

И третье: силу в международных делах стали применять чаще и, главное, с меньшим колебаниями, чем во время холодной войны.

Мой вывод: холодная война осталась в прошлом — если говорить о той конкретной исторической форме, в которой она существовала на протяжении примерно четырех десятилетий, с конца 40-х по конец 80-х годов. Но ведь конца истории не возникло. И сегодня мы нередко обнаруживаем, что почва для противостояния, из которого вырастает холодная война, оказывается удобренной даже лучше, чем в ту эпоху. А вот стабилизирующий эффект новых холодных войн, в отличие от ее первого издания, сомнителен: сдержанности в международных делах стало меньше, разболтанности — больше, системно-структурная четкость («мы — они») отсутствует.

Так что выход из этой спирали противостояния, может быть, окажется более трудным делом. Тем более, что признаков нового издания «нового мышления» пока не просматривается.

М.С. Горбачев

Я хотел бы высказаться по одной теме — о шансах, которые открывались и были после завершения Второй мировой войны.

Народы ожидали, что после войны, разгрома фашизма союзники пойдут путем строительства нового мира, который будет базироваться на победе, достижениях, на реальном сотрудничестве. Это настроение было везде: и в Советском Союзе и в Соединенных Штатах. Это было. Так воспринимали положение и в ООН. Но и «дьявол» Черчилль, лауреатом премии имени которого я являюсь, видел, что в таком раскладе Британия отодвигается на второй план. Даже когда он оказался за пределами руководства, — не успокоился. Последовала фултонская речь Черчилля. Я был мальчишкой и помню, что в «Правде» была напечатана целая полоса: «Черчилль бряцает оружием». Мне было тогда 17 лет.

Все-таки в то время не хватило видения, понимания открывшихся возможностей. Человечество просто преследует рок — отсутствие адекватного видения, понимания меняющегося мира. А с теми, кто обладает пророческим видением, — расправляются.

Давайте вспомним (не будем слишком далеко уходить) Джона Кеннеди. Джон Кеннеди 10 июня 1963 года, за пять ме-

сяцев до своей гибели, выступает в американском университете в Вашингтоне и говорит потрясающие вещи: что касается Советского Союза, то, когда мы критикуем коммунизм, нам не надо демонизировать советских людей. Это такие же люди, как мы. Они хотят счастливо жить, хотят счастья своим детям и внукам. Такая крамола из уст президента Соединенных Штатов Америки. Но дальше — еще больше: если вы думаете, что будущий мир будет Pax Americana (я почти дословно говорю), то я должен сказать вам что, **или это будет мир для всех, или его вообще не будет.**

Такие потрясающие философские, политические обобщения, которые должны были лечь в основу разработки концепции сотрудничества. Это говорилось спустя год после пережитого Карибского кризиса, который явился шоком для всех.

Через несколько месяцев Кеннеди был убит. Я думаю, между его смертью и той речью есть прямая связь. В музее в Далласе я написал, что от него избавились. В хваленой Америке убивают президента, оказавшегося неудобным реакционным силам. Раньше, до Джона Кеннеди об опасной роли американского ВПК предупреждал Эйзенхауэр. Его тоже осадил. Вот так всё и идет. Но это не прошло бесследно: в середине 80-х годов удалось остановить ядерную гонку, удалось выйти на сокращение ядерных и других вооружений.

Тогда на человеческом и политическом уровнях сложился круг людей, которые поняли, почувствовали реальную угрозу ядерного конфликта и решились... Возникло понимание опасности обострившегося противостояния. Надо было изменить логику конфронтации на логику сотрудничества. Новое мышление — это видение, основанное на новом взгляде на происходящее в мире, и адекватная политическая воля.

Сформировалось коллективное лидерство. Конечно, в связи с тем, что 90 процентов всего ядерного оружия — в Соединенных Штатах и в СССР, их роль была больше, ответственнее и значительнее.

Где поставили точку? Мы сказали, что поставили точку на Мальте. На Мальте было сказано: «Мы не считаем друг друга противниками». И впервые за всю историю советско-американских отношений провели совместную пресс-конференцию.

Какой главный урок я извлекаю из всего этого обзора для современной мировой политики? — **Нам недостает глубоко понимания современных реальностей, и потому политика буксует.** Иной должна быть работа научных, интеллектуальных центров. Они должны вооружать необходимым знанием современного мира.

Сейчас в международных неправительственных организациях формируется позиция необходимости давления на политику. Важно, чтобы она была адекватной современному миру.

Что же нам нужно? Говорят, что каждое время выдвигает лидеров. Это так, но сегодня недостает лидерства. Сейчас оно может быть только коллективным.

Мне представляется, что локомотивом новых процессов в мире должна быть объединенная Европа. Здесь колоссальный дипломатический, политический, культурный потенциал, богатый опыт. При всех срывах, которые произошли и происходят еще в национальных, этнических сферах, в Европе накоплен богатый опыт сосуществования народов, религий, диалога культур.

Словом, нынешняя встреча как никогда важна, и через издание книги нам удастся донести смысл состоявшейся дискуссии.

Доклады, присланные на конференцию

Конец холодной войны

Войцех Ярузельский,
бывший Президент Польши

По разным причинам я не могу принять, участие в юбилейных торжествах, посвященных 75-летию Михаила Сергеевича Горбачева, и связанной с этим конференции «От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война». Не могу также выступить лично на приложенную мне тему «Конец

холодной войны». Поэтому только таким образом я позволю себе представить несколько мыслей. Поскольку я испытываю трудности с доступом ко многим документам и материалам, мое высказывание будет иметь скорее общий характер.

За последние 200 лет через Европу и мир прокатились четыре великих войны. Три горячие, завершившиеся в 1815, 1918, 1945 годах. И одна холодная, которая началась вскоре после Второй мировой войны. Однако ее завершение невозможно отнести к конкретной дате. Это был не исторический акт, а исторический этап. Его оценки могут быть, разумеется, разные — условные, субъективные. Для меня начало — это 1985-86 гг., а конец — это 1989-90 гг. Однако ситуация созрела уже ранее. Экономические и социальные последствия гонки вооружений ощущались — особенно в СССР — сильнее. Это, однако, могло продолжаться. Советское общество было терпеливо. Память о Второй мировой войне, о тогдашней смертельной угрозе укрепляла убеждение, что обороноспособность это святое дело. Помню годы, проведенные в Сибири, и заметный везде лозунг: «Всё для фронта, все для армии, все для защиты Родины». Это вошло глубоко в сознание. Военная угроза рассматривалась как состояние перманентное, при чем усиливавшееся во время очередных международных кризисов. Параллельно с этим постепенно созревало сознание, что дальше так быть не может. Я ясно почувствовал это уже во время первой, пятичасовой беседы с Михаилом Горбачевым в апреле 1985 года. Как политик, я полностью разделял взгляд, что спираль вооружений необходимо затормозить. Но, одновременно, как военный, я видел технологическое ускорение в вооружении армий НАТО, в том числе потенциал Бундесвера. Добавлю здесь, что для нас в Польше постоянной точкой соотнесения был вопрос западной границы, отсутствие все еще окончательного урегулирования со стороны ФРГ'.

Советским военачальникам, имеющим богатый военный опыт, трудно было смириться с тем, что мощные арсеналы танков и орудий не в состоянии уравновесить развитие суперсовременных техник, появляющихся в НАТО, а особенно в США. Возможно я упрощаю, но у меня было впечатление, что существовали как бы две «школы». Одна, долгое время доми-

нирующая: не позволить обогнать себя, и даже иметь некоторое превосходство как гарантию стабильности и мира. Вторая: необходимо искать решения, которые обеспечат безопасность меньшей ценой, путем двусторонних ограничений вооружений. Мне трудно оценивать мышление военных представителей НАТО, но кажется, что похожие две «школы» существовали также и там.

У Варшавского Договора имелись свои грехи, в том числе ограниченная суверенность государств блока. Его также часто демонизируют, прежде всего как потенциальную агрессора, готовящего нападение и покорение Западной Европы. Рассекаются различные документы и карты, на которых видны простирающиеся далеко на запад стрелки, сотни термоядерных взрывов и т.п. — одним словом, ужас. Но это односторонняя картина. Только снятие грифа секретности также с документов пакта НАТО того периода, то есть уже исторического, могло бы дать полную и объективную картину тогдашней ситуации. Почему стоит это сделать? Так вот, Клаус Науман, генеральный инспектор Бундесвера, а с 14 февраля 1995 г. Председатель Военного комитета НАТО, дал интервью, которое появилось 14 февраля 1995 года в известном польском журнале «Впрост». Цитирую: «В период холодной войны командные пункты были в постоянной готовности к проведению массированного наступления на всей Европе. Я думаю, что уменьшение их количества и изменение охвата действий будут замечены в Москве как элемент создания доверия». Вот пример того, как долго одна и другая сторона находились в своего рода «ловушке» взаимной подозрительности. В результате — гонка вооружений, «напряжение мускулов», демонстрация силы и на полигонах, и на парадах, и на картах. Разумеется, было полное осознание того, что в условиях существования термоядерного оружия тот, кто начал бы великую войну, был бы убийцей и самоубийцей одновременно. Но это не означает, что опасность войны была исключена. В условиях появляющихся международных напряженности, локальных конфликтов, различных неожиданных происшествий и провокаций, наконец даже аварии системой предупреждения ситуация могла вырваться из-под контроля, а холодная война превратится в горячую. И это была реальная опасность. Особенным видом опасности было «зале-

зание в петлю» гонки вооружений, главным образом восточной стороны. Несмотря на это — у того, кто хочет сказать «стоп», непростое задание. Оно требует пойти «против течения», противопоставить себя различным бюрократическим, особенно военным и промышленным лобби. Такой курс, такую тяжесть взял на свои плечи Михаил Горбачев. Я не располагаю записями, документацией многочисленных переговоров, встреч, конференций как внутри структур Варшавского Договора, так и во внешнем, межблоковом измерении. Одно является несомненным — то, что это был — шаг за шагом, преодолевающий разные сомнения и преграды — ход по направлению строительства доверия и принципиального ограничения вооружений.

В мае 1987 года Политический консультативный комитет государств-участников Варшавского Договора на совещании в Берлине принял постановление — документ «О военной доктрине государств-участников Варшавского Договора», заключительный фрагмент которого я процитирую: «Государства-участники Варшавского Договора предлагают государствам-членам Североатлантического Союза проведение консультаций в целях сопоставления военных доктрин обоих союзов, анализа их характера, совместного рассмотрения направлений их дальнейшей эволюции, имея в виду устранение накопившихся годами подозрительности и недоверия, достижение лучшего взаимопонимания намерений, обеспечение того, чтобы концепции и доктрины военных блоков и их участников опирались на оборонных принципах. Предметом консультаций могли бы стать также несбалансированность и асимметрия в конкретных видах вооружений и вооруженных сил и поиск путей их устранения по принципу ограничения тот, кто получил опережение, понимая, что такие ограничения приведут к установлению ещё более низких уровней. Государства-участники Варшавского Договора предлагают проведение таких, консультаций на авторитетном экспертном уровне с участием военных специалистов со обеих сторон. Они готовы к проведению таких консультаций уже в 1987 году».

Это была смелая, далеко идущая, по существу революционная инициатива. Здесь позволю заметить, что Михаил Горбачев в книге «Жизнь и реформы», глава 32, в частности пишет: «К кругу актуальных проблем, какие мы рассматривали с

Ярузельским, относилась тема сокращения вооружений. Способ мышления польского лидера о ключевых проблемах обороны и политики был мне близок. Я был тогда очень занят подготовлением к принципиальным переговорам с Западом по вопросу сокращения вооружений». Действительно — я помню, что Михаил Сергеевич с полной решительностью стимулировал этот процесс. Начались венские переговоры, беспрецедентное, с обеих сторон «выкладывание карт на стол». Это был гигантский шаг на пути строительства взаимного доверия. В результате появились конкретные решения и практические мероприятия, спираль вооружений изменила направление, пошла вниз. Был приведен в действие процесс исторического значения, можно сказать, необратимый прорыв в окопах холодной войны.

Я представил общий механизм развития тогдашней ситуации, прежде всего со стороны вооружений и разоружения. Но «преграды» в головах, в сознании, сформированные десятилетиями конфронтации холодной войны, были далеко не меньшими, нежели те материализованные в ракетах, танках и самолетах. Чтобы достигнуть перелом а, необходимо было новое мышление, решающий моральный, психологический импульс. Напомню слова Михаила Горбачева: «Необходимо перейти от философии вражды к философии взаимозависимости». Исходным пунктом должно быть взаимное доверие. Горбачев выстраивал это доверие. Его юридическое образование и точная логика, гуманитарный кругозор и открытость, и прежде всего желание и способность понимать партнёра — всё это после долгих лет правления консервативных, вялых советских руководителей производило огромное впечатление.

Слово «перестройка» стало символом перемен в Советском Союзе. Однако ее настоящее измерение было значительно шире. Появился новый политический климат. Я почувствовал это очень лично, почувствовали это другие политики, впрочем в Польше все почувствовали новый дух взаимных отношений, идущих в направлении партнерства. Перестройка — это также уход от вовлечения Советского Союза в различные дорогостоящие, внеевропейские дела. Это интенсифицирование и расширение международных контактов и сотрудничества. Это все более широкое поле открытости, процесс выяв-

ления «белых и чёрных пятен». Одним словом, создалась ситуация, в которой холодная война постепенно теряла почву под ногами. Употребляя определение из области диалектики, можно сказать: количество разного рода увеличивающих доверие фактов переходило и новое качество разрядки и международного сотрудничества.

Необычайно важным, и быть может даже ключевым фактом на этом пути была встреча Михаила Горбачева и Джорджа Буша в декабре 1989 года на Мальте. Вскоре после этого в Москве прошло заседание Политического консультативного комитета Варшавского Договора. Михаил Сергеевич представил результаты переговоров. Деталей я не помню. Они несомненно находятся в соответствующей документации. Однако я запомнил общее значение: переговоры были искренние, по существу, конструктивные, дающие шанс ни следующий весомый шаг по пути укрепления доверия, а также интенсификации и углубления процесса ограничения вооружений и разоружения.

Здесь позволю себе личное отступление. Вторая половина 80-х годов — это постепенное «размораживание» отношений на линии Польша — западные страны, и особенно Соединенные Штаты. Очень важным пунктом на этом пути был визит в сентябре 1987 года тогдашнего вице-президента США Джорджа Буша в Польшу, а затем следующий — уже в качестве президента в июле 1989 года. Наши долгие беседы я вспоминаю с большой теплотой. Они сопутствовали дальнейшим демократическим реформам, создавали климат взаимного доверия, вписывались в развитие понимаемых в широком смысле отношений Восток-Запад. Я подчеркиваю это в контексте ситуации, какую создал Горбачев, перестройка — глубокие перемены в государствах восточного блока (кроме Румынии) могли происходить без потрясений, бескровным, эволюционным методом.

Появилось и появляется много высказываний политиков, историков, публицистов, оценивающих характер и движущие силы этих перемен. Согласно различным политическим симпатиям и антипатиям, превозносятся заслуги одних и преуменьшаются — других. Появляются даже попытки процентного их «дозирования». Такие торги не имеют смысла. Я уверен, что

большая временная дистанция, необремененная спешными политическими эмоциями, даст возможность произвести взвешенную, объективную оценку. Исторические перемены, а следовательно и конец холодной войны — это результат процесса, в котором, как я уже говорил, весьма значимую роль наряду с объективными факторами сыграл субъективный фактор, люди правительства, общественные движения, а в особенности лидеры — политические и духовные. Это Рональд Рейган и Джордж Буш, а также в определенной степени некоторые другие западные политики. Направление обновления и реформ, осуществляемые властями, особенно в Польше и частично в Венгрии. Разумеется, «Солидарность», Лех Валенса. И, наконец, лица и диссидентские круги в разных странах. Нельзя также обходить усилия церкви разных вероисповеданий. При этом особую роль сыграл Папа Римский — Иоанн Павел II. Его влияние на развитие ситуации в Польше, а тем самым косвенно в некоторых других странах, было весьма важным.

Подвожу итог: было много импульсов и потоков, которые, образно говоря, создавали все более широкую реку ожиданий и стремлений по направлению полной демократизации и основанных на её фундаменте международных отношений. Однако эту реку перегораживала сильная преграда, плотина консервативных традиций и навыков, и прежде всего интересов различных сил, стоящих на стражи старого. Неоднократно уже я приводил старую русскую поговорку: «Под лежащий камень вода не течет». Необходимо было поднять этот камень, преодолеть эту преграду. Сделал это мужественно Горбачев, поддержанный по-современному, широко мыслящими людьми из различных советских гражданских и военных кругов. Я могу с удовольствием сказать, что в Польше его инициативы и действия встретились с великой симпатией и поддержкой.

Отдавая дань уважения всем лицам и силам на Востоке и Западе, боровшимся годами за свободу и демократию, за суверенность, за преодоление антагонистического раздела Восток-Запад, необходимо одновременно подчеркнуть, что во второй половине 80-х годов ключевую роль сыграл Михаил Сергеевич Горбачев. Это была бесценная роль, имеющая переломное значение. Если бы он не поднял этот «камень», история могла бы принять, совсем другой оборот. Или в виде об-

щего регресса и сопутствующих ему разных непредвиденных реакций, которые еще долгие годы негативно, дестабилизирующе сказывались бы на международной действительности. Или в виде взрыва, который мог бы стать воспламенителем катастрофы в европейском или даже всемирном масштабе. Произошло, к счастью, по-иному. И хотя не все пошло идеально, самое главное, что холодная война — это проклятие Европы и мира, канула в Лету. И об этом, прежде всего, необходимо помнить, особенно по случаю 75-й годовщины со дня рождения Михаила Сергеевича.

Оценивая внешнюю политику Горбачева

Гордон Баррасс,

в последние годы холодной войны заведовал Аналитическим Управлением при правительстве Великобритании

В Лондоне, равно как и в других столицах, внешнюю политику Горбачева считали вопросом спорным. По роду деятельности я знаком с этим, потому что работал в Аналитическом Управлении при правительстве Великобритании, где мы готовили документы, которые потом, после одобрения в Объединенного комитета по разведке, направлялись министрам и ответственным работниками правительства. Чтобы быть кратким, я хочу сосредоточить свое внимание на периоде, когда шли самые острые споры по поводу внешней политики, проводимой Горбачевым. То есть речь пойдет о первых четырех годах после его прихода к власти.

С одной стороны, задача наших аналитиков упрощалась, поскольку Тэтчер уже издала указ, в котором Горбачев оценивался положительно. После переговоров с Горбачевым, которые состоялись в Лондоне в декабре 1984 года, она заявила, что Горбачев — это человек, с которым можно иметь дело, и эту мысль она настоятельно внушала Рейгану.

Отношение Тэтчер к Горбачеву было открытым, однако в международных и оборонных вопросах она по-прежнему проявляла бдительность. Сэр Перси Крадок, который одновре-

менно был Председателем Объединенного комитета по разведке и консультантом Тэтчер по международным вопросам, как-то заметил ей, что «мы должны приветствовать реформы, которые проводит Горбачев, и поддерживать тесный контакт с ним. Но советская военная мощь все равно остается фактом, и в отсутствие убедительных доказательств обратного мы должны по-прежнему с осторожностью относиться к советской внешней политике». Премьер-министр с этим согласилась.

Для аналитиков в этой связи возникли два вопроса. Первый вопрос: что является убедительным доказательством? Второй и не менее важный вопрос: можно ли считать убедительное доказательство верным критерием, который позволяет говорить о реальном крупном сдвиге в советской политике?

В самом Объединенном комитете по разведке бытовало весьма скептическое мнение относительно того, насколько далеко пойдет Президент Горбачев. Сотрудники комитета признавали, что произошла смена стиля, но сомневались, что это были изменения по существу. Как сказал сэр Перси, генеральный секретарь вносил серию предложений по сокращению вооружений, которые на поверхности казались привлекательными. Им охотно верили Западные правительства, поскольку не хотелось нести бремя огромных военных расходов. Они хотели видеть нового человека в Москве в наилучшем свете.

Такие предложения могли создать проблемы в НАТО (о причинах я сейчас скажу). Могли они возникнуть и в партии самой Тэтчер, где многие члены парламента хотели получить «дивиденд мира», чтобы направить средства, высвободившиеся из военного бюджета, на решение неотложных внутренних проблем.

На заседаниях Объединенного комитета, которые проводились раз в неделю, сэр Перси и другие сотрудники комитета часто отмечали, что генеральный секретарь говорит о повышении потенциала советской системы, что расширяется советская военная деятельность в Афганистане, что продолжается снабжение вызывающих у нас тревогу стран Третьего мира, и что советская система усиленно продвигается вперед в разработке новых крупных систем стратегических вооружений.

Красной нитью проходило слово «осмотрительность». У нас, в Аналитическом Управлении, некоторые сотрудники ни-

чего не имели против осмотрительности. При этом нам хотелось большей открытости в суждениях при оценке происходящего. Мы считали, что люди, которые видят только то, что не претерпело изменений, рискуют упустить возможности, которые позволили бы им определять ход событий. Для оценки происходящего нужны были новые критерии.

Нам нужно признать, говорили мы, что существуют рамки, за которые в своих высказываниях не может выходить даже политический лидер, максимально настроенный на реформы, не говоря уже о действиях, особенно быстрых. В таких условиях, говорили мы, было бы неправильно ожидать от советского руководства четкой логичности в действиях: помимо улучшения отношений между Востоком и Западом генеральному секретарю нужно было также отстаивать советские интересы, причем именно так, как в тот момент их представляли себе в Москве. Точно так же мы видели, что советское руководство заявляет о своих традиционных задачах, но гораздо большее значение имел тот факт, что мы знали, что это руководство не будет особенно стараться их выполнить.

Похожие проблемы возникали у нас и в отношении оборонной политики. Мы указывали, что было бы неверно считать, что изменений нет вообще, только на том основании, что что-то не произошло. Более уместным был бы другой вопрос: а могло ли это вообще произойти на данном этапе эволюции в политике? Я помню, что говорил, что сокращению советских военных средств должна предшествовать переоценка угрозы, исходящей от Запада, и, как следствие, пересмотр военной доктрины и стратегии.

Я считаю, что у нежелания признавать быстроту и характер происходивших изменений было несколько причин. Во-первых, с середины 70-х ужесточилось отношение к Советскому Союзу. Запад считал, что разрядка убаюкала его, внушив ему ощущение мнимой безопасности. Министры и официальные лица снова стали выстраивать свою репутацию, положив в основу собственную бдительность и скептицизм, и не думали о том, чтобы проявить изобретательность в поиске выхода из прежней конфронтации.

Во-вторых, даже после подписания Договора по РСМД большинство правительств стран НАТО было весьма обеспо-

коено тем, что в Европе перевес в обычных вооружениях был на стороне Советского Союза. После нескольких лет споров и проволочек НАТО, наконец, удалось восстановить равновесие в области обычных вооружений. Причем пока этот процесс не завершился, НАТО не желало останавливать рост обычных вооружений.

В-третьих, в то время, как в советской внешней политике происходили изменения, росло беспокойство по поводу того, что противники Горбачева внутри партии могут сместить его, и тогда процесс сближения с Западом прекратится. Тэтчер и другие западные лидеры еще долго оставались начеку.

В этих условиях Горбачев был прав, когда напоминал своим коллегам о сильном недоверии Запада к Советскому Союзу и призывал их немедленно заняться решением этого вопроса.

Концепции «взаимозависимости» в идеологии и практике единства Запада в годы холодной войны

Ф.Г. Войтоловский,
к. пол. н., ИМЭМО РАН

В «холодной войне» как ни одном другом конфликте Новой и Новейшей истории была задействована интеллектуальная составляющая внешней политики: идеи, концепции, доктрины, стратегии имели огромное значение для ее планирования и осуществления и в Советском Союзе, и в Соединенных Штатах. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, значением идеологического фактора для развития, существования и поведения сверхдержав как субъектов международных отношений. Без универсалистских идей (коммунистических с одной стороны и либеральных — с другой), ориентированных на воплощение во всем мире, не было бы ни США, ни СССР, как двух грандиозных социально-политических экспериментов. Идеологическая борьба, как столкновение моделей будущего социального порядка (в том числе и

миропорядка), разных ценностных и этических систем была важнейшей компонентой «холодной войны».

Во-вторых, тем, что обе сверхдержавы стали наиболее сложными социально-политическими структурами, какие знала мировая история. Сложность управления такими социально-экономическими, военными и политическими структурами, планирования и осуществления их внутреннего развития, внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности требовала огромных интеллектуальных ресурсов и соответственно повышала значение идейных составляющих в их жизни. Сам процесс принятия решений в государственных системах США и СССР в XX в. строился при активном привлечении научно-экспертного сообщества (ученых, аналитиков, идеологов) к их подготовке.

В-третьих, развитие техники и наук (в том числе и общественных) сделало научные знания и околonaучные представления, а также рождаемые на их основе социально-политические идеи и гипотезы неотъемлемой частью внутренних и международных процессов. Знания и идеи превратились в один из важнейших инструментов формирования стратегий участия в политической конкуренции, поведения в конфликтном поле международных отношений.

Многие рожденные в ходе «холодной войны» идеи и концепции исчезли с ее окончанием. Другие, напротив, вышли за пределы того политико-исторического контекста, в котором они появились, продолжают существовать до сих пор, принимая на себя новые политико-идеологические функции, наполняясь иным содержанием. Одной из таких концепций, выполнявших на определенном этапе важную роль в идеологическом и международно-политическом столкновении двух сверхдержав и социально-политических систем, и сохранившихся в мировых идейно-политических процессах после его завершения, была концепция «взаимозависимости». Время ее существования измеряется более чем четырьмя десятилетиями — это означает, что связанные с ней представления были частью внешнеполитического мышления нескольких поколений западных политиков, идеологов и экспертов. Цель данной статьи — проследить эволюцию политического применения концепции «взаимозависимости» на протяжении «холодной войны»,

проанализировать то, как и по каким причинам менялось ее идеологическое содержание, и политическая направленность.

Хотя понятие «взаимозависимость» вошло в широкий политический оборот лишь в конце 1950-х гг., многие представления, с которыми впоследствии стала ассоциироваться сама эта концепция, уже активно использовались при выработке идеологических обоснований развития военных и невоенных аспектов деятельности НАТО. Идеи об экономической и ценностной общности западных либеральных демократий возникли вместе с идеологией атлантизма и с самого начала были ее важнейшими элементами¹. Именно в документах НАТО были впервые сформулированы ее содержательные основы² — представления о единстве целей, ценностей и взаимосвязанности «Атлантического сообщества». В условиях формирования двухполюсного противостояния «холодной войны» они стали не только идейным отражением, но и обоснованием развития тесного экономического, политического и культурного сотрудничества и укрепления общности стран Запада перед лицом «советской угрозы».

С середины 1960-х гг. политическое использование концепции взаимозависимости переросло формат отношений в рамках НАТО и стало приобретать новые содержательные черты. Понятие «взаимозависимость» практически перестало использоваться в официальных документах, но зато к ней стали обращаться на не менее значимом неформальном политическом уровне. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. военно-политические интерпретации концепции стали все более дополняться, а затем и вытесняться в сознании как американского, так и западноевропейского экспертно-политического сообщества представлениями о взаимозависимости в сфере международных экономических отношений. Если раньше речь шла преимущественно об экономической взаимозависимости между союзниками по НАТО и их взаимозависимости с развивающимися странами, то с середины 1960-х гг. взаимозависимость внутри мировой экономики стала рассматриваться как глобальное явление³. Именно в этот период многие

американские политические деятели, эксперты, идеологи и публицисты стали выступать с идеями о росте взаимозависимости в мировой экономике в целом⁴. Одновременно с ними распространение стали получать представления о том, что взаимозависимость проявляется и в международно-политической жизни⁵. Особая заслуга в теоретической разработке концепции взаимозависимости и введении ее в политический оборот в 1970-е гг. принадлежала двум влиятельным американским научно-идеологическим центрам — Совету по международным отношениям и Массачусетскому технологическому институту. Связанные с этими структурами эксперты первыми перенесли вопрос о взаимозависимости со страниц специализированных и научных изданий в массовую политическую печать.

В этот же период в центре внимания научно-политического сообщества в США и Западной Европе оказался комплекс вопросов, получивших собирательное название «глобальные проблемы». Интерес к «глобальным проблемам» появился во многом благодаря деятельности идеологов Римского клуба — созданного в 1968 г. неформального объединения влиятельных представителей научно-экспертного сообщества ведущих капиталистических стран тесно связанных с крупным транснациональным бизнесом и политическими элитами. Организаторы клуба претендовали на его наднациональный характер и на независимость выносимых им суждений о мировом развитии. Несмотря на декларируемый отказ от любых идеологических оснований⁶, деятельность Клуба с самого момента создания отличалась выраженной либерально-реформистской идеологической направленностью. Более того, идеологическая и пропагандистская деятельность были основными функциями Клуба. В начале — середине 1970-х гг. важнейшей задачей деятельности Римского клуба стало привлечение внимания политических элит и научно-экспертного сообщества к проблематике осознанного поиска путей выживания и развития человечества как все более явно складывающейся экономической, а в перспективе и политической целостности. Создателями Римского клуба была впервые предпринята попытка поиска возможных идеологических основ существования и развития такой целостности. В идеях Клуба произошло совме-

щение концепции «глобальных проблем» и концепции взаимозависимости. Уже в первых докладах Клубу проводилась идея о том, что с одной стороны взаимозависимость диктует необходимость поиска подлинно глобальных средств решения мировых проблем, а с другой сами они являются фактором усиливающим взаимозависимость, обостряющим ее политическую значимость. Идеологи Римского клуба, пытавшиеся перенести гносеологические и методологические принципы системного анализа природных систем (в том числе и принцип «обратной связи») на изучение социальных процессов, впервые определили рост взаимозависимости как характеристику мирового развития⁷.

Заложенная Римским клубом система представлений о реальных и потенциальных глобальных проблемах, которые не под силу решить ни одному государству в отдельности, в начале — середине 1970-х гг. проникла во многие выступления государственных деятелей США и стран Западной Европы, документы ООН и других международных организаций, международные соглашения, программные документы общественных движений и т.д. Начало этому процессу было положено выступлением на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 1973 г. канцлера ФРГ В. Брандта, обратившегося к идеям Римского клуба в отношении глобальных проблем и необходимости создания международных механизмов их решения. В. Брандт продолжал обращаться к концепции глобальных проблем во многих своих выступлениях 1973 -1974 гг⁸. Эта же линия была продолжена в речи государственного секретаря США Г. Киссинджера 23 сентября 1974 г на XXIX очередной сессии ГА ООН, в которой он говорил о глобальных проблемах и необходимости согласованных действий различных государств по их решению⁹.

В начале 1970-х гг. представления о взаимозависимости, как об определяющей тенденции мировой экономики и международных отношений, стали частью политико-идеологических принципов построения американской внешней политики — в отношениях с западно-европейскими союзниками, с СССР, на Ближнем Востоке и т.д. В период правления администраций Р. Никсона (1969–1974 гг.) и Дж. Форда (1974–1977 гг.) эти идеи стали проникать в американские официальные доку-

менты¹⁰. Фактически, уже в начале 1970-х гг. на неформальном политическом уровне идеи о глобальной взаимозависимости превратившись в часть когнитивно-идеологического фона мышления и деятельности элит США и Западной Европы, развивающихся стран, стали оказывать обратные воздействия на официальный политический уровень.

Новой важной идейной составляющей концепций политической и экономической взаимозависимости стали представления о том, что ее рост является подлинно глобальным процессом, то есть затрагивает не только Запад, как предполагалось раньше, но и проявляется в отношениях с «Третьим миром» и даже социалистической системой. В докладе Римскому клубу «Перестройка международного порядка» 1977г., подготовленном группой исследователей под руководством известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Я. Тинбергена говорилось: «Лишь немногие проблемы, довлеющие над человечеством проблемы могут быть решены на национальном уровне. Их преодоление требует совместных решений: действий организованных на многостороннем (multilateral) и глобальном уровне. Для этого необходимы действия, демонстрирующие, что нации стали взаимозависимыми не только экономически, технологически и экологически, но и политически...»¹¹.

Содержательные изменения, которые претерпели представления о взаимозависимости в конце 1960-х — начале 1970-х гг. были связаны с более общими тенденциями развития идеологических основ внешнеполитического мышления американских и западноевропейских элит.

Во-первых, развитие этих идей происходило в период смягчения «холодной войны», вызванного достижением относительного ядерного равновесия сил, который в отечественной и европейской политической практике (но не американской) и научной литературе (в том числе и американской) принято называть «разрядкой» (detente). Между Западом и странами активизировались экономические и дипломатические контакты.

Во-вторых, распространение представлений о взаимозависимости стало частью процессов развития глобалистского внешнеполитического мышления западного и в первую оче-

редь американского истеблишмента. Представления о растущей экономической взаимозависимости Запада подкреплялись уже не только благопожелательных декларациями, как в 1950-е гг., но и имели под собой вполне объективные основания. политика США по формированию единого западного финансово-экономического пространства, начавшаяся сразу после Второй мировой войны с принятия плана Маршала и создания политических институтов Бреттон-Вудской системы (МВФ, МБРР, ГАТТ) уже приносила свои плоды.

Кроме того, установление многочисленных экономических и политических взаимосвязей внутри капиталистического сообщества и во всей несоциалистической части мира, а также развитие процессов транснационализации элит США и Запада стимулировало появление представлений о взаимозависимости, как о глобальном явлении. Интересы связанных с транснациональным капиталом значительных сегментов элит США и других стран Запада, оказывались все в меньшей степени направлены на экономическую и политическую систему одного капиталистического государства. Они приобретали все более выраженный транснациональный и наднациональный характер, в то же время корпорации не могли существовать без поддержки со стороны государств происхождения. Известный американский экономист Р. Вернон отмечал, что с 1960-х гг. центром, из которого исходило большинство операций ТНК были США, страны Западной Европы и Япония, связанные друг с другом военными союзами, инициатива в создании и деятельности которых принадлежала США. При этом Соединенные Штаты, с одной стороны, традиционно (еще в конце XIX в. в этой роли выступали крупнейшие американские картели и тресты) активно использовали и используют ТНК для осуществления своих политических задач, а с другой, сам транснациональный капитал обращается к применению американских политических и военных ресурсов для достижения своих экономических интересов во всем мире¹².

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. ряд представителей научно-экспертного сообщества в США и в Западной Европе выступил с предположениями о том, что развитие взаимозависимости приведет к размыванию или даже исчезновению института государства и его суверенитета, а, следовательно,

и изменению всей системы международных отношений. То есть, идеи, появившиеся в 1950-е гг. на официальном политическом уровне в документах и декларациях НАТО применительно к странам-членам теперь возвращались в несколько измененном и расширенном виде на неформальном уровне — в качестве выдвигаемой научно-идеологическим сообществом гипотезы *глобального* политического развития.

В англоязычной политической периодике и на страницах научных изданий сформировалось несколько позиций относительно перспектив национального государства в условиях растущей взаимозависимости. Характер решения этого вопроса определял содержание и идейную направленность различных версий концепции. Известный британский теоретик международных отношений Дж. Розенау выделял среди позиций по этому вопросу две идейно-теоретических крайности: авторов, утверждающих, что национальное государство как основной структурный элемент мировой политики уходит в прошлое, заменяемая «мировым обществом» и авторов склонных по-прежнему рассматривать национальное государство как основной элемент анализа мировой политики, сводимой к международным (межгосударственным) отношениям. Между этими крайностями Розенау расположил в своей схеме тех, «кто, не отрицая субстанциональной эрозии национальных государств, все же продолжает их рассматривать в качестве наиболее влиятельного структурного элемента мировой политики из-за их монополии на военную силу», и тех, «кто рассматривает мировую политику через призму изменений, вызванных ростом взаимозависимости между государствами и негосударственными акторами»¹³.

В США эти различия представлений о взаимозависимости и размывании государства наложились на традиционные американские политические дискуссии о государственных (национальных) интересах, суть которых определялась представлениями о природе американского государства и его внешнеполитических целях. В 1960–1970-е гг. в американской общественно-политической мысли сложилось два крайних типа отношения к взаимозависимости, которые можно обозначить как «универсалистский» и «националистский». Между двумя этими основными крайностями расположился спектр

промежуточных вариантов восприятия концепции. «Универсалисты» рассматривали рост взаимозависимости между государствами, регионами и различными сферами общественной жизни как данность, которая должна служить основой при выборе стратегий американской внешней политики. Для них система ценностей, созданная в рамках американской (или шире — западной) либеральной идеологии, переросла рамки национального суверенитета и могла быть распространена на основе взаимозависимости в качестве универсальной¹⁴. Для «националистов» США как государство, его «интересы» и суверенитет являли собой непреходящую основу американской внешнеполитической линии. Так, если не саму взаимозависимость, то позитивность ее эффектов отрицали представители школы «политического реализма» в теории и практике международных отношений. Известный сторонник полит-реалистского подхода К. Уолтц писал в 1970 г., что «употребление слова “взаимозависимость” может исказить некоторые самые важные политические факты...»¹⁵ Близкие позиции занимали авторы из «неоизоляционистского» лагеря, считавшие, что США должны не тратить свою мощь на доминирование и распространение либеральных ценностей в глобальных масштабах, а обеспечивать защиту традиционных сфер своего экономического и военно-политического присутствия от коммунистической угрозы¹⁶.

Важным стимулом к развитию и широкому распространению идей о взаимозависимости в середине 1970-х гг. стали два очень разных по характеру, но политически взаимосвязанных явления мировой экономики и политики: «нефтяной шок» 1973–1974 гг. и последовавший за ним экономический кризис в Западной Европе и Японии; развернувшиеся в 1970-е гг. политические столкновения вокруг программы Нового международного экономического порядка (НМЭП).

Эффект мирового топливного кризиса, развернувшегося из-за действий стран ОПЕК в ответ на поддержку Западом Израиля в «октябрьской войне», носил в отношении проблемы взаимозависимости амбивалентный характер. Он продемонстрировал реальность взаимозависимости, необходимость учета ее как постоянно присутствующего фактора мировой экономики и политики. В то же время он показал неравномер-

ность взаимозависимости в мире и соответственно неравнозначность ее влияния даже на развитые страны, а значит и различия в степени их заинтересованности в том или ином сценарии преодоления кризиса. Она определялась тем, что мировой энергетический кризис нанес различный урон устойчивости национальных экономик различных стран Запада. Зависимость экономики США в 1972 г. (перед кризисом) от импорта энергоресурсов составляла 14%, а Западной Европы — 65%, а Японии — 90%¹⁷. Последствия кризиса вызвали в западноевропейской политической прессе, в парламентах, в научных кругах волну выступлений, в которых ставился вопрос о взаимозависимости как о глобальной тенденции, значимой не только для отношений Западной Европы и США друг с другом, но и в не меньшей степени для их отношений с развивающимися странами и Советским Союзом — основными поставщиками сырья.

Эти дискуссии получили продолжение и в политической борьбе, развернувшейся в 1970-е гг. вокруг нескольких деклараций, принятых в международных организациях в 1973 — 1975 гг. по инициативе развивающихся стран, и составляющих так называемую «программу НМЭП». Она была взаимосвязана с проблемой поиска компромиссов, способных разрешить мировой энергетический кризис с помощью системы взаимных уступок. Однако уже вскоре после принятия резолюций VI специальной сессии ГА ООН идейно-политическая борьба вокруг концепции НМЭП выросла далеко за пределы отражения экономических и политических эффектов энергетического кризиса.

Дебаты вокруг НМЭП охватили всю несоциалистическую часть мира. Сформировалось несколько групп интересов, выступающих за реализацию тех или иных версий «программы НМЭП». При этом расхождения в подходах к НМЭП оформились как между отдельными государствами и группами государств, на субнациональном уровне — между регионами, в том числе и входящими в капиталистическую систему, так и между различными политическими силами внутри этих государств. Политические столкновения вокруг НМЭП развернулись как на официально-дипломатическом уровне — в Генеральной Ассамблее ООН, ЮНКТАД, ЮНЕП, ЮНИДО и в других

международных организациях, связанных с ООН, в региональных международных организациях, в Европейском парламенте, в парламентах отдельных государств; на неформальном уровне — внутри политических элит развитых и развивающихся стран в научно-политическом сообществе¹⁸.

В более широко контексте поднималась в этих дебатах и проблема взаимозависимости. Она рассматривалась многими западными экспертами и идеологами как фактор, диктующий необходимость создания наднациональных механизмов управления, а также предания уже существующим инструментам (ООН и другим международным организациям, мировым финансово-экономическим институтам) большей реальной власти. В зависимости от того, какие выводы делались различными экспертами из признания политической значимости глобальной взаимозависимости в научно-политических кругах Запада сформировалось два различных подхода к проблеме НМЭП — реформистский и либеральный.

Большинством сторонников реформистского подхода подразумевалось, что более демократический характер должно носить принятие решений глобальной значимости (global decision-making process). Именно в такой тональности был выдержан доклад Римскому клубу «Пересмотр международного экономического порядка (РИО)», содержащий предложения по созданию системы перераспределения ресурсов, инвестиций, технологий от более развитых стран развивающимся, и по формированию связанных с этой системой наднациональных институтов экономического регулирования: «Авторы не верят, что предложения по изменению должны ограничиваться исключительно экономическими отношениями между народами. Основание Нового Международного Экономического порядка влечет за собой фундаментальные изменения в политическом, социальном, культурном аспектах жизни общества, изменения которые вызвали бы появление Нового Международного Порядка»¹⁹.

Сторонниками его либерального понимания НМЭП его создание рассматривалось как следствие и проявление процессов роста взаимозависимости, налагающей на государства обязательства, с одной стороны, пожертвовать частью своего суверенитета в пользу наднациональных структур, а с другой,

принять на себя ряд обязанностей в формирующейся новой системе отношений. В соответствии с таким прочтением НМЭП, развивающиеся страны должны были бы обеспечивать стабильность цен на сырье и энергоресурсы, а развитые быть глобальными финансовыми донорами и гарантировать участие развивающихся стран в процессе глобального принятия решений²⁰. Либеральный подход предполагал своего рода программу патроната развитых стран над развивающимися, центра над периферией в условиях растущей “взаимозависимости”: “...Все народы имеют право на удовлетворение основных человеческих потребностей и те народы, которые сумели реализовать это право, несут ответственность за реализацию этого права остальными, во имя солидарности человечества”²¹. При этом идеологами либерально-реформистского подхода к концепции НМЭП подчеркивалось, что сама идея НМЭП имеет западное происхождение, так как она выдвинута западными политическими деятелями и воспитанными в западной идейной традиции политиками из Третьего мира, и может быть осуществлена только при наличии доброй воли Запада²².

Во второй половине 1970-х гг. концепции взаимозависимости органично совместились в американской внешнеполитической идеологии с вильсонским либеральным универсализмом. Наибольшего влияния на сознание политических элит и внешнюю политику США неовильсонские идеи «универсалистов» о взаимозависимости как об основе глобального распространения демократических ценностей и американской миссии защиты прав человека достигли в годы правления президента Дж. Картера (1977–1981 гг.). В сочетании с представлениями об идеологической и экономической “целостности Запада” они превратились в основу идеологии «трилатерализма»²³, которая практически стала официальной внешнеполитической доктриной администрации Картера.

Концепция трилатерализма предполагала, что взаимозависимость, как определяющая тенденция развития мировой экономики и политики проявляется в наибольшей степени между тремя основными центрами развития капиталистической системы — американским (США и Канада), западноевропейским и дальневосточным (Япония).

Идеологи трилатерализма объявляли примат интересов и общих ценностей трехстороннего единства («trilateral unity») над национальными интересами государств-членов. Высокая степень *взаимозависимости*, возрастающей во всем мире и в наибольшей степени между США и другими индустриально развитыми демократиями, провозглашалась трилатералистами как одно из главных достижений развитых стран, интерпретировалась как явление ценностного характера, неотделимое от принципов рыночной экономики и политической демократии²⁴. При этом в работе самой комиссии значительное внимание уделявшееся глобальным проблемам, последствиям топливно-энергетического кризиса, отношениям с развивающимися странами, СССР, Китаем объяснялось именно взаимозависимостью.

Важные черты трилатерализма проявлялись в его функциях, направленных внутрь и вовне капиталистической системы. С одной стороны, трилатералистские идеи были рассчитаны на внедрение представлений о единстве интересов «индустриально развитых демократий» и о «коллективном лидерстве» в сознание элит и общественное сознание в странах Запада (в особенности Западной Европы и Японии). С другой, — должно было демонстрировать оппонентам (СССР и социалистическим странам) и сателлитам в развивающемся мире наличие согласия в капиталистическом мире по основным вопросам мировой экономики и политики и единства проводимых действий.

Трилатерализм как концепция «коллективного лидерства» был предметом многочисленных дискуссий как в рамках самой Трехсторонней комиссии, так и среди американских и западноевропейских политических элит. Они были посвящены проблемам развития принципов трехстороннего взаимодействия как идеологической платформы и практической программы в принятии политических решений глобального характера. В таких дискуссиях европейские сторонники трилатерализма, как и японские, обращали внимание на «неравенство различных вершин треугольника» в их влиянии на процесс принятия общих решений. Американскими деятелями ставился вопрос о том, действительно ли существует «трехстороннее единство» или оно лишь идеологический эвфемизм, попытка

трилатералистов (в первую очередь в американской политической элите) выдать желаемое за действительное для достижения собственных целей²⁵. Западноевропейские и японские трилатералисты упрекали американских в стремлении к подчинению “трехсторонних интересов” США и подмене принципов трилатерализма политическим волюнтаризмом²⁶.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. началось постепенное ослабление интереса к проблеме взаимозависимости в США и Великобритании. Оно было связано с приходом к власти неоконсервативных сил, использовавших куда более жесткую риторику, апеллирующую к необходимости защиты национальных интересов и их более агрессивному осуществлению. Для рейгановской администрации в особенности оказались неприемлемы идейные позиции и подходы к внешней политике предшествующих администраций, ориентированные на поиск компромиссов — на экономические и политические уступки в отношениях с развивающимися странами с СССР и социалистическим лагерем, они не давали активно опираться на военную мощь США и НАТО. Неоконсерватизм служил обоснованием действий США по более активной либерализации рынков развивающихся стран которая требовалась транснациональному капиталу и служил основой более жесткого внешнеполитического курса, увеличения военных расходов, а значит соответствовал интересам Пентагона и компаний, работающих по государственному военным заказам США. Взаимозависимость стала рассматриваться идеологами американской внешней политики преимущественно в двух проекциях. С одной стороны, как фактор и условие глобального расползания угроз, исходящих от идеологически чуждых США режимов. С другой стороны, как основа общей заинтересованности стран-членов НАТО в «американском лидерстве»²⁷.

В Западной Европе в начале 1980-х гг. реформистские концепции взаимозависимости сохранили свою политическую значимость преимущественно на неформальном политическом уровне (например в работе таких организаций как Римский клуб, Комиссия Брандта) а также в выступлениях и программных документах социал-демократических партий и Социал-демократического интернационала²⁸. Но они уже не достигли того уровня влияния на политическое сообщество, которое имели в 1960-е — 1970-е гг.

Однако, даже с окончанием «холодной войны» само понятие «взаимозависимость» и связанная с ним концепция не исчезли полностью из политического оборота. Представления о взаимозависимости стали частью новой концепции глобализации, получившей с конца 1980-х гг. широкое распространение в научных публикациях экономистов и политологов, а с 1990-х гг. — в официальных внешнеполитических документах и декларациях США и стран Западной Европы, международных организаций, документах идеологического характера. Близость двух концепций признается и ведущими представителями американского научно-политического сообщества: ««Глобализация» стала таким же навязчивым словом (buzzword) в 90-е гг. также как «взаимозависимость» в 1970-е, но само явление, которое оно обозначает — это не что-то совершенно новое. Предложенное нами более 20 лет назад определение взаимозависимости сейчас подходит и для глобализации: «Это неопределенное выражение обозначает не слишком понятное, но широко распространенное ощущение, что сама сущность мировой политики (nature of world politics) изменяется»²⁹.

Примечания:

1 Еще в 1939 году один из основателей атлантизма, американский политический обозреватель Клэрэнс Стрейт опубликовал работу «Союз немедленно. Проект федерального союза демократических государств Северной Атлантики». Он предлагал создать федеральный союз 15 наиболее связанных экономически и идейно-политически североатлантических стран, который бы имел единое правительство, общий парламент и объединенные вооруженные силы. См.: Union now. A Proposal for a Federal Union of the Democracies of the North Atlantic. N.Y., London.: Harper and Brothers. 1939.

2 Подробнее о значении концепции «взаимозависимости» для формирования идейно-политических основ североатлантического партнерства см.: Гудев П.А. механизмы внутреннего урегулирования кризисов в историко-политической

От Фултона до Мальты

практике НАТО// Международные процессы. 2005 г. Том 3., N 1.

3 См., например: Cooper R. The Economics of Interdependence: Economic Policy in the Atlantic Community. N.Y.: McGraw-Hill, 1968.

4 См., например: Bergsten F. (ed.) The Future of the International Economic Order: an Agenda for Research. Lexington (Mass.). London., Toronto: D. C. Heath Company, 1973.

5 См., например: Bloomfield L.P., Bloomfield I.C. The U.S., Interdependence and World Order/ Headline Series. 1975. ?228. Cambridge, N.Y.: F.P.A., M.I.T. 1975; Modelsky G. Principles of World Politics. N.Y.: Free Press. 1972; Yang O. Interdependences in World Politics // International Journal. 1969. N 4. Autumn. №4.

6 Печчеи А. Человеческие качества. М.: «Прогресс». 1985 г., с. 138

7 См. первые и наиболее известные доклады Клубу: Meadows D. et al., The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N.Y. Universe Books, 1973.; Mersarovic M., Pestel E., Mankind at the Turning Point. N. Y. Dutton, 1974.; Tinbergen Jan (co-ordinator), RIO Report: Reshaping the International Order. N. Y. Dutton, 1976.; Ervin Laszlo (ed.) Goals for Mankind. N. Y. Dutton, 1977.

8 Brandt W. Keine Angst vor 1984/ Brandt W. Uber den Tag hinaus. Eine Zwischenbilanz. Hamburg. 1974, ss. 467-498.

9 The New York Times. 1974. September, 24.

10 См., например: US Foreign Policy for the 1970s. Building for Peace. A Report by President R. Nixon to the Congress 1971. Wash. D. C.: Official Press, 1971.

11 Tinbergen Jan (co-ordinator). RIO Report: Reshaping the International Order. New York:Dutton.1976. pp. 44-45

12 См.: Вернон Р. Буря над многонациональными. М.: «Прогресс». 1982. с.195–211.

13 См.: Rosenau J. The Study of Global Interdependence: Essays on the Transnationalization of World Affairs. L., N.Y.: Free Press, 1980, pp. 16-18.

14 См: Hoffmann S. No Choice, No Illusions// Foreign Policy. 1976-1977. N 25. Winter.

15 Цитируется по: Bersten F. (Ed.) *The Future of International Economic Order: An Agenda for Research*. MTI. Lexington (Mass). L. Toronto. DC Heath and Company. 1973, p.124.

16 ??.: Taker R.A. *Non-Isolationism — Threat or Promise?* Wash. D. C. McKee Press Ltd. 1972, pp.19–32.

17 См.: Enders T. O. *OPEC and the Industrial Countries: The Next Ten Years*// *Foreign Affairs*.1975. Vol. 53. N. 4.

18 См.: Olson R.K., *U.S. Foreign Policy and the New International Economic Order. Negotiating Global Problems 1974 — 1981*. Boulder (Colorado), L?ndon. Westview Press, Frances Pinter Ltd. 1981.; Обминский Э.Е. *Концепции международного экономического порядка*. М. Мысль. 1977 г.

19 Tinbergen Jan (co-ordinator), *RIO Report: Reshaping the International Order*, New York. Dutton. 1976., p.5

20 J. N. Bhagwati (ed.) *The New International Economic Order: The North — South Debate*. Cambridge (Mass)., London. The MIT-Press.1977., p. 1 — 24.

21 Goulet D. *World Interdependence: Verbal Smokescreen or New Ethic?*// *OEDC Development Paper*. 1976. March. N 21.

22 Cooper R. *A New International Economic Order for Mutual Gain*// *Foreign Policy*. 1977. N 26. Spring.

23 «Трилатерализм» обязан своим названием созданной в 1973 г. по инициативе директора «Чейз Манхэттэн банка» Д.Рокфеллера Трехсторонней комиссии, объединившей 200 (позднее 321, а затем 350) ведущих (но не занимающих официальных постов) политиков, влиятельных бизнесменов, руководителей крупных корпораций, ученых и идеологов из США (позднее и Канады), Западной Европы и Японии — трех центров развития мировой капиталистической системы. Трехсторонняя комиссия стала влиятельным неофициальным транснациональным экспертным центром, имеющим целью согласование позиций политических элит развитых стран по вопросам международных отношений и проблемам глобального характера.

24 *The Reform of International Institutions (A Report of the Trilateral Task Force on International Institutions to the Trilateral Commission)*/ *The Triangle Papers*. N 11. N.Y.: Trilateral Comission. 1976, pp.1-2

25См.: Ullman R. H. Trilateralism: "Partnership" for What?// Foreign Affairs.1976. Vol. 55 N 1. October.

26 См.: The Current State of Trilateral Relations// Trialogue.1980. N 23. Spring.

27 См.: Goldstein W. The Foreign Economic Policy of the Reagan Administration/ Goldstein W. (ed.) Reagan's Leadership and the Atlantic Alliance. Views from Europe and America. (Developed with the support of the standing Conference of Atlantic Organizations). N.Y. Pergamon-Brassey International Defense Pub. Inc. 1986. pp. 119-135; McArdle Kelleher C. America Looks at Europe: Change and Continuity in the 1980-s// Washington Quarterly. 1984. Winter. Vol. 7. N1.

28 См.: North-South: A Program for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issue under the Chairmanship of W. Brandt. Pan World Affairs Series. L., Sydney. PanBooks. 1980. pp. 9 -12.

29 Nye J. S. Jr., Keohane R. O. Globalization: What's New? What's Not? (And So What?) // Foreign Policy. 2000. Spring.

Холодная война: мировые амбиции, ответственность и потери

В.Л. Шейнис,
д.э.н., профессор

В оценке причин и событий холодной войны в нашей историографии происходит сдвиг. От представления: «они и только они виноваты», излагавшегося и в академических трудах, и в политической публицистике, историки и политологи переходят к более взвешенной концепции: «виноваты все». Это отчетливо прозвучало в большинстве выступлений на данной конференции. Я рискну сделать следующий шаг: ответственность несут обе стороны, но не в равной мере.

Фултон — не начало холодной войны: ее первые зарницы можно было увидеть в финале второй мировой войны, поскольку цели и намерения союзников были не только различны, но и сталкивались меж собой. Черчилль лишь констатиро-

вал некоторые реалии. Он сказал, что СССР не удовлетворяется влиянием в отведенной ему полосе, но стремится к контролю, к «безграничному распространению своей силы и своих доктрин», и призвал западные государства создавать противовес силы, который позволит избежать новой мировой войны. Ответ, данный тогда же «Правдой»: «Черчилль бряцает оружием», а затем и известное интервью Сталина представляли речь английского политика в искаженном виде. Обострение отношений между вчерашними союзниками было объективным и неизбежным.

Если на суд выносятся сталинская послевоенная внешняя политика, то по всем правилам слово должно быть предоставлено защите. Смягчающим вину обстоятельством, видимо, может служить память о том, как началась самая страшная в истории России война, когда страна оказалась на грани национальной катастрофы. Надолго, если не навсегда исключить возможность возрождения германского милитаризма и на месте «санитарного кордона» межвоенного времени соорудить пояс дружественных государств — этим в немалой степени было озабочено советское правительство. И это вполне отвечало ожиданиям народа. Не случайно в договоры, которые СССР в 40-х годах заключал со своими восточноевропейскими союзниками, неизменно вводилась статья о совместном отражении возможной германской агрессии (или государства, объединившегося с Германией). В свете того, в каком состоянии находилась поверженная Германия, такая подстраховка может показаться чрезмерной, но спишем это на не прошедший еще шок от военных поражений 1941-42 гг.

Стремление иметь дружественные государства по периметру границ, исключить даже проблематичную возможность агрессии со стороны государства, которое дважды при жизни одного поколения вторгалось в российские пространства, повторю, закономерно. Все дело, однако, в природе сталинского (и постсталинского) режима, которому на границах нужны были не союзники, а сателлиты, не демократические государства, о расположении которых надо было проявлять постоянную заботу (что было непросто, учитывая сложную историю взаимоотношений с некоторыми из них), а режимы, аналогичные советскому. Для их обозначения был изобретен псевдоним —

народные демократии, хотя они имели очень отдаленное отношение к народу и никакого — к демократии. Если в ряде восточноевропейских стран компартии получили большинство на проведенных после войны свободных выборах, то в Польше и Венгрии просоветские режимы были установлены с применением грубой силы, с использованием частей Советской армии и карательных служб. Первая подавила главную силу антифашистского сопротивления в Польше — Армию Крайову, вторые — разгромили партию, завоевавшую абсолютное большинство на выборах в Венгрии и передали власть прямой агентуре Москвы. Не случайно именно в этих странах впервые зашаталась устои «народной демократии» в 1956 г. Но режимы, подобные советскому, были установлены и в других государствах Восточной Европы, и насильственный, репрессивный контроль со стороны СССР, антинациональный характер навязанной им власти со временем становились все более очевидны.

Случай Польши особенно важен для понимания истоков холодной войны. Мышление Сталина было устроено таким образом, что он никак не мог взять в толк то, что ему не раз объяснял Черчилль в переписке еще во время войны: Англия вступила в войну с Германией, выполняя свои обязательства перед Польшей, и общественное мнение не может смириться с тем, что польский народ опять лишают права выбора. Что это за экзотический феномен — общественное мнение, с которым должно считаться правительство, советский диктатор искренне не понимал: в его политическом опыте ничего подобного не было.

Конечно, было бы наивно видеть в нараставшей оппозиции советскому переустройству Восточной Европы со стороны Англии (при лейбористах, как и консерваторах), а за нею и США одни лишь бескорыстные мотивы, ревностное отношение к собственным обязательствам и т.д. В сознании государственных мужей Запада тоже присутствовали стереотипы и геополитические схемы вчерашнего дня, абсолютизация силы. Будущее, как это часто бывает, рисовалось как продолженное и улучшенное прошлое. Характерно, что Черчилль, подписавший в 1941 г. Атлантическую хартию, долго еще не мог примириться с распадом Британской империи. Все фигу-

ранты Ялты и Потсдама считали правомерным разграничение сфер влияния в мире: к этому во многом и сводились достигнутые договоренности.

Здесь, однако, пролегла демаркационная линия. И дело не только в том, что советские власти вскоре заявили дополнительные, не оговоренные прежде претензии на итальянские колонии в Африке (от которых быстро отказались), на черноморские проливы (это скорее всего был зондаж), на Иранский Азербайджан (откуда пришлось убираться под сильным давлением), а затем попытались — вопреки заключенному соглашению — распространить власть одного из самых одиозных свих ставленников на Южную Корею (откуда Объединенным Нациям пришлось его дивизии вышибать). Действия западных держав в те годы тоже далеко не всегда были безукоризненны с точки зрения международного права и морали. Не только когда они оказывали сопротивление советскому натиску, но и когда шли на беспринципные уступки. Однако в действиях вчерашних союзников существовало главное, принципиальное отличие.

Основным театром холодной войны вначале стала Европа. Советский Союз, навязывая странам, оказавшимся по его сторону разделительной черты, исторически тупиковый, как неоспоримо выяснилось к концу века, режим, использовал те методы, которые превалировали в его арсенале — провокации, террор, аресты и судилища над политическими противниками и т.д., — и безуспешно превращал правительства даже тех стран, где они были приведены к власти свободным (или полусвободным) волеизъявлением народов, в свою прямую агентуру, беспрекословно выполнявшую предписания из Кремля. Достаточно вспомнить, как по прямым указаниям из Москвы менялись составы правительств и руководящие органы восточноевропейских компартий, изгонялись и подвергались арестам и казням неудобные, воспроизводилась вплоть до деталей советская модель — от создания нерентабельных гигантов тяжелой промышленности и коллективизации крестьянских хозяйств до воспроизведения государственной символики, как нашпиговывались советскими советниками (фактически кураторами) силовые органы и как советские послы приезжали наместниками в сопредельные столицы.

К политике США в Европе тоже можно было предъявить серьезные претензии. Небезосновательными были обвинения в снисходительном отношении ко многим вчерашним нацистам в Германии, к режиму Франко, в поддержке реакционеров в Греции и т.д. Но главным средством утверждения своего влияния США избрали наиболее эффективное — экономическое восстановление пережившей войну Европы (включая Германию). Советская пропаганда могла до посинения обличать план Маршалла как «план закабаления Европы», коммунисты западноевропейских государств могли пророчить своим странам скорое превращение в американские колонии, в 49-ый или какой-то еще штат США, но прошло не так уж много времени, когда выявились объективные результаты — восстановление народного хозяйства, утверждение жизнеспособных демократических структур, справившихся с кризисными обстоятельствами. Законным образом от власти были оттеснены компартии Франции и Италии, которые сыграли выдающуюся роль в антифашистском сопротивлении во время войны и тем заслужили подлинный, не заемный авторитет в своих странах, но в первые послевоенные годы их руководители вполне встроились в политический курс, согласованный с Москвой, и в таком качестве потенциально стали силой антинациональной. О том, что они будут, делать, если бы была предпринята попытка распространить советские порядки в Западной Европе (что исключать тогда было нельзя), свидетельствуют, в частности, ныне позабытые публичные заявления Тореза и Тольятти в 1948 г. о том, что если «империалисты развяжут войну» и советские войска войдут в их страны, компартии призовут своих сторонников («народы» - в терминологии коммунистических лидеров) сражаться против своих правительств.

Перед лицом советской экспансии, утверждения тоталитарных диктатур в Восточной Европе, первой попытки блокадой вытеснить союзников из Берлина в 1948 г. (за нею последуют другие) западные державы создали эффективную систему коллективной безопасности — оборонительный блок НАТО. Все международные соглашения были в полном соответствии с конституциями и законами стран-участниц ратифицированы их парламентами. И тогда, с одной стороны, была развязана беспрецедентная кампания против «поджигателей войны» (хо-

тя, к счастью, ни одной военной акции НАТО предпринимать не пришлось — действовал эффект сдерживания). А с другой — с исключительным упорством симпатизанты Советского Союза развернули противозаконные акции противодействия оборонительным мерам («танки Трумэна на дно!» — попробовали бы нечто подобное сотворить поляки, немцы или чехи!). Как бы то ни было, территориальное расширение империи Сталина в Европе было остановлено — в Греции, в Турции, в Италии, Франции и Германии.

В мою задачу не входит анализировать развитие всех конфликтов холодной войны вплоть до ее окончания. Отмечу только, что в последующие годы и десятилетия она стала раскручиваться по собственной логике, в соответствии с которой действия одной стороны вызывали ответные акции другой — и так до бесконечности.

Хрущев, по-видимому, искренне верил в победу коммунизма во всем мире. Знаменитая фраза «мы вас закопаем», которую на Западе ошибочно истолковали как угрозу мировой войны, на деле выражала уверенность в обреченности западного капитализма и готовность всеми доступными СССР средствами, кроме развязывания третьей мировой войны, способствовать достижению этого результата. Точно так же советский лидер верил в осуществимость коммунизма, нарисованного в программе КПСС 1961 г. — через 20 лет. («Пенсионеру союзного значения» еще при жизни довелось пережить небольшое разочарование и в том, и в другом). Но уже при его правлении основная ставка советской внешней политики стала переноситься с европейских коммунистов и рабочих — на поиск союзников в «третьем мире», разжигание враждебности к странам Запада под флагом «антиимпериализма». В одних случаях публичные выпады советских лидеров с вежливым недоумением выслушивали респектабельные политики новых государств (как в дни известного путешествия Хрущева и Булганина по Индии и Бирме). В других — деятели иного склада, прорывавшиеся к власти в новых государствах, присоединялись к вызывающим акциям и «антиимпериалистической» риторике и охотно принимали советскую материальную и военную помощь, решая таким образом свои внутренние и внешние задачи. (Как это произошло в середине 50-х годов в Егип-

те Насера, в 60-х — на Кубе Фиделя Кастро и в десятке — другом стран «некапиталистического пути» и «социалистического выбора» прежде, чем этот «путь» и «выбор» обнаружили полнейшую историческую бесперспективность.)

Преемники Хрущева о коммунистических идеалах задумывались мало — для них это была скорее дань ритуалу и мифологии идеократического государства. Но богатые ресурсы страны были поставлены на службу амбициозным имперским целям: достижению военно-стратегического паритета с США, прорывам на далекие континенты — в Юго-Восточную Азию, Африку, Латинскую Америку, поддержке так называемых «национально-освободительных революций», многие из которых имели вполне террористический, бандитский облик, хотя и подстраивались под ласкавшую слух кремлевских руководителей риторику.

Во внешней и военной политике США и других западных государств присутствовали рецидивы старого империализма. Велико было влияние ВПК (о чем обмолвился Эйзенхауэр). Существенную роль играло стремление обеспечить собственные экономические интересы в зарубежных странах. Самой позорной была поддержка реакционных переворотов в ряде стран и средневековых антидемократических режимов и террористических организаций, коль скоро они заявляли себя как антикоммунистические и антисоветские. Были и неуклюжие, провокационные акции, как, например, полет Пауэрса, ставший подарком московским «ястребам».

Конечно, коалицию, создание которой было продиктовано в годы второй мировой войны смертельной опасностью для всех ее участников, после поражения Германии сохранить было нельзя: союз демократических государств с тоталитарным СССР мог быть только временным и ограниченным по задачам. Поэтому советские обличения Черчилля, объявившего в Фултоне о ее конце, были заведомо лицемерны. Главный вопрос, однако, заключался в том, будет ли противостояние введено в определенные рамки и не сможет ли разгоравшаяся холодная война перерасти в горячую. В этом крылась опасность самая страшная. Вероятно, искушение нанести упреждающий удар периодически возникало у каждой из сторон, во всяком

случае, в первые послевоенные годы. Разрабатывались и стратегические планы ведения войны.

Однако не позднее конца 50-х годов каждая из сторон осознала, что уничтожение может стать только взаимным. Методом проб и ошибок, проверявшим намерения и решимость противника, постепенно, в хаосе наползавших друг на друга конфликтов вырабатывались правила игры, далеко не всегда кодифицированные, но подразумеваемые, и выявлялись пороги, за которые ни одна из сторон не готова была пустить своего противника, даже идя на риск Армагеддона. Столь неустойчивое равновесие снова и снова порождало искушение совершить прорывы в «серой», неконвенциональной зоне либо создать на каком-то территориальном, политическом, военном пространстве такой перевес сил, который заставит контрагента отступить. Это была сложная шахматная игра одновременно на нескольких досках.

Но даже отвлекаясь от того, насколько соразмерны возникавшим угрозам были действия сверхдержав в «третьем мире» (который все более становился основной ареной противостояния по мере того, как на пространстве бывших колониальных империй возникали режимы, искавшие собственную выгоду), необходимо подчеркнуть, что США и их союзники защищали исторический ареал демократии в Европе (и ни одна из европейских стран, как и Япония, не стала «американской колонией»), а СССР, не останавливаясь перед прямыми интересами, стремился законсервировать тоталитарные режимы в странах, отданных в его сферу влияния.

Вопрос, на который следовало бы ответить защитникам советской внешней политики в годы холодной войны, заключается не в том, справедливы или несправедливы, разумны или неразумны, обоснованны или необоснованны были действия стран Запада в ситуациях, вызывавших резкую реакцию СССР и грозивших перерастанием войны холодной в горячую. Вопрос иной — каким жизненным интересам советского народа отвечали, скажем, следующие действия. Поддержка Насера, заблокировавшего Суэцкий канал для израильских судов в 1956 г. Гневная риторика и угрозы, воследовавшие в 1958 г. на высадку американского контингента в Ливане и поддержку королевской власти в Иордании. Размещение советских ра-

кет на Кубе в 1962 г. Перевооружение арабских стран, проигравших шестидневную войну в 1967 г., и наступивший вслед за тем новый всплеск государственного антисемитизма. Дипломатическая поддержка «революции мулл» в Иране и многое другое, ныне уже позабытое, но вносившее вклад в разжигание истерии.

Теперь, когда исторический конфликт получил известное разрешение, очевидна тщета усилий прежнего советского руководства, когда оно, провозглашая своей целью «победу социализма во всем мире», бросало Западу вызов везде и во всем, где у него это получалось, и без разбора поддерживало всех его противников, истощая при этом экономику собственной страны. Ведь после «восточных договоров» 1970 г., признавших установленные победителями границы Германии, и хельсинкских соглашений 1975 г., затвердивших территориально-политические итоги второй мировой войны, «империализм» ничем (кроме разве что «идеологических диверсий», о чем советские руководители имели совершенно средневековые представления) не угрожал существованию СССР и его контролю в странах Восточной Европы, а стратегический паритет гарантировал от попыток насильственного изменения ситуации. Главной опасностью продолжавшейся холодной войны оставалось несанкционированное, по ошибке задействование колоссальных арсеналов смертоносного оружия. С этим и покончил Горбачев.

Как неравной была ответственность за возникновение и продолжение холодной войны, так и неравноценными стали ее последствия для вовлеченных в конфликт сторон — в экономике, во внутренней политике, во всех иных сферах общественной жизни. Отвлекая ресурсы и отрицательно влияя на внутренние процессы, эти последствия были негативными для обеих сторон, но для СССР — намного более тяжелыми, в перспективе — катастрофическими.

Бремя вооружений для советской экономики оказалось — в отличие от США — неподъемным. По различным оценкам, на вооружения и сопряженные с ними расходы уходило до трети ВВП и более половины государственного бюджета. Иначе, собственно, и быть не могло, если при жестких ресурсных ограничениях военно-стратегический потенциал здесь выводил-

ли на уровень, сопоставимый с США. Не зря действительная структура бюджета держалась в тайне, по свидетельству Горбачева, даже от членов политбюро. Что не менее существенно, наш ВПК практически не стал лабораторией высоких технологий для мирных отраслей и до сих пор слабо поддается реконверсии. Характерно, что поныне всякий раз радостно отмечают контракты по продаже на внешних рынках военной авиации, тогда как современные гражданские самолеты приходится закупать за рубежом.

Серьезные потери Советскому Союзу холодная война приносила и в сфере политики, внутренней и внешней. С годами он в значительной мере растерял международный авторитет, приобретенный во время второй мировой войны. Подвиг советского народа заслонил многое: разжигание мировой революции, диверсии советской и коминтерновской агентуры, ГУЛАГ, голодомор 30-х годов, союзничество с Гитлером в начале войны. Но чем энергичнее советские руководители утверждали статус сверхдержавы, СССР в глазах общественно-го мнения демократических стран все более предстал как экспансионистское государство, стремящееся силой сохранить порядки, навязанные странам Восточной Европы, и распространить их в мире. Это разочарование в главных мировых центрах не могла компенсировать оплаченная любовь диктаторских режимов и так называемых антиимпериалистических движений в «третьем мире».

Главное, однако, заключалось в том, что все рецидивы сталинизма и неосталинизма были неразрывно связаны с обострениями холодной войны. Конечно, и в США «советская угроза», реальная или мнимая, породила эксцессы маккартизма, преследования либеральной интеллигенции и т.д. Аналогичные гонения случались и в странах Западной Европы. Но все это не шло ни в какое сравнение ни со сталинскими кампаниями по борьбе с «низкопоклонством», с космополитизмом, ни с периодическими «обострениями идеологической борьбы», которыми обосновывали преследования во времена Хрущева и Брежнева-Андропова-Черненко. Внешняя опасность, абсурдная версия «идеологических диверсий империализма» при Сталине и после Сталина оправдывала укрепление режима секретности, контроля спецслужб над гражданами, бес-

чинства цензуры, «запреты на профессии», подавление свободы дискуссий и творчества. Подчас непросто было выявить, что являлось первичным: достижение тех или иных внешних целей требовало ужесточения внутреннего курса или нужды дисциплинирования и политической мобилизации общества побуждали к проведению более агрессивных действий на мировой арене.

Под флагом холодной войны были сорваны нетвердые попытки встать на путь реформы экономической, не говоря уже о политической системы. Подавление восстания венгерского народа против сталинизма завершило самый «оттепельный» — 1956 год. Едва ли не самые многообещающие перспективы некатастрофического преобразования вступившего в полосу общего кризиса режима открывала «пражская весна» 1968 г. Независимо от того, какие она дала бы результаты, если бы не была оборвана грубой силой, Чехословакия могла стать испытательным полигоном, на котором можно было проверить возможности мирной и демократической трансформации неосталинистского режима в «социализм с человеческим лицом». Трудно сказать, верили ли кремлевские политики и подстрекатели в Берлине и Варшаве в собственную пропагандистскую басню, что не навалились на Прагу вооруженная армия Варшавского блока, в эту страну немедленно вошли бы дивизии НАТО, но Чехословакию они рассматривали как театр холодной войны. Жертвой же этой успешной военной и бездарной политической операции стала не только «пражская весна», но и реформа Косыгина — самая серьезная из предпринимавшихся попыток перенастроить советскую экономику: в ней усмотрели отзвук (по справедливости — довольно слабый) тех идей, с которыми к реформе экономической системы Чехословакии подступался Ота Шик. Под давлением Москвы скованы были и экономические преобразования Р.Нерша, и политические послабления Д.Ацела в Венгрии.

Точно так же безумие афганской авантюры, на которую три сановных старца в политбюро подвигли уже впадавшего в маразм Брежнева, обернулось новым идеологическим зажимом, новой волной набегов КГБ на диссидентов, бессудными преследованиями академика Сахарова и других. Эту авантюру часто ставят в ряд с многолетней войной, которую США вели

во Вьетнаме. Такое уподобление небезосновательно: тонкинская провокация не лучше штурма дворца Амина. Но необходимо видеть и различия: все-таки американцы попытались воспрепятствовать распространению режима Хо Ши Мина на Южный Вьетнам в нарушение Женевских соглашений 1954 г., тогда как для советского вторжения не было решительно никаких правовых оснований. Однако главное отличие в другом. Американская армия не смогла, как и советская, совладать с сопротивлением местного населения. Но американское правительство проиграло эту войну американскому общественному мнению, а афганская война, хотя и не была в СССР — отличие от подавления Венгрии и Чехословакии — популярной, способствовала лишь распространению моральной и политической депрессии народа и интеллигенции.

Общепризнанно, что решающую роль в окончании холодной войны сыграл Горбачев. А сотворенный им крутой внешнеполитический поворот вытекал из «нового политического мышления для страны и мира». В том, как была заявлена, и отчасти даже в том, как была реализована эта идея, содержалось немало наивного. Возведение в абсолют морали в политике вызывало скепсис у одних и раздражение у других. Но в главном это был прорыв к общечеловеческим ценностям европейской цивилизации, к миру далеко несовершенному, столкнувшемуся с новыми проблемами и опасностями, но все же избавившемуся от угрозы глобальной термоядерной войны, от изнурительной гонки вооружений, от яростной конфронтации, разрушавшей социальную жизнь вовлеченных в нее народов.

